Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ВѢСТНИКЪ

1916 г.

Digitized by Google

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СОДѢЙСТВІИ

ПЕТРОГРАДСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

Б. А. Кистяковскаго.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ВЪ РЕДАКЦІИ ПРИНИМАЮТЪ:

А. С. Алексѣевъ, Н. Г. Вавинъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. А. Каблуковъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. А. Котляревскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, І. А. Покровскій, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Книга XIII (I).

МОСКВА, 1916.

Digitized by Google

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Москва, Новдвиженка, Кр стовоздвиж. пер., д. 9.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Е. В. Спекторскій. Теорія солидарности 5

А. П. Болтуновъ. О судебной психологіи 32

П. М. Богаевскій. Красный Крестъ въ главныхъ моментахъ его жизни и организаціи 57

А. С. Алексѣевъ. Доктрина монархическаго принципа во Франціи въ эпоху реставраціи 82

Н. Г. Вавинъ. Природа и понятіе договорной цессіи въ современныхъ законодательствахъ 118

П. И. Астровъ. Василій Лаврентьевичъ Исаченко 148

В. Н. Ширяевъ. Проф. А. А. Піонтковскій 152

Юридическое обозрѣніе.

Н. Н. Полянскій. Споръ о будущей оріентаціи русской науки уголовнаго права 155

А. М. Ладыженскій. Кризисъ понятія нейтралитета 169

Е. А. Коровинъ. Право военнаго плѣна и Балканскія войны . . 179

Литературное обозрѣніе.

К. А. Кузнецовъ. Очерки по теоріи права. *И. А. Ильина* 189

«Вопросы міровой войны». *А. М. Ладыженскаго* 191

Проф. Бар. С. А. Корфъ. Русское государственное право. *В. В. Погосскаго* 195

Digitized by Google

Стран.

Н. Д. Оранжереевъ. Преступленіе и наказаніе въ математической зависимости. *І. И. Аносова* 201

Баронъ А. Э. Нольде. Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ. Вып. II. Кодификація мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній. Проф. *В. И. Синайскаго* . 203

Указатель книгъ и статей по русскому конституціонному праву, вышедшихъ въ первое десятилѣтіе по изданіи Манифеста 17 октября 1905 г. 207

Приложенія.

Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 233

Протоколы засѣданій Отдѣленія Соціальной Исторіи Общества имени А. И. Чупрова . . . . . —

Протоколы засѣданій Отдѣленія Соціальной Политики Общества имени А. И. Чупрова 239

Digitized by Google

Теорія солидарности.[1])

Характеризуя прогрессъ каждой науки, Лейбницъ высказалъ мысль столько же парадоксальную, сколько и правильную: les sciences s'abrègent en s'augmentant, науки, разрастаясь, сокращаются. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что если начинающая наука еще теряется среди массы отрывочныхъ явленій и впечатлѣній, то прогрессирующая наука все увѣреннѣе и увѣреннѣе оріентируется въ этой массѣ съ помощью обобщеній, абстракцій, синтетическихъ идей. И совершенство той или иной науки дѣйствительно можетъ быть опредѣлено степенью краткости и универсальности такихъ синтетическихъ принциповъ, которые уже избавляютъ ученыхъ отъ необходимости описывать отдѣльныя явленія и обобщать ихъ индуктивнымъ путемъ и даютъ возможность путемъ дедукціи объяснять уже извѣстные факты и даже открывать факты еще неизвѣстные. Таковъ, напримѣръ, прогрессъ астрономіи — отъ Гераклита и Ксенофана, полагавшихъ, что каждое утро съ востока поднимается какое-то новое свѣтило, мѣняющееся ежедневно, до Леверрье, который путемъ чисто теоретическихъ вычисленій открылъ на небесномъ сводѣ новую планету, Нептунъ. Верхомъ совершенства естествознанія Лапласъ считалъ такую формулу, изъ которой можно было бы вывести полное объясненіе всѣхъ явленій, какъ прошлыхъ и настоящихъ, такъ и будущихъ. Таковъ прогрессъ наукъ физическихъ. Таковъ же прогрессъ и наукъ моральныхъ. Здѣсь тоже происходитъ переходъ отъ эпизодическихъ понятій и правилъ къ синтетическимъ принципамъ. Это хорошо понималъ уже Конфуцій: «неужели ты думаешь, говорилъ онъ, что я держу въ памяти всю свою громадную ученость? Нѣтъ, я все свелъ къ одному началу»; и такимъ началомъ была для него «отцепочтительность», наша пятая заповѣдь. Словомъ, и моральныя науки, разрастаясь, тоже сокращаются. Но въ моральной области,

[1]) Докладъ, прочитанный 14-го декабря 1915 года въ Саратовѣ въ соединенномъ засѣданіи Кіевскаго и Саратовскаго юридическихъ обществъ.

Digitized by Google

въ отличіе отъ физической, происходитъ двоякій процессъ — одинъ въ рефлексіи по поводу жизни, другой въ самой жизни. Съ одной стороны жизнь упорядочивается, синтезируется, пріобрѣтаетъ тотъ или иной общій стиль. Съ другой стороны такой же процессъ происходитъ и въ осмысливаніи этой жизни наукою, правомъ или моралью. И такимъ образомъ получаются, какъ выразился бы Спиноза, порядокъ идей и порядокъ вещей. Получаются, какъ бы два ряда синтетическихъ системъ — системы жизни и системы мысли, при чемъ мысль можетъ или опережать жизнь, или отставать отъ нея, или же стараться итти съ нею въ уровень. Поскольку система мысли преслѣдуетъ чисто онтологическую задачу безъ какой бы то ни было деонтологіи, иначе говоря, поскольку она стремится только возможно точнѣе и адэкватнѣе изобразить систему жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она фактически, быть можетъ, даже стихійно сложилась, постольку она является системою соціологическою. Поскольку она старается не изобразить жизнь, а преобразить ее примѣнительно къ такъ или иначе понятой цѣли общежитія, постольку она является системою политическою. Поскольку она не описываетъ то, что есть въ жизни, а предписываетъ ей то, что должно быть, постольку она является системою нравственною. Наконецъ, юридическія системы, имѣющія дѣло съ нормами и отношеніями, которыя дѣйствуютъ, т.-е. обязательны въ данномъ организованномъ общежитіи, занимаютъ какъ бы промежуточное мѣсто между системами соціологическими и моральными, онтологическими и деонтологическими. Съ одной стороны, онѣ изучаютъ тотъ порядокъ, который фактически сложился въ данномъ общежитіи и который въ спорныхъ случаяхъ не разрушается и не замѣняется какимъ-то новымъ, идеальнымъ, а, напротивъ, лишній разъ подтверждается и охраняется. Съ другой стороны, онѣ изслѣдуютъ нормы долженствованія, предписывающія людямъ опредѣленное поведеніе. Въ поискахъ за синтетическими принципами юридическія системы обращаются то къ внутренней логикѣ даннаго общежитія, то къ внутренней логикѣ даннаго законодательства, то къ внутренней логикѣ той или иной политики или этики. Всѣ подобнаго рода юридическія системы интересны не только для философіи права, озабоченной, кажется, метафизическимъ вопросомъ о началѣ всѣхъ началъ въ правовѣдѣніи, или для исторіи права, слѣдящей за смѣною разныхъ системъ дѣйствующаго права на протяженіи вѣковъ, но также и для практической юриспруденціи. Вѣдь уже въ элементарное толкованіе права и закона входитъ такъ наз. систематическое толкованіе. А понятое въ широкомъ смыслѣ такое толкованіе неизбѣжно кончается вопросомъ о ratio

Digitized by Google

juris, объ общей логикѣ, о юридическомъ стилѣ всего дѣйствующаго права. Еще болѣе интересны такія системы для политики права, для конструкціи legis ferendae, для логики новеллъ и кодексовъ. Я и позволю себѣ остановиться на одной новой системѣ юридическихъ принциповъ, которая, какъ и большинство новыхъ соціальныхъ идей, зародилась во Франціи, что не мѣшаетъ ей имѣть не только мѣстное, спеціально французское значеніе, но также и болѣе общую цѣнность. Это именно система солидарности. Идея солидарности, съ одной стороны, носитъ всѣ признаки новизны. Какъ гомункулъ второй части «Фауста», она уже существуетъ, но всетаки она еще не совсѣмъ возникла. Или она возникла, но какъ Венера, только что родившаяся изъ морской пѣны и еще покрытая этою пѣною, она пока не свободна отъ чужеродныхъ примѣсей; она еще не всегда ясна даже тѣмъ, кто ее проповѣдуетъ. И мысль, рождающая ее, еще напоминаетъ скульптурную мысль Родэна, только наполовину выходящую изъ необработаннаго камня; особенно типична въ этомъ отношеніи мысль Оріу, темнаго не менѣе, чѣмъ Гераклитъ Эфесскій, и почти опровергающаго правило: tout ce qui n'est pas clair n'est pas français. Но, съ другой стороны, теорія солидарности вступила уже въ ту стадію, которую Гегель считалъ лучшимъ доказательствомъ полной зрѣлости идей: въ ней обнаружилась внутренняя діалектика, появились свои тезисы и антитезисы, начались разногласія; уже существуетъ не одна школа солидаристовъ, а по крайней мѣрѣ три: школа Буржуа, школа Дюги и школа Оріу, при чемъ обѣ послѣднія уже отчасти отказываются отъ термина «солидарность». Поэтому можно уже рискнуть дать синтезъ солидарности какъ новой системы юридическихъ принциповъ.

I.

Система эта стремится преодолѣть односторонность господствовавшихъ до самаго послѣдняго времени, да, въ сущности, еще и теперь господствующихъ двухъ системъ, именно, системы принциповъ частнаго права и системы принциповъ публичнаго права. Система частнаго права — это собственно система римскаго гражданскаго права, доведенная уже классическими юристами до такой степени логическаго совершенства, что они видѣли въ ней логику права вообще (ratio juris) и даже логику самой природы (ratio naturalis). Въ дальнѣйшей обработкѣ юристами конца среднихъ вѣковъ эта система была возведена на степень писанаго юридическаго разума (ratio scripta), своего рода цивилистической алгебры. Наконецъ, философія XVII и особенно XVIII вѣка возвела эту систему на степень естественныхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ правъ.

Digitized by Google

человѣка и гражданина. Тогда же, т.-е. во второй половинѣ XVIII вѣка у этой системы явилась политическая и экономическая поддержка въ видѣ теоріи такъ наз. правового государства и классической или либеральной политической экономіи. Верховными идеями системы частнаго права являются свобода и собственность, свобода личности въ гражданскомъ оборотѣ и господство личности надъ принадлежащимъ ей имуществомъ. Сообразно съ этимъ это система строго индивидуалистическая. Она не получаетъ индивидовъ изъ общества путемъ вычитанія. Совсѣмъ напротивъ, она получаетъ общество путемъ сложенія индивидовъ. Для нея общество — это не организмъ, а атомистическая сумма. И между личностью и обществомъ, т.-е. между единицею и суммою она не слишкомъ склонна признавать какіе бы то ни было промежуточные коллективные индивиды. Сообразно съ этимъ она относится не особенно благосклонно къ такъ наз. юридическимъ лицамъ; во всякомъ случаѣ она предпочитаетъ признавать за ними не столько реальное, сколько фиктивное бытіе. Словомъ, начало и конецъ этой системы — индивидъ. Гражданское право существуетъ только для него. И оно предоставляетъ ему возможно бо́льшую свободу—свободу собственности, свободу вступленія во всевозможныя обязательства съ другими, принципіально столь же свободными индивидами, свободу вступленія въ бракъ по собственному желанію и свободу распоряженія своимъ имуществомъ послѣ смерти по собственному усмотрѣнію. При этомъ эгоизмъ не только не осуждается, а считается даже своего рода добродѣтелью, особою юридическую добродѣтелью. Уже Ульпіановы правила цивилистической добродѣтели требовали, чтобы субъектъ частнаго права только не обижалъ другого (alterum non laedere) и воздавалъ каждому свое (suum cuique tribuere); при этомъ само собою разумѣлось, что кто только не обижаетъ другого, тотъ тѣмъ менѣе не станетъ обижать и самого себя, и кто будетъ воздавать каждому свое, тотъ конечно прежде всего воздастъ свое самому себѣ и ни въ какомъ случаѣ не пойметъ правила suum cuique tribuere въ смыслѣ требованія раздачи своего имущества всякому другому. Главнымъ объектомъ, съ которымъ имѣетъ дѣло свободный индивидъ системы частнаго права, является собственность, и притомъ не производная, установленная государствомъ или пожалованная въ пожизненное или наслѣдственное владѣніе, въ удѣлъ, въ бенефицій, а такая же первородная и самодовлѣющая, какъ и свободный человѣческій индивидъ. Такая собственность не находится ни въ чьей власти, кромѣ собственника. Онъ нисколько не обязанъ давать кому бы то ни было отчетъ въ томъ, какъ онъ ею пользуется, и даже, пользуется ли онъ ею вообще.

Digitized by Google

И посему ему принадлежитъ jus utendi et abutendi. Онъ можетъ совершенно безпрепятственно и пользоваться и злоупотреблять ею и даже уничтожать ее. Уже въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ этотъ взглядъ проводился столь послѣдовательно, что когда дѣти и рабы разсматривались какъ собственность отца семейства, то онъ имѣлъ право продавать ихъ и даже истреблять. Такова система частнаго права.

Система публичнаго права основана отчасти на римской концепціи власти (imperium, potestas), отчасти же и главнымъ образомъ на принципахъ того суверенаго, абсолютнаго государства, которое возникло на развалинахъ средневѣковой безгосударственности. Основное ея начало — господство государственной власти надъ людьми. Это создаетъ для нихъ одностороннюю обязанность повиновенія. Всякаго же рода ихъ права разсматриваются уже не какъ нѣчто первородное, а какъ уступка, концессія, патентъ со стороны публичной власти. Благодаря этому свободное лицо частнаго права превращается здѣсь въ подвластнаго подданнаго. А собственность разсматривается какъ нѣчто отъ государства данное и государствомъ установленное: constitutio proprietatis civitatis opus est, училъ, напримѣръ, Гоббесъ. Сообразно съ этимъ эксплуатація собственности подданнымъ совершается подъ неусыпнымъ надзоромъ государственной власти, взимающей въ казну часть доходовъ въ видѣ налоговъ и постоянно указывающей собственнику, что онъ обязанъ дѣлать съ собственностью и чего онъ не въ правѣ сдѣлать.

Такимъ образомъ если система частнаго права можетъ быть названа системою гражданской свободы, то система публичнаго права есть система государственнаго авторитета. Обѣ эти системы въ порядкѣ идей обыкновенно изолируются другъ отъ друга. Но въ порядкѣ вещей онѣ никогда и нигдѣ не дѣйствуютъ въ чистомъ видѣ. Обѣ дѣйствуютъ совмѣстно и проникаютъ другъ друга. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь система частнаго права, послѣдовательно доведенная до конца, приводитъ черезъ полнѣйшій либерализмъ къ индивидуалистической анархіи, къ свободной, рѣшительно ничѣмъ не сдержанной игрѣ человѣческихъ эгоизмовъ. Система же публичнаго права, доведенная до конца, приводитъ къ деспотизму, къ полному порабощенію личности государственною властью. Вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе человѣческихъ общежитій невозможно безъ сочетанія какъ свободы, такъ и авторитета. Вотъ почему всюду обѣ эти системы сосуществуютъ рядомъ, впрочемъ съ болѣе или менѣе явственною тенденціею одной изъ нихъ подчинить себѣ другую. Такъ, напримѣръ, въ феодальномъ обществѣ государственный авторитетъ имѣлъ характеръ частнаго права сюзе-

Digitized by Google

реновъ, которые распоряжались имъ на началахъ свободы и собственности, такъ что imperium отожествлялось съ dominium. Въ абсолютномъ государствѣ, какъ замѣтилъ уже Бэконъ, частному праву пришлось прозябать подъ опекою публичнаго права и гражданская свобода превратилась въ концессію, патентъ со стороны суверенной публичной власти.

Попытки разграничить, если не фактически, то принципіально, эти двѣ системы производились и производятся съ давнихъ временъ. Но всѣ онѣ отличаются одною особенностью. Различіе оказывалось недостаточно рѣзкимъ и не устраняющимъ промежуточныхъ нюансовъ. Каково бы ни было principium divisionis, всегда оказывалось, что извѣстная часть юридическихъ нормъ и отношеній можетъ быть отнесена и къ частному и къ публичному праву. Таково предложенное еще Ульніаномъ различіе частныхъ и публичныхъ интересовъ, или предложенное Іеллинекомъ различіе двухъ проявленій воли — возможности (können) и дерзновенія (dürfen), или предложенное Н. М. Коркуновымъ различіе приспособленія и подѣленія объектовъ, или предложенное Кантомъ и Кавелинымъ различіе имущественныхъ и не имущественныхъ правъ, или предложенное Регельсбергеромъ различіе положеній субъектовъ въ правоотношеніяхъ, или предложенное у насъ Дювернуа различіе частныхъ и публичныхъ исковъ и т. п. Невозможность провести рѣзкую границу между координаціею свободъ и субординаціею власти какъ бы показываетъ, что при всей кажущейся противоположности этихъ двухъ системъ онѣ, быть можетъ, являются не столько противоположными, сколько соподчиненными какому-то болѣе общему синтетическому принципу. Differentia specifica вполнѣ и даже неизбѣжно совмѣстима съ genus proximum.

И вотъ въ поискахъ за такимъ объединяющимъ началомъ уже раціоналисты XVII вѣка вспомнили старое правило: ubi societas, ibi jus, гдѣ общество, тамъ и право. Сообразно съ этимъ они подчинили право принципу общественности, socialitas. Но этотъ принципъ понимался ими такъ, что онъ представлялъ не болѣе какъ комбинацію элементовъ обѣихъ системъ безъ существенно новыхъ началъ. Именно матеріалъ для понятія общества заимствовался изъ системы частнаго права; а пользовались имъ для того, чтобы обосновать систему права публичнаго. Предполагали гипотетическое существованіе естественнаго общества (status naturalis), какъ совершенно свободной конкурренціи индивидовъ, и затѣмъ при посредствѣ договора превращали его въ искусственное гражданское общество (status civilis), въ которомъ публичное право пріобрѣтаетъ характеръ публичнаго обязательственнаго права,

Digitized by Google

и обязанность повиновенія государственной власти становится юридическимъ обязательствомъ. И такимъ образомъ координація свободъ была дѣйствительно согласована съ субординаціею власти. Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, особенно у наиболѣе многочисленной школы Гоббеса, субординація поглотила координацію. И вмѣсто системы общественнаго права получилась только новая конструкція весьма внушительнаго публичнаго права. Сфинксъ права былъ разгаданъ. И онъ оказался Гоббесовымъ Левіаѳаномъ, этимъ земнымъ богомъ, власть котораго выше всего на свѣтѣ. Дѣло принципіально нисколько не измѣнилось и тогда, когда теорія и практика такъ наз. полицейскаго государства, по живописному выраженію Поллока, продѣла кольцо въ ноздри Левіаѳана, чтобы обуздать его и запречь въ колесницу общественной пользы. Это повело за собою только новое давленіе публичной власти на теорію и практику частнаго права. Прусскій Ландрехтъ устанавливалъ, напримѣръ, обязанность матери кормить ребенка грудью, при чемъ вопросъ о срокѣ прекращенія кормленія, въ случаѣ разногласія съ отцомъ, рѣшался судомъ, какъ органомъ министерства юстиціи, т.-е. публичною властью. Такимъ образомъ, хотя въ теченіе всего XVIII вѣка юристы, принадлежавшіе къ школѣ Вольфа, и учили объ особомъ соціальномъ правѣ съ верховнымъ принципомъ явно частноправнаго происхожденія: socius socio suum tribuat, однако это первое появленіе соціальнаго или общественнаго права не повело за собою слишкомъ замѣтной принципіальной переработки частнаго и публичнаго права, переработки въ смыслѣ ихъ соподчиненія праву общественному.

Таковъ же былъ результатъ и второго появленія этого права приблизительно въ половинѣ XIX вѣка въ видѣ нѣмецкой теоріи общественнаго права (Gesellschaftsrecht). Особенно типиченъ былъ въ этомъ отношеніи Р. Моль. Считая системы частнаго и публичнаго права недостаточными, онъ присоединилъ къ нимъ еще особую систему общественнаго права. Но подъ нею онъ разумѣлъ не синтезъ этихъ двухъ системъ, а особую систему, систему права общественныхъ союзовъ, находящихся между личностью и государствомъ (сословій, промышленныхъ компаній, церквей). Сообразно съ этимъ онъ ставилъ общественное право не надъ правомъ частнымъ и публичнымъ, а рядомъ съ ними. Такъ какъ это нововведеніе не вносило никакого дѣйствительно новаго принципа въ систематику права и такъ какъ право общественныхъ союзовъ, иначе говоря, частныхъ или публичныхъ юридическихъ лицъ, безъ остатка могло быть разнесено по двумъ традиціоннымъ системамъ, то попытка Моля не имѣла успѣха. И Блюнчли былъ совершенно правъ,

Digitized by Google

когда отрицалъ такое общественное право и говорилъ, что можно вполнѣ ограничиться правомъ частнымъ и публичнымъ.

Таково второе появленіе общественнаго права. Третье появленіе — это французская теорія солидарности. Какъ уже было указано, у этой теоріи три варіанта. Первый принадлежитъ школѣ извѣстнаго политическаго дѣятеля Л. Буржуа. Буржуа отказывается отъ традиціонной, типичной для Франціи, противоположности между индивидомъ и государствомъ. И индивидъ, взятый самъ по себѣ, и государство, взятое само по себѣ, это не болѣе какъ фикціи, апріорныя понятія. Реально существуютъ не эти понятія, а ассоціація людей. И посему всѣ права и обязанности суть права и обязанности членовъ ассоціаціи. Ассоціація эта отличается отъ акціонернаго общества тѣмъ, что она создана не предварительнымъ учредительнымъ актомъ, а однимъ естественнымъ фактомъ сожительства людей. Въ силу этого факта индивидъ много получаетъ отъ общества, но онъ также много ему и долженъ. Члены каждаго общежитія связаны не только въ пространствѣ, но и во времени. Благодаря этому индивидъ является не только должникомъ своихъ современниковъ въ теченіе всей своей жизни; онъ еще должникъ своихъ предковъ съ момента своего рожденія: онъ долженъ имъ свое питаніе, свой языкъ, свою школу и пр. И этотъ долгъ, завѣщанный отъ предковъ, мы должны возвратить нашимъ потомкамъ, по отношенію къ которымъ мы сами оказываемся предками. Мы какъ бы пользовладѣльцы наслѣдства, оставленнаго прошлымъ будущему. И это обязываетъ насъ не только сохранить, но еще и пріумножить наслѣдство путемъ своего вклада въ прогрессъ. Эта обязанность можетъ быть облечена въ юридическую форму. И эта форма даже дана уже существующимъ правомъ. Именно въ тѣхъ случаяхъ, когда сила обстоятельствъ ставитъ людей во взаимную зависимость, между ними возникаютъ обязательственныя отношенія, хотя этому и не предшествовалъ спеціальный договоръ между ними. Въ системѣ частнаго права такія отношенія считаются обязательствами какъ бы изъ договора, изъ квази-контракта; таковы, напримѣръ, по Наполеонову кодексу обязанности собственниковъ недвижимостей, находящихся въ сосѣдствѣ, обязанности опекуновъ по отношенію къ опекаемымъ, обязанности, вытекающія изъ полученія уплаты недолжнаго. Такимъ образомъ, заключаетъ Буржуа, у каждаго живого человѣка есть долгъ по отношенію ко всѣмъ живымъ людямъ, соотвѣтственно услугамъ, полученнымъ имъ благодаря усиліямъ всѣхъ. Этотъ обмѣнъ услугъ образуетъ содержаніе связывающаго всѣхъ людей какъ бы договора ассоціаціи. И настоящее законодательство можетъ быть только соціальнымъ

Digitized by Google

законодательствомъ, состоящимъ въ равномѣрной расцѣнкѣ обмѣниваемыхъ услугъ, т.-е. въ равномѣрномъ распредѣленіи выгодъ и тяготъ общежитія, его актива и пассива.

Какъ осуществить такое законодательство, постарался показать Брюно въ своемъ академическомъ докладѣ Etude sur la solidarité sociale comme principe des lois [1]). Понятіе квази-контракта, говоритъ онъ, было широко понято уже юристомъ XVIII вѣка Потье, который разсуждалъ о какъ бы договорѣ общества или общности. Въ такомъ смыслѣ мы можемъ разсматривать все наше общежитіе какъ продуктъ договора: «общество живетъ молчаливыми соглашеніями, кристаллизовавшимися въ привычку». И существованіе націи, какъ выразился Ренанъ, это ежедневный плебисцитъ. Разъ общество существуетъ и продолжаетъ существовать, то это значитъ, что существуетъ и продолжаетъ существовать предполагаемый договоръ, лежащій въ его основаніи. Если же этотъ договоръ существуетъ, то существуютъ и обязанности, вытекающія изъ него. Это и есть соціальныя обязанности. Такова, напримѣръ, обязанность изъ какъ бы договора нераздѣльнаго владѣнія. Каждый гражданинъ сообща съ другими владѣетъ общественнымъ достояніемъ, публичными учрежденіями, лѣсами и т. п. Онъ владѣетъ также сообща идеальнымъ наслѣдіемъ, историческимъ дѣломъ своей страны, ея нравственнымъ престижемъ, ея кредитомъ и т. п. Благодаря этому всѣ члены даннаго общества находятся какъ бы въ положеніи сонаслѣдниковъ, живущихъ безъ раздѣла. Второй примѣръ — раздѣленіе труда и административная организація, представляющія не что иное какъ своего рода веденіе дѣлъ по довѣренности безъ спеціально выраженнаго полномочія. Третій примѣръ — то, что Буржуа назвалъ соціальнымъ долгомъ; юридически это можетъ быть квалифицировано какъ несознательное принятіе недолжнаго, ведущее за собою обязанность выплаты. Четвертый примѣръ — воспитаніе призрѣваемыхъ дѣтей; если обязанность родителей воспитывать своихъ законныхъ дѣтей разсматривается какъ послѣдствіе своего рода договора, то по аналогіи можетъ быть установлена общественная обязанность воспитанія покинутыхъ дѣтей. Ссылаясь на такіе примѣры, Брюно проектируетъ цѣлую систему права, основанную на какъ бы договорѣ, обязательномъ не только для индивидовъ, но также и для публичной власти. Индивидуалистамъ, которые бы стали возражать, что этимъ нарушается священный принципъ свободы, Брюно возражаетъ, что существуетъ не менѣе священный принципъ — справедливость. И именно она должна быть

[1]) Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politdues, Septembre-Octobre, 1903.

Digitized by Google

границею свободы. Если справедливость должна исчезнуть передъ свободою, то прежде всего слѣдовало бы совершенно упразднить уголовный кодексъ, а затѣмъ пришлось бы всецѣло примкнуть къ анархизму. Но свобода должна уступить справедливости. И посему законодательство должно быть основано на соціальной солидарности. «Военный законъ, говоритъ Брюно, далъ намъ армію, финансовый законъ даетъ намъ бюджетъ, школьный законъ создаетъ намъ націю, санитарный законъ обѣщаетъ намъ гигіену — такъ пусть же соціальный законъ дастъ намъ надежду на справедливость въ солидарности».

Такова школа Буржуа. Таковъ первый варіантъ французской теоріи общественнаго права. Второй варіантъ — это школа Дюги. Дюги отказывается какъ отъ доктрины частнаго права, такъ и отъ доктрины права публичнаго, или, выражаясь его терминами, какъ отъ dominium, этого абсолютнаго права индивидовъ располагать принадлежащимъ имъ богатствомъ и требовать отъ всѣхъ уваженія къ этому праву, и imperium, этого абсолютнаго, римскаго, королевскаго и якобинскаго права публичной власти повелѣвать на томъ только основаніи, что это — публичная власть. Обѣ эти доктрины ведутъ къ системѣ субъективныхъ правъ — правъ индивидовъ и коллектива, какъ своего рода тоже индивида. И вотъ, говоритъ Дюги, въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ субъективныхъ правъ. Сообразно съ этимъ онъ замѣняетъ систему dominium и imperium иною системою, именно системою солидарности. Солидарность же, въ отличіе отъ Буржуа, онъ понимаетъ не какъ квазидоговоръ — онъ считаетъ несомнѣннымъ фактомъ уменьшеніе роли договора въ общественныхъ отношеніяхъ, — а какъ соціальную междузависимость (interdépendance). Эта междузависимость имѣетъ какъ бы два яруса. Верхній ярусъ образуютъ соціальныя нормы или объективное право. Оно создаетъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для государственныхъ органовъ не субъективныя права, а объективныя положенія, состоящія въ обязанности каждаго исполнять извѣстное общественное назначеніе и власти производить необходимыя для этого дѣйствія; съ этой точки зрѣнія даже право частной собственности превращается въ извѣстнаго рода общественный долгъ. Нижній ярусъ образуетъ дифференцированное въ силу раздѣленія труда общество, состоящее не столько изъ отдѣльныхъ индивидовъ, сколько изъ профессіональныхъ или иныхъ группъ, болѣе или менѣе автономно регламентирующихъ свой внутренній строй; при этомъ даже чиновничество оказывается не болѣе какъ профессіональною группою, которая и можетъ и должна объединяться въ синдикаты. Что же касается государства,

Digitized by Google

какъ такового, т.-е. какъ особой ипостаси, особаго юридическаго лица, возвышающагося надъ индивидами и обществомъ и обладающаго особою волею, единою во всѣхъ его органахъ, то такое государство или умерло или даже никогда не существовало: вѣдь это не эмпирическій фактъ, а метафизическое понятіе, въ родѣ души психологовъ спиритуалистическаго направленія. Эмпирическій фактъ это только то обстоятельство, что въ каждомъ организованномъ общежитіи извѣстныя лица располагаютъ принудительною силою. И это не болѣе какъ фактъ, который оправдывается технической необходимостью надзора и контроля и вовсе не создаетъ объективнаго права. Для того, чтобы этотъ фактъ сталъ правомѣрнымъ, власть должна подчиняться соціальнымъ нормамъ, т.-е. объективному праву. Сообразно съ этимъ вмѣсто дѣйствій всюду и всегда единой суверенной и посему непогрѣшимой власти Дюги признаетъ только отдѣльные акты тѣхъ или иныхъ должностныхъ лицъ, лично отвѣтственныхъ передъ правомъ. А ученіе объ общей волѣ, о народномъ суверенитетѣ, какъ источникѣ публичной власти, отвергается имъ, ибо теоретически оно ведетъ къ признанію государства какою-то метафизическою личностью, а практически оно ведетъ къ деспотизму болѣе или менѣе случайнаго большинства. Поэтому Дюги отказывается отъ традиціоннаго взгляда на законодательныя палаты какъ на выраженіе общей воли народа, понимаемаго въ смыслѣ ариѳметической суммы однородныхъ индивидовъ. Его не удовлетворяетъ даже пропорціональное представительство. Его идеалъ — палата, состоящая изъ выборныхъ отъ синдикальныхъ группъ, представляющихъ ихъ профессіональные интересы. Вся эта система слѣдующимъ образомъ резюмируется самимъ Дюги: «На верху — правители, представляющіе дѣйствительное большинство индивидовъ, составляющихъ общественную группировку; имъ принадлежитъ не право государственной власти, а обязанность употреблять наибольшую силу на реализацію права въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ ихъ дѣйствіе сводится къ выполненію технической работы по надзору и контролю. Въ обществѣ — синдикальныя группы, сильно интегрированныя, соединившіяся въ федераціи по профессіямъ и имѣющія политическое представительство, обезпечивающее сильное ограниченіе власти правящихъ лицъ. Борьба классовъ, прекращенная или по крайней мѣрѣ ослабленная конвенціональнымъ установленіемъ регламентовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія классовъ, проникнутыхъ точнымъ сознаніемъ своей независимости. Государственная служба, выполняемая и направляемая корпораціями чиновниковъ, отвѣтственныхъ за свои ошибки по отношенію къ частнымъ лицамъ

Digitized by Google

и находящихся подъ контролемъ и надзоромъ правящихъ лицъ»[1]). Съ этимъ связывается и превращеніе собственности изъ субъективнаго права лица въ общественную функцію, пропорціонально которой только и охраняется принадлежность имущества индивиду.

Третій варіантъ теоріи солидарности это ученіе Оріу, изложенное имъ въ его книгѣ Principes du droit public (1910), повидимому, еще далеко не въ окончательной формѣ. Тенденція Оріу — дать теорію государства, построенную не извнѣ, изъ тѣхъ или иныхъ апріорныхъ логическихъ понятій, а извнутри, изъ бытовыхъ элементовъ «націи, приведенной въ государственный режимъ». Этотъ режимъ состоитъ не въ господствѣ государства надъ личностью и обществомъ, а въ системѣ равновѣсій. Въ такой системѣ нація представляетъ не то, составленное изъ пыли индивидовъ (стр. 223), соціальное тѣло, о которомъ училъ Руссо, а «конфедерацію установленій и автономныхъ положеній» (475). Государство же — это равновѣсіе правительства и націи (469) или, какъ его опредѣляетъ Оріу въ другомъ мѣстѣ, «политическое общество, которому удалось осуществить въ своей средѣ гражданскую жизнь, благодаря троякой системѣ равновѣсій: надстройкѣ политическихъ установленій, включенію экономическаго рынка въ политическую общину, раздѣленію различныхъ властей» (228). Въ такомъ обществѣ всякое субъективное право представляетъ тоже своего рода равновѣсіе, равновѣсіе трехъ элементовъ, интереса, власти и соціальной функціи (32). А объективное право — это рядъ «процедуръ», обезпечивающихъ однообразное движеніе соціальныхъ операцій (697). Вся эта статика и динамика соціальныхъ равновѣсій сообщаетъ государственной жизни автоматическій характеръ. И сообразно съ этимъ государство, какъ таковое, становится не столько лицомъ, подобно ангелу Эфесской или Лаодикійской церкви, являвшемуся апостолу Іоанну въ его апокалиптическихъ видѣніяхъ (692), а своего рода вещью —тѣмъ, что еще римляне называли res publica, status rei romanae (174). Благодаря такому соціальному автоматизму все общество представляетъ систему подвижнаго равновѣсія. И задача правовѣдѣнія состоитъ въ установленіи юриспруденціи и доктрины не частнаго или публичнаго права, а соціальнаго равновѣсія.

II.

Таковы три варіанта французской теоріи общественнаго права. Если вдуматься въ нее, то мы прежде всего увидимъ, что это — типично французская теорія, тѣснѣйшимъ образомъ связанная

[1]) Соціальное право, индивидуальное право и преобразованіе государства стр. 144 русскаго перевода А. С. Ященко (Москва, 1909).

Digitized by Google

не только съ правомъ, но и со всею культурою Франціи нашихъ дней. Дѣло въ томъ, что со временъ революціи тѣми принципами, на которыхъ строилась или по крайней мѣрѣ должна была строиться французская общественная жизнь, были свобода и равенство индивидовъ. При этомъ, выражаясь терминами Б. Констана, свобода разумѣлась не какъ свобода древнихъ, а какъ свобода новыхъ, не какъ свобода политическая, понятая въ смыслѣ обязанности свободнаго гражданина служить государству, а какъ свобода индивидуальная, какъ юридическая и экономическая эмансипація личности отъ государства и его опеки. А равенство разумѣлось какъ формальное уравненіе свободныхъ индивидовъ передъ закономъ и администраціею. При этомъ, согласно теоріи Руссо, и законъ и администрація являлись выраженіемъ общей воли, т.-е. воли той суммы свободныхъ и равныхъ индивидовъ, которая образуетъ политическій народъ или націю. Принципу свободы и равенства въ порядкѣ идей соотвѣтствовали въ порядкѣ вещей два порожденія французской революціи — свобода гражданскаго оборота, закрѣпленная Наполеоновымъ кодексомъ, и административная централизація. И такимъ образомъ получалось какъ бы полное, адэкватное соотвѣтствіе между порядкомъ идей и порядкомъ вещей. Однако это соотвѣтствіе нарушалось тѣмъ, что въ порядкѣ идей къ свободѣ и равенству французская революція, какъ извѣстно, признала необходимымъ прибавить еще третье начало, именно братство. Такимъ образомъ идеологіею французской общественности XIX вѣка стала трехчленная формула «свобода, равенство и братство». И соотвѣтственная надпись красуется во Франціи надъ всѣми публичными зданіями — до полицейскихъ префектуръ и тюремъ включительно. Потребность въ третьемъ членѣ формулы, именно въ братствѣ вызывалась двоякими побужденіями: во-первыхъ, безсознательнымъ желаніемъ сохранить въ новомъ обществѣ, отказавшемся отъ прежнихъ религіозныхъ и историческихъ связей, нѣкоторый метафизическій остатокъ, который одухотворялъ бы это общество; а во-вторыхъ, смутнымъ опасеніемъ, что для общественнаго спасенія недостаточно одной свободы и одного равенства. Что можетъ побудить формально равныхъ, но фактически все-таки неравныхъ индивидовъ не превращать свободнаго соревнованія въ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, т.-е. въ торжество сильныхъ надъ слабыми? И что можетъ побудить общую волю, т.-е., повидимому, волю большинства или ея организованной видимости прекратить или по крайней мѣрѣ смягчить это торжество? Словомъ, въ порядкѣ идей была сознана недостаточность системы свободы и равенства. И этотъ пробѣлъ дополнялся новымъ принципомъ полупатріар-

Digitized by Google

хальнаго, полухристіанскаго происхожденія, именно братствомъ. Въ порядкѣ вещей этому принципу не соотвѣтствовало ничто, ибо французское пореволюціонное общество такъ же мало походило на общество братьевъ, какъ мало похожа германская соціалъ-демократія на общество товарищей или друзей (Genossen), у которыхъ согласно древнегреческой пословицѣ все должно быть общее. Или, поскольку французы въ силу общаго происхожденія могли считаться братьями, постольку они не опровергали Аристотелева замѣчанія: «тяжки войны между братьями».

Во всякомъ случаѣ принципъ братства не вошелъ ни въ юридическій, ни въ политическій порядокъ пореволюціонной Франціи. И такимъ образомъ оказалось, что новая бытовая Франція еще не была вполнѣ готова или же, что идейная Франція черезчуръ опередила Францію бытовую. Таково было положеніе въ началѣ XIX столѣтія. Въ дальнѣйшей эволюціи французской общественности произошло новое осложненіе: свобода вступила въ конфликтъ съ равенствомъ. На почвѣ свободы и опиравшейся на нее системы частнаго права выросъ фактическій порядокъ неравенства, неравенства имущихъ и неимущихъ, капитала и труда. И всякое посягательство на это неравенство со стороны публичной власти принципіально отвергалось какъ покушеніе на свободу. Это сильно затормозило какъ соціальное законодательство, такъ и цѣлый рядъ относительно несложныхъ фискальныхъ мѣръ, напримѣръ, введеніе подоходнаго налога. Съ другой же стороны, въ тѣхъ кругахъ французскаго общества, которые не были заинтересованы въ сохраненіи системы частнаго права, укрѣпляющей и сохраняющей богатства отдѣльныхъ индивидовъ, идея равенства стала разумѣться какъ принудительное уравненіе. И не дожидаясь того, чтобы такъ наз. общая воля публичнаго права проникласъ такимъ именно пониманіемъ равенства, стали проповѣдывать словомъ и дѣломъ «прямое дѣйствіе» (action directe). Иными словами, вмѣсто легальной и координированной частнымъ правомъ конкуренціи формально равныхъ и свободныхъ индивидовъ, отъ которой Бастіа и прочіе представители экономическаго либерализма ожидали наилучшихъ соціальныхъ результатовъ, получилась борьба классовъ и соціальная война. Вотъ тогда-то и явилась теорія солидарности. Она вызвана опасеніемъ соціальной катастрофы и желаніемъ предотвратить ее. Съ этою цѣлью она отчасти проповѣдуетъ и предлагаетъ новую вѣру и новыя мѣры. Съ другой стороны, она старается констатировать такія явленія общественной жизни, которыя устраняютъ неизбѣжность соціальной борьбы и даютъ возможность уже теперь, въ условіяхъ политики и законодательства третьей республики, усмотрѣть новую

Digitized by Google

систему соціальной жизни. И верховнымъ понятіемъ этой системы вмѣсто симпатичнаго, но также и неотчетливаго братства старой французской доктрины, стало понятіе солидарности или междузависимости, допускающее точный юридическій, соціально-политическій и соціологическій учетъ. Сообразно съ этимъ доктрина солидарности имѣетъ не только юридическое значеніе. Она охватываетъ всю цивилизацію и культуру современной Франціи. Такъ, напримѣръ, Буржуа и его единомышленники связываютъ съ нею и распространительное толкованіе нѣкоторыхъ положеній французскаго кодекса о квази-контрактѣ, и подоходный налогъ, и программу соціальнаго законодательства, и усиленіе отвѣтственности должностныхъ лицъ, и борьбу съ «генеральною конфедераціею труда», и цѣлую соціально-педагогическую программу: это именно программа «цивическаго воспитанія», которая, не прибѣгая къ отвергнутымъ третьею республикою религіознымъ императивамъ, помогала бы подрастающимъ поколѣніямъ преодолѣть какъ личный, такъ и классовой эгоизмъ путемъ сознанія обязанностей, налагаемыхъ людскою взаимностью (mutualité) и между-зависимостью. Все это движеніе встрѣчаетъ не одинаковое къ себѣ отношеніе въ различныхъ кругахъ французскаго общества. Въ сферахъ, настроенныхъ болѣе буржуазно, чѣмъ самъ Буржуа, видятъ въ этихъ идеяхъ даже красный призракъ революціи и экспропріаціи богатыхъ, во всякомъ случаѣ посягательство на пріобрѣтенныя права и нѣчто въ родѣ соціализма—хотя всѣ солидаристы тщательно отмежевываются отъ этой системы или, какъ выразился Брюно, «слова», которое перестало уже быть угрозою для современнаго общества и стало просто какою-то неопредѣленностью; такъ, напримѣръ, въ академическихъ преніяхъ, вызванныхъ упомянутымъ выше докладомъ Брюно, даже извѣстный соціологъ Тардъ объявилъ, что онъ усматриваетъ въ принципѣ солидарности «упраздненіе наслѣдства, т.-е. упраздненіе семьи» и призывъ къ общественному раздору, ибо «лучшее средство разсорить двухъ друзей это сказать одному, что онъ — кредиторъ другого.» Въ католическихъ кругахъ къ новой доктринѣ относятся двояко: то въ ней видятъ походъ противъ церкви и поэтому всячески громятъ ее; то въ ней видятъ продолженіе подъ новымъ названіемъ того же самаго дѣла, которымъ давно занимается церковь, и поэтому къ ней относятся довольно благосклонно, не упуская однако случая снисходительно замѣтить, что ея программу гораздо лучше и полнѣе осуществляетъ религія, у которой она будто бы въ сущности и заимствована. Въ соціалистическихъ сферахъ относятся пренебрежительно къ доктринѣ солидарности: въ ней видятъ попытку затушевать классовую борьбу, замѣнить компромиссомъ дѣйствительное и радикальное рѣшеніе

Digitized by Google

соціальнаго вопроса и въ качествѣ главнаго врага въ борьбѣ за общественную гармонію и за лучшее будущее подмѣнить капиталъ религіею.

III.

Какое же вліяніе оказываетъ доктрина солидарности на французское право или, вѣрнѣе, пока только на французскую теорію права? По отношенію къ частному праву она ведетъ къ признанію недостаточности тѣхъ принциповъ, на которыхъ построенъ Наполеоновъ кодексъ. Этотъ кодексъ переводилъ на нормативный языкъ права происшедшую благодаря революціи эмансипацію личности и частной собственности. Верховная идея кодекса — это свобода, и притомъ индивидуальная свобода. Сообразно съ этимъ онъ не слишкомъ сочувствовалъ такъ наз. юридическимъ лицамъ, т.-е. коллективнымъ субъектамъ права, съ которыми у него связывались представленія о такихъ явленіяхъ стараго режима, какъ духовныя конгрегаціи или ремесленные цехи, т.-е. учрежденія, парализовавшія индивидуальную свободу. Вмѣстѣ съ тѣмъ кодексъ оберегалъ неприкосновенность какъ частной собственности вообще, такъ въ особенности той относительно мелкой поземельной собственности, которая образовалась изъ конфискованныхъ и названныхъ національными имуществъ и на которую имѣла поползновеніе надвигавшаяся реставрація. Наконецъ, имѣя въ виду, что въ полномъ смыслѣ слова novus rerum nascebatur ordo, создавался новый порядокъ вещей, кодексъ построилъ обязательственное право на началахъ договорной теоріи XVII и XVIII вѣковъ, учившей объ искусственномъ установленіи гражданскаго состоянія волевыми актами сознательныхъ индивидовъ. И посему онъ разумѣлъ обязательство какъ отношеніе, каждый разъ спеціально ad hoc устанавливаемое волею двухъ или бо́льшаго числа лицъ. Иными словами, кодексъ представлялъ классическую для новаго времени систему частнаго права со свободою индивида и его господствомъ надъ собственностью.

Этой системѣ въ моментъ изданія кодекса приблизительно соотвѣтствовало фактическое положеніе гражданскаго оборота во Франціи. Но съ теченіемъ времени въ этомъ оборотѣ произошли крупныя перемѣны. Умножились общества торговыя, промышленныя и т. п. И вмѣсто физическихъ лицъ основной тонъ стали нерѣдко задавать уже лица юридическія. Сообразно съ этимъ измѣнился и характеръ собственности. Поземельная недвижимая собственность подверглась мобилизаціи, была вовлечена въ процессъ циркуляціи капиталовъ, превратилась во временное помѣщеніе летучихъ, движимыхъ цѣнностей. И такъ какъ эти цѣнности стали нагромождаться

Digitized by Google

акціонерчыми и тому подобными аноnимными, какъ выражаются французы, обществами, то отошелъ на второй планъ типъ мелкаго индивидуальнаго собственника, который прочно сидитъ на своей землѣ, окруженной высокимъ заборомъ, и, согласно идеалу даже поэта Мюссе, пьетъ изъ маленькаго, зато собственнаго стакана, а свои капиталы держитъ въ чулкѣ, кубышкѣ или сберегательной кассѣ. Этотъ типъ уступилъ мѣсто участнику въ прибыляхъ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятій. Изъ хозяина собственникъ превратился въ компаньона. Произошло какъ бы нѣкоторое обобществленіе собственности и ея эксплуатаціи. Въ новомъ институтѣ авторскаго права такъ наз. литературная собственность получила характеръ не типичнаго для частнаго права абсолютнаго и вѣчнаго господства лица надъ вещью, а временной эксплуатаціи со стороны индивида такого имущественнаго блага, которое затѣмъ становится достояніемъ всего общества. Нѣкоторое обобществленіе проникло даже въ частный бытъ: кранъ водопровода или газоваго рожка, электрическая кнопка и т. п. детали культурнаго быта стали исправно функціонировать только благодаря сложному сотрудничеству людей далеко за предѣлами каждаго дома и каждой квартиры. Сообразно съ этимъ своего рода соціальный элементъ проникъ даже въ домоводство, и старинная пословица феодальнаго происхожденія: «мой домъ — мой замокъ» уже перестала соотвѣтствовать дѣйствительности. Въ связи съ этимъ измѣнился и характеръ многихъ обязательственныхъ отношеній. Вмѣсто отношеній, каждый разъ ad hoc какъ бы впервые устанавливаемыхъ согласіемъ воли контрагентовъ, выдвинулся типъ такъ наз. договоровъ присоединенія (contrats d'adhésion), когда болѣе или менѣе крупная и прочно сложившаяся организація, осуществляющая не только цѣль своего обогащенія, но также соціально и индивидуально необходимую функцію (напримѣръ, желѣзнодорожнаго или трамвайнаго транспорта, электрическаго освѣщенія и т. п.), предоставляетъ доброй волѣ частныхъ лицъ или пользоваться ея услугами на ея односторонніхъ условіяхъ, или же вообще отказаться отъ тѣхъ или иныхъ удобствъ культурной жизни, подобно тому какъ государство предлагаетъ каждому жителю страны или принять, вѣрнѣе, просто сохранить пассивный status подданнаго со всѣми его обязанностями, или же эмигрировать изъ страны и искать по свѣту уголокъ для себя. Далѣе, появились договоры принудительные въ родѣ хотя бы обязательнаго страхового договора. Все это совсѣмъ не соотвѣтствовало первоначальному стилю Наполеонова кодекса. И не напрасно французской юриспруденціи и доктринѣ пришлось проявить такую виртуозность въ истолкованіи этого кодекса, вирту-

Digitized by Google

ность, освященную такими авторитетами, какъ Жени, который, парафразируя извѣстный Іеринговъ кличъ «черезъ римское право, вонъ отъ него», зоветъ французскихъ цивилистовъ черезъ кодексъ вонъ отъ него.

Теорія солидарности идетъ дальше Жени. Она не ограничивается, какъ это предлагаетъ, повидимому, Буржуа, только широко распространительнымъ толкованіемъ тѣхъ статей кодекса, въ которыхъ содержится хотя бы намекъ на подчиненіе частнаго права праву общественному. Она идетъ дальше и проектируетъ совершенно новую систему частнаго права, въ которой личность и собственность обладали бы не только правами, но также и обязанностями и пользовались бы организованною юридическою защитою не въ качествѣ самодовлѣющихъ существъ и цѣнностей, а лишь постольку, поскольку онѣ осуществляютъ нѣкоторую соціальную функцію. Частное гражданское право она стремится превратить въ общественное гражданское право. Но пока Наполеонова кодекса во Франціи не отмѣняютъ, да, повидимому, и не собираются отмѣнить, эта цивилистическая программа имѣетъ больше успѣха въ порядкѣ идей, чѣмъ въ порядкѣ вещей.

Что касается французскаго публичнаго права, то здѣсь доктрина солидарности пытается оказать вліяніе какъ на теорію государственнаго устройства третьей республики, такъ и на практику ея управленія. Вліяніе на теорію устройства можетъ оказаться довольно значительнымъ, ибо нынѣшняя французская республика пока еще не имѣетъ своей собственной теоріи государства. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Политическая исторія Франціи въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка представляла длинный рядъ экспериментовъ въ поискахъ за новою политическою формою для того новаго общества, которое было создано революціею. Соціальный строй этого новаго общества выявился уже въ ночь на 4 августа 1789 года, когда вслѣдствіе отказа представителей высшихъ сословій отъ своихъ привилегій населеніе Франціи превратилось въ народъ, состоящій изъ гражданъ, равныхъ предъ закономъ. Юридическая форма дана этому обществу Наполеоновымъ или гражданскимъ кодексомъ 1804 года, регулирующимъ гражданскій оборотъ на началахъ свободной конкурренціи и формальнаго равенства всѣхъ гражданъ. Оставалось найти политическую форму для этого новаго общества, оставалось рѣшить проблему, поставленную еще Руссо: «найти форму ассоціаціи, которая всею общею силою защищала и поддерживала бы личность и достатокъ каждаго члена, и при которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы однако самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ какъ и прежде».

Digitized by Google

Въ поискахъ за такою формою были испробованы двѣ монархіи (Бурбонская и Орлеанская), двѣ имперіи и три республики, изъ которыхъ третья существуетъ донынѣ уже сорокъ лѣтъ и, повидимому, является рѣшеніемъ проблемы, рѣшеніемъ, наконецъ, достигнутымъ въ 1875 году, т.-е. спустя почти сто лѣтъ послѣ начала революціи. И вотъ для того, чтобы осмыслить юридически найденную такъ политическую форму, большинство французскихъ государствовѣдовъ ограничилось или реставраціею старой латинской теоріи власти, какъ imperium, или заимствованіемъ нѣмецкой теоріи государства, какъ особаго субъекта съ суверенною волею, властно обращающею свои императивы къ послушному населенію, которое скромно пользуется предоставленными ему субъективными публичными правами. Такимъ образомъ въ трудахъ французскихъ государствовѣдовъ галльскій пѣтухъ принялъ несвойственный ему обликъ одноглаваго прусскаго орла. И юридическою доктриною республиканскаго государства стала монархическая теорія управляемаго государства. Особенно типична въ этомъ отношеніи публичноправная конструкція Эсмена. И вотъ теорія солидарности рѣшительно отвергаетъ пріемлемость для Франціи и ея публичнаго права системы управляемаго государства. Она пытается замѣнить ее болѣе подходящею системою самоуправляющагося народа, при чемъ въ соотвѣтствіи съ общественными движеніями XIX вѣка народъ разумѣется не атомистически, какъ ариѳметическая сумма абсолютно однородныхъ индивидовъ, и не мистически, какъ цѣлокупный живой организмъ, а федералистически какъ соединеніе общественныхъ организацій и профессіональныхъ группъ. Все это можетъ повести за собою полнѣйшую переработку доктрины французскаго государственнаго права.

Таково вліяніе солидарности на французскую теорію государственнаго устройства. Что касается, наконецъ, вліянія на практику государственнаго управленія во Франціи, то оно сводится къ стремленію болѣе рѣшительно вывести ее изъ области полиціи безопасности на путь полиціи благосостоянія, или, выражаясь болѣе современными терминами, соціальной политики. Извѣстно, что во Франціи такъ наз. соціальное законодательство далеко не стоитъ на высотѣ идеологической разработки соціальнаго вопроса. И даже такое не слишкомъ замысловатое, скорѣе даже фискальное, чѣмъ соціальное мѣропріятіе, какъ подоходный налогъ, все еще не выходитъ изъ стадіи законопроекта. Главнымъ препятствіемъ къ смѣлому и систематическому соціальному законодательству во Франціи является упорная охрана системы частнаго права съ неприкосновенностью личности и частной собственности, при чемъ эта система отожествляется со свободою и равенствомъ, т.-е. съ завѣтами великой

Digitized by Google

французской революціи. И вотъ доктрина солидарности путемъ противопоставленія этой революціи эволюціи французской націи въ сторону общественности за истекшее столѣтіе и всяческими другими средствами стремится сдѣлать пріемлемою программу болѣе широкаго, чѣмъ до сихъ поръ, соціальнаго законодательства и такимъ образомъ содѣйствовать переработкѣ практики французскаго управленія соотвѣтственно принципамъ общественнаго права.

Таково значеніе теоріи солидарности для культуры и правовѣдѣнія современной Франціи. Но этимъ однимъ не исчерпывается все ея значеніе. Оно простирается также и далеко за предѣлы Франціи. Дѣло не только въ томъ, что, подобно другимъ французскимъ соціальнымъ теоріямъ, она оказываетъ вліяніе на умы во всѣхъ мало-мальски культурныхъ странахъ. Дѣло еще и въ томъ, что въ другихъ странахъ помимо французскихъ солидаристовъ и отчасти даже до нихъ возникли болѣе или менѣе аналогичныя теоріи. А это обстоятельство сообщаетъ уже доктринѣ солидарности не только мѣстное, спеціально французское, но и еще болѣе общее и универсальное значеніе. Въ Германіи родственными этой доктринѣ теоріями являются хотя бы попытки Антона Менгера проложить путь новому соціальному праву, минуя односторонніе притязанія какъ индивидуалистовъ, такъ и соціалистовъ, или ученіе Тенніеса о новой, основанной на взаимныхъ обязательствахъ общественности (Gesellschaft), смѣняющей старую, основанную на бытовыхъ традиціяхъ (Gemeinschaft), или ученіе юристовъ соціологическаго направленія о взвѣшиваніи интересовъ правомъ.

Болѣе неожиданнымъ можетъ показаться то обстоятельство, что у французскихъ теоретиковъ солидарности есть предшественники въ русской литературѣ. Такъ, ученіе Буржуа о соціальномъ долгѣ представляетъ, въ сущности, не болѣе какъ попытку дать болѣе мягкую форму и юридическій учетъ хотя бы только въ видѣ естественнаго обязательства (obligatio naturalis) тѣмъ же самымъ мыслямъ, которыя побудили автора знаменитыхъ «Историческихъ писемъ» Миртова (т.-е. П. Лаврова) учить о долгѣ русской интеллигенціи по отношенію къ народу. Нѣчто аналогичное ученію Дюги о самодовлѣющемъ объективномъ правѣ, которое не получаетъ бытія отъ государственной власти, а, напротивъ, само сообщаетъ ея фактическому бытію характеръ бытія правомѣрнаго, представляетъ попытка А. Д. Градовскаго поставить законъ выше власти въ системѣ русскаго государственнаго права. Но особенно типичнымъ предшественникомъ теорій Дюги и Оріу былъ Н. М. Коркуновъ. Въ своемъ изслѣдованіи «Указъ и законъ» онъ рѣши-

Digitized by Google

тельно отказался отъ двухъ фикцій — отъ взгляда на государство какъ на личность и отъ вѣры въ особую государственную волю. Особенно рѣшительно отрицалъ онъ эту послѣднюю. Гдѣ, спрашивалъ онъ, единая воля въ конституціонныхъ государствахъ, особенно съ парламентскимъ правительствомъ и борьбою партій? Гдѣ эта воля въ республикахъ? Гдѣ ее искать въ тѣхъ случаяхъ, когда два учрежденія пререкаются между собою изъ-за вопроса объ ихъ компетенціи, а третье рѣшаетъ ихъ споръ? Здѣсь какъ будто цѣлыхъ три воли. Словомъ, утверждалъ Коркуновъ, основа властвованія, осуществляемаго государственными органами, состоитъ не въ томъ, что существуетъ какая-то высшая государственная личность, диктующая свою высшую волю, а въ томъ, что люди, живущіе совмѣстно, связаны сознаніемъ взаимной зависимости. Источникомъ этой зависимости они считаютъ иногда даже только воображаемыя существа — божества и т. п. И поэтому властвованіе предполагаетъ сознаніе не со стороны властвующаго (каковымъ можетъ быть и фиктивное существо), а со стороны подвластныхъ. Они повинуются тому, что они называютъ государствомъ, вслѣдствіе сознанія взаимной зависимости. А это сознаніе вырабатывается благодаря самымъ разнообразнымъ связямъ — языку, обычаямъ, культурнымъ и экономическимъ отношеніямъ. Связи эти до того прикрѣпляютъ людей къ данному общежитію, что эмиграція представляетъ въ общемъ рѣдкое явленіе и дается людямъ очень нелегко. Государственная власть и есть сила, проистекающая изъ сознанія гражданами ихъ взаимной зависимости. Ея дестинатаріями являются граждане. Органы же публичной власти являются не болѣе какъ ея диспозитаріями. Сообразно съ этимъ Коркуновъ давалъ конструкцію государства не какъ личности, а какъ юридическаго отношенія, въ которомъ субъектами являются граждане, а объектомъ публичная власть. Въ 1894 году, когда появилось это ученіе Коркунова, русское государствовѣдѣніе почти всецѣло находилось подъ вліяніемъ Гербера и Лабанда, т.-е. нѣмецкой теоріи субстанціальнаго и волевого государства. И посему оригинальность этого ученія не была оцѣнена по достоинству, тѣмъ болѣе что самъ Коркуновъ въ другихъ своихъ трудахъ отдалъ немалую дань нѣмецкой теоріи. Но въ настоящее время, когда безграничный авторитетъ этой теоріи уже сильно пошатнулся у насъ въ Россіи и когда иные представители этой теоріи въ Германіи сами отчасти вступили на путь соціальнаго изученія государства, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Іеллинекъ, пора вспомнить и о теоріи Коркунова. Она интересна какъ русская попытка дать новую теорію права и государства, основанную на принципѣ «между-

Digitized by Google

зависимости» людей и служебномъ, а не господствующемъ положеніи публичной власти.

Такимъ образомъ теорія солидарности представляетъ не только порожденіе современной французской культуры, но еще и симптомъ какой-то общей перемѣны въ умахъ, происходящей также и въ другихъ странахъ. Въ чемъ же состоитъ эта перемѣна и каково сообразно съ этимъ уже не спеціально французское, а болѣе общее и универсальное значеніе этой теоріи? Прежде всего здѣсь происходитъ сближеніе между правовѣдѣніемъ и соціологіею. Можно относиться различно къ соціологіи. Можно даже сомнѣваться въ существованіи такой науки и отвергать ея возможность. Но нельзя отрицать того, что она внесла во всѣ уже существующія общественныя науки какую-то новую точку зрѣнія. И эту точку зрѣнія нельзя не признать во многихъ отношеніяхъ свѣжею и плодотворною. Прежде всего она сдѣлала эти науки дѣйствительно общественными, т.-е. науками, изучающими человѣка, а также его цивилизацію и культуру въ тѣсной связи съ тѣмъ или инымъ конкретнымъ общежитіемъ. Затѣмъ она заставила эти науки заниматься не метафизическими утопіями, а реальною дѣйствительностью. Наконецъ, она пріучила эти науки не хвалить или бранить тѣ или иныя явленія дѣйствительности, а стараться просто понять ихъ. Все это не могло не принести большой пользы правовѣдѣнію. Вкусившимъ соціологіи юристамъ уже нельзя было твердить jus, jus et nihil plus и отдѣлываться отъ соціальныхъ вопросовъ современности горделиво невѣжественнымъ недоумѣніемъ какого-нибудь Куяція: quid hoc ad edictum praetoris, какое отношеніе все это имѣетъ къ преторскому эдикту? Имъ пришлось вспомнить, что право существуетъ для людей — omne jus hominum causa constitutum est, — а люди живутъ въ обществѣ. И для того, чтобы открыть или установить принципы права, они оставили заманчивую, но также и обманчивую область метафизики и стали оріентировать право въ общественной жизни. Все это обновило и углубило правовѣдѣніе. Оно очутилось на твердой почвѣ и, подобно легендарному Антею, получило новыя силы отъ соприкосновенія съ землею. Но въ этомъ же содержалась и содержится немалая опасность для него. Дѣло въ томъ, что соціологія всегда стремилась и стремится стать чѣмъ-то въ родѣ физики соціальной жизни, науки, подчиняющей ея онтологію закономѣрности исключительно механическаго типа. Правовѣдѣніе же всегда остается наукою моральною, изучающею общественную жизнь съ точки зрѣнія деонтологической закономѣрности. И вотъ, когда соціологія черезчуръ подчиняетъ себѣ или даже поглощаетъ правовѣдѣніе, то отъ всего специфи-

Digitized by Google

чески юридическаго въ правѣ не остается ничего. Юристъ тогда уже не твердитъ justitiam colimus; онъ не смотритъ на общежитіе съ высоты той или иной нормы должнаго. Онъ считаетъ всѣ нормы только результатомъ сущаго и притомъ стихійнымъ, механическимъ результатомъ. Нормальнымъ для него становится только типичное. Сообразно съ этимъ ars aequi et boni превращается въ равнодѣйствующую индивидуальныхъ или соціальныхъ столкновеній. И верховною идеей права становится какой-то уже даже не юридическій, а соціально-физическій автоматизмъ. Если Буржуа и Дюги болѣе или менѣе благополучно избѣжали этой опасности, то этого нельзя сказать про Оріу съ его теоріею равновѣсій и соціальнаго автоматизма. Несмотря на этотъ недостатокъ, положительною стороною теоріи солидарности является то, что она нашла-таки какое-то рѣшеніе вопроса о взаимоотношеніи юриспруденціи и соціологіи. А найти рѣшеніе необходимо, ибо всѣ гуманитарныя науки теперь до того проникнуты соціологизмомъ, что никакъ нельзя отдѣлываться отъ него однимъ только его отрицаніемъ.

И рѣшеніе солидаристовъ интересно тѣмъ, что они не только перерабатываютъ правовѣдѣніе примѣнительно къ соціологіи, но и, наоборотъ, перерабатываютъ соціологію примѣнительно къ правовѣдѣнію. Дѣло въ томъ, что когда соціологія появилась въ XIX вѣкѣ, она сначала рѣшительно отвергла правовѣдѣніе, какъ устарѣвшую науку метафизическаго и даже отчасти теологическаго типа. Отвергла какъ потому, что она не признавала никакихъ нормативныхъ, деонтологическихъ наукъ, такъ и потому, что ея пониманіе общества исключало какія бы то ни было юридическія отношенія между его членами. Именно, она понимала общество не плюралистически, а монистически, не какъ взаимодѣйствіе лицъ и союзовъ, а какъ какую-то компактную массу соціальной матеріи, подчиненной натуралистическимъ законамъ соціальной физики. Сообразно съ этимъ хотя уже Контъ говорилъ въ «Курсѣ позитивной философіи» о consensus'ѣ и солидарности общественныхъ явленій, онъ понималъ эти термины такъ, что ни о какомъ юридическомъ ихъ примѣненіи не могло быть и рѣчи. Когда же въ «Курсѣ позитивной политики», на который, кстати, такъ любитъ ссылаться Дюги, Контъ пришелъ къ сознанію и возможности и даже необходимости именно такого примѣненія, то, какъ извѣстно, большинство правовѣрныхъ соціологовъ отвернулось отъ него, приписавъ душевной болѣзни отца позитивизма то, что въ дѣйствительности являлось лишь усовершенствованіемъ его методологіи. И вотъ, солидаристамъ удалось вернуть понятію общества его первоначальный юридическій смыслъ. Понятіе квази-контракта какъ бы сбли-

Digitized by Google

зило соціологію нашего времени съ соціологіею XVII вѣка, которая понимала общество какъ юридическое взаимодѣйствіе лицъ, обладающихъ полнымъ сознаніемъ и волею. Понятіе «междузависимости» много говоритъ какъ юристу, такъ и соціологу. Оно столько же позволяетъ юристу говорить соціологическимъ языкомъ, сколько побуждаетъ соціолога говорить юридическимъ языкомъ или по крайней мѣрѣ понимать этотъ языкъ.

Такимъ образомъ доктрина солидарности принципіально интересна прежде всего тѣмъ, что она сближаетъ юриспруденцію съ соціологіею. Съ этимъ связано то, что она даетъ новую теорію государства. Сущность перемѣны состоитъ въ томъ, что политическая теорія государства замѣняется теоріею соціальною. Главный предметъ вниманія политической теоріи государства — это публичная власть, суверенно возвышающаяся надъ обществомъ. Главные догматы этой теоріи — единство и недѣлимость суверенитета и раздѣленіе его на три власти — законодательную, исполнительную и судебную. И главное затрудненіе этой теоріи — какъ примирить единство и троичность власти, затрудненіе, напоминающее усилія догматическаго богословія примирить и совмѣстить единобожіе съ троичностью Божества (которую Кантъ, безсознательно комбинируя Монтескье и пророка Исаію, сближалъ съ тремя раздѣльными властями). Соціальная же теорія государства переноситъ центръ вниманія отъ публичной власти, управляющей обществомъ, на самоуправляющееся общество. Публичная власть изъ фактора становится фактомъ или даже результатомъ. И система правительственной централизаціи замѣняется системою широкой общественной децентрализаціи. Это нововведеніе тоже является обоюдоострымъ. Съ одной стороны, оно сообщаетъ большую жизненность понятію государства, замѣняетъ скелетъ формальныхъ конструкцій живымъ соціальнымъ организмомъ. Но съ другой стороны оно, почти безъ остатка растворяетъ государство въ потокѣ общественныхъ теченій и лишаетъ его того не совсѣмъ безполезнаго метафизическаго ореола, который такъ хорошо умѣлъ цѣнить одинъ изъ основоположниковъ соціальнаго ученія о государствѣ, именно Лоренцъ Штейнъ.

Кромѣ новой теоріи государства, доктрина солидарности даетъ также и новую теорію права. Сущность перемѣны состоитъ прежде всего въ томъ, что она рѣшительно отвергаетъ императивную теорію объективнаго права. Съ точки зрѣнія этой теоріи право представляетъ не болѣе какъ повелѣніе возвышающейся надъ обществомъ государственной власти, ея волеизъявленіе въ формѣ закона. Сообразно съ этимъ объективное право отожествляется съ закономъ,

Digitized by Google

jus совпадаетъ съ lex, и, какъ предлагалъ одинъ французскій юристъ начала XIX вѣка[1]), юрисконсультъ переименовывается въ легисконсульта. Такова господствующая на континентѣ Европы теорія объективнаго права. И вотъ французскіе солидаристы отвергаютъ ее и, по крайней мѣрѣ въ лицѣ Дюги, пытаются замѣнить ее чѣмъ-то въ родѣ англійской теоріи общаго права. Англійское law существенно отличается отъ французскаго loi. Французское loi предполагаетъ тожество права съ закономъ и тожество закона съ приказаніемъ государственной власти. Англійское же law разсматривается какъ совокупность нормъ дѣйствующаго права, которое примѣняется судами и обязательно для всѣхъ, даже и для государства, которое конструируется не какъ надобщественная личность, а какъ система общественныхъ учрежденій (communitas communitatum). Сообразно съ этимъ по англійской теоріи государство подзаконно, sublex, по континентальной же — надзаконно и внѣ законно, exlex. Оригинальность Дюги состоитъ въ томъ, что онъ стремится перенести на континентъ англійскую теорію, не смущаясь тѣмъ, что еще Остинъ и аналитическая школа англійскихъ юристовъ переносили континентальную теорію въ Англію.

Новая теорія права ведетъ за собою новую теорію источниковъ объективнаго права. Какъ у Дюги, такъ особенно у Оріу, законъ получаетъ характеръ не столько повелѣнія государственной власти, сколько сдѣлки, подобно тому смыслу, который отчасти имѣло слово lex въ древнемъ римскомъ правѣ какъ частномъ, такъ даже, какъ доказывалъ Моммзенъ, и публичномъ. И сообразно съ этимъ въ теорію источниковъ права широко вводится договорное начало. Въ связи съ этимъ и въ согласіи съ общею тенденціею солидаристовъ построитъ теорію права не извнѣ, а извнутри, изъ собственной жизни общества, выдвигается въ качествѣ одного изъ основныхъ источниковъ права автономія. При этомъ она разумѣется не въ смыслѣ домашняго и семейнаго законодательства германскихъ владѣтельныхъ князей, обыкновенно фигурировавшаго подъ этимъ названіемъ въ старыхъ руководствахъ по теоріи права, а въ смыслѣ регламентовъ профессіональныхъ союзовъ и иныхъ соціальныхъ организацій, которымъ и Дюги и Оріу предоставляютъ очень широкое юридическое самоуправленіе уже хотя бы для предотвращенія самоуправства (action directe) пугающей ихъ такъ называемой всеобщей конфедераціи труда. Такимъ образомъ децентрализованная теорія государства естественно ведетъ за собою и децентрализованную теорію права.

---

[1]) Ch. Bonnin, Principes d'administration publique (см. Hauriou, 632).

Digitized by Google

Наконецъ, теорія солидарности представляетъ большой принципіальный интересъ для историковъ. Могло бы показаться, что это такая доктрина, которая порываетъ всякую связь не только съ прошлымъ, но и съ настоящимъ, и устремляется къ какому-то небывалому будущему. Однако въ новизнѣ этой теоріи слышится и старина, притомъ, быть можетъ, довольно даже неожиданная. Именно, въ исторіи Западной Европы была эпоха, когда, какъ выражался еще Гегель, не было государства, а было только общество, и притомъ такое же децентрализованное, самоуправляющееся, связанное взаимными договорами и не связанное суверенною волею публичной власти, о какомъ учатъ и солидаристы. Это именно средніе вѣка. И вотъ солидаристы вспоминаютъ ихъ и притомъ не безъ зависти. Такъ, напримѣръ, Дюги находитъ «въ XIII вѣкѣ образецъ очень космополитическаго общества, іерархизованные и координированные классы котораго были соединены между собою системою соглашеній, признававшихъ за ними рядъ взаимныхъ правъ и обязанностей, подъ контролемъ короля, верховнаго сюзерена, обязаннаго по тогдашнему прекрасному выраженію, утверждать порядокъ и миръ черезъ справедливость, т.-е. обезпечивать выполненіе каждою группою обязанностей, возлагаемыхъ на нее занимаемымъ ею мѣстомъ въ общественномъ цѣломъ»[1]). А Оріу находитъ сродство между современнымъ лозунгомъ solidarisons-nous и лозунгомъ XII вѣка: communion! communion! Дюги возрождаетъ среднєвѣковое корпоративное представительство съ повелительными мандатами, Оріу — даже инвеституру, которая, какъ онъ увѣряетъ, лучше объясняетъ организацію современнаго государства, чѣмъ делегація суверенитета[2]). И оба они признаютъ, что если отвергаемый ими суверенитетъ представляетъ доктрину централизаціи, то проповѣдуемая ими доктрина децентрализаціи приближается къ феодализму и среднимъ вѣкамъ. Такимъ образомъ къ своеобразной судьбѣ среднихъ вѣковъ присоединяется новая деталь. Было время, именно эпоха возрожденія, когда средніе вѣка осуждались во имя прошлаго, во имя классической старины. Было время, именно XVIII вѣкъ, когда они осуждались во имя будущаго, во имя прогресса. И было время, именно начало XIX вѣка, эпоха романтики и реакціи, когда средніе вѣка идеализировались во имя поэтической и политической реставраціи. Теперь наступило время, когда средніе вѣка идеализируются — во имя соціальнаго прогресса. Какъ тутъ не вспомнить замѣчанія Гёте, что извилистые

---

[1]) Соціальное право и т. д., стр. 120.
[2]) См., напримѣръ, у Оріу стр. 67, 283, 434, 437 и слѣд.

Digitized by Google

пути исторіи напоминаютъ спираль, какъ бы постоянно возвращающуюся назадъ?

Есть еще одна область, по отношенію къ которой доктрина солидарности можетъ получить очень широкое примѣненіе. Это именно область международныхъ отношеній. Идея междузависимости и квази-контракта, а также федерализмъ могутъ оказаться весьма пригодными для конструкціи системы международнаго права, тѣмъ болѣе что понятіе солидарности, правда, изъ другого источника (Лоримеръ), уже хорошо знакомо ученымъ спеціалистамъ въ этой области. Но такъ какъ охарактеризованные выше представители французской доктрины солидарности не настаиваютъ на такомъ ея примѣненіи, то мы и ограничимся только этимъ общимъ указаніемъ, тѣмъ болѣе что въ переживаемое нами время приходится больше думать de jure belli, чѣмъ de jure pacis.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, значеніе той новой системы юридическихъ и политическихъ принциповъ, которая именуется доктриною солидарности. Въ сравненіи съ традиціонною и все еще господствующею системою она является, конечно, очень крупною ересью. Но это такая ересь, о которой можно сказать то, что нѣкогда говорили о ереси Оригена: ubi bene, nemo melius, ubi male, nemo pejus. Тамъ, гдѣ солидаристы учатъ хорошо, они учатъ лучше другихъ; тамъ же, гдѣ они учатъ плохо, они учатъ хуже другихъ.

Е. Спекторскій.

Digitized by Google

О судебной психологіи.

Судебная психологія и по названію и по содержанію наука не новая; ея существованіе можно прослѣдить на протяженіи болѣе столѣтія. Уже въ 1792 году Карлъ фонъ-Эккартсгаузенъ издалъ въ Мюнхенѣ работу подъ заглавіемъ: «О необходимости психологическихъ познаній при обсужденіи преступленій»[1]). Въ томъ же году появилась и работа Шаумана: «Мысли о криминальной психологіи»[2]). Можно указать также работу Мюнха, появившуюся въ 1799 году подъ заглавіемъ: «О вліяніи криминальной психологіи на систему уголовнаго права»[3]). Какъ показываютъ уже заглавія трудовъ, ихъ авторы интересуются отношеніемъ между психологіей и предметомъ уголовнаго права. Но нѣсколько позднѣе, на ряду съ этими работами, посвященными исключительно криминальной психологіи, можно отмѣтить работы и болѣе широкаго содержанія. Такова работа профессора философіи Гоффбауэра: «Психологія въ ея главныхъ примѣненіяхъ къ судебной жизни»[4]), появившаяся въ 1808 году. Названіе «криминальная психологія» оказалась для послѣдующихъ работъ уже слишкомъ узкимъ, поэтому входитъ въ употребленіе названіе «судебная психологія». Наиболѣе энергично пропагандировалъ его медикъ Фридрейхъ въ своей книгѣ: «Систематическое руководство по судебной психологіи»[5]), появившейся въ 1835 году. И дѣйствительно, на ряду съ интересомъ къ душевной жизни преступника, который нашелъ наиболѣе полное выраженіе въ глубоко интересномъ популярно-психологическомъ трудѣ юриста Ансельма фонъ-Фейербаха: «Основанная на актахъ характеристика замѣчатель-

---

[1]) Karl von Eckardtshausen, Ueber die Notwendigkeit psychologischer Kenntnisse bei Beurteilung von Verbrechen. 1792.

[2]) Ioh. Chr. Schaumann, Ideen zu einer Kriminalpsychologie. 1792.

[3]) Münch, Ueber den Einfluss der Kriminalpsychologie auf ein System des Kriminalrechts. 1799.

[4]) I. C. Hoffbauer, Psychologie in ihren Hauptanwendungen auf die Rechtspflege. 1808.

[5]) I. B. Fridreich, Systematisches Handbuch der gerichtlichen Psychologie. 1835.

Digitized by Google

ныхъ преступниковъ»[1]) (появившемся въ 1828 году—первый томъ и въ 1892 году—второй томъ), — можно указать крупный трудъ его ученика Миттермайера: «Ученіе о доказательствѣ»[2]), въ которомъ авторъ выразительно указываетъ на необходимость психологическаго обоснованія судебной дѣятельности. По его мнѣнію, для того, чтобы съ увѣренностью произносить приговоръ, необходимо самое точное знаніе человѣческаго сердца и общественныхъ отношеній. «Иногда судьѣ приходится быть не юристомъ, а знатокомъ человѣческаго сердца, если онъ хочетъ правильно разобраться въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, мотивахъ преступнаго дѣянія и т. п.»[3]). «Поистинѣ многообѣщающее начало», замѣчаетъ по поводу отмѣченныхъ трудовъ Рейхель: «но за нимъ не послѣдовало продолженія. Судебная психологія остановилась въ своемъ развитіи, уклонилась въ сторону и была забыта»[4]). Виновата въ этомъ была отчасти и научная психологія. Со средины XIX столѣтія быстро развилась именно чисто теоретическая психологія, которая на время отвлекла интересы спеціалистовъ отъ проблемъ прикладного характера и отдала почти исключительное вниманіе вопросамъ, далекимъ отъ интересовъ судебной дѣятельности.

Судебная психологія перешла поэтому преимущественно въ руки медиковъ и въ ихъ трактованіи почти совершенно растворилась въ психіатріи. Криминальная психологія тѣсно связала себя съ криминальной психопатологіей, проявила исключительный интересъ къ душевно больному преступнику. При этомъ необходимо отмѣтить крупную роль, которую сыгралъ въ развитіи судебной психологіи знаменитый итальянскій антропологъ и психопатологъ Цезарь Ломброзо своимъ ученіемъ о врожденномъ преступникѣ. Онъ далъ первый толчокъ, оказавшій весьма длительное дѣйствіе, не только физіологическому, но и психологическому анализу преступнаго человѣка. Оживленные научные споры, которые вызвало это ученіе, много способствовали выясненію какъ самого предмета споровъ, такъ и психологическихъ предпосылокъ, которыя необходимы для ихъ разрѣшенія. Подобнымъ же интересомъ къ «познанію психическихъ состояній преступнаго человѣка» вызвано появленіе въ свѣтъ и современнаго намъ труда по криминальной психологіи Р. Зоммера: «Криминальная психологія и уголовная психопатологія

---

[1]) Anselm Ritter von Feuerbach, Actenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrecher. I—1828, II—1829.

[2]) Mittermaier, Die Lehre vom Beweise. 1834.

[3]) Цитировано по источнику: H. Reichel. Ueber forensische Psychologie. 1910. Стр. 61.

[4]) H. Reichel, Op. cit., стр. 9.

Digitized by Google

на естественно научной основѣ»[1]). Однако, на ряду съ этимъ интересомъ къ душевно больному преступнику, все больше прокладываетъ себѣ дорогу сознаніе, что существенно важной для пониманія и регулированія судебной жизни является не только патологическая психологія, но и психологія нормальнаго человѣка. Вѣдь бываютъ не только душевно больные, но и душевно здоровые преступники, и между психопатологическимъ и нормальнымъ волевымъ актомъ часто невозможно провести рѣзкой границы.

Необходимость пойти навстрѣчу потребности въ нормально-психологическомъ обоснованіи судебной дѣятельности нашла свое признаніе въ большомъ трудѣ Г. Гросса, появившемся въ 1905 году уже во второмъ изданіи [2]). Этотъ трудъ носитъ еще традиціонное названіе: «Криминальная психологія». Но Гроссъ понимаетъ подъ криминальной психологіей «не только психопатологію преступника, не только естественную исторію преступной души». «Каждое преступленіе существуетъ для насъ лишь постольку, поскольку мы его воспринимаемъ, поскольку мы познаемъ его при помощи всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя допускаетъ уголовный процессъ. Но всѣ эти средства покоятся на чувственномъ воспріятіи судьи и его вспомогательныхъ органовъ, свидѣтелей, обвиняемыхъ и экспертовъ. Эти воспріятія нужно использовать психически. Но чтобы знать правила, которыя руководятъ этимъ использованіемъ, требуется опять-таки особенная отрасль психологіи, слѣдовательно прагматическая, прикладная психологія; эта послѣдняя занимается всѣми душевными моментами, которые могутъ итти въ расчетъ при установленіи и обсужденіи преступленій»[3]). Такая программа изложенія не только расширила прежнія рамки «криминальной психологіи», она ихъ окончательно уничтожила. За прикладной психологіей въ пониманіи Гросса едва ли цѣлесообразно удерживать названіе криминальной психологіи. Къ ней больше подходитъ названіе судебной психологіи. Въ этомъ смыслѣ предлагаетъ расширить психологическія основы судебной дѣятельности и Клапаредъ[4]); именно, онъ различаетъ юридическую психологію, которая занимается психологическимъ разсмотрѣніемъ фактовъ, относящихся къ судебной дѣятельности, и криминальную психологію — науку о самомъ преступникѣ и о преступности; терминъ же «судебная психологія» долженъ обнимать тогда содержаніе обѣихъ вышеупомянутыхъ психологическихъ дисциплинъ. Такъ же

---

[1]) R. Sommer, Kriminalpsychologie und strafrechtliche Psychopathologie auf naturwissenschaftlicher Grundlage. 1904.

[2]) H. Gross, Kriminalpsychologie. 1905. 2-te Aufl.

[3]) H. Gross, Op. cit. Стр. 3.

[4]) Ed. Claparède, La psychologie judiciaire. Année psychologique. XII. 1906, стр. 275.

Digitized by Google

широко понимаетъ область судебной психологіи и Рейхель. Онъ опредѣляетъ ее какъ прикладную психологію, которая занимается всѣми психологическими фактами и законами, играющими роль въ судебной практикѣ. По его мнѣнію, судебная психологія—родная сестра педагогической психологіи[1]).

Такимъ образомъ, по признанію современныхъ намъ ученыхъ, судебная психологія есть отрасль прикладной психологіи. Въ смыслѣ этого опредѣленія и ведется въ настоящее время научная разработка психологическихъ основъ судебной дѣятельности, которая достигла уже такой стадіи развитія, что появились пособія по судебной психологіи, подводящія итоги наиболѣе важныхъ результатовъ научнаго изслѣдованія. Таковы наиболѣе современныя пособія Марбе и Липмана[2]). Не остались внѣ поля зрѣнія психологовъ и принципіальные вопросы судебной психологіи; именно, разностороннее и весьма интересное разсмотрѣніе принциповъ и методовъ судебной психологіи содержитъ большой трудъ американскаго психолога Мюнстерберга[3]). Эти работы общаго характера опираются на изслѣдованіе спеціальныхъ проблемъ судебной психологіи. Что касается послѣднихъ, то относительно проблемы свидѣтельскихъ показаній, напримѣръ, можно говорить уже объ обширной научной литературѣ[4]).

На основаніи изложеннаго можно утверждать, что существуетъ молодая психологическая дисциплина—судебная психологія. Ея работа у однихъ вызываетъ чрезвычайно большія надежды, у другихъ же только любопытство съ примѣсью недовѣрія и даже опасенія за будущее судебной практики[5]). При такихъ условіяхъ разсмотрѣніе принципіальныхъ основъ этой науки и условій ея успѣшнаго развитія является обязанностью каждаго, кто желаетъ серьезно отнестись къ достигнутымъ результатамъ. Вотъ почему въ послѣднее время психологами и юристами оживленно дебатировались

---

[1]) H. Reichel, Ueber forensische Psychologie. 1910, стр. 6.

[2]) K. Marbe, Grundzüge der forensischen Psychologie. 1913. O. Lipmann, Grundriss der Psychologie für Juristen. 1914. 2-te Aufl.

[3]) H. Münsterberg, Grundzüge der Psychotechnik. 1914. Отдѣлъ VII. Recht.

[4]) См. особенно монографическій источникъ, изданный Штерномъ: «Beiträge zur Psychologie der Aussage». Leipzig. 1903—6 и критическую сводку результатовъ: A. Stöhr, Psychologie der Aussage. 1911; въ изданіи «Das Recht». На русскомъ языкѣ см. сборникъ: «Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія», выпускъ I, въ которомъ помѣщены статьи В. Штерна, О. Гольдовскаго, А. Ѳ. Кони, Г. Гросса, А. Н. Бернштейна, Крамера, М. Лобзина и Ив. Холчева. См. также статью Елистратова и Завадскаго въ «Трудахъ Юридическаго Общества при Казанскомъ университетѣ» за 1903 г., ч. 1.

[5]) См. А. Ѳ. Кони, Психологія и свидѣтельскія показанія. Новыя идеи въ философіи. Сборникъ № 9, стр. 68—9.

Digitized by Google

вопросы о предметѣ, задачахъ и средствахъ судебно-психологическаго изслѣдованія и даже о правѣ на существованіе и преподаваніе судебной психологіи. Общій выводъ, къ которому привели эти дебаты, можетъ быть вѣрно выраженъ постановленіемъ 31-го Нѣмецкаго юридическаго конгресса, который офиціально призналъ судебную психологію не только желательной, но даже необходимой составной частью первоначальнаго образованія юристовъ[1]), а это признаніе предполагаетъ, конечно, и признаніе ея практической и теоретической цѣнности.

На что опирается это безусловно авторитетное признаніе цѣнности судебной психологіи? Чѣмъ можетъ быть полезна психологія судебной практикѣ? На этотъ вопросъ Рейхель отвѣчаетъ указаніемъ на то, что судебная психологія даетъ прочное основаніе для уясненія ряда понятій и множества фактовъ, съ которыми юристъ встрѣчается ежедневно[2]).

И дѣйствительно, такія необходимыя въ судебной дѣятельности понятія, какъ: представленіе, мотивъ, цѣль, намѣреніе, умыселъ, свободное волевое дѣйствіе, вмѣняемость, сознаніе, аффектъ, память и т. п., будучи чисто психологическими по своему содержанію, могутъ быть точно опредѣлены только при помощи паучной психологіи. Психологія можетъ даже пролить свѣтъ и на такія понятія, какъ: договоръ, ошибка, требованіе, нарушеніе обязательства, злоупотребленіе и т. п.

Далѣе, легко убѣдиться, какую существенную помощь можетъ оказывать психологія при рѣшеніи вопроса о наказаніи. Условія, исключающія или смягчающія вину, должны быть подчинены психологическимъ точкамъ зрѣнія: такія явленія, какъ безсознательное состояніе, состояніе ужаса, отчаянія и т.п., не только вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуютъ тщательнаго психологическаго анализа. Когда опредѣляются вліянія одиночнаго или совмѣстнаго заключенія, продолжительнаго или кратковременнаго заключенія, условнаго осужденія и т. п., судья сталкивается съ цѣлымъ рядомъ сложныхъ психологическихъ проблемъ[3]).

Далѣе, допросъ свидѣтелей и оцѣнка ихъ показаній составляютъ основу дѣятельности каждаго судьи; а между тѣмъ эта оцѣнка носитъ почти исключительно психологическій характеръ. Изслѣдованія послѣдняго времени убѣдительно доказываютъ, какую важную роль можетъ сыграть систематическое изученіе психиче-

---

[1]) W. Stern, Die Psychologie und die Vorbildung der Juristen-Zeitschrift für angewandte Psychologie. VII. 1912. Стр. 71.
[2]) Op. cit., стр. 27.
[3]) H. Reichel, op. cit., стр. 37. — H. Münsterberg, op. cit., стр. 457, 460.

Digitized by Google

скихъ факторовъ, опредѣляющихъ содержаніе показаній. Вѣдь если это содержаніе будетъ установлено вѣрно, то возможна и правильная оцѣнка; но если оно установлено невѣрно, то оцѣнка показаній должна быть неправильной. Необходимо здѣсь содѣйствіе психологіи и для взаимнаго пониманія судьи и свидѣтеля. Вѣдь если при оцѣнкѣ показаній не установлено, на какомъ уровнѣ умственнаго развитія стоитъ свидѣтель, — судья и свидѣтель будутъ говорить на разныхъ языкахъ. Необходимо, далѣе, для судьи также пониманіе подсудимаго, ясное представленіе о томъ, обладаетъ ли подсудимый способностью усваивать общія понятія, нормально примѣнять свой прежній опытъ, правильно оцѣнивать житейскую ситуацію, предвидѣть будущее и т. д., все это — психологическія проблемы [1]).

И не только живые люди, но и мертвыя буквы завѣщанія, контракта и тому подобныхъ документовъ говорятъ много и правильно лишь тому, кто ихъ умѣетъ расшифровать, истолковать, вложить въ нихъ психическое содержаніе [2]).

Наконецъ, и самъ судья представляетъ изъ себя благодарный психологическій объектъ. Его приговоръ есть продуктъ не только логическихъ процессовъ, но и эмоціонально окрашенныхъ отношеній. Въ дѣйствительности судьи болѣе пристрастны, чѣмъ они сами думаютъ. Будучи людьми, они въ своей оцѣнкѣ и рѣшеніяхъ — безсознательно или преднамѣренно — руководятся своимъ міровоззрѣніемъ и жизнепониманіемъ, своими привычными взглядами, взглядами окружающихъ и т. д. Каждый судья, подобно астроному, имѣетъ свое «личное уравненіе», опредѣленіе котораго доступно только научной психологіи. А это «личное уравненіе» является источникомъ ошибокъ субъективнаго происхожденія, угрожающихъ дѣлу правосудія на каждомъ шагу [3]).

Мы видимъ, какая обширная область судебной дѣятельности соприкасается съ психической сферой окружающей насъ среды. Благодаря этому открывается широкое поле для дѣятельности психологіи въ интересахъ правосудія. Вотъ почему Рейхель утверждаетъ, что непсихологическое правосудіе будетъ всегда отчужденнымъ отъ жизни [4]), а Клапаредъ по адресу такого правосудія направляетъ знаменитое выраженіе Іеринга, называя его «циркомъ

---

[1]) H. Reichel, op. cit., стр. 34, 36. — H. Gross, op. cit., стр. 230, 226. 24. — H. Münsterberg, op. cit., стр. 523.
[2]) H. Reichel, op. cit., стр. 5.
[3]) A. Hellwig, Zur Psychologie der richterlichen Urteilsbildung. 1914, стр. 6, 41. — Ed. Claparède, op. cit., стр. 277.
[4]) Op. cit., стр. 13.

Digitized by Google

для упражненій въ діалектической эквилибристикѣ»[1]). Вотъ почему Гроссъ настаиваетъ на томъ, что изучать психологическіе законы — это просто долгъ добросовѣстности для юриста, если юридическія науки хотятъ искать для себя фактическаго обоснованія и избавиться отъ апріоризма старой школы[2]).

Итакъ, судебная психологія есть conditio sine qua non успѣшной судебной дѣятельности. Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ факты. Объ этомъ громко заявляютъ сами юристы, притомъ юристы весьма авторитетные. Въ такомъ случаѣ, какъ же до сихъ поръ судебная дѣятельность обходилась безъ услугъ психологіи? Неужели же нужно отвергнуть все, что не было психологически обосновано въ указанныхъ выше областяхъ судебной дѣятельности? Конечно, нѣтъ. Мнимая трудность легко устраняется. Юристы въ дѣйствительности всегда пользовались данными психологіи, но только не научной, а повседневной, популярной психологіи, пользовались результатами житейской психологической опытности.

Такимъ образомъ, настоятельно требуетъ отвѣта лишь вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ можетъ научная психологія восполнить данныя популярной психологіи въ интересахъ правосудія. Мы опредѣлили выше судебную психологію, какъ прикладную психологическую дисциплину. Поэтому и отвѣтъ на поставленный вопросъ можно получить путемъ разсмотрѣнія понятія, предмета, задачъ и методовъ прикладной психологіи вообще и судебной психилогіи въ частности. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнны соображенія Мюнстерберга, изложенныя имъ главнымъ образомъ въ упомянутомъ выше трудѣ[3]).

Прежде всего естественно задать вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи эта новая отрасль прикладной психологіи будетъ находиться къ теоретической психологіи. Будетъ ли она просто собирать крошки, падающія со стола теоретической психологіи, или же ставить свои собственныя проблемы и изобрѣтать собственные методы для ихъ разрѣшенія? Другими словами, будетъ ли судебная психологія самостоятельной областью научнаго психологическаго изслѣдованія или же только придаткомъ къ теоретической психологіи?

По мнѣнію Мюнстерберга, вопросъ о самостоятельности прикладной психологіи вообще, а слѣдовательно и судебной психологіи въ частности опредѣляется выборомъ изъ двухъ возможныхъ направленій ея работы: или она сначала отвѣчаетъ на вопросъ о томъ,

---

[1]) Op. cit., стр. 277.
[2]) Op. cit., стр. 6.
[3]) См. мою статью: «Къ вопросу объ отношеніи между психологіей и культурой». Вопросы философіи и психологіи, кн. 127. 1915 г.

Digitized by Google

каковы законы, управляющіе чувственнымъ воспріятіемъ, памятью, вниманіемъ и т. д., и затѣмъ уже устанавливаетъ то, для рѣшенія какихъ практическихъ задачъ они могутъ быть примѣнены. Или же первый ея вопросъ будетъ о томъ, какія цѣнныя практическія проблемы ждутъ отъ нея разрѣшенія, и затѣмъ уже, сообразуясь съ запросами практической дѣятельности, она будетъ отыскивать психологическія средства, которыя ведутъ къ удовлетворенію этихъ запросовъ.

Наиболѣе естественнымъ можетъ показаться первый путь изслѣдованія; постепенно разсматривать одинъ психическій процессъ за другимъ и опредѣлять значеніе каждаго изъ нихъ для различныхъ видовъ культурной дѣятельности. Вѣдь каждая психическая функція играетъ ту или иную роль въ различныхъ моментахъ судебной дѣятельности. Съ чувственнымъ воспріятіемъ, вниманіемъ, памятью, волей и т. д. мы встрѣчаемся и въ показаніяхъ свидѣтелей, и въ выводахъ экспертовъ, и въ рѣшеніи судьи[1]). Но если бы судебная психологія пошла по этому пути, весь характеръ ея работы находился бы въ очень большой зависимости отъ интересовъ теоретической психологіи, и использованіе психологическихъ данныхъ для осуществленія чисто судебныхъ цѣлей заняло бы лишь второстепенное положеніе, оказалось бы лишь случайнымъ побочнымъ результатомъ теоретическаго изслѣдованія. При такомъ способѣ работы никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что не упущены изъ вида даже и очень важныя практическія задачи, хотя бы теоретическое разсмотрѣніе психическихъ функцій и было исчерпывающимъ[2]). Научная психологія изучаетъ отдѣльныя психическія функціи. Поэтому съ чисто психологической точки зрѣнія невозможно опредѣлить, какіе сложные психическіе процессы и въ какомъ именно составѣ будутъ играть особенно видную роль въ той или иной сферѣ судебной дѣятельности. Только условія самой этой дѣятельности въ каждой отдѣльной области ея выдвигаютъ на первый планъ ту или иную комбинацію душевныхъ процессовъ. Такъ, нельзя заранѣе предвидѣть, въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ примутъ участіе въ свидѣтельскихъ показаніяхъ чувственное воспріятіе и память, какъ бы детально ни ознакомила насъ съ этими психическими факторами психологія. Только изученіе самихъ свидѣтельскихъ показаній устанавливаетъ источники ихъ ошибочности.

Какъ легко въ этомъ случаѣ упустить изъ вида полные практическаго значенія психическіе акты, такъ легко и ввести ненужные или даже недопустимые элементы. Такъ, Гроссъ, разсматривая вопросъ

[1]) H. Münsterberg, op. cit., стр. 189.
[2]) H. Münsterberg, op. cit., стр. 190.

Digitized by Google

о зрительной функціи слѣпого пятна, долженъ сознаться, что въ его практикѣ не было ни одного случая, для пониманія котораго данныя по этому вопросу теоретической психологіи могли бы быть полезными[1]). Съ психологической точки зрѣнія, далѣе, можно считать вполнѣ дѣйствительнымъ средствомъ внушеніе обвиняемому въ состояніи гипноза, съ юридической же точки зрѣнія этотъ способъ воздѣйствія недопустимъ. Сверхъ того, каждая глава имѣла бы въ такомъ случаѣ дѣло съ пестрой смѣсью практическихъ цѣлей, которыя не стоятъ другъ съ другомъ ни въ какой связи. Разсужденія о практическомъ примѣненіи свелись бы лишь къ нагроможденію случайныхъ иллюстрацій психическихъ процессовъ[2]). Поэтому болѣе цѣлесообразнымъ нужно считать другой путь, исходной точкой котораго служатъ сами практическія задачи. Постановка вопроса, слѣдовательно, такова: какіе факты и законы душевной жизни могутъ быть использованы въ интересахъ того или другого вида судебной дѣятельности? При такой постановкѣ можно будетъ отобрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствительно существенные для интересующей насъ культурной дѣятельности психическіе акты. Пробѣлы, конечно, будутъ неизбѣжны и здѣсь. Но они будутъ обусловлены не характеромъ научной работы, а единственно недостаточнымъ ея развитіемъ. Поэтому по мѣрѣ роста науки число такихъ пробѣловъ будетъ все больше уменьшаться. Поэтому, по мнѣнію Мюнстерберга[3]), руководящимъ принципомъ должно быть подчиненіе всей научной работы мысли о цѣляхъ, къ осуществленію которыхъ стремится практическая дѣятельность. При такомъ характерѣ научной работы судебная психологія вступитъ на свой собственный путь, который можетъ часто пересѣкаться и, пожалуй, даже совпадать съ путемъ, по которому идетъ къ разрѣшенію своихъ проблемъ теоретическая психологія, но онъ всегда долженъ держать свою собственную практическую линію — въ направленіи къ идеалу научно обоснованной судебной дѣятельности.

Постараемся теперь уяснить себѣ, что и какъ можетъ заимствовать судебная психологія у теоретической.

Для судебной психологіи особенное значеніе должна имѣть психологія индивидуальныхъ различій, такъ какъ судья въ своей практической дѣятельности имѣетъ дѣло по преимуществу съ отдѣльными индивидуумами. Изученіе индивидуальныхъ различій само по себѣ еще не есть прикладная психологія, но безъ данныхъ индивидуальной психологіи судебная психологія во многихъ кон-

---

[1]) Op. cit., стр. 258.
[2]) H. Münsterberg, op. cit., стр. 440, 480.
[3]) Op. cit., стр. 190.

Digitized by Google

кретныхъ случаяхъ не могла бы оправдать возлагаемыхъ на нее ожиданій. А въ связи съ этимъ въ данной научной области съ особенной ясностью обнаруживается потребность въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и испытаніяхъ отдѣльныхъ случаевъ, при этомъ непосредственно съ точки зрѣнія судебной практики. Если спорнымъ является вопросъ объ остротѣ зрѣнія, о тонкости слуха, о типѣ представленія и т. п. у даннаго отдѣльнаго лица, онъ можетъ быть разрѣшенъ только посредствомъ спеціальнаго испытанія. Въ такихъ случаяхъ невозможно ограничиваться имѣющимися уже выводами индивидуальной психологіи. Поэтому надежда на планомѣрные и существенные успѣхи судебной психологіи будетъ обоснованной лишь въ томъ случаѣ, если эта наука разовьетъ свои собственные методы, приспособленные къ специфическимъ требованіямъ судебно-психологическихъ проблемъ.

Правда, для индивидуальныхъ испытаній отдѣльныхъ психическихъ функцій: зрѣнія, слуха, типа представленія, памяти, вниманія и т. п. можно пользоваться уже готовыми методами, просто заимствуя ихъ у теоретической психологіи. Но это возможно лишь до тѣхъ поръ, пока насъ интересуютъ отдѣльныя функціи, а не ихъ комплексы, комбинаціи. А между тѣмъ нерѣдко эксперименты приходится производить и относительно весьма сложныхъ психическихъ актовъ, которые интересуютъ насъ какъ таковые въ цѣломъ, а не въ своихъ составныхъ частяхъ. Вотъ именно въ такихъ случаяхъ приходится создавать самостоятельную судебно-психологическую методику. Приходится отыскивать такія экспериментальныя условія, при которыхъ соотвѣтствующій сложный психическій процессъ можетъ выявиться въ наиболѣе чистомъ видѣ. Достигается это путемъ схематизаціи внутреннихъ условій изслѣдуемой психической дѣятельности. А такъ какъ эти внутреннія условія мѣняются въ зависимости отъ характера дѣятельности, то и необходимые для ихъ реализаціи эксперименты приходится каждый разъ создавать вновь, строго приспособляя ихъ къ требованіямъ подлежащей разрѣшенію задачи.

Итакъ, судебная психологія должна опираться главнымъ образомъ на индивидуальную психологію, или заимствуя у нея въ готовомъ видѣ достигнутые ею результаты и испытанные методы, или же модифицируя и развивая эти методы съ цѣлью приспособленія ихъ къ своимъ собственнымъ задачамъ. Естественно задать поэтому вопросъ о томъ, достаточно ли проченъ фундаментъ, на которомъ должна быть построена судебная психологія. Пришло ли время для примѣненія психологіи къ области судебной дѣятельности? Важность практическихъ задачъ, которыя предстоитъ разрѣшить судебной

Digitized by Google

психологіи, требуетъ особенной осмотрительности. Быть можетъ, лучше нѣсколько запоздать съ развитіемъ научнаго изслѣдованія этихъ столь отвѣтственныхъ проблемъ, чѣмъ преждевременно браться за ихъ разрѣшеніе и тѣмъ самымъ создавать лишь видимость серьезной научной работы? Осторожность здѣсь болѣе чѣмъ умѣстна, но она не должна переходить въ паническій страхъ передъ всякимъ движеніемъ впередъ по новому пути. Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія развитія экспериментальной педагогики, этой «родной сестры» судебной психологіи.

Слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ послѣднее время въ самой теоретической психологіи очень многое измѣнилось до неузнаваемости и именно съ общимъ уклономъ благопріятнымъ для практическаго ея использованія. Какъ уже приходилось отмѣчать выше, первоначально и даже еще не такъ давно научная психологія не обращала достаточно вниманія на индивидуальныя различія испытуемыхъ, сосредоточивая его исключительно на общихъ законахъ душевной жизни. Индивидуальныя психологическія различія интересовали ее лишь какъ источники ошибокъ, они не были еще самостоятельной проблемой научнаго психологическаго изслѣдованія. Между тѣмъ душевная жизнь безъ индивидуальныхъ различій есть абстракція, очень далекая отъ дѣйствительности. Для успѣшнаго развитія теоретической психологіи фикція одинаковой для всѣхъ индивидуумовъ душевной жизни была даже необходима, съ практическими же задачами прикладной психологіи она несовмѣстима, такъ какъ въ дѣйствительной жизни мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ вообще, а съ тѣмъ или инымъ индивидуумомъ или съ опредѣленной группой индивидуумовъ, душевная жизнь которой значительно отклоняется въ сторону отъ искусственно конструированной средней человѣческой души общей психологіи въ силу различій природныхъ задатковъ, національности, расы, профессіи, возраста, пола, міровоззрѣнія и т. п. Поэтому общая психологія, которая забывала, что существуютъ не люди вообще, а способные и неспособные, умные и глупые, сильные волей и слабовольные и т. п. индивидуумы, могла лишь издали подходить къ житейскимъ ситуаціямъ. Поэтому она и не могла принимать большого участія въ разрѣшеніи практическихъ проблемъ, а въ томъ числѣ и судебно-психологическихъ.

Иную картину представляетъ состояніе научной психологіи въ наше время. Многіе видные изслѣдователи удѣлили вниманіе проблемамъ индивидуальной психологіи. Для нихъ индивидуальныя психическія особенности представляютъ самостоятельную и очень важную область научаго изслѣдованія. Сверхъ того, значительно

Digitized by Google

усовершенствованы методы изслѣдованія, такъ что даже для такихъ психическихъ дѣятельностей, какъ память и вниманіе психологи имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлые десятки методовъ, въ точности приспособленныхъ къ возможнымъ индивидуальнымъ видоизмѣненіямъ этихъ дѣятельностей. При этомъ усовершенствованіе методовъ изслѣдованія высшихъ умственныхъ процессовъ, особенно важныхъ для разрѣшенія индивидуально-психологическихъ проблемъ, идетъ впередъ быстрыми шагами [1]). Наконецъ, научная психологія почти совершенно порвала традиціонную тѣсную связь съ философіей и все больше освобождается и отъ недавней, но весьма сильной зависимости отъ естественныхъ наукъ, въ частности отъ физіологіи. Она старается занять такимъ образомъ совершенно независимое положеніе эмпирической науки, благодаря чему ея основныя понятія отливаются постепенно въ болѣе научныя формы. Въ виду этого можно думать, что научная психологія достигла той стадіи развитія, на которой обмѣнъ между теоріей и практикой становится не только возможнымъ, но и чрезвычайно полезнымъ для той и для другой [2]).

Конечно, это утвержденіе не слѣдуетъ принимать безусловно. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно и слѣдуетъ спорить о томъ, достаточно ли надежны данныя научной психологіи, чтобы ихъ можно было использовать для осуществленія практическихъ задачъ, въ нашемъ случаѣ — для осуществленія задачъ судебной дѣятельности. Многія проблемы этой послѣдней должны быть пока оставлены совершенно въ сторонѣ, — научная психологія не даетъ возможности даже подойти къ нимъ хоть сколько-нибудь близко. Но это не должно вызвать смущенія. Для разработки отдѣльныхъ судебно-психологическихъ проблемъ вовсе нѣтъ необходимости ожидать полнаго завершенія работы въ области теоретической психологіи. Если бы судебная психологія отложила свою работу до тѣхъ поръ, пока указанныя выше отрасли теоретической психологіи, на которыя она опирается, закончатъ свое развитіе, то моментъ, оправдывающій выступленіе судебной психологіи, пришлось бы отнести къ самому неопредѣленному будущему. Въ этомъ отношеніи можетъ быть поучителенъ примѣръ медицины. Вѣдь медицина не ждала пока анатомія, физіологія и патологія скажутъ свое послѣд-

[1]) Р. Шульце. Техника психологическаго и педагогическаго эксперимента. 1912. (Вышло уже второе переработанное изданіе на нѣмецкомъ языкѣ. Leipzig. 1913.) Г. М. Уиплъ, Руководство къ изслѣдованію физической и психической дѣятельности дѣтей школьнаго возраста. 1913. (Вышло уже второе переработанное изданіе на англійскомъ языкѣ. 1914.)

W. Stern, Die differentielle Psychologie in ihren methodologischen Grundlagen. 1911.

[2]) H. Münsterberg, op. cit., стр. 20, 24—27.

Digitized by Google

нее слово. Едва ли это соотвѣтствовало бы интересамъ и судебной дѣятельности, если бы научная психологія не дала ей ничего только потому, что она не можетъ ей дать всего [1]).

Итакъ, мы пришли къ выводу, что для цѣлесообразнаго разрѣшенія практическихъ задачъ судебной дѣятельности необходимо обосновать самостоятельную прикладную психологическую дисциплину, и что эта дисциплина имѣетъ достаточно надежный фундаментъ въ современной научной теоретической психологіи, — отъ нея можно поэтому ожидать дѣйствительно научныхъ результатовъ. Но кто же долженъ разрабатывать эту науку?

Можетъ быть, сами практики-спеціалисты, сами судебные дѣятели могутъ легко справиться съ такими близкими ихъ дѣятельности задачами и безъ спеціальной подготовки? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы большой ошибкой. Мы видѣли выше, что судебная психологія только отчасти можетъ опираться на имѣющіяся уже научныя данныя, въ значительныхъ же размѣрахъ судебная психологія должна производить самостоятельныя изслѣдованія и испытанія. Уже въ первомъ случаѣ требуется значительная освѣдомленность въ теоретической психологіи и навыкъ въ психологическомъ анализѣ, а во второмъ случаѣ требуется, сверхъ того, еще и лабораторная тренировка, эта же послѣдняя, безусловно, не можетъ быть лишь побочной дѣятельностью. Психологическія испытанія, которыя примѣняются въ судебной психологіи, въ большинствѣ не требуютъ сложныхъ аппаратовъ и какой-нибудь особенной обстановки, поэтому они и кажутся со стороны весьма простыми. Но такая неприхотливая постановка ихъ очень обманчива. Весьма важнымъ условіемъ научности психологическаго испытанія является тщательное наблюденіе за мѣняющимися субъективными отношеніями. И это наблюденіе должно быть, какъ разъ, тѣмъ болѣе тщательнымъ, чѣмъ проще внѣшнія условія испытанія, такъ какъ въ этомъ случаѣ нѣтъ внѣшняго контроля. Эмоціональное состояніе испытуемаго, его утомленность или свѣжесть, внимательность или разсѣянность, знакомство или незнакомство съ матеріаломъ, интересъ или безразличное отношеніе къ испытанію и тому подобныя внутреннія состоянія могутъ оказать рѣшающее вліяніе на результаты. Поэтому изслѣдователь долженъ обладать навыкомъ въ регистраціи всѣхъ этихъ явленій и въ оцѣнкѣ данныхъ самонаблюденія, сообщаемыхъ испытуемымъ. Но вѣдь только опытный психологъ можетъ учесть вліяніе всѣхъ существенныхъ факторовъ.

Приходится, такимъ образомъ, отказаться отъ мысли вполнѣ довѣрить разрѣшеніе судебно-психологическихъ проблемъ юри-

[1]) H. Münsterberg, op. cit., стр. 20, 21.

Digitized by Google

стамъ. Однако и безъ ихъ помощи при изслѣдованіяхъ и испытаніяхъ обойтись нельзя. Вѣдь только сами юристы могутъ указать цѣнныя судебно-психологическія проблемы. Вѣдь съ чисто психологической точки зрѣнія интересны абсолютно всѣ душевныя переживанія, — выборъ можетъ быть произведенъ только со спеціальной юридической точки зрѣнія. Юристы могутъ быть весьма полезны своимъ спеціальнымъ опытомъ и эрудиціей также для самого изслѣдованія: провѣряя его результаты на практикѣ, они могутъ указывать изслѣдованію правильный путь или своевременно замѣтить уклоненія отъ этого пути. Поэтому для успѣшнаго развитія судебной психологіи необходимо доброжелательное сотрудничество юристовъ съ психологами. Единственно при такомъ взаимномъ содѣйствіи научной психологіи и судебной практики и могутъ быть достигнуты удачный выборъ цѣнныхъ и въ то же время разрѣшимыхъ при современномъ состояніи научной психологіи проблемъ, органическое развитіе изслѣдованій и испытаній, экономное распредѣленіе труда и правильная оцѣнка результатовъ.

Но такое сотрудничество осуществимо, въ свою очередь, лишь при наличности достаточной подготовки къ нему. Психологъ долженъ быть оріентированъ въ условіяхъ и задачахъ судебной дѣятельности, интересамъ которой онъ призванъ служить. Вѣдь само собою понятно, что нельзя въ психологическомъ испытаніи воспроизвести внутреннія условія той дѣятельности, о которой нѣтъ достаточно яснаго представленія. Спеціалистъ же практикъ долженъ быть настолько освѣдомленъ въ психологіи, чтобы онъ могъ отличать психологическія проблемы отъ чисто юридическихъ, умѣлъ отграничивать психическіе факторы интересующаго его случая отъ непсихическихъ. Такъ, юристъ, который производитъ допросъ, долженъ быть достаточно оріентированъ въ психологіи свидѣтельскихъ показаній, — только при этомъ условіи онъ будетъ въ состояніи выдѣлить существенные съ психологической точки зрѣнія моменты и, опираясь на нихъ, провѣрить полученные уже изслѣдованіемъ результаты или передать новыя дѣйствительно психологическія проблемы для разрѣшенія психологу. Психологъ долженъ знать, что интересуетъ юриста въ свидѣтелѣ или обвиняемомъ: чувственное воспріятіе, воображеніе, память, наблюдательность, внушаемость и т. д., какіе изъ этихъ факторовъ въ данномъ случаѣ или вообще важнѣе съ юридической точки зрѣнія, — только тогда его психологическая задача будетъ вполнѣ опредѣленной.

Такимъ образомъ, совмѣстная работа требуетъ отъ спеціалистовъ-психологовъ и юристовъ-практиковъ не только желанія пойти навстрѣчу другъ другу, но и взаимнаго пониманія. Но

Digitized by Google

взаимное пониманіе можетъ быть достигнуто только посредствомъ предварительнаго ознакомленія съ научными выводами, и съ методами соотвѣтствующихъ наукъ. Поэтому, исходя изъ интересовъ судебной психологіи, приходится признать желательнымъ и даже необходимымъ распространеніе психологическаго образованія среди юристовъ. Чѣмъ больше будетъ у юристовъ освѣдомленность въ проблемахъ, методахъ и результатахъ судебно-психологическаго изслѣдованія, тѣмъ больше будетъ шансовъ у судебной психологіи встрѣтить какъ компетентную критику со стороны юристовъ, такъ, быть можетъ, и активное участіе ихъ въ дальнѣйшей ея разработкѣ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что судебная психологія заинтересована въ психологическомъ образованіи юристовъ. — Но заинтересованы ли въ немъ сами юристы съ чисто практической точки зрѣнія? Доставитъ ли имъ изученіе судебной психологіи въ ея настоящемъ состояніи какія-нибудь цѣнныя свѣдѣнія? — Этотъ вопросъ подвергался всестороннему обсужденію среди видныхъ ученыхъ юристовъ и психологовъ, и одни дали на него отрицательный, другіе утвердительный отвѣтъ. Нѣкоторые изъ противниковъ психологическаго образованія юристовъ не только не видятъ никакой пользы для послѣднихъ въ изученіи судебной психологіи, но даже считаютъ его опаснымъ и вреднымъ. Какъ же они аргументируютъ такое представляющееся намъ парадоксальнымъ утвержденіе?

Изученіе судебной психологіи опасно для юристовъ, говорятъ представители отрицательнаго отношенія къ ней, потому что оно не можетъ привести къ цѣнному и основательному знанію [1]), и не можетъ привести къ такому знанію именно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, судебная психологія, собственно, еще наука будущаго [2]), у нея нѣтъ еще вполнѣ достовѣрныхъ выводовъ, нѣтъ точно установленныхъ законовъ: относительно многихъ конечныхъ выводовъ современнаго судебно-психологическаго изслѣдованія мнѣнія спеціалистовъ весьма расходятся. А сообщеніе того, что еще не вылилось въ устойчивую научную форму, едва ли можно считать цѣннымъ съ педагогической или практической точки зрѣнія. Во-вторыхъ, для юриста изученіе судебной психологіи можетъ быть лишь дополнительнымъ, а не основнымъ занятіемъ. У него много своего собственнаго дѣла, поэтому онъ не можетъ удѣлить достаточнаго вниманія судебной психологіи. Въ результатѣ же такихъ «занятій между прочимъ» получится лишь поверхностное знаніе нѣкоторыхъ конечныхъ результатовъ, а это послѣднее поведетъ, въ свою очередь, лишь къ неосновательной самоувѣренности, иногда

[1]) H. Reichel, op. cit. стр. 3.
[2]) «Zukunftsmusik» называетъ ее Герляндъ. См. W. Stern, op. cit.

Digitized by Google

чрезвычайно опасной для столь отвѣтственной практической дѣятельности, какъ судебная.

Что касается перваго соображенія, то оно справедливо по отношенію къ судебной психологіи въ цѣломъ, а не къ отдѣльнымъ ея проблемамъ. Безусловно, было бы преждевременно разсматривать съ психологической точки зрѣнія всѣ проблемы, которыя выдвигаетъ судебная дѣятельность. На многіе вопросы научная психологія въ настоящее время не можетъ дать сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта. Но разсмотрѣніе съ психологической точки зрѣнія проблемы свидѣтельскихъ показаній, методовъ діагностики виновности и анализа преступнаго дѣянія можетъ опираться на достаточно обоснованныя научныя данныя. Не нарушая принциповъ научности, можно обстоятельно разсмотрѣть, напримѣръ, чувственное воспріятіе, вниманіе, память и воображеніе въ ихъ отношеніи къ свидѣтельскимъ показаніямъ, проблему умственнаго развитія и анализъ волевого дѣйствія — въ отношеніи къ вопросу о вмѣняемости, опыты съ ассоціаціей — въ отношеніи къ діагностикѣ виновности и т. д. А эти проблемы занимаютъ столь видное мѣсто въ судебной дѣятельности, что даже частичное разрѣшеніе ихъ нужно считать весьма желательнымъ. Граница между достовѣрнымъ съ научной точки зрѣнія и лишь вѣроятнымъ должна быть проведена, безусловно, съ большой осмотрительностью, но въ нѣкоторыхъ вопросахъ ее все же можно провести, а въ нѣкоторыхъ другихъ желательно выяснить именно ненадежность имѣющихся уже методовъ и выводовъ, чтобы предостеречь отъ слишкомъ поспѣшнаго перенесенія ихъ въ практику.

Еще менѣе основательнымъ приходится признать второе возраженіе противъ желательности изученія судебной психологіи. Вѣдь если согласиться, что положеніе судебной психологіи, какъ вспомогательнаго и второстепеннаго предмета, можетъ способствовать лишь дилетантскому усвоенію, а потому и весьма опасному примѣненію ея въ судебной практикѣ, то такой же приговоръ придется вынести и всѣмъ другимъ вспомогательнымъ предметамъ. По справедливому замѣчанію Рейхеля, это значило бы вмѣстѣ съ водой выплеснуть изъ ванны и ребенка[1]). Отъ поверхностнаго усвоенія не гарантированъ ни одинъ учебный предметъ, даже и основной, не только вспомогательный; и наоборотъ, вспомогательный предметъ и молодая наука могутъ выяснить съ достаточной обстоятельностью отдѣльныя проблемы. Не слѣдуетъ только стремиться во что бы то ни стало къ обозрѣнію всѣхъ проблемъ, а напро-

[1]) H. Reichel, op. cit., стр. 50.

Digitized by Google

тивъ, необходимо сосредоточиться на разсмотрѣніи тѣхъ немногихъ, для обоснованія которыхъ собранъ уже солидный научный матеріалъ. Обстоятельное разсмотрѣніе этихъ отдѣльныхъ проблемъ можетъ вызвать къ нимъ серьезный интересъ и послужить фундаментомъ для дальнѣйшей уже самостоятельной разработки затронутыхъ въ курсѣ вопросовъ. Правда, относительно возможности такой самостоятельной дальнѣйшей разработки судебно-психологическихъ проблемъ нѣкоторые высказываются скептически[1]). Указываютъ именно на то, что научная работа въ области судебной психологіи требуетъ слишкомъ большой психологической подготовки, обязываетъ даже къ лабораторнымъ занятіямъ. Поэтому о самостоятельной работѣ не можетъ быть и рѣчи для юриста, занятаго своей практикой. И дѣйствительно, мы имѣли уже случай обратить вниманіе на то, что для научной работы въ области судебной психологіи необходимо быть психологомъ, но, съ другой стороны, мы должны были признать и самостоятельное положеніе юриста при выборѣ проблемъ и при оцѣнкѣ результатовъ изслѣдованія съ его спеціальной точки зрѣнія, — должны были признать, что юристъ можетъ оказать весьма цѣнное содѣйствіе развитію молодой науки, задавая ей вопросы и провѣряя на практикѣ полученные психологическимъ изслѣдованіемъ отвѣты на нихъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ для психологически образованнаго юриста открывается, такимъ образомъ, весьма благодарное поле научной дѣятельности, которая въ свою очередь весьма благотворно отзовется и на его практической дѣятельности. Поэтому пріобрѣтенное въ университетѣ психологическое образованіе не останется для юриста мертвымъ капиталомъ ни въ научномъ, ни даже въ практическомъ отношеніи. При современномъ состояніи судебной психологіи оно должно быть болѣе цѣннымъ именно въ научномъ отношеніи, но по мѣрѣ развитія науки оно будетъ пріобрѣтать все большее значеніе и для судебной практики.

Однако нѣкоторыхъ пугаетъ не только поверхностное знакомство юристовъ съ выводами судебной психологіи, но еще больше, пожалуй, углубленное изученіе ея. Такъ, обстоятельное знакомство съ результатами психологіи свидѣтельскихъ показаній должно, по ихъ мнѣнію, привести лишь къ безнадежному скептицизму, къ слишкомъ пессимистическому взгляду на возможность установить истину на основаніи показаній даже очевидцевъ[2]).

Это возраженіе противъ желательности изученія судебной психологіи основано на неправильномъ пониманіи задачъ научнаго

[1]) W. Stern, op. cit., стр. 86.
[2]) H. Reichel, op. cit., стр. 51.

Digitized by Google

психологическаго изслѣдованія. Правда, если мы остановимъ свое вниманіе исключительно на конечныхъ выводахъ изслѣдованія свидѣтельскихъ показаній въ ихъ самой общей формѣ, а именно, что эти показанія чрезвычайно субъективны и вмѣстѣ съ тѣмъ несовершенны, мы въ практическомъ отношеніи сдѣлаемъ пріобрѣтеніе весьма сомнительнаго достоинства: съ одной стороны, это наблюденіе давно сдѣлано судебной практикой, а съ другой — такой результатъ все-таки не лишаетъ свидѣтельскихъ показаній ихъ большого практическаго значенія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ та же судебная практика. Оказывается такимъ образомъ, что научное изслѣдованіе приводитъ къ мало значительнымъ выводамъ. Въ дѣйствительности же подобные выводы не имѣютъ не только практическаго, но и научнаго значенія. Научная работа въ области психологіи свидѣтельскихъ показаній не должна ограничиваться констатированіемъ грубаго факта ихъ ошибочности. Она должна выяснить частичные факторы, которые обусловливаютъ эту ошибочность, степень и характеръ вліянія каждаго изъ этихъ факторовъ, а также и средства, при помощи которыхъ можно устранить всѣ вредныя вліянія. Въ результатѣ такого, дѣйствительно научнаго изученія можно установить и тѣ условія, при которыхъ показаніе можетъ считаться надежнымъ вообще или въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ отношеніяхъ, и наоборотъ, тѣ условія, при которыхъ его достовѣрность не можетъ быть признана высокой. Обладая такими данными, мы будемъ въ состояніи открыть въ показаніи отдѣльные недочеты, а такимъ образомъ даже изъ безусловно неправильнаго показанія — сдѣлать правильный выводъ[1]). Положимъ, изъ двухъ очевидцевъ сцены, которая интересуетъ судъ, одинъ обстоятельно разскажетъ содержаніе слышаннаго имъ разговора, но окажется не въ состояніи описать внѣшность разговаривавшихъ; другой же съ мельчайшими подробностями опишетъ ихъ одежду, черты лица, цвѣтъ волосъ, ростъ и т. п., но не сумѣетъ передать разговора. Самый фактъ такого рѣзкаго расхожденія въ показаніяхъ можетъ вызвать только недоумѣніе. Но если мы посредствомъ спеціальнаго психологическаго испытанія установимъ, что первый свидѣтель принадлежитъ къ лицамъ слухового типа памяти, а второй къ лицамъ зрительнаго типа, то это различіе въ показаніяхъ мы будемъ считать вполнѣ естественнымъ; если же мы установимъ обратное распредѣленіе типовъ представленія, то въ правѣ будемъ подозрѣвать, что показанія свидѣтелей заранѣе подготовлены и не соотвѣтствуютъ дѣйствительности [2]). Задача

[1]) H. Gross, op. cit., стр. VI, VII.
[2]) H. Münsterberg, op. cit., стр. 484.

Digitized by Google

научнаго изслѣдованія свидѣтельскихъ показаній именно и состоитъ въ отысканіи источниковъ, изъ которыхъ вытекаютъ правильныя и ошибочныя показанія [1]). Вотъ почему Рейхель находитъ удобнымъ по поводу данной проблемы напомнить мудрое изреченіе относительно того, что первоначальное знакомство съ философіей дѣлаетъ скептикомъ, основательное же знаніе ея освобождаетъ отъ скептицизма: studere destuit, studuisse construit [2]).

Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то, что психологическія средства для опредѣленія достовѣрности свидѣтельскихъ показаній не единственныя, что только комбинируя данныя психологическаго анализа показаній съ другими доказательствами, судья приходитъ къ своему рѣшенію. А въ такомъ случаѣ опасность примѣненія выводовъ, основанныхъ на психологическомъ анализѣ значительно уменьшается, и, наоборотъ, благодаря имъ увеличивается увѣренность относительно значенія другихъ данныхъ. Назначеніе психологическихъ изслѣдованій и испытаній — не замѣнять другіе пріемы судебнаго слѣдствія, а единственно лишь оправдывать и дѣлать точнымъ тѣ пріемы, къ помощи которыхъ обыкновенно прибѣгаетъ судъ [3]). Благодаря этому случайные недочеты психологическихъ изысканій не могутъ внушать серьезныхъ опасеній и потому, что они легко обнаруживаются, вступая въ конфликтъ съ результатами, полученными при помощи другихъ средствъ, которыми пользуется судебная дѣятельность.

Только что приведенныя соображенія, повидимому, убѣдительно говорятъ въ пользу судебной психологіи въ качествѣ учебнаго предмета и разсѣиваютъ призракъ опасности ея изученія для будущаго практика. Но, возражаютъ на это, необходимыя психологическія свѣдѣнія пріобрѣтаются прямо изъ практики. Для судьи необходимо главнымъ образомъ знаніе людей въ обычномъ смыслѣ этого слова, а не знаніе психологическихъ законовъ, къ помощи которыхъ въ судебной практикѣ почти не приходится прибѣгать. Посѣдѣвшій въ практикѣ судья, конечно, пріобрѣтетъ увѣренность, напримѣръ, въ оцѣнкѣ показаній свидѣтелей и обвиняемыхъ и большой тактъ въ обращеніи съ ними, между тѣмъ какъ и очень ученый психологъ оказался бы безпомощнымъ на его мѣстѣ [4]).

---

[1]) K. Marbe, Grundzüge der forensischen Psychologie. Стр. 52.

[2]) H. Reichel, op. cit., стр. 52.

[3]) А. Бинэ, рецензія на: John H. Wigmore, Professor Münsterberg and the Psychology of Evidence. Illinois Law Review (399—444), помѣщенная въ Année psychologique, XV, 1909 г.; а также W. Stern, op. cit., стр. 585.

[4]) Такъ, и А. Ѳ. Кони въ упомянутой раньше статьѣ подводитъ, «не увлекаясь пріемами экспериментальной психологіи... итогъ многолѣтнихъ практическихъ наблюденій» (стр. 75).

Digitized by Google

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что знаніе людей весьма важно для судьи; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что этого знанія нельзя почерпнуть только изъ учебниковъ теоретической психологіи. Теоретическое изученіе судебной психологіи, конечно, не замѣнитъ житейской опытности. Но постараемся уяснить себѣ, какъ пріобрѣтается эта опытность: не можетъ ли научная психологія быть полезной именно при ея пріобрѣтеніи. Несомнѣнно, да. Практика не можетъ замѣнить теоріи, наоборотъ,—она должна соединиться съ ней, не вытѣснять ее, а лишь провѣрять, дополнять и расширять. Вѣдь вообще въ жизни можно учиться только наблюденію того, какъ теоретически познанныя правила осуществляются въ дѣйствительныхъ явленіяхъ; можно учиться только примѣненію этихъ правилъ къ собственнымъ и чужимъ поступкамъ. Для того же, кто не имѣетъ никакого предварительнаго представленія о существованіи самихъ этихъ правилъ, они могутъ быть познаны въ многообразныхъ жизненныхъ явленіяхъ лишь съ чрезвычайнымъ трудомъ или же они и совсѣмъ не уловимы для лицъ безъ предварительной теоретической подготовки[1]). Теорія является такимъ образомъ необходимымъ условіемъ цѣлесообразнаго пріобрѣтенія опытности. Поэтому и для того, чтобы достигнуть знанія людей при дѣловыхъ отношеніяхъ съ ними, судья долженъ подходить къ людямъ съ опредѣленнымъ запасомъ психологическихъ точекъ зрѣнія, которыя онъ будетъ провѣрять или опровергать, ограничивать или расширять своими наблюденіями. Только такимъ образомъ пріобрѣтается дѣйствительное знаніе людей. Безъ психологическаго же анализа, сравненія, сопоставленія, подмѣчиванія никакой житейскій опытъ не приведетъ къ этому знанію[2]).

Психологическое образованіе открываетъ и изощряетъ взоръ юриста для разсмотрѣнія психологической стороны каждаго отдѣльнаго случая. Такъ, самымъ жестокимъ и опаснымъ врагомъ судебной дѣятельности является схематизмъ, склонность къ шаблонному трактованію неодинаковыхъ въ дѣйствительности случаевъ и людей. А между тѣмъ научная психологія индивидуальныхъ различій выразительно предостерегаетъ насъ отъ простого проецированія своихъ собственныхъ переживаній въ душу другого человѣка, показывая, какъ разнообразны разновидности характера и темперамента, ума и таланта, склонностей и интересовъ, а также и то, какое вліяніе оказываютъ на психическое дифференцированіе возрастъ

---

[1]) W. Stern, op. cit., стр. 81.; H. Reichel, op. cit., стр. 50; O. Lipmann, op. cit., стр. 3; H. Gross, op. cit., стр. 17.
[2]) H. Reichel, op. cit., стр. 45.

Digitized by Google

и полъ, образованіе и общественное положеніе, наслѣдственность и окружающая среда[1]).

Если мы прибавимъ къ этому еще, что всякій, кто учится у практики, учится за счетъ этой практики, т.-е., въ нашемъ случаѣ, за счетъ людей, которые имѣютъ несчастье попасть въ сферу дѣятельности молодого неопытнаго судьи, то мы съ полнымъ правомъ будемъ требовать, чтобы научная психологія оказала возможное содѣйствіе юристу въ интересахъ наиболѣе успѣшнаго и наиболѣе быстраго пріобрѣтенія имъ пониманія людей и умѣнія разобраться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сообразуясь съ его индивидуальными особенностями[2]).

Такимъ образомъ, психологическое образованіе не только нельзя считать опаснымъ или излишнимъ для будущаго практическаго судебнаго дѣятеля, а напротивъ, приходится признать весьма полезнымъ и даже необходимымъ для успѣшнаго отправленія судебныхъ обязанностей. Для подтвержденія нашихъ выводовъ обратимъ вниманіе еще на одну сторону судебной дѣятельности, по отношенію къ которой психологическія познанія могутъ быть весьма полезны для юриста. Именно, психологически образованный юристъ окажется въ выгодномъ положеніи, какъ правильно указываютъ Рейхель, Карстенъ и др., не только по отношенію къ проблемамъ нормальной психологіи, но и къ проблемамъ патологической психологіи. Ему сравнительно легко будетъ заподозрѣть случаи болѣзненныхъ нарушеній душевной дѣятельности, благодаря чему онъ своевременно сумѣетъ привлечь къ дѣлу и правильно использовать сотрудничество эксперта-психіатра[3]). Даже больше, по отношенію къ этому послѣднему онъ можетъ занять иногда довольно самостоятельное положеніе. Прежде всего, психологически образованный юристъ лучше пойметъ психіатра, легче усвоитъ его терминологію, яснѣе представитъ себѣ картину душевнаго разстройства и правильнѣе прослѣдитъ ходъ мыслей психіатра, его предпосылки и выводы, — а вѣдь возможно полное пониманіе эксперта нужно считать обязанностью для юриста, потому что послѣднее слово принадлежитъ все-таки ему, а не эксперту. Далѣе, напримѣръ, въ случаѣ конфликта между экспертами относительно душевнаго состоянія подсудимаго, юристъ, обладающій достаточной психологической подготовкой, нерѣдко будетъ въ состояніи съ значительной увѣренностью примкнуть къ одному изъ нихъ или даже противопоставить ихъ взглядамъ свою собственную точку зрѣнія[4]).

[1]) W. Stern, op. cit., стр. 90.
[2]) H. Reichel, op. cit., стр. 47.
[3]) W. Stern, op. cit., стр. 74.
[4]) H. Reichel, op. cit., стр. 38—41.

Digitized by Google

А вѣдь такая независимость для юриста часто бываетъ необходимой даже въ силу существенной принципіальной разницы во взглядахъ между психіатромъ и юристомъ. Психіатръ, какъ человѣкъ съ естественно научнымъ образованіемъ, часто относитъ къ «явленіямъ естественнаго порядка» то, что юристъ будетъ разсматривать подъ инымъ угломъ зрѣнія. Юристъ во многихъ случаяхъ не можетъ согласиться съ положеніемъ всепрощенія, свойственнымъ естественно-научному міровоззрѣнію: tout compendre, c'est tout pardonner не можетъ быть девизомъ судебной дѣятельности. А между тѣмъ, если у юриста нѣтъ достаточнаго психологическаго образованія, ему придется сложить оружіе передъ доводами научно-образованнаго психіатра: одинъ здравый разсудокъ не въ состояніи бороться съ научнымъ доказательствомъ. И наоборотъ, если юристъ располагаетъ психологическими знаніями, онъ можетъ черпать въ нихъ увѣренность при рѣшеніи такихъ спорныхъ вопросовъ, онъ можетъ выйти изъ недостойнаго положенія профана и провозгласить свое собственное credo[1]).

Только что отмѣченное практическое значеніе судебной психологіи безусловно или съ нѣкоторыми ограниченіями признается многими авторитетными юристами. Такъ, Рейхель, весьма освѣдомленный въ интересующемъ насъ вопросѣ, находитъ возможнымъ утверждать, что въ настоящее время всѣ юристы Европы, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, сходятся въ томъ, что изученіе криминальной психологіи для криминалиста необходимо[2]). Герляндъ же, присоединяясь къ этому мнѣнію, дополняетъ его указаніемъ на то, что не только криминалисты, но и цивилисты нуждаются въ психологической подготовкѣ [3]).

Разъ рѣшенъ принципіально вопросъ о желательности преподаванія спеціальнаго курса психологіи, мы должны поставить вопросъ о проведеніи въ жизнь этого рѣшенія; должны именно выяснить условія наиболѣе цѣлесообразной постановки преподаванія; т.-е. прежде всего отвѣтить на вопросъ: что можно считать пригоднымъ въ качествѣ учебнаго матеріала при современномъ состояніи этой науки?

Относительно содержанія этого курса мнѣнія расходятся. Такъ, Герляндъ[4]), высказываясь даже за обязательный курсъ въ университетѣ, не придаетъ, однако, особеннаго значенія тому, будетъ ли читаться курсъ общей психологіи или же особенныя лекціи по

---

[1]) H. Reichel, op. cit., стр. 41, 42.
[2]) H. Reichel, op. cit., стр. 15.
[3]) W. Stern, op. cit., стр. 78.
[4]) W. Stern, op. cit., стр. 82.

Digitized by Google

судебной психологіи. По его мнѣнію, въ послѣднемъ случаѣ дѣло только облегчается, такъ какъ уже сдѣланы практическіе выводы, но зато угрожаетъ опасность пренебречь изложеніемъ общихъ положеній психологіи въ интересахъ изложенія специфическихъ формъ явленій и, наоборотъ, выдвинуть на первый планъ тѣ моменты, которые этого не заслуживаютъ съ научной точки зрѣнія. Такъ, онъ находитъ нежелательнымъ изложеніе психологіи судьи и присяжныхъ, такъ какъ едва ли при изслѣдованіи подобнаго рода можно притти къ осязательнымъ и практически цѣннымъ результатамъ.

При разсмотрѣніи вопроса объ отношеніи судебной психологіи къ теоретической мы пришли къ выводу, что разрабатывать эту науку слѣдуетъ, исходя изъ проблемъ судебной практики. По нашему мнѣнію, болѣе цѣлесообразнымъ нужно считать и изложеніе научныхъ результатовъ въ такомъ же направленіи, такъ какъ оно имѣетъ тѣ же преимущества: выдвигаетъ только существенныя съ практической точки зрѣнія проблемы, избѣгаетъ всего излишняго и недопустимаго и дѣлаетъ возможнымъ систематическое распредѣленіе матеріала. Что же касается указанія на то, что при такомъ характерѣ изложенія въ поле разсмотрѣнія попадутъ вопросы, не допускающіе пока или вообще научнаго психологическаго обоснованія, то его слѣдуетъ принять во вниманіе. Безусловно, было бы большой ошибкой трактовать проблемы, которыя еще недоступны научному разрѣшенію. Однако эту ошибку нельзя связывать вообще съ характеромъ изложенія, — она можетъ встрѣтиться и въ томъ случаѣ, если будутъ читать теоретическую психологію и попутно ея выводы распространять на судебную практику. Этой ошибки слѣдуетъ всячески избѣгать, строго ограничивая кругъ изложенія только такимъ содержаніемъ, которое уже въ настоящее время можно считать вполнѣ научно установленнымъ. Изъ-за одной возможности подобной ошибки, однако, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ сходить съ единственно правильнаго пути: отъ проблемъ судебной практики — къ ихъ психологическому разрѣшенію. Лекціи по общей психологіи дали бы слишкомъ много, — подробно разсматривая вопросы, не имѣющіе прямого отношенія къ судебной практикѣ; и слишкомъ мало, — не затрогивая, иногда даже совсѣмъ не подозрѣвая многихъ чрезвычайно важныхъ судебно-психологическихъ проблемъ [1]).

Въ связи съ этимъ мы остановимся нѣсколько на одномъ спеціальномъ организаціонномъ вопросѣ, на вопросѣ о программѣ, которая

---

[1]) H. Reichel, op. cit., стр. 56, 57; H. Münsterberg, op. cit., стр. 500, 501.

Digitized by Google

можетъ быть выполнена уже при современномъ уровнѣ научнаго развитія судебной психологіи. Вмѣстѣ съ Рейхелемъ[1]) за основаніе дѣленія мы примемъ положеніе лицъ, принимающихъ участіе въ процессѣ. Мы раздѣлимъ именно все содержаніе курса судебной психологіи на три отдѣла: 1) психологію преступно дѣйствующаго лица (преступника), 2) психологію лица, сообщающаго о дѣяніи (свидѣтеля), 3) психологію лица, устанавливающаго и оцѣнивающаго совершенное дѣяніе (судьи). Къ первому отдѣлу въ такомъ случаѣ придется отнести психологическій анализъ волевого дѣйствія у душевно здороваго человѣка въ связи съ возможными отклоненіями отъ нормы. Этому анализу цѣлесообразно предпослать ученіе объ умственномъ развитіи и ученіе о чувствованіяхъ. Для изложенія этихъ вопросовъ имѣются въ настоящее время цѣнные результаты самонаблюденія при естественныхъ и при искусственныхъ, лабораторныхъ условіяхъ. Что касается второго отдѣла, то изученіе соотвѣтствующихъ проблемъ уже привлекло къ себѣ большое вниманіе какъ со стороны психологовъ, такъ и со стороны юристовъ. Сюда слѣдуетъ отнести не только изложеніе тѣхъ опытовъ, которые относятся къ, такъ называемой, психологіи свидѣтельскихъ показаній. Необходимо разсмотрѣть и частичные факторы, опредѣляющіе ошибочность или достовѣрность этихъ показаній, т.-е. ощущенія (главнымъ образомъ зрительныя и слуховыя, какъ играющія наиболѣе важную роль въ воспріятіи внѣшняго міра), воспріятіе пространства и времени, вниманіе и память — въ ихъ отношеніи къ чувственному воспріятію. Въ связи съ вопросомъ о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній должно затронуть вопросы о внушеніи и лжи. Наконецъ, необходимо разсмотрѣть изслѣдованія показаній въ цѣломъ, изложить критически методы и результаты этихъ изслѣдованій. Значительная часть содержанія этого отдѣла можетъ опираться на вполнѣ научныя данныя теоретической психологіи. Ученіе же о свидѣтельскихъ показаніяхъ въ цѣломъ можетъ быть обосновано данными довольно многочисленныхъ спеціальныхъ изслѣдованій экспериментальнаго и критическаго характера[2]). Въ связи съ изученіемъ психологіи показаній на судѣ стоитъ, далѣе, такъ наз. діагностика состава преступленія (Thatbestandsdiagnostik) или виновности (le diagnostic de la culpabilité) у лицъ (преимущественно обвиняемыхъ), которыя не даютъ добровольно правдивыхъ показаній. Наконецъ, третій отдѣлъ, къ которому относится въ частности психологія судебнаго рѣшенія, долженъ касаться вопросовъ о роли личнаго фактора, о различіи

[1]) H. Reichel, op. cit., стр. 21.
[2]) Мы уже указали выше на изданіе Штерна и трудъ Штёра.

Digitized by Google

между единоличнымъ и коллегіальнымъ рѣшеніемъ и др. Всѣ послѣдніе вопросы весьма сложны и еще мало доступны для точнаго психологическаго анализа и экспериментальнаго изслѣдованія. Только ученіе индивидуальной психологіи о характерѣ и темпераментѣ да первыя попытки экспериментальнаго разрѣшенія этихъ важныхъ проблемъ и могутъ пока быть предметомъ разсмотрѣнія. Въ этой области судебной психологіи, пожалуй, больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой, слѣдуетъ пока рекомендовать осторожность и даже полное воздержаніе.

Александръ Болтуновъ.

Digitized by Google

Красный Крестъ въ главныхъ моментахъ его жизни и организаціи.

Недавно исполнилось полвѣка, послѣ того какъ 29 (17) октября 1863 г. въ Женевѣ на немноголюдной международной конференціи вполнѣ частнаго характера было положено начало общественному движенію Краснаго Креста. Продолжительный трудъ, выдающаяся настойчивость и неослабное вниманіе потребовались, чтобы осуществить задуманныя начинанія. Но участниками конференціи 1863 г. всецѣло завладѣло какъ бы инстинктивное предчувствіе успѣха. «Никогда не забуду, говорилъ 25 лѣтъ спустя ея предсѣдатель Густавъ Муанье, одушевленіе, охватившее всѣхъ членовъ собранія, когда на немъ было произнесено послѣднее слово». Позволю себѣ привести здѣсь и мое личное воспоминаніе, какъ онъ же, уже восьмидесятилѣтній старецъ, выслушавъ мое описаніе октябрьской конференціи, приподнялся внезапно во весь ростъ и съ горячимъ волненіемъ произнесъ: «да, даже и нынѣ, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ знаменательнаго дня, я физически ощущаю бодрое и сильное чувство вѣры, которое въ воодушевленіи моихъ сотрудниковъ передалось мнѣ тогда!»

До середины XIX вѣка попеченіе о жертвахъ войны не привлекало къ себѣ мирное населеніе и являлось обязанностью только военно-медицинской администраціи. При всемъ выдающемся напряженіи энергіи и труда, ея представители не могли обезпечить мало-мальски сносныхъ условій въ заботѣ о больныхъ и раненыхъ солдатахъ. Послѣдняя вызываетъ необходимость разнообразной и планомѣрной дѣятельности, связана съ затратою огромныхъ средствъ, требуетъ къ себѣ исключительнаго вниманія. Между тѣмъ главная и великая задача войска — побѣдить врага. Передъ нею всякая иная забота отступаетъ на второй планъ. Вспомнимъ, что почти наканунѣ возникновенія женевскаго движенія, въ іюнѣ 1859 г., на поляхъ сраженія въ Италіи 9 французскихъ военныхъ врачей имѣли передъ собою 8176 раненыхъ. Вспомнимъ также, какъ вскорѣ затѣмъ

Digitized by Google

въ Сѣверной Америкѣ полки, не встрѣтивъ еще врага, уже потеряли отъ болѣзней 35% своего состава. При такихъ условіяхъ понятенъ стонъ души, который слышался въ словахъ раненаго при Сольферино сержанта, когда онъ говорилъ: «я умру сегодня, но, если бы обо мнѣ позаботились ранѣе, я могъ бы еще жить».

Слова эти передаетъ Генри Дюнанъ въ своемъ «Воспоминаніи о Сольферино». Высказанныя въ его книгѣ пожеланія по поводу заботы о жертвахъ войны пали на благопріятную почву, такъ какъ въ Женевѣ, чтобы провести ихъ въ жизнь, образовывается подъ предсѣдательствомъ Муанье комитетъ изъ пяти лицъ (среди нихъ и Дюнана). Комитетъ задумалъ созвать международное собраніе изъ общественныхъ дѣятелей въ различныхъ частяхъ Европы. Оно должно было обсудить вопросъ о созданіи въ отечествѣ каждаго изъ его участниковъ «національныхъ комитетовъ», которые, объединяя въ своей странѣ общественную самодѣятельность, готовились бы уже въ періодъ мира къ тому, чтобы быть способными на случай войны заботиться о больныхъ и раненыхъ солдатахъ.

Собраніе [таковымъ явилась упомянутая октябрьская конференція] присоединилось къ проекту своихъ иниціаторовъ и высказалось за то, чтобы всѣ его участники немедленно приступили къ проведенію въ жизнь принятыхъ рѣшеній [1]). Въ этомъ отношеніи проникновенная вѣра въ успѣхъ задуманнаго дѣла, сказавшаяся при окончаніи конференціи, была въ 1863 г. необходима. Все, что намъ всѣмъ нынѣ такъ ясно при взглядѣ на эмблему краснаго креста, было совершенною новостью пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Возникшее движеніе во многихъ общественныхъ кругахъ разсматривалось, какъ стремленіе къ утопіи. Полагали, что отдаленная угроза войны не сплотитъ населенія страны въ планомѣрной работѣ, направленной на неизвѣстно когда предстоящую дѣятельность. Высказывались за невозможность допустить частныхъ лицъ къ сотрудничеству, тѣсно связанному съ управленіемъ арміею, откуда слѣдуетъ устранить все, что ослабляетъ дисциплину и что чуждо, по духу и по происхожденію, военному командованію. Характеренъ, напримѣръ, отвѣтъ Дюнану баварскаго военнаго министра на приглашеніе послать своего делегата въ Женеву. «Какъ, говорилъ онъ, по Вашей просьбѣ я долженъ послать представителя Баваріи въ Женеву на собраніе, созванное Вами и дру-

---

[1]) Сущность «Рѣшеній (Résolutions) конференціи 1863 г.» выражена въ 10 статьяхъ, опредѣляющихъ основныя черты организаціи національныхъ комитетовъ. Эти послѣдніе, возникнувъ послѣ 1863 г. почти во всѣхъ государствахъ земного шара, приняли означенныя основанія, упоминая порою о нихъ въ своихъ Уставахъ. См. о нихъ ниже, стр. 15.

Digitized by Google

гими неизвѣстными мнѣ лицами!» Но незадолго до того саксонскій король далъ иную характеристику возникшаго движенія: «народъ, который не пожелалъ бы принять участіе въ этомъ гуманномъ дѣлѣ, подвергнется осужденію общественнаго мнѣнія Европы!» Будущему предстояло показать, сколь велика сила дѣятельности «частныхъ лицъ», если они одушевлены безкорыстною преданностью правдѣ и добру. Стремленія тѣхъ, кто въ 1863 г. поставилъ цѣлью измѣнить господствовавшій дотолѣ въ теченіе сотенъ лѣтъ порядокъ, должна была поэтому поддержать глубокая вѣра въ необходимость и правильность задуманныхъ начинаній.

Внимательный наблюдатель явленій жизни середины XIX вѣка не могъ не замѣтить, что лишь при условіи организованной помощи мирнаго населенія мыслима плодотворная забота о больныхъ и раненыхъ на войнѣ. Стоило въ разгаръ Крымской кампаніи появиться въ лагерѣ англичанъ миссъ Найтингаль съ ея умѣлою и сердечною работою, какъ смертность уменьшается тамъ въ 11 разъ. Когда же въ 60-хъ годахъ въ Сѣверной Америкѣ съ началомъ кровопролитнѣйшей междоусобной борьбы начали свою разрушительную работу болѣзни, мирное населеніе показало примѣръ выдающейся дѣятельности. Въ 1861 г. четыре делегата Нью-Йоркскаго общества женщинъ (оно образовалось тогда же) представили военному министру докладъ. Содержаніе этого документа, составленнаго частными лицами, права которыхъ исчерпывались ихъ званіемъ «гражданина», привело бы, говоритъ Лабулэ, въ негодованіе всякаго, кто вскормленъ «на материнскомъ лонѣ администраціи». Отмѣтивъ, что повсюду на территоріи Сѣверо-Американскихъ штатовъ образовываются общества для заботы о благосостояніи солдатъ, делегаты настаивали на необходимости воспользоваться всѣмъ, что нація сдѣлаетъ для комфорта и здоровья арміи... И нація осуществила величественную работу: она объединила усилія многихъ тысячъ мѣстныхъ обществъ; она въ лагеряхъ и въ госпиталяхъ выяснила все, что вліяетъ на санитарное состояніе войска (Инспектора Санитарной Комиссіи, — таково названіе общей организаціи, — выясняя это состояніе, представили болѣе двухъ тысячъ докладовъ); она окружила солдата воистину материнскою заботою народа. Результатомъ всей обширной дѣятельности, возникшей по частной иниціативѣ въ Сѣверной Америкѣ, было подтвержденіе истины, которую за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ обнаружила миссъ Найтингаль: чрезвычайная смертность на войнѣ — зло, съ которымъ возможна борьба. Въ тѣ годы ужаснѣйшей войны смертность сѣверо-американскихъ солдатъ даже понизилась сравнительно со смертностью въ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ

Digitized by Google

армій, находившихся на мирномъ положеніи и ожидавшихъ реформы своей военно-санитарной службы.

Въ то же время отъ піонеровъ женевскаго движенія не должно было скрыться и то положеніе, что въ условіяхъ общественной жизни, сложившихся къ 60-мъ годамъ, уже не имѣлось почвы для прежняго безразличія къ судьбѣ солдатъ. Напротивъ, и значеніе личности человѣка, какъ участника въ дѣятельности государства, и замѣтно крѣпчувшее сознаніе солидарности, общественной и частной, не только въ національной, но и въ международной области, и, особенно, вліяніе всеобщей воинской повинности — все это привлекало вниманіе мирнаго населенія къ судьбѣ его собратьевъ на театрѣ войны.

Въ одномъ изъ первыхъ же отчетовъ о начальныхъ шагахъ своей работы, въ 1864 г., представители едва только возникшаго движенія отмѣчали, что, обращая общественное вниманіе на недостаточность военно-санитарной службы, они коснулись чувствительной струны и отвѣтили на міровую потребность. Умѣть найти эту струну и услышать эту потребность — вотъ гдѣ великая безсмертная заслуга лицъ, объединившихся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ради образованія неизвѣстныхъ тогда частныхъ обществъ попеченія о больныхъ и раненыхъ на войнѣ. Что эта потребность сознавалась въ тѣ годы далеко не всѣми, съ очевидностью вытекаетъ изъ усилій, которыя должны были проявить женевскіе дѣятели, чтобы привлечь вниманіе къ своимъ начинаніямъ. Необходимо было объединить пропаганду сторонниковъ, никогда не упускать изъ виду намѣченной задачи и всегда находиться на стражѣ, чтобы явиться во́-время туда, гдѣ наблюдались препятствія и замедленія; необходимо было вербовать все большее и большее число сторонниковъ и поддерживать ихъ интересъ къ «общему дѣлу». Слова «общее дѣло» такъ часто встрѣчаются въ устахъ его иниціаторовъ.

Женева и ея дѣятели, образовавшіе въ этомъ городѣ Международный Комитетъ (имъ сталъ первоначальный комитетъ иниціаторовъ октябрьской конференціи 1863 г., возложившей на него полномочія международнаго характера), были центромъ общей работы лицъ, откликнувшихся на призывъ 1863 г. И въ глухой деревнѣ Самарской губерніи, и въ городахъ небольшихъ государствъ, и въ главныхъ столицахъ Европы развивалась дѣятельность, одушевляемая постановленіями женевской конференціи. За указаніями, за поддержкою, съ сообщеніями о своихъ предположеніяхъ и надеждахъ всѣ сторонники возникшаго движенія обращаются въ Международный Комитетъ. Постоянною заботою послѣдняго было привлеченіе новыхъ сторонниковъ, обезпеченіе въ различныхъ странахъ помощи лицъ.

Digitized by Google

полезныхъ для образованія въ ихъ отечествѣ «комитетовъ». Международный Комитетъ не ограничивался при этомъ случайною возможностью пріобрѣсти сотрудника, но шелъ настойчиво на поиски сторонниковъ и сотрудниковъ во всѣхъ государствахъ. Особенное значеніе это имѣло въ странахъ, гдѣ неразвитая общественная жизнь или политическія условія оказались неблагопріятны для самостоятельнаго возникновенія интереса къ задачамъ движенія, эмблемою котораго уже въ 1863 г. приняли красный крестъ на бѣломъ полѣ (обратный порядокъ цвѣтовъ и герба Швейцаріи, на территоріи которой возникло движеніе). Прочные устои нравственной связи между піонерами движенія (ею мы обязаны Международному Комитету) создали общее теченіе, охватившее даже страны, гдѣ при другихъ условіяхъ единичными усиліями, быть можетъ, не удалось бы достигнуть желаемаго результата. Къ этому теченію примыкали и частныя лица, и уже возникшіе комитеты.

Первою заботою представителей женевскаго движенія долгое время было стремленіе достичь въ каждомъ государствѣ паличности Общества Краснаго Креста (названіе это утвердилось въ 70-хъ годахъ повсемѣстно подъ вліяніемъ совѣтовъ изъ Женевы). Наиболѣе существеннымъ препятствіемъ къ образованію таковыхъ обществъ на континентѣ Европы было недовѣріе военныхъ къ практическому значенію постоянныхъ комитетовъ и боязнь допустить вмѣшательство представителей частной инціативы въ дѣла военной администраціи. Но ко времени франко-прусской кампаніи, благодаря настойчивой пропагандѣ и подготовленію общественнаго мнѣнія, въ Европѣ, за исключеніемъ Греціи, Венгріи и государствъ балканскаго полуострова, повсюду мирное населеніе сплотилось подъ бѣлымъ знаменемъ съ краснымъ крестомъ. Между тѣмъ, на политическомъ горизонтѣ балканскаго полуострова въ серединѣ 70-хъ годовъ начали сгущаться мрачныя тучи. Тогда Международный Комитетъ, вѣрный хранитель гуманныхъ стремленій октябрьскаго женевскаго собранія, проповѣдуетъ на Балканахъ «обязанность» и «необходимость» частной помощи раненымъ. «Мы разбрасываемъ сѣмена, гдѣ только можно, сообщалось изъ Женевы, и предоставляемъ времени дать имъ взойти!» Сѣмя, брошенное рукою опытнаго пахаря на подготовленную имъ почву, дало богатые всходы, такъ какъ войны съ Турціею застали уже и въ государствахъ балканскаго полуострова мирное населеніе организованнымъ для дѣла попеченія о жертвахъ войны. Но лѣтопись настойчивыхъ и планомѣрныхъ усилій призвать повсемѣстно къ жизни «національные комитеты», задуманные въ 1863 г.[1]), занесла на свои стра-

[1]) Исторію возникновенія національныхъ Обществъ Краснаго Креста

Digitized by Google

ницы также и неустанныя стремленія Международнаго Комитета заручиться сотрудничествомъ гражданъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ земного шара. И вотъ, одно за другимъ, южно-американскія государства, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Японія и нѣкоторыя другія внѣ-европейскія страны, послѣ продолжительной и всесторонней пропаганды, присоединяются къ своимъ европейскимъ собратьямъ, подтверждая, что наличность въ каждомъ государствѣ Общества Краснаго Креста есть требованіе современной культуры. Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности представителей женевскаго движенія, продолжающейся до нашихъ дней (еще недавно шла рѣчь объ образованіи Общества Краснаго Креста въ Китаѣ), мирное населеніе всего земного шара сознаетъ свою обязанность быть готовымъ на случай войны къ заботѣ объ ея жертвахъ.

Внутренняя организація каждаго изъ національныхъ Обществъ должна была (такъ предусматривали и «Рѣшенія конференціи 1863 г.») сложиться въ зависимости отъ мѣстныхъ особенностей данной страны. Если мы бросимъ взглядъ на жизнь того или иного изъ возникшихъ въ теченіе полувѣка «національныхъ комитетовъ», мы легко отличимъ вліяніе на него опредѣленныхъ условій, свойственныхъ именно его отечеству. Бо́льшая или меньшая привычка населенія къ общественной самодѣятельности или, напротивъ, стѣсненіе таковой и сосредоточеніе всякой инициативы въ рукахъ администраціи ярче всего отразились на организаціи и дѣятельности Обществъ Краснаго Креста въ отдѣльныхъ государствахъ. Развѣ не подтверждаетъ это положеніе столь часто отмѣчавшійся бюрократическій характеръ нашего отечественнаго Общества Краснаго Креста?[1]).

При такомъ разнообразіи вліяній трудно сказать, какое направленіе приняло бы женевское движеніе 1863 г., если бы его организаторы не слѣдили зорко, чтобы каждымъ изъ многочисленныхъ Обществъ были усвоены основныя и одинаковыя начала, восприняты каковыя должны, согласно «Рѣшеніямъ конференціи 1863 г.» (см. выше, стр. 58), «національные комитеты». Когда въ 70-хъ годахъ стало замѣтно какъ бы забвеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ началъ, Международный Комитетъ черезъ посредство дѣятелей, поддерживавшихъ съ нимъ постоянныя связи, привлекаетъ вниманіе

см. въ 1-й части моего изслѣдованія «Красный Крестъ въ развитіи международнаго права.

[1]) Несомнѣнно, однако, что патріотизмъ русскаго народа всегда давалъ въ годы испытаній возможность высоко держать знамя Русскаго Краснаго Креста. См., напримѣръ, характеристику его дѣятельности въ 1904 г. въ 1-й части моего изслѣдованія «Красный Крестъ въ развитіи международнаго права» (стр. 173).

Digitized by Google

національныхъ обществъ. Въ Женевѣ, всякій разъ какъ практика обнаруживаетъ пробѣлы, настаиваютъ на необходимости провести въ жизнь Обществъ Краснаго Креста слѣдующія четыре начала: 1) предварительную подготовку уже во время мира къ дѣятельности на войнѣ; 2) централизацію дѣла въ лицѣ, такъ сказать, главнаго національнаго комитета; 3) взаимность между всѣми національными Обществами; 4) признанія солидарности въ преслѣдованіи одной и той же цѣли. Въ своей совокупности эти четыре начала повторяютъ «Рѣшенія конференціи 1863 г.».

При этомъ сила совѣтовъ и указаній Международнаго Комитета будетъ намъ особенно ясна, если мы обратимъ вниманіе на одно изъ полномочій, возложенныхъ на него четвертою международною конференціею Обществъ Краснаго Креста (таковыя нынѣ собираются послѣдовательно черезъ пятилѣтніе промежутки). Дѣло въ томъ, что «національные комитеты», сложившись къ концу 80-хъ годовъ въ могучія и независимыя установленія, поняли, насколько имъ въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ старательно беречь себя отъ вторженія элементовъ, не соотвѣтствующихъ цѣли, которой они служатъ. Вотъ почему на Международный Комитетъ въ 1887 г. и было возложено полномочіе признавать всѣ вновь возникающія Общества отвѣчающими принципамъ, на коихъ долженъ основываться каждый «національный комитетъ». Только при наличности такого признанія Общества вступаютъ другъ съ другомъ въ международныя отношенія, не прекращавшіяся, какъ свидѣтельствуетъ практика, въ теченіе полувѣковой жизни Краснаго Креста.

Первые шаги возникшихъ съ середины 60-хъ годовъ Обществъ уже связаны съ вопросомъ о вѣрности принципамъ 1863 г., прежде всего тѣмъ, которые обусловливали неустанную подготовку во время мира къ будущей дѣятельности. Отдаленный призракъ войны не всегда могъ привлечь разнообразные слои населенія къ такого рода работѣ; потребовались значительныя усилія, чтобы не ослабить энергіи Обществъ. Здѣсь-то и намѣчаются два пути ея проявленія въ періодъ мира. Одни изъ «національныхъ комитетовъ» ставятъ своею исключительною цѣлью развить работу, имѣющую непосредственное отношеніе къ задачамъ помощи больнымъ и раненымъ солдатамъ. Но, постоянно проповѣдуя идею «вооруженной націи», они, въ лицѣ своихъ руководителей, ревностныхъ милитаристовъ, оказались вынужденными признать, что широкія массы населенія замѣтнѣе влечетъ къ себѣ мирная дѣятельность Обществъ Краснаго Креста, направленная не непосредственно на подготовку къ будущей войнѣ, а на заботу о жертвахъ разнаго рода несчастій стихійнаго характера.

Digitized by Google

Представителемъ этого второго направленія было, прежде всего, наше отечественное Общество. По его примѣру, во многихъ государствахъ помощь въ періодъ мира пострадавшимъ отъ стихійныхъ бѣдствій разсматривалась, какъ средство пріобрѣсти навыки также и для войны. Подъ вліяніемъ обширной дѣятельности Русскаго Краснаго Креста, въ нѣкоторыхъ странахъ складываются столь замѣчательныя начинанія, какъ борьба съ туберкулезомъ, оздоровленіе малярійныхъ мѣстностей. Работа эта получаетъ, конечно, огромное значеніе, и вниманіе многочисленныхъ слоевъ населенія все болѣе приковывается къ бѣлому знамени съ краснымъ крестомъ. Выдвигая на первый планъ именно гуманныя задачи Краснаго Креста, она, — не утвердись повсюду послѣ 1870 г. тлетворныя послѣдствія германскаго имперіализма,— могла бы пріучить народную массу связывать съ этою эмблемою представленіе объ исключительно мирной миссіи Краснаго Креста на войнѣ, представленіе, которое одушевляло пропаганду піонеровъ движенія 1863 года.

Тѣмъ не менѣе, Международный Комитетъ и конференціи обществъ Краснаго Креста, понимая значеніе отмѣченной работы, никогда не забывали необходимости для Краснаго Креста быть въ каждый моментъ готовымъ осуществлять его основную цѣль. Отсюда всесторонняя забота объ укрѣпленіи въ жизни «національныхъ комитетовъ» всего, что только даетъ возможность оказаться въ надлежащій моментъ во всеоружіи основательной подготовки. Мало-по-малу, для всѣхъ становится очевиднымъ, что, поддерживая и даже значительно укрѣпляя вниманіе къ несвязаннымъ съ войною задачамъ, Общества вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не должны упускать изъ виду также и задачи непосредственной подготовки на случай войны. Послѣ 1904 года правильность этой точки зрѣнія признало и Главное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста.

Несмотря на продолжительную, разностороннюю и плодотворную помощь нашего «національнаго комитета» жертвамъ стихійныхъ бѣдствій, съ первыхъ же дней японской войны общественнымъ организаціямъ и частнымъ лицамъ, по выраженію одного изъ почтеннѣйшихъ московскихъ дѣятелей, пришлось «продѣлать мучительную работу» въ виду отсутствія со стороны Краснаго Креста точныхъ техническихъ указаній. Патріотизмъ и безкорыстная преданность государственному и народному дѣлу всѣхъ, кто тогда вступилъ въ ряды работниковъ на благо раненыхъ (напомню и общепризнанныя заслуги тогдашняго руководителя Краснаго Креста графа И. И. Воронцова-Дашкова), преодолѣли многочи-

Digitized by Google

сленныя трудности. Но послѣ 1904 года Русскій Красный Крестъ опредѣленно ставитъ своею задачею «усиленно готовиться уже въ мирное время къ мобилизаціи своихъ учрежденій на случай наступленія военнаго времени». Послѣдовавшая затѣмъ организація складовъ Краснаго Креста (обращу вниманіе на энергичную агитацію въ ея пользу А. И. Гучкова) — показатель того, что эти намѣренія стали проводиться въ жизнь. И правда, почти наканунѣ настоящей великой войны на общемъ собраніи членовъ Русскаго Краснаго Креста однимъ изъ нихъ указывалось на «небывало высокое состояніе его полной боевой готовности»[1]).

Подготовка Обществъ Краснаго Креста къ работѣ во время войны тѣсно связана съ централизаціею дѣятельности каждаго изъ нихъ. Сущность этого начала сводится къ объединенію на всей территоріи даннаго государства всѣхъ стремленій помогать больнымъ и раненымъ на войнѣ. Страна въ разнообразномъ сочетаніи ея населенія, силъ и средствъ должна бы въ дружномъ единеніи сплотиться подъ знаменемъ Краснаго Креста, развѣвающимся надъ Обществомъ того же имени. Здѣсь отнюдь не предполагается полное подчиненіе центральному управленію Общества. Напротивъ, почти повсемѣстно наблюдается значительная свобода во внутреннихъ отношеніяхъ отдѣльныхъ учрежденій и ихъ финансовая самостоятельность. Учрежденія образуются сообразно особенностямъ, характернымъ для каждаго изъ нихъ, но всѣ ради планомѣрнаго осуществленія общей цѣли объединяются подъ руководствомъ «центральнаго комитета». Конечно, по большей части, въ его составъ входятъ и представители отдѣльныхъ группъ. По мѣрѣ приближенія къ нашему времени такого рода централизація наблюдается повсюду. Предшествовавшій ей порядокъ въ нѣкоторыхъ государствахъ обусловливался, порою, противоположностями и антагонизмомъ между различными группами населенія. Поэтому примирить таковыя, даже во имя высшихъ интересовъ, было не всегда легко. Несомнѣнно, что въ отмѣченномъ направленіи на Общества оказали благотворное вліяніе Международный Комитетъ и конференціи

[1]) Въ Журналѣ (№ 938) Общаго Собранія членовъ Россійскаго Общества Краснаго Креста 13 іюня 1914 г. («Вѣстникъ Краснаго Креста», 1914 г., № 7, стр. 82 и слѣд.) мы читаемъ о благодарности, выраженной собраніемъ за «блестящее состояніе» Краснаго Креста «членамъ Главнаго Управленія и служащимъ его канцеляріи». Позволю себѣ выразить пожеланіе, чтобы будущій историкъ Русскаго Краснаго Креста, подтвердивъ «небывало высокое состояніе полной боевой готовности», выяснилъ вліяніе на это «блестящее состояніе» не только канцеляріи (?!), но также и всей обширной сѣти мѣстныхъ учрежденій и организацій. Если же будущій историкъ придетъ къ выводу о незначительной роли мѣстныхъ организацій, то пускай онъ дастъ себѣ трудъ выяснить причины такого явленія, равно какъ его положительныя или отрицательныя стороны.

Digitized by Google

Обществъ Краснаго Креста. Благодаря ихъ усиліямъ, принципъ централизаціи, принятый еще въ 1863 г., какъ одно изъ основныхъ началъ въ развитіи дѣла частной помощи раненымъ, утвердился въ жизни. И передъ нами нынѣ не только уже извѣстная намъ возможность проникновенія мирнаго населенія сознаніемъ гуманной миссіи Краснаго Креста, но и проникновеніе этимъ сознаніемъ именно всего населенія каждаго изъ культурныхъ государствъ земного шара [1]).

Россійское Общество Краснаго Креста (оно существуетъ съ 1867 г.) въ теченіе многихъ лѣтъ было представлено обширною сѣтью мѣстныхъ учрежденій. Несмотря на это, можно положительно утверждать, что подъ флагомъ его Главнаго Управленія дѣятельная работа широкихъ слоевъ всего русскаго народа обыкновенно объединялась только съ наступленіемъ военнаго времени. Еще въ 1877 г. С. П. Боткинъ, наблюдая въ Москвѣ усиленіе вниманія къ задачамъ Краснаго Креста, писалъ: «какое время! такъ дѣлается исторія народа, такъ крѣпнетъ его мозгъ; въ теперешнюю минуту народъ развивается скачками». Но тотъ же Боткинъ, подчеркивая вліяніе бюрократическихъ тенденцій нашего Краснаго Креста, въ одномъ изъ своихъ писемъ характеризовалъ слѣдующими словами это положеніе. «Ты прислала мнѣ три фонаря, но ихъ мало, чтобы найти человѣка между тѣми лицами, которыя по чиновности могутъ занять такой высокій постъ, какъ постъ главноуполномоченнаго». Въ зависимости отъ отмѣченныхъ тенденцій всѣ наши многочисленныя мѣстныя учрежденія въ мирное время, когда нѣтъ исключительнаго подъема народнаго духа, преимущественно существуютъ, благодаря дѣятельности лицъ, объединенныхъ вокругъ представителей мѣстной администраціи. До послѣднихъ

---

[1]) Характерно стремленіе Японскаго Краснаго Креста расширить ряды своихъ членовъ. «Торопитесь, постоянно говорилъ его предсѣдатель графъ Сано на собраніяхъ мѣстныхъ комитетовъ, торопитесь, чтобы война не застала насъ врасплохъ». «Намъ нельзя терять ни минуты, такъ какъ пожаръ уже начинается» (періодъ вражды съ Китаемъ). Къ концу 1894 г. на 400 душъ населенія уже приходился 1 членъ Общества. Японскій Красный Крестъ не счелъ, однако, возможнымъ удовлетвориться этимъ. «Послѣ войны съ Китаемъ Японія уже не то, что ранѣе». «Мы теперь стали, говоритъ Нагао Арига, лицомъ къ лицу съ великими державами, и наши средства, но и опасности вмѣстѣ съ ними, возросли. Наши военныя и морскія силы увеличились, и подготовка на случай войны, достаточная еще вчера, недостаточна сегодня». Результаты продолжавшейся пропаганды превзошли ожиданія (1 человѣка на 100 душъ населенія), и въ 1898 г. число членовъ Общества равнялось 570 000 (1 на 80). Въ 1903 г. было уже 894 760 членовъ Японскаго Краснаго Креста. Къ этому времени Общество признало, что намѣченныя имъ приготовленія окончены. «Война, писалось его представителями, случайность, за которую никто не въ состояніи отвѣчать, такъ какъ никто еще утромъ не знаетъ, не будетъ ли она объявлена вечеромъ»...

Digitized by Google

лѣтъ, по свидѣтельству практики, мѣстныя учрежденія нашего Краснаго Креста въ мирное время не привлекали къ себѣ среди разнообразныхъ слоевъ населенія замѣтнаго интереса.

Напротивъ, этотъ интересъ болѣе широко проявится съ первыхъ же дней войны. Послѣднія десятилѣтія свидѣтельствуютъ, однако, что формы народнаго участія въ попеченіи о больныхъ и раненыхъ на войнѣ становятся все сложнѣе. Если въ 1877 г. милліонныя пожертвованія столичныхъ Думъ, передаваемыя въ распоряженіе Главнаго Управленія, разсматривались, какъ выраженіе духовнаго роста народа, то и въ 1904 г., и въ наши дни опредѣленно сказывается стремленіе жертвователей принять личное и, болѣе или менѣе, самостоятельное участіе въ развитіи помощи на войнѣ. Подъ вліяніемъ такого стремленія Главное Управленіе нынѣ, слѣдуя, отчасти, порядку 1904 г., приняло «подъ флагъ Краснаго Креста» какъ Всероссійскіе союзы — Земскій и Городской, такъ и Общедворянскую организацію, и многія другія организаціи (напримѣръ, мѣстные желѣзнодорожные комитеты, московскую городскую областную и т. д.), каждая изъ которыхъ, развиваясь по своей личной иниціативѣ, сохраняетъ во внутреннемъ строѣ полную самостоятельность. Условія технической приспособленности представителей крупнѣйшихъ изъ этихъ организацій являются, въ силу природы ихъ непосредственной и постоянной дѣятельности, таковыми, что въ ихъ лицѣ задачи Краснаго Креста исполняются работниками, плодотворчая помощь которыхъ ставитъ на значительную высоту дѣло попеченія о больныхъ и раненыхъ.

На ступеняхъ трона, во дворцѣ богачей, среди скромныхъ городскихъ тружениковъ, въ деревняхъ и селахъ, въ различныхъ учрежденіяхъ, готовыхъ, такъ или иначе, содѣйствовать развитію и укрѣпленію помощи раненымъ, вездѣ русскій человѣкъ въ дружномъ единеніи и въ общемъ стремленіи [1]) несетъ въ наши знамена-

[1]) Необходимость создать, говоря словами князя Львова, порядокъ, гдѣ всѣ видѣли бы въ себѣ «органическія части единаго согласованнаго цѣлаго», сознавалась отчетливо повсемѣстно развернувшими свою дѣятельность Всероссійскими Земскимъ и Городскимъ союзами. Земскій союзъ, напримѣръ, въ области Войска Донского, лишенной земскаго самоуправленія, а также и «лазаретовъ Краснаго Креста», образуетъ въ Ростовѣ-на-Дону изъ числа видныхъ общественныхъ дѣятелей особый комитетъ. Земскій союзъ съ первыхъ же дней возникновенія своего Городского собрата обращаетъ вниманіе на закрѣпленіе съ нимъ «естественныхъ взаимоотношеній». Равнымъ образомъ, Всероссійскій городской съѣздъ (сентябрь 1914 г.) выноситъ слѣдующую резолюцію: «Съѣздъ представителей русскихъ городовъ въ глубокомъ сознаніи, что залогомъ успѣха великаго дѣла оказанія планомѣрной помощи раненымъ и больнымъ воинамъ является дружная и согласованная работа какъ съ Всероссійскимъ земскимъ союзомъ, такъ и со всѣми другими организаціями, служащими этому святому дѣлу, — призываетъ Всероссій-

Digitized by Google

тельные дни свой трудъ, свои силы и средства на помощь защитникамъ родины. Несомнѣнно, что въ то же время принятіе «подъ флагъ Краснаго Креста» всѣхъ общественныхъ и частныхъ организацій, представляющихъ многомилліонный русскій народъ, а также рѣшеніе Главнаго Управленія «привлечь въ ряды своихъ членовъ цѣлый рядъ крупныхъ общественныхъ и административныхъ дѣятелей», имѣютъ практическое значеніе. Благодаря имъ, трудная, но великая работа мирнаго населенія въ развитіи организованнаго попеченія о больныхъ и раненыхъ солдатахъ является, до нѣкоторой степени, объединенной и совершается всею страною планомѣрно, «собранными силами, въ строю и въ порядкѣ».

Во время войны иначе и быть не можетъ. Доступъ представителей частной инициативы къ осуществленію ими заботы о раненыхъ и больныхъ на театрѣ войны и за его предѣлами обусловленъ зависимостью отъ арміи. Все, что не входитъ въ ея составъ, служитъ ей, слѣдуя безъ ограниченія ея указаніямъ и требованіямъ. Тамъ, на театрѣ войны, гдѣ дѣйствуетъ войско, знаютъ лишь обязанности и безусловный долгъ, находящіе свое выраженіе въ полномъ подчиненіи кого бы то ни было военной власти. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательно русское Положеніе 3 сентября 1914 г. «Верховный Начальникъ санитарной и эвакуаціонной части, читаемъ мы въ немъ, своею особой объединяетъ всѣ виды... дѣятельности въ государствѣ», является «довѣреннѣйшимъ помощникомъ Верховнаго Главнокомандующаго на театрѣ военныхъ дѣйствій», а внѣ его предѣловъ «непосредственно подчиняется Государю Императору». Въ то же время всѣ русскія учрежденія частной помощи (и нейтральныя, допущенныя въ нашу армію) должны быть необходимымъ образомъ, — что и подтверждается практикою принятія «подъ флагъ Краснаго Креста», — объединены также и въ лицѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста. Вѣдь работа на войнѣ мыслима только при ея защитѣ международною эмблемою краснаго креста, пользованіе каковою принадлежитъ въ нашемъ отечествѣ исключительно названному Обществу, и употребленіе каковой безъ надлежащаго на то уполномочія карается уголовнымъ закономъ. Обусловленность разсматриваемаго мною объединенія

скій земскій союзъ и всѣ организаціи на мѣстахъ къ взаимодѣйствію и къ дружной согласованной работѣ». Будущее покажетъ, явилась ли въ русской общественной жизни (въ частности, въ дѣлѣ попеченія о раненыхъ), благодаря обѣимъ этимъ организаціямъ, дѣйствительно объединенною на мѣстахъ значительная часть русскаго народа, объединенною въ служеніи задачамъ собственно Краснаго Креста? «Народъ русскій, говорилъ князь Львовъ на съѣздѣ уполномоченныхъ губернскихъ земствъ, оказался, благодаря земскимъ учрежденіямъ, достаточно организованнымъ, чтобы встрѣтить жестокіе удары судьбы... собранными силами, въ строю и въ порядкѣ».

Digitized by Google

исключительнымъ правомъ на знакъ, а не совмѣстною уже въ періодъ мира дѣятельностью всей страны, отразилась на характерѣ объединенія. Оно проявляется у насъ какъ въ «полномъ подчиненіи» Главноуполномоченному Краснаго Креста «всѣхъ безъ исключенія санитарныхъ отрядовъ» на театрѣ войны, гдѣ пользованіе знакомъ вызываетъ существенныя послѣдствія, такъ и въ болѣе слабой связи другъ съ другомъ различныхъ учрежденій частной инициативы за предѣлами театра войны.

Несомнѣнно, однако, что исключительное право на эмблему нейтрализаціи, принадлежащее не только въ одномъ нашемъ отечествѣ Обществу Краснаго Креста, въ значительной мѣрѣ оправдывается совмѣстною работою уже въ періодъ мира органовъ правительственной власти и ихъ «національнаго комитета». На этой почвѣ складывается и увѣренность въ наибольшей приспособленности именно даннаго учрежденія къ отвѣтственной работѣ, и увѣренность, что цѣль, которую оно преслѣдуетъ, не окажется въ противорѣчіи съ отношеніями, защищаемыми на войнѣ Женевскою Конвенціею. Потребность въ отмѣченныхъ гарантіяхъ естественно обращаетъ въ каждой странѣ вниманіе къ Обществу Краснаго Креста. На глазахъ у всѣхъ складывался его полувѣковой опытъ, проведшій въ жизнь начала, безспорно отвѣчающія интересамъ дѣла. Не остались безъ вліянія и его традиціи достойнаго служенія бѣлому знамени съ краснымъ крестомъ, передъ которымъ должны остановиться даже воюющія государства. Не напрасно поэтому постоянно раздавался призывъ представителей «общаго дѣла» объединить еще въ періодъ мира все населеніе каждой страны подъ знаменемъ ея «національнаго комитета», объединить для планомѣрной работы и ради все болѣе глубокаго проникновенія высокими идеалами права и гуманности. Вспомнимъ, что мысль о правильномъ развитіи «общаго дѣла» въ большинствѣ государствъ привела къ централизаціи еще въ періодъ мира, по возможности, всей частной помощи въ лицѣ «національнаго комитета» типа 1863 г. Поэтому не лишне задаться вопросомъ, отвѣчаетъ ли интересамъ организаціи частной помощи на войнѣ отмѣченная мною (см. выше, стр. 66) слабая отзывчивость широкихъ слоевъ населенія нашего отечества въ разнообразномъ сочетаніи ихъ силъ и средствъ къ подготовительной работѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста въ періодъ мира?

Великая европейская война накопитъ по своемъ окончаніи обширный матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ. Но и теперь уже можно остановиться на нѣсколькихъ характерныхъ моментахъ, нисколько не предрѣшая формы и границы, въ которыя вылилось бы привле-

Digitized by Google

ченіе «подъ флагъ Краснаго Креста» въ годы мира даже такихъ организацій, какъ Всероссійскіе союзы, Земскій и Городской, какъ Общедворянская организація. Употребляя при этомъ перечисленіи слова — «даже такихъ», я имѣю въ виду возможное возраженіе, что условія обычной дѣятельности каждаго изъ названныхъ союзовъ таковы, что они сами собой устраняютъ для него необходимость предварительной подготовки къ предстоящей на войнѣ работѣ. Кто, напримѣръ, рѣшился бы утверждать, что наши земскія и городскія учрежденія не доказали блестяще своей способности явиться на служеніе задачамъ Краснаго Креста (организованной частной помощи больнымъ и раненымъ) во всеоружіи опыта и знаній?

Главноуполномоченный Россійскаго Общества Краснаго Креста по эвакуаціи раненыхъ во внутреннія районы Имперіи отмѣчалъ еще въ началѣ великой войны пользу, какую принесло «учрежденіе при Главноуполномоченномъ Совѣта, въ который вошли представители болѣе крупныхъ общественныхъ организацій, а также чины Военнаго вѣдомства»... Въ томъ же отчетѣ мы читаемъ о крупной организаціи желѣзнодорожныхъ комитетовъ, поставленной Министерствомъ Путей Сообщенія подъ флагъ Краснаго Креста. Едва ли можно отрицать, что подобное объединеніе, сложись оно уже въ періодъ мира, выгодно отразилось бы какъ на общемъ планѣ, такъ и на разрѣшеніи многочисленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью, направленной на сохраненіе жизни многимъ тысячамъ защитниковъ родины. Не забудемъ, что и на самомъ театрѣ войны ближайшая дѣйствительность тотчасъ же съ открытіемъ военныхъ дѣйствій обнаружила необходимость значительнаго расширенія первоначальнаго мобилизаціоннаго плана. Правда, Общество Краснаго Креста приступило къ «спѣшному» удовлетворенію открывшихся потребностей. Но развѣ, если бы предварительно въ періодъ мира мобилизаціонный планъ вырабатывался при наличности уже объединенныхъ силъ всей земли, эта «спѣшность», вызывающая, конечно, при данномъ положеніи чувство глубокой признательности, не могла быть избѣгнута, а избытокъ силъ Общества не направился бы тогда на удовлетвореніе весьма разнообразныхъ потребностей, выдвигаемыхъ внезапно и неотложно современною войною. Грандіозныя цифры, въ которыхъ нынѣ выражается дѣятельность рѣшительно всѣхъ учрежденій частной помощи, подтверждаютъ необходимость планомѣрнаго использованія необъятной нравственной и матеріальной силы русскаго народа. Оно всецѣло осуществимо не иначе, какъ посредствомъ укрѣпленія еще въ мирной жизни предусмотрительности, на

Digitized by Google

которой столь неуклонно настаивали искушенные опытомъ представители женевскаго движенія 1863 года. Конечно, князь Львовъ былъ правъ, когда говорилъ о Всероссійскомъ Земскомъ союзѣ, что «все дѣло зиждется не на формахъ и разработанныхъ уставахъ, а на крѣпкомъ духовномъ единеніи». Но именно это единеніе и должно, постоянно укрѣпляясь, не ограничиваясь тѣмъ или инымъ періодомъ времени, сплотить всю страну во всемъ ея разнообразіи и создать необходимыя формы и границы для своего общаго проявленія.

Предварительная подготовка представителей частной помощи уже въ періодъ мира къ ихъ будущей дѣятельности отнюдь не исчерпывается пріобрѣтеніемъ, такъ сказать, техническихъ навыковъ или накопленіемъ матеріаловъ и запасовъ. Другія, не менѣе существенныя, стороны въ ихъ работѣ обусловливаютъ также необходимость ея общаго развитія еще задолго до наступленія войны. Отмѣчу, напримѣръ, потребность все большаго проведенія въ широкія массы населенія живого интереса къ работѣ подъ флагомъ именно Краснаго Креста, связывающаго всѣхъ опредѣленною дисциплиною и планомѣрнымъ распредѣленіемъ общихъ силъ гражданъ, посвящающихъ себя служенію святому дѣлу. Не случайно Итальянское Общество Краснаго Креста рѣшило ежегодно во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ праздновать день 22 (10) августа, когда была подписана (1864 г.) Женевская Конвенція, впервые утвердившая на поляхъ сраженій бѣлое знамя съ краснымъ на немъ крестомъ. Проникновеніе началами, на коихъ зиждется служеніе этому знамени, одинъ изъ незыблемыхъ устоевъ всей дѣятельности организованной частной помощи на войнѣ. Не сомнѣваюсь, что Всероссійскій союзъ городовъ, если бы онъ еще до войны всталъ подъ знамя Краснаго Креста, не допустилъ бы употребленія эмблемы нейтрализаціи на такихъ своихъ съѣздахъ, которые посвящены «вопросамъ, связаннымъ съ дороговизною, снабженіемъ арміи и помощью пострадавшимъ отъ войны». Мнѣ передавали, что въ Москвѣ къ помощи бѣженцамъ призываютъ воззванія, носящія на себѣ тотъ же знакъ краснаго креста. Служеніе цѣлямъ, охраняемымъ этимъ знакомъ, требуетъ болѣе бережнаго къ нему отношенія, прежде всего, чтобы обезпечить осуществленіе означенныхъ цѣлей[1]). Обращаясь далѣе къ вопросу о предварительной подго-

[1]) Въ періодической печати вполнѣ правильно отмѣчалась желательность спеціальныхъ организацій Всероссійскихъ союзовъ для проведенія въ жизнь активнаго участія народа въ дѣлѣ національной обороны и ихъ «отмежеванія отъ основной дѣятельности Земскаго и Городского союзовъ подъ знакомъ Краснаго Креста». Мнѣ кажется, что это пожеланіе можно бы, отчасти, распространить и на Главное Управленіе Общества Краснаго Креста.

Digitized by Google

товкѣ уже во время мира представителей частной помощи къ своей будущей дѣятельности, укажу, напримѣръ, на необходимость для нихъ собрать еще до войны добровольными пожертвованіями капиталы въ десятки милліоновъ рублей, — а это мыслимо лишь въ теченіе долгихъ лѣтъ мирнаго времени, — собрать средства, существенныя для широкой организаціи общаго дѣла, нынѣ въ значительной степени пополняемыя у насъ какъ въ Обществѣ Краснаго Креста, такъ и въ остальныхъ организаціяхъ, благодаря правительственнымъ субсидіямъ. Наконецъ, что особенно важно, такъ это использованіе мирнаго времени въ цѣляхъ такой будущей на случай войны организаціи дѣятельности, при которой, по возможности, не окажется нарушеннымъ гармоничное развитіе всѣхъ вообще проявленій обыденной государственной и общественной жизни. Внимательная, общая, планомѣрная и всесторонняя подготовка еще во время мира къ предстоящей отвѣтственной работѣ на случай войны, въ связи съ изученіемъ всѣхъ относящихся сюда условій, имѣла бы въ послѣднемъ изъ отмѣченныхъ отношеній [1]), понятно и во всѣхъ остальныхъ, огромное значеніе.

Несомнѣнно, что подготовительная работа уже въ періодъ мира подъ общимъ для всей частной помощи флагомъ Краснаго Креста такихъ организацій, какъ Земскій и Городской союзы, замѣчательныхъ по широтѣ иниціативы, по вполнѣ заслуженной симпатіи къ нимъ населенія, по ихъ организаціоннымъ способностямъ и творческой силѣ, обезпечило бы въ развитіи Русскаго Краснаго

---

[1]) Исторія эвакуаціи Кіевскаго Университета Св. Владиміра въ городъ Саратовъ занесла на свои страницы не лишенные интереса факты для иллюстраціи высказаннаго въ текстѣ положенія. Занятіе госпиталями Земскаго союза зданій Саратовскаго Университета было препятствіемъ Кіевскому Университету не только продолжать въ Саратовѣ свою необходимую въ государственномъ и общественномъ отношеніяхъ работу, но и мало-мальски обезпечить сохранность своего имущества огромной культурной и матеріальной цѣнности, — библіотеку, архивъ документовъ XVII и XVIII столѣтій, имѣющій существенное значеніе для вопросовъ поземельныхъ отношеній юго-западнаго края, научныя коллекціи. Спасенное отъ возможнаго разграбленія нѣмцами, это имущество, по крайней мѣрѣ, значительная его часть, рисковало погибнуть подъ открытымъ небомъ города Саратова.. Долго никакіе доводы, ни даже факты столь выдающагося общественнаго значенія, какъ ожидаемое прибытіе въ Саратовъ «бѣженцевъ», — трехъ высшихъ учебныхъ заведеній и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ учащейся молодежи, — намѣчавшійся развалъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе ближайшаго года, разсадниковъ высшаго образованія цѣлаго края (юго-западнаго), не могли вызвать дѣятельной помощи и заботы со стороны представителя Земскаго союза въ Саратовѣ. Только благодаря энергичному содѣйствію представителя Городского союза, а также просвѣщенному и благожелательному отношенію губернатора, вопросъ разрѣшился, наконецъ, въ короткій срокъ, тянувшись дотолѣ многія недѣли. Изъ нѣкоторыхъ частей Университета, занятыхъ земскими госпиталями, раненые оказались переведенными въ указанныя городскими дѣятелями помѣщенія (фактъ, лишь подтверждающій значеніе согласованности въ общей работѣ!)

Digitized by Google

Креста ту самостоятельность общественной самодѣятельности, которую еще Пироговъ завѣщалъ хранить, «какъ зѣницу ока». Вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединеніе еще въ мирное время Всероссійскихъ союзовъ къ флагу Краснаго Креста все сильнѣе и шире сплотило бы дѣйствительно всю страну въ великомъ патріотическомъ и общечеловѣческомъ подвигѣ.

Самостоятельность организацій, объединившихся подъ флагомъ Краснаго Креста, весьма существенна для проведенія въ жизнь связанныхъ другъ съ другомъ началъ взаимности и солидарности. Эти послѣднія, подобно разсмотрѣннымъ выше началамъ предварительной подготовки и централизаціи, по убѣжденію иниціаторовъ женевскаго движенія, подтвержденному полувѣковымъ опытомъ, являются незыблемыми устоями дѣла Краснаго Креста. Поэтому перехожу къ выясненію содержанія и значенія взаимности и солидарности въ жизни общественныхъ организацій, созданныхъ иниціаторами, сторонниками и послѣдователями женевскаго движенія 1863 года.

Пропаганда «общаго дѣла», получившая сперва европейскій, а затѣмъ и міровой характеръ, признаніе требованій гуманности основою этого дѣла, придающей ему его самостоятельное значеніе, наконецъ, условія его практической осуществимости на войнѣ — опредѣлили съ первыхъ же дней существованія каждаго изъ «національныхъ комитетовъ» проведеніе ими въ жизнь взаимной помощи другъ другу со стороны всѣхъ, даже со стороны «комитетовъ», принадлежащихъ къ воюющимъ государствамъ. «Вся цивилизованная Европа, говорилъ одинъ изъ видныхъ представителей движенія 60-хъ годовъ, должна до извѣстной степени сплотиться въ дѣятельный союзъ любви и усиленною заботою о несчастныхъ жертвахъ своихъ войнъ спасти честь цивилизаціи». «Великая идея дѣла, читаемъ мы въ тѣ же годы въ одномъ изъ посланій Французскаго Общества, будетъ ясно выражена международнымъ знаменемъ Общества, символомъ уничтоженія во имя милосердія территоріальныхъ границъ». И здѣсь передъ нами не торжественныя слова, а истинное проявленіе настроенія всѣхъ. Подъ его вліяніемъ уже въ 1870 г. организованная частная помощь раненымъ отмѣчена исключительно международнымъ характеромъ. Въ «страшную годину», когда нѣмецкіе генералы провозглашали господство силы надъ правомъ, Германскій и Французскій Красный Крестъ, «въ качествѣ представителей международныхъ союзовъ», исполняютъ данное другъ другу обѣщаніе «осуществить священный долгъ человѣколюбія и международной благотворительности, — долгъ, возвышающій самый патріотизмъ». Германскій Красный Крестъ

Digitized by Google

при этомъ выражаетъ увѣренность, что не только онъ самъ, «но и каждый нѣмецкій воинъ въ павшемъ на полѣ битвы противникѣ будетъ видѣть не врага, а брата...» Въ ту же «страшную годину» «весь міръ, по свидѣтельству Международнаго Комитета, сочувствовалъ и помогалъ дѣлу заботы о раненыхъ». Въ государствахъ, гдѣ (Англія и Люксембургъ) дотолѣ никакъ не могли образоваться Общества Краснаго Креста, таковыя возникли въ 1870 г., какъ только передъ населеніемъ этихъ нейтральныхъ странъ всталъ вопросъ о помощи жертвамъ войны. Въ другихъ государствахъ, гдѣ, подобно Бельгіи и Голландіи, тѣ же Общества еще наканунѣ чужой для нихъ войны развивались крайне слабо, вся страна въ 1870 г. покрывается сѣтью все новыхъ отдѣленій Общества, работающаго въ этотъ моментъ на благо страждущихъ на театрѣ этой войны. «Политическій нейтралитетъ, говорило тогда воззваніе Бельгійскаго Общества, не означаетъ человѣческаго безразличія»... Такими прекрасными и плодотворными послѣдствіями увѣнчалась пропаганда піонеровъ женевскаго движенія, лишенная какихъ бы то ни было политическихъ стремленій, всякой исключительности, проникнутая только побужденіями гуманности.

Война между Франціею и Германіею пришла къ концу, а настроеніе вражды и недовѣрія, охватившее политическую жизнь этихъ странъ, распространилось во всей Европѣ. Вооруженный миръ вступаетъ тогда въ свои права, и даже дѣятели Краснаго Креста начинаютъ какъ бы забывать о своемъ служеніи лишь интересамъ человѣколюбія. Подъ вліяніемъ военнаго опыта франко-прусской кампаніи они отказываются отъ значительной доли своей самостоятельности и почти всецѣло подчиняются правительственной опекѣ. Учрежденія Краснаго Креста какъ бы вводятся въ составъ государственныхъ установленій. И вотъ, въ жизнь Краснаго Креста начинаютъ проникать также и политическія вліянія, совершенно чуждыя инициаторамъ женевскаго движенія. При такомъ положеніи понятно, что международная взаимопомощь Обществъ Краснаго Креста ни разу болѣе не достигала воодушевленія и широты, столь характерныхъ для нея въ годъ франко-прусской войны. Минуло послѣ нея только семь лѣтъ, когда въ разгарѣ войны за освобожденіе славянъ представители женевскаго движенія, по-прежнему, проникнутые идеалами, которыми они руководились въ 60-хъ годахъ, съ горечью отмѣчаютъ, что Красный Крестъ въ лицѣ «національныхъ комитетовъ» забылъ, что его мѣсто вездѣ, гдѣ страдаютъ раненые. «Какъ и Вы, писалъ въ 1877 г. предсѣдатель Международнаго Комитета дѣятелямъ Румынскаго Краснаго Креста, я горячо сожалѣю, что комитеты нейтральныхъ странъ

Digitized by Google

не прилагаютъ большихъ усилій въ дѣлѣ заботы о раненыхъ».. «Полагаю, что, вѣроятно, нейтральные комитеты находятся подъ вліяніемъ особенно тѣхъ соображеній, что нѣкоторые изъ нихъ открыто еще не восприняли мысль о забвеніи своихъ политическихъ, религіозныхъ, національныхъ и другихъ симпатій»...

Какъ ни отчетливо сказалось это вліяніе, но самый принципъ взаимности, въ смыслѣ одного изъ основныхъ началъ, проникающихъ дѣятельность «національныхъ комитетовъ», нисколько не былъ поколебленъ позднѣйшею практикою. Онъ нашелъ свое выраженіе въ проявленіяхъ, болѣе отвѣчающихъ природѣ современныхъ международныхъ отношеній Краснаго Креста. Женевское движеніе привело къ результатамъ, среди которыхъ несомнѣнно слѣдуетъ отмѣтить повсемѣстное улучшеніе въ постановкѣ военно-санитарной части. Поэтому чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ все меньшее практическое значеніе получаютъ санитарные отряды и пожертвованія нейтральныхъ и тѣмъ понятнѣе случаи даже и отказа Обществъ воюющихъ отъ нейтральной помощи и указанія на достаточность силъ національной организаціи. Но въ каждой изъ войнъ послѣднихъ десятилѣтій, какъ только обнаруживалась слабость этой организаціи, нейтральная помощь продолжала привлекать къ себѣ, правда, не въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ 1870 г., усилія всѣхъ Обществъ. Обращу, напримѣръ, вниманіе на положеніе раненыхъ и больныхъ въ теченіе переживаемой нами великой войны въ Сербіи, гдѣ, исключительно постороннею помощью, въ частности Русскаго Краснаго Креста, была восполнена, вопіющая нужда. Въ то же время должно признать, что въ современномъ международномъ общеніи «національныхъ комитетовъ» принципъ взаимности приводитъ къ увеличенію видовъ взаимопомощи сравнительно съ содержаніемъ, которое вкладывалось въ него въ 1863 г. Устройство на нейтральной территоріи складовъ, заказы, исполняемые при содѣйствіи иностранныхъ Обществъ Краснаго Креста, международная помощь въ гражданскихъ войнахъ и такая же помощь въ мирное время при стихійныхъ бѣдствіяхъ — все это проявленія дѣятельности, неизвѣстной иниціаторамъ женевскаго движенія. Послѣ 1907 г. особенное значеніе получаетъ взаимопомощь при попеченіи о военноплѣнныхъ, такъ какъ происходившая въ упомянутомъ году въ Лондонѣ восьмая международная конференція Краснаго Креста выразила пожеланіе, чтобы Общества признали себя обязанными оказывать, сообразно съ постановленіями Гаагской Конвенціи, помощь военноплѣннымъ. Пять лѣтъ спустя на слѣдующей международной конференціи въ Вашингтонѣ націо-

Digitized by Google

нальныя Общества Краснаго Креста приглашаются еще въ мирное время (dès le temps de paix) организовать «спеціальную комиссію» для сбора во время войны пожертвованій плѣннымъ. Эти пожертвованія будутъ, согласно рѣшенію Вашингтонской конференціи, распредѣляться, при содѣйствіи Женевскаго Международнаго Комитета, черезъ посредство «нейтральныхъ делегатовъ, аккредитованныхъ при заинтересованныхъ правительствахъ». Въ 1870 г. представители женевскаго движенія относились отрицательно къ помощи Обществами Краснаго Креста всѣмъ вообще военноплѣннымъ, больнымъ и здоровымъ. Если сравнимъ этотъ фактъ съ современнымъ отношеніемъ къ тому же вопросу, то станетъ очевиднымъ, съ какою опредѣленностью выражается въ международной жизни Краснаго Креста отмѣченное выше увеличеніе видовъ взаимопомощи.

Передо мною Международный Бюллетень за 1870 и 1871 гг., за 1914 и 1915 гг., издаваемый по порученію всѣхъ Обществъ Краснаго Креста ихъ женевскимъ органомъ въ теченіе почти полувѣка (съ 1869 г.). Онъ заключаетъ въ себѣ точную картину національной и международной жизни «комитетовъ», возникшихъ, благодаря пропагандѣ сторонниковъ общественнаго движенія Краснаго Креста, повсюду на всемъ земномъ шарѣ. Весьма поучительно для характеристики развитія, которымъ въ области взаимныхъ отношеній всѣхъ національныхъ комитетовъ означенновался періодъ, истекшій послѣ франко-прусской войны, прочесть и сравнить книжки этого Бюллетеня за указанное время. Широкою волною разлилось въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ въ 1870 г. сознаніе необходимости дѣятельно, — употреблю выраженіе, сказанное недавно примѣнительно къ современной работѣ Всероссійскаго Земскаго союза, — «собранными силами, въ строю и въ порядкѣ» явиться на помощь именно больнымъ и раненымъ. Къ Женевѣ, гдѣ высоко развернуто бѣлое знамя съ краснымъ крестомъ, устремляются въ 1870 г. взоры каждаго, кто желаетъ осуществить свою культурную миссію, а Международный Комитетъ неустанно заботится, чтобы общее движеніе отвѣчало интересамъ дѣла и чтобы оно развивалось въ условіяхъ, которыя повсюду обезпечили бы его законныя требованія. Опасаясь привлекать заботу о здоровой части войска въ область вѣдѣнія Краснаго Креста, какъ носителя самостоятельнаго охраняемаго на войнѣ интереса попеченія о раненыхъ, Международный Комитетъ въ 1870 г. точно разграничиваетъ эти виды дѣятельности. Не чуждый сочувствія къ военноплѣннымъ вообще, онъ организуетъ дѣятельность въ ихъ пользу, но, принимая при этомъ совершенно особую эмблему зеленаго креста, онъ оттѣняетъ ея самостоятельный характеръ. Нынѣ, послѣ того какъ военно-

Digitized by Google

санитарная часть каждаго изъ воюющихъ достигла значительной степени совершенства, а всѣ Общества Краснаго Креста, прежде всего, берегутъ свои силы для возможной помощи соотечественникамъ, вполнѣ понятно, что свѣдѣнія касательно помощи больнымъ и раненымъ, національной и международной, не занимаютъ въ Международномъ Бюллетенѣ всепоглощающаго положенія. Напротивъ, нынѣ, послѣ того какъ, согласно постановленіямъ Гаагскихъ Конвенцій, попеченіе о всѣхъ военноплѣнныхъ, здоровыхъ и больныхъ, не считается нарушеніемъ нейтралитета и получаетъ международно-правовую охрану, вполнѣ понятно широкое развитіе въ теченіе великой европейской войны означеннаго вида международной дѣятельности Краснаго Креста. Предполагая посвятить его разсмотрѣнію особую статью, ограничусь здѣсь констатированіемъ того факта, что книжки Международнаго Бюллетеня двухъ послѣднихъ лѣтъ выдвигаютъ на первый планъ именно попеченіе о военноплѣнныхъ въ связи съ развитіемъ взаимопомощи Обществъ Краснаго Креста. Онѣ свидѣтельствуютъ о блестящихъ результатахъ, достигнутыхъ въ этой области, но только въ государствахъ, гдѣ Общества Краснаго Креста отнеслись внимательно (не на словахъ, а въ жизни) къ пожеланіямъ, высказаннымъ Лондонскою (1907 г.) и Вашингтонскою (1912 г.) конференціями, а также къ предусмотрѣчному въ нихъ посредничеству Международнаго Комитета, какъ всегда безпристрастному и одушевленному глубокою преданностью дѣлу человѣколюбія и милосердія.

Проникнутыя этими началами усилія Международнаго Комитета въ отмѣченномъ отношеніи проливаютъ яркій свѣтъ на то обстоятельство, что благотворительная забота о военноплѣнныхъ все болѣе и болѣе сосредоточивается въ рукахъ Краснаго Креста. Самостоятельный характеръ преслѣдуемой имъ исключительно гуманной цѣли и связанная съ нимъ солидарность однородныхъ Обществъ одни только въ условіяхъ отношеній на войнѣ способны въ настоящій моментъ обезпечить необходимыя гарантіи при осуществленіи намѣчающихся здѣсь задачъ. Такъ какъ солидарность Обществъ Краснаго Креста выяснилась и утвердилась многолѣтнимъ жизненнымъ опытомъ, доказывающимъ наличность въ существѣ каждаго изъ нихъ однородныхъ началъ и сохраненіе каждымъ изъ нихъ нѣкоторой самостоятельности, то въ данный моментъ (при отсутствіи этихъ условій у другихъ союзовъ) только Общества Краснаго Креста и могли взять на себя осуществленіе дѣла, столь близкаго къ ихъ основной гуманной миссіи.

Пока останется въ силѣ представленіе о самостоятельчомъ харак-

Digitized by Google

терѣ цѣли Обществъ Краснаго Креста, пока сохранена въ неприкосновенности одухотворяющая ихъ идея помощи на войнѣ страждущему человѣку, помощи безкорыстной, основанной исключительно на побужденіяхъ милосердія, «національные комитеты» будутъ вѣрны тому началу солидарности, которое еще въ 1863 г. было выражено и постановленіями, и общимъ смысломъ «Рѣшеній женевской конференціи». Значеніе солидарности Обществъ Краснаго Креста особенно велико въ области международныхъ отношеній, гдѣ «національные комитеты» необходимымъ образомъ должны защищать одинаково дорогой имъ всѣмъ интересъ «нейтрализаціи» своей дѣятельности, отъ признанія какового столь настойчиво отказывался ея нѣмецкій изслѣдователь проф. Людеръ, считая Красный Крестъ «слугою во время войны». Современникамъ движенія 60-хъ годовъ было ясно его объединяющее значеніе. «Перешеекъ Сезострисъ и Птоломеевъ, писалъ одинъ изъ видныхъ піонеровъ Краснаго Креста, свободенъ, дорога прорѣзываетъ альпійскіе гиганты, чудесныя подводныя нити соединяютъ два міра!» «И вотъ, наше дѣло въ области международной нравственности представляетъ то же, что всѣ эти великія новыя явленія въ области международной матеріальной культуры». «Стремленіе къ одной и той же цѣли — сблизить человѣческую семью!».

Такое сближеніе для Обществъ Краснаго Креста необходимо, такъ какъ вся ихъ дѣятельность обусловлена на войнѣ господствомъ тамъ правового порядка. Выступая объединенно во имя этой цѣли, Общества образовали могучую силу, къ голосу которой должны были прислушиваться государства, заинтересованныя, прежде всего, въ неограниченной свободѣ дѣйствій на театрѣ войны, гдѣ въ ихъ глазахъ соображенія гуманности исчезаютъ передъ требованіями военной необходимости. Призваніе къ жизни Женевской Конвенціи, договора между государствами касательно правовой защиты заботы о больныхъ и раненыхъ, развитіе относящихся сюда постановленій и неутомимыя усилія обезпечить ихъ практическое примѣненіе наполняютъ собою исторію Краснаго Креста, занося на ея страницы рядъ блестящихъ результатовъ, достигнутыхъ сознаніемъ солидарности «національныхъ комитетовъ». Но, чтобы привести къ разрѣшенію задачъ, осуществленіе которыхъ выдвигается дѣятельностью Обществъ Краснаго Креста, принципъ солидарности долженъ былъ найти свое выраженіе въ соотвѣтствующей организаціи взаимныхъ отношеній. И дѣйствительно, на протяженіи полувѣковой жизни Краснаго Креста передъ нами складывается въ области международныхъ отношеній національныхъ комитетовъ» какъ бы самостоятельная форма общенія, существующая и дѣйствующая,

Digitized by Google

почерпая извнутри себя силы и средства къ установленію постояннаго и правильнаго порядка въ своемъ развитіи.

Въ годы возникновенія женевскаго движенія тѣсная связь между его иниціаторами въ различныхъ странахъ, одушевленная сознаніемъ общности и однородности интересовъ, заставляла многихъ относиться съ равнымъ вниманіемъ къ успѣху «международнаго дѣла» у себя въ отечествѣ и въ другихъ государствахъ. Совмѣстная работа первыхъ дѣятелей Краснаго Креста побуждала, порою, забывать о національномъ характерѣ Обществъ помощи раненымъ. Поэтому задачею представителей движенія въ то время была не столько его организація въ международной области, сколько укрѣпленіе представленія о національномъ характерѣ «комитетовъ». Въ отношеніи организаціи движенія проникновеніе солидарностью интересовъ было такъ глубоко, что результаты международныхъ стремленій Краснаго Креста той эпохи оставили до нашихъ дней замѣтный слѣдъ. Не только Женевская Конвенція, исторію заключенія которой нельзя отдѣлять отъ общей работы участниковъ женевскаго движенія, но и большая часть международныхъ установленій Краснаго Креста — Женевскій Комитетъ, общій періодическій журналъ, международныя конференціи, порядокъ осуществленія взаимопомощи, обычай выступленій отъ имени Краснаго Креста — сложились и окрѣпли въ 60-хъ годахъ.

Но затѣмъ въ кровавыхъ потокахъ франко-прусской войны положеніе измѣняется и создается отчужденность другъ отъ друга «національныхъ комитетовъ». Каждый изъ нихъ замкнулся, стараясь совершенно отрѣшиться отъ внѣшнихъ связей и сосредоточить свою работу на содѣйствіи отечественному правительству. Международныя собранія Краснаго Креста, которыя такъ легко собирались до 1870 г., прекращаются, и былъ моментъ, когда казалось, что солидарность «національныхъ комитетовъ» болѣе не признается. Нельзя при этомъ оставить безъ вниманія, что свободу самоопредѣленія Обществъ въ ихъ международныхъ отношеніяхъ въ значительной степени ослабляла все болѣе утверждавшаяся послѣ 1870 г. зависимость Обществъ отъ правительственной власти. Правительства не были склонны поддерживать международныя связи Краснаго Креста. Покойный предсѣдатель Международнаго Комитета Муанье въ одномъ изъ своихъ писемъ (1872 г.) отмѣчалъ, что «правительства», «чтобы избѣгнуть возобновленія пожеланій въ родѣ тѣхъ, что были на Парижской конференціи (Краснаго Креста), ставятъ намъ (частнымъ Обществамъ) препятствія (ils nous mettent des batons dans les roues)». Но здѣсь-то и сказалось значеніе того обстоятельства, что въ организаціи каждаго изъ

Digitized by Google

Обществъ Краснаго Креста имѣлся минимумъ одинаковыхъ принциповъ, естественнымъ образомъ направлявшихъ каждаго къ общенію съ остальными. Въ то же время великая идея, одухотворявшая повсюду дѣятельность представителей Краснаго Креста, не допустила заглушить представленіе о самостоятельномъ интересѣ созданныхъ ими «комитетовъ».

Когда Общества Краснаго Креста были уже вполнѣ увѣрены въ твердости своихъ національныхъ устоевъ, послѣ того какъ каждое изъ нихъ обезпечило себѣ довѣріе и поддержку со стороны отечественной власти, они поняли, что ради преуспѣянія однородныхъ союзовъ, которые осуществляютъ именно имъ присущій одинаковый интересъ, необходимо постоянное и правильное между ними общеніе. Вѣрный стражъ общаго дѣла, Международный Комитетъ въ Женевѣ, вновь объединилъ къ этому времени «національные комитеты», собравши ихъ на международныя конференціи въ Женевѣ (1884 г.) и въ Карльсруэ (1887 г.), послѣ чего такого рода собранія созываются періодически вплоть до нашихъ дней черезъ каждыя пять лѣтъ. На конференціи въ Карльсруэ принимаютъ слѣдующее весьма характерное постановленіе: «національныя Общества, оставаясь безусловно независимыми въ отношеніи своей внутренней организаціи и своей дѣятельности, признаютъ, что они преслѣдуютъ одну и ту же цѣль». «Эта общность усилій создаетъ между ними нравственную солидарность, весьма необходимую для исполненія ихъ гуманной миссіи». Выше мною было отмѣчено (стр. 63), что Международный Комитетъ даетъ признаніе всѣмъ новымъ Обществамъ, входящимъ въ международное общеніе Краснаго Креста. Такимъ полномочіемъ общаго органа всѣхъ комитетовъ ясно подчеркивается практическое значеніе, придаваемое началу солидарности участниками этого общенія. Понимая, однако, что «нравственная солидарность» сама по себѣ еще не обезпечиваетъ вполнѣ правильности международныхъ отношеній Обществъ Краснаго Креста, эти послѣднія на своихъ международныхъ конференціяхъ принимаютъ также и отдѣльныя постановленія организаціоннаго характера, вносящія нѣкоторую опредѣленность въ общую дѣятельность. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ какъ слабое развитіе этихъ постановленій недостаточно обезпечиваетъ интересы «общаго дѣла», все то же сознаніе «нравственной солидарности» приводитъ Общества къ желанной цѣли. Развѣ еще въ послѣдніе дни мы не были свидѣтелями конференцій въ Стокгольмѣ представителей Русскаго, Австрійскаго, Венгерскаго и Германскаго Краснаго Креста, которыя имѣли своимъ предметомъ улучшеніе постановки дѣла помощи военноплѣннымъ?

Digitized by Google

Здѣсь, какъ и ранѣе, голосъ представителей Краснаго Креста звучитъ во имя ихъ великаго дѣла. Вспомнимъ же, что голосъ этотъ всегда раздавался властно, когда онъ былъ выраженіемъ независимаго мнѣнія носителей общепризнаннаго самостоятельнаго интереса.

Быстро шли впередъ въ 60-хъ годахъ піонеры Краснаго Креста, мечтатели, по опредѣленію скептиковъ-рутинеровъ, о которыхъ французы когда-то разсказывали, что, находись они въ дни мірозданія передъ Господомъ Богомъ, они въ ужасѣ воскликнули бы: остановись, Боже, иначе Ты погубишь хаосъ! Но мечтатели, якобы взявшіеся за непосильную ношу, шли къ опредѣленной цѣли съ яснымъ предвидѣніемъ средствъ, на которыя слѣдуетъ разсчитывать. Глубоко всколыхнули они общественную совѣсть въ Европѣ и въ остальныхъ частяхъ свѣта. Мечтателей этихъ одушевляла большая нравственная сила: проникнутые сознаніемъ того, что должно, они не боялись отстаивать передъ кѣмъ бы то ни было во имя правды и справедливости свое дѣло. Они знали, что въ различныхъ частяхъ земного шара всегда найдутъ поддержку со стороны людей и учрежденій, которые, подобно имъ, проникнуты сознаніемъ правды и справедливости своего служенія. И они создали такое прекрасное и могучее дѣло, что и въ наши дни, какъ только ихъ завѣты вновь воскресаютъ, надъ бездоннымъ моремъ жестокости и пренебреженія къ праву свѣтитъ яркимъ свѣтомъ гуманности и милосердія нравственная солидарность представителей Краснаго Креста даже и воюющихъ государствъ.

Проф. П. Богаевскій.

Digitized by Google

Доктрина монархическаго принципа во Франціи въ эпоху реставраціи.

I.

Отношеніе литературы русскаго государственнаго права къ нѣмецкой доктринѣ монархическаго принципа и задача настоящаго очерка.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того плѣненія, въ которомъ нѣмецкая наука держала до послѣдняго времени русскую политическую мысль, можетъ служить то значеніе, которое придавали наши государствовѣды германской доктринѣ монархическаго принципа. Понятія и представленія, на которыхъ построена эта доктрина, нашли себѣ у насъ громкій откликъ и вошли въ обиходъ русской научной литературы. Рядъ ученыхъ положилъ ее въ основаніе своего истолкованія нашего новаго государственнаго строя, усмотрѣвъ въ ея главныхъ положеніяхъ юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ[1]).

Въ виду такого значенія нѣмецкой доктрины для пониманія русскаго положительнаго права, эта доктрина сдѣлалась предметомъ особаго вниманія со стороны русскаго ученаго міра[2]).

Появился рядъ работъ, посвященныхъ вопросу о возникновеніи доктрины монархическаго принципа, ея судьбѣ и ея значеніи въ политической жизни Франціи и Германіи. Эта народившаяся въ послѣдніе годы литература монархическаго принципа обнаружила, однако, принципіальное разногласіе на основные вопросы,

---

[1]) С. А. Котляревскій, Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ, стр. 200, 201. Паліенко. Основные законы и форма правленія въ Россіи. 1910 г., стр. 74, 75.

[2]) Характернымъ выраженіемъ этого вниманія можетъ служить, между прочимъ, засѣданіе Петроградскаго Юридическаго Общества, состоявшееся 19 октября 1911 г. На немъ былъ прочитанъ докладъ К. П. Зайцева, Монархическій принципъ и его возникновеніе въ Германіи. Онъ вызвалъ интересныя пренія, въ которыхъ приняли участіе В. М. Гессенъ, Н. И. Лазаревскій, гр. П. М. Толстой, К. Н. Соколовъ.

Digitized by Google

связанные съ содержаніемъ, значеніемъ и исторіей интересующаго насъ ученія[1]).

Если, по воззрѣнію однихъ, такъ-называемый монархическій принципъ есть «категорія вѣчная», выступающая вездѣ, гдѣ существуетъ абсолютное государство, то, по ученію другихъ, онъ имѣетъ свои корни въ національномъ складѣ и въ особыхъ условіяхъ той страны, которая дала ему жизнь. Если, по ученію однихъ, ученіе о суверенитетѣ монарха въ конституціонномъ государствѣ сводится къ одной весьма простой формулѣ: «монархъ — носитель всей государственной власти», то, по утвержденію другихъ, оно, напротивъ, представляетъ собою многогранную доктрину, которая сложилась изъ различныхъ элементовъ, имѣющихъ въ различныхъ государствахъ и въ различныя эпохи своей исторіи различный смыслъ и различное содержаніе. Наконецъ, если, по воззрѣнію однихъ, доктрина монархическаго принципа зародилась и сложилась во Франціи и отсюда распространилась на другія государства, то, по объясненію другихъ, ея родина — Германія, гдѣ она возникла совершенно самостоятельно и независимо отъ иноземныхъ воздѣйствій и гдѣ она сложилась въ законченную и вліятельную доктрину, которая не утратила своего значенія и по сіе время.

Разногласіе при объясненіи такихъ конкретныхъ явленій, какъ внѣшняя судьба и содержаніе опредѣленной политической доктрины (нашедшей себѣ, сверхъ того, точное выраженіе и ясное истолкованіе въ цѣломъ рядѣ офиціальныхъ актовъ и заявленій), такое разногласіе, говоримъ мы, нельзя объяснить различіемъ политическаго міросозерцанія или различіемъ теоретическихъ точекъ зрѣнія спорящихъ сторонъ; причину этого разногласія слѣдуетъ искать въ неразработанности того историческаго матеріала, который свидѣтельствуетъ о прошломъ доктрины. И, дѣйствительно, доктрина монархическаго принципа по настоящее время еще мало изучена въ тѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, въ которыхъ она нашла себѣ выраженіе въ различныхъ странахъ и въ различные фазисы своего существованія[2]).

---

[1]) Труды Петроградскаго Юридическаго Общества. Протоколъ засѣданія административнаго отдѣленія, 19 октября 1911 г., стр. 336—362.

[2]) Изъ новѣйшихъ работъ, посвященныхъ монархическому принципу, упомянемъ: Hiebrich, Deutsches Fürstentum und deutsches Verfassungswesen. 1905. Hoffman, Monarchisches Princip und Ministerverantwortlichkeit. 1911. Erich Kaufmann, Studien zur Staatslehre des monarchischen Principes. Leipzig. 1906. Hintze Das monarchische Princip und konstitutionelle Verfassung. Preuss. Jahrbuch 1911. Meisner, Die Lehre vom monarchischen Princip. Breslau. 1913.

Digitized by Google

Цѣль предлагаемой работы — по возможности пополнить этотъ пробѣлъ въ научной литературѣ; задача ея сводится къ тому, чтобы полнѣе и точнѣе, чѣмъ то было сдѣлано по сіе время, воспроизвести тѣ формулы, въ которыхъ вылилась доктрина монархическаго принципа во Франціи, и показать, какой пріемъ эти формулы встрѣтили со стороны общественнаго мнѣнія и какъ онѣ были восприняты офиціальными актами, знаменующими собою различные этапы въ развитіи конституціоннаго строя континентальной Европы.

II.

Опредѣленіе доктрины монархическаго принципа.

Прежде чѣмъ приступить, однако, къ выясненію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается интересующее насъ ученіе, необходимо прежде всего дать по возможности точное опредѣленіе самой доктрины монархическаго принципа и указать на тѣ признаки, которыми она отличается отъ родственныхъ ей доктринъ и прежде всего отъ ученія объ абсолютной власти монарха, съ которымъ нѣкоторые склонны ее смѣшивать.

Это послѣднее ученіе, несмотря на его отличіе отъ доктрины монархическаго принципа, имѣетъ съ ней то общее, что подобно ей остріе своихъ основныхъ положеній направляетъ противъ принципа народнаго суверенитета. Объ доктрины—ученіе абсолютистовъ и теорія конституціонныхъ монархистовъ—отвергаютъ демократическій принципъ и выставляютъ своимъ основнымъ догматомъ — божественное происхожденіе власти и ея независимость отъ воли народа.

Принципъ самодержавія монарха Божьей милостью лежитъ въ основаніи какъ абсолютистической доктрины, такъ и доктрины монархическаго принципа.

Но объ доктрины, сходясь въ этомъ основномъ пунктѣ, расходятся въ своемъ отношеніи къ принципу единства верховной власти. По ученію абсолютистической доктрины, государственная власть по самой природѣ своей едина и воплощается въ лицѣ монарха, обладающаго властью неограниченной[1]). Доктрина же монархическаго принципа въ конституціонномъ государствѣ отвергаетъ этотъ догматъ неограниченной власти монарха; она учитъ, что полномочія короля находятъ свой предѣлъ въ основныхъ правахъ гражданъ и въ нормахъ имъ свободно дарованной конституціи. Эта конституція кладетъ въ основаніе своихъ опредѣленій начало раздѣленія власти и установляетъ, что функціи власти, допускающія

[1]) Joseph Hitier, La doctrine de l'absolutisme. Paris. 1903.

Digitized by Google

делегаціи, т.-е. текущее законодательство, подчиненное управленіе и судъ, осуществляются самостоятельными учрежденіями въ точныхъ предѣлахъ предоставленной имъ компетенціи, подъ надзоромъ и непосредственнымъ руководствомъ короля.

Неограниченный монархъ абсолютистической доктрины превращается, такимъ образомъ, у послѣдователей доктрины монархическаго принципа, въ ограниченнаго носителя верховной власти: онъ становится главою государства, имѣющимъ лишь опредѣленныя функціи, хотя и функціи первостепенной важности.

Эти двѣ доктрины принадлежатъ къ двумъ разнымъ эпохамъ и порождены разнородными условіями политической жизни. Абсолютистическая доктрина выросла на почвѣ неограниченной монархіи и вызвана потребностью обосновать и оправдать этотъ образъ правленія[1]). Доктрина же монархическаго принципа слагается въ періодъ распада абсолютизма. Она вызвана потребностью охранить монархическую власть отъ натиска политическихъ идей и настроеній, созрѣвшихъ и провозглашенныхъ въ періодъ революціи. Она имѣетъ своимъ необходимымъ предположеніемъ зарождающійся конституціонализмъ и появляется лишь тамъ гдѣ стоятъ другъ противъ друга, съ одной стороны, народъ со своими требованіями общественнаго самоопредѣленія, а съ другой стороны, монархъ со своимъ стремленіемъ сохранить традиціи древняго королевства и главнѣйшія прерогативы исторической монархіи.

Въ такую именно переходную отъ абсолютизма къ конституціонализму эпоху и появилась впервые доктрина монархическаго принципа во Франціи.

Возвращеніе, съ одной стороны, Бурбоновъ, съ которымъ приверженцы стараго порядка связывали надежду на возстановленіе легитимной монархіи, съ другой же стороны, настоятельное требованіе новаго французскаго общества закрѣпить блага, отвоеванныя революціей, и узаконить начала либеральнаго конституціоннаго строя, эти два противорѣчивыхъ теченія возлагали на Людовика XVIII

---

[1]) Людовикъ XVIII въ первый періодъ своей политической карьеры является ревностнымъ сторонникомъ абсолютистической доктрины и относится безусловно отрицательно къ конституціонному строю. Въ 1795 г. въ прокламаціи, извѣщающей о смерти дофина и своемъ восшествіи на престолъ, онъ выражаетъ свое твердое намѣреніе возстановить абсолютную монархію во всей ея первоначальной силѣ и чистотѣ. А въ 1799 г., въ письмѣ къ графу С. При, выразившему сомнѣніе въ возможности возстановленія стараго порядка, заявляетъ, что для него этотъ порядокъ — святыня, которой онъ рѣшился никогда не измѣнять, что уклоняться отъ нея значитъ для него отклоняться отъ унаслѣдованной имъ отъ предковъ неограниченной власти и удовольствоваться той долей авторитета, которую благоугодно будетъ народу предоставить ему.

Digitized by Google

трудную задачу примирить пережившіе себя догматы старой монархіи съ новыми принципами представительнаго порядка. Это примиреніе нашло себѣ внѣшнее выраженіе въ одновременномъ изданіи 4 іюня 1814 г. двухъ актовъ, весьма различныхъ по своему содержанію: первымъ изъ нихъ была конституціонная хартія, заключавшая въ себѣ основы представительнаго строя и удовлетворившая наиболѣе настоятельнымъ требованіямъ обновленной Франціи; вторымъ же актомъ было предисловіе къ хартіи, составленное Беньо, оправдывавшее ее съ точки зрѣнія политическихъ догматовъ легитимной монархіи.

Въ этомъ предисловіи къ хартіи впервые излагаются основы доктрины монархическаго принципа, того ученія, которое пытается сочетать представительный строй, гарантирующій основныя права гражданъ, и участіе общества въ законодательствѣ съ принципами исторической монархіи, т.-е. съ началомъ самодержавія королевской власти и ея независимости отъ воли народа.

Свое изложеніе доктрины монархическаго принципа мы и должны начать съ анализа того акта, который является первымъ официальнымъ выраженіемъ интересующаго насъ ученія.

III.

Доктрина монархическаго принципа въ предисловіи къ хартіи 4 іюня 1914 г.

Начало божественнаго происхожденія королевской власти провозглашается въ первыхъ же строкахъ Préambule. Король, говорится тутъ, послѣ долгаго отсутствія вернулся въ свои владѣнія не по зову народа, а по волѣ божественнаго Провидѣнія[1]). Ему издавна принадлежала вся полнота власти, хотя порядокъ ея осуществленія мѣнялся въ различныя эпохи въ зависимости отъ нуждъ и условій времени[2]). Этимъ требованіямъ времени короли шли навстрѣчу своими реформами. Предпринимая свои преобразованія, монархи, однако, ни разу не измѣнили своей важнѣйшей по отношенію къ своимъ народамъ обязанности — обязанности охранять права и прерогативы короны[3]). Они знали, что голько верховный авторитетъ можетъ дать высшимъ учрежденіямъ, которыя онъ уста-

[1]) La divine Providence en nous rappelant dans nos États après une longue absence, nous a imposé de grandes obligations.

[2]) Nous avons consideré que bien que l'autorité toute entière réside en France dans la personne du Roi, nos prédecesseurs n'avaient point hesité a en modifier l'exercice, suivant la différence des temps.

[3]) Nous avons du nous souvenir aussi que notre premier devoir envers nos peuples était de conserver pour leur propre intérêt, les droits et les prérogatives de notre couronne.

Digitized by Google

новляетъ, ту силу, устойчивость и величіе, которыми онъ самъ сблеченъ; что только та конституціонная хартія можетъ быть долговѣчной, которая примиряетъ мудрость короля съ желаніемъ народовъ, но что, наоборотъ, уступки, вырванныя у слабаго правительства, грозятъ опасностью общественной свободѣ еще въ большей степени, чѣмъ самому правительству[1]). По всѣмъ этимъ причинамъ мы добровольно и свободнымъ осуществленіемъ своей королевской власти даровали и даруемъ, уступаемъ и жалуемъ нашимъ подданнымъ какъ за себя, такъ и за наслѣдниковъ нашихъ и навсегда слѣдующую конституціонную хартію.

Воззрѣніе на связанность власти короля, какъ на самоограниченіе суверена, остающагося самодержавнымъ и при конституціонномъ порядкѣ, находятъ себѣ яркое выраженіе и въ рѣчи Дамбре, произнесенной имъ въ присутствіи короля при открытіи палатъ на торжественномъ засѣданіи 4 іюня. Въ ней мы, между прочимъ, читаемъ: Франція съ возвращеніемъ Бурбоновъ обрѣла вновь незыблемыя основы древней монархіи. И на этихъ-то священныхъ основахъ и должно быть теперь воздвигнуто прочное зданіе, которое не могли бы сокрушить ни время, ни люди. И краеугольнымъ камнемъ этого зданія долженъ стать король, вокругъ котораго сплотятся всѣ французы. Онъ въ полномъ обладаніи своихъ наслѣдственныхъ правъ на это прекрасное королевство, хочетъ осуществлять свой авторитетъ, Богомъ ему врученный, лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые онъ самъ ставитъ своей власти.

Доктрина монархическаго принципа, какъ она выражена въ цитированныхъ актахъ, слагается, какъ видитъ читатель, изъ трехъ началъ, принадлежащихъ къ тремъ различнымъ историческимъ эпохамъ, разнородныхъ поэтому по своимъ мотивамъ.

Первое начало — начало самодержавія монарха Божьей милостью — принадлежитъ старому режиму и выражаетъ незыблемость основного догмата исторической монархіи.

Второе начало—начало правовой связанности монарха—представляетъ собою плодъ новаго времени и имѣетъ цѣлью примирить общество, вышедшее изъ революціи, съ возстановленіемъ старой династіи.

Третье начало — начало самоограниченія власти монарха — образуетъ собою принципъ новѣйшей формаціи и заро-

---

[1]) L'autorité suprême peut seule donner aux institutions qu'elle établit la force, la permanence et la majesté dont elle est elle-même revêtue, qu'ainsi lorsque la sagesse des Rois s'accorde librement avec le voeu des peuples, une charte constitutionnelle peut être de longue durée, mais que quand la violence arrache des concessions à la faiblesse du Gouvernement, la liberté publique n'est pas moins en danger que le trône même.

Digitized by Google

ждается лишь съ возникновеніемъ конституціоннаго строя. Оно было невѣдомо какъ старому порядку, такъ и эпохѣ революціи. Оно вызвано необходимостью перебросить мостъ между старой и новой Франціей и сочетать принципъ самодержавія монарха съ началомъ его связанности конституціей.

Эти принципы, провозглашенные Людовикомъ XVIII и его ближайшими сотрудниками, встрѣтили отрицательное отношеніе со стороны либеральныхъ сторонниковъ хартіи: люди новой Франціи признали въ этихъ принципахъ пережившія себя начала, не вяжущіяся съ правосознаніемъ современнаго культурнаго человѣчества и безповоротно осужденныя новѣйшимъ историческимъ опытомъ, закрѣпленнымъ конституціонной хартіей 4 іюня 1814 г.

Не у либеральныхъ дѣятелей эпохи реставраціи искать намъ поэтому истолкованія доктрины монархическаго принципа: такое истолкованіе мы можемъ найти лишь у ультрароялистовъ, признавшихъ хартію только нехотя и считавшихъ возможнымъ примириться съ ея постановленіями только въ томъ освѣщеніи и только съ тѣми оговорками, которыя выражены въ Préambule.

Къ парламентскимъ рѣчамъ ультрароялистовъ мы теперь и обратимся и по выраженнымъ въ этихъ рѣчахъ воззрѣніямъ постараемся воспроизвести доктрину монархическаго принципа, какъ она выступила въ первомъ фазисѣ своего существованія во Франціи, т.-е. въ царствованіе Людовика XVIII.

IV.

Доктрина монархическаго принципа въ парламентскихъ рѣчахъ ультрароялистовъ эпохи Людовика XVIII.

Людовикъ XVIII въ офиціальныхъ заявленіяхъ, сопровождавшихъ изданіе конституціонной хартіи 4 іюня 1814 г., провозгласилъ, какъ мы видѣли, основнымъ догматомъ своего политическаго символа вѣры начало самодержавія и это начало независимости монархической власти отъ людского произвола обосновалъ ея божественнымъ происхожденіемъ.

Роялисты положили въ основу своего ученія тотъ же принципъ, но обосновывали его не только религіозными доводами, но и аргументами, почерпнутыми изъ прошлаго королевской власти. «Власть монарха, учили они, самодержавна не только потому, что она исходитъ отъ Бога, она независима отъ людей и въ силу того историческаго процесса, плодомъ котораго является наслѣдственность монархіи во Франціи». Талейранъ, первый выдвинувшій начало легитимизма, объясняетъ эту перемѣну аргументаціи роялистовъ

Digitized by Google

слѣдующими соображеніями: «Когда, говоритъ онъ, религіозныя чувства были глубоко запечатлѣны въ сердцахъ людей и когда они единодержавно властвовали надъ умами, въ такое время люди могли вѣрить въ суверенную власть, какъ въ проявленіе божества; они могли думать, что династіи обязаны и своимъ возникновеніемъ и своимъ долголѣтнимъ существованіемъ покровительству небесъ. Но въ наши дни, когда религіозныя чувства остыли и почти не оставили по себѣ слѣдовъ, когда религіозная связь, объединявшая людей, если не порвалась окончательно, то по крайней мѣрѣ значительно ослабла, въ такую эпоху вѣра въ божественное происхожденіе власти потеряла подъ собою почву»[1]). Религіозные доводы не могутъ имѣть той убѣдительности, которой вооружены тѣ свѣтскіе аргументы, которыми обосновываютъ свою доктрину провозвѣстники легитимизма. Если въ наше время есть принципъ, который можетъ побѣдоносно соперничать съ началомъ народнаго суверенитета, то это принципъ легитимизма. И роялисты, противопоставляя другъ другу эти два начала, развиваютъ въ своихъ рѣчахъ цѣлый рядъ соображеній, долженствующихъ доказать безусловное превосходство принципа легитимизма надъ началомъ народнаго суверенитета. «Двѣ доктрины, говоритъ Конни, раздѣляютъ міръ: одна покоится на началѣ легитимитета, на наслѣдственной передачѣ власти, другая выставляетъ догматъ народнаго суверенитета. Французская монархія обязана своимъ бытіемъ первому началу: ее образовали восемь вѣковъ исторіи»[2]). «Начало легитимитета, объясняетъ Лабурдоне, въ отличіе отъ демократической доктрины, не теоретическое измышленіе, не созданіе отвлеченной мысли, не плодъ политическихъ страстей, вызванныхъ временными обстоятельствами это — памятникъ государственнаго опыта и политической мудрости нашихъ предковъ, воздвигнутый не столько въ интересахъ королей, сколько въ интересахъ народа. Его возникновеніе нельзя связать ни съ извѣстнымъ лицомъ, ни съ извѣстной эпохой: онъ теряется во мракѣ временъ и, прежде чѣмъ стать закономъ, онъ былъ уже освященъ нравами, вѣками сложившимися»[3]). Начало

[1]) Mémoires du Prince de Talleyrand, publiés avec une préface et des notes par le duc de Broglie. Paris. 1891, p. 467.

[2]) Deux doctrines divisent le monde: l'une consacre le principe de la legitimité et de la transmission héréditaire du pouvoir, l'autre établit le dogme de la souveraineté du peuple. La monarchie française, que huit siècles avaient formée, reposait toute entière sur le principe qui place le pouvoir dans les races royales et leur imprime un caractère sacré. Рѣчь de Conny 15 марта 1830 г. Arch. parlement. 2-ème Série. T. LXI, p. 572.

[3]) Monument de l'expérience et de la sagesse de nos pères, établi dans l'intérêt des peuples bien plus que dans l'intérêt des rois; la legitimité du trône parmi nous se perd dans la nuit des temps et fus pendant des siècles consacrée par les mœurs avant d'être promulguée par nos lois. Рѣчь Labourdonnaye 15 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 603.

Digitized by Google

легитимитета, по ученію роялистовъ, есть начало порядка и является наиболѣе надежнымъ оплотомъ противъ анархіи. Оно создало и упрочило государственный порядокъ во Франціи. Вмѣстѣ съ его закрѣпленіемъ наступилъ конецъ междуусобнымъ и кровавымъ войнамъ, которыми было ознаменовано средневѣковье; оно положило конецъ распрямъ и раздорамъ и создало то могущественное и славное своимъ единствомъ государство, которымъ была Франція при короляхъ. Революція, поправшая начало легитимитета, снова ввергла Францію въ анархію. Реставрація возстановила это благотворное начало и этимъ вернула странѣ миръ и порядокъ. Хартія засвидѣтельствовала возвращеніе Франціи къ этому охранительному началу: она была имъ вызвана, она его закрѣпила[1]).

Хартія и принципы легитимизма такъ же тѣсно между собою связаны, какъ причина со слѣдствіемъ. Они служатъ гарантіей какъ противъ республиканскаго фанатизма, такъ и противъ военнаго деспотизма, и вотъ почему Франція ихъ такъ крѣпко держится: она знаетъ, что истинной свободой народы могутъ наслаждаться лишь подъ охраной законныхъ монарховъ, ибо только они умѣютъ править справедливостью и охранять свою власть умѣренностью.

Опредѣленіе роялистами власти монарха, какъ она сложилась во Франціи въ условіяхъ конституціоннаго строя, имѣетъ своимъ теоретическимъ предположеніемъ различеніе въ государственной власти двухъ элементовъ: во-первыхъ, государственнаго верховенства и, во-вторыхъ, отдѣльныхъ полномочій власти. Первый изъ этихъ элементовъ образуетъ собою суверенную власть, государственное верховенство. Она представляетъ собою ту творческую силу, которая организуетъ политическій союзъ, создаетъ государ-

[1]) Raison suprême d'intérêt public, principe de l'hérédité de la couronne qui, fixé par les lois, mit enfin un terme à ces guerres sanglantes qui masquèrent si longtemps chaque avènement au trône et assura pendant tant de siècles la grandeur et la prosperité de la France pour que le souvenir des déchirements politiques, dont nos pères avaient été victimes, s'éloignant peu à peu, ne finit par s'effacer enfin de notre mémoire. Oubli fatal qui permit aux sophistes du jour de reléguer la maxime fondamentale de l'Etat avec tant d'autres doctrines tutélaires au rang des préjugés. Doctrines que la force des choses ramène aujourd'hui et ramènera sans cesse après de longues erreurs, parce que conditions necéssaires de la société. Il faut s'y soumettre ou périr. Doctrines qui ne peuvent sembler des préjugés aux yeux inattentifs que par la raison que toujours réimposées par de grandes catastrophes aux peuples qui voulurent s'y soustraire, elles se gravent par le malheur dans tous les esprits et se transmettent longtemps de génération en génération comme des axiomes populaires que l'on ne peut plus contester. C'est ainsi que réimposée à la France par vingt cinq ans de troubles et de révolutions, qu'elle seule pouvait faire cesser la légitimité veut enfin se rasseoir sur ce trône antique dont l'ébranlement fut le signal de nos calamités et la chute — l'époque la plus effroyable de notre histoire. Рѣчь Labourdonnaye 15 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 603.

Digitized by Google

ственныя учрежденія и надѣляетъ ихъ полномочіями, вооружающими ихъ жизнью и дѣеспособностью.

Второй элементъ образуетъ собою тѣ отдѣльныя полномочія, которыми надѣляются государственныя учрежденія для осуществленія ими различныхъ государственныхъ задачъ — задачъ управленія, суда и законодательства.

Первый изъ этихъ элементовъ, суверенная власть, съ изданіемъ хартіи не претерпѣлъ никакихъ измѣненій. Остались безъ перемѣны и содержаніе и носитель суверенитета; за монархомъ и по изданіи хартіи остались учредительная и высшая распорядительная власть безо всякаго сокращенія и измѣненія. Съ введеніемъ конституціоннаго строя измѣнился лишь второй элементъ государственной власти — измѣнились организація, компетенція и порядокъ дѣятельности государственныхъ учрежденій, которымъ делегированы судебная власть и нѣкоторыя функціи законодательной власти.

Суверенная власть по ученію роялистовъ и въ конституціонной Франціи осталась за монархомъ. Онъ творецъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и источникъ всѣхъ ихъ полномочій. И октроированіе хартіи является однимъ изъ наиболѣе важныхъ и яркихъ проявленій этого суверенитета.

«Я какъ депутатъ Франціи, торжественно заявляетъ Марселюсъ, въ рѣчи, произнесенной имъ 11 января 1822 г., я, какъ депутатъ Франціи, заявляю, что во Франціи не существуетъ авторитета, который не вытекалъ бы изъ высшаго легитимнаго авторитета, — авторитета короля, что сама хартія существуетъ только въ силу этого авторитета, что, слѣдовательно, и наши полномочія, которыя вытекаютъ непосредственно изъ хартіи, въ дѣйствительности имѣютъ своимъ источникомъ авторитетъ короля, ибо онъ намъ ее пожаловалъ, онъ намъ ее октроировалъ» (Т. XXXIV, стр. 26). «Король, говоритъ Пасторе, дарованіемъ хартіи делегировалъ рядъ существенныхъ полномочій, но къ этимъ делегированнымъ полномочіямъ и сводятся всѣ тѣ права, отъ осуществленія которыхъ онъ отказался. Все, что въ хартіи не было формально даровано имъ, все это имъ сохранено. Поэтому каждый разъ, когда въ хартіи нѣтъ достаточнаго опредѣленія по тому или другому вопросу, во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо за разрѣшеніемъ сомнѣнія обращаться къ престолу, т.-е. къ тому авторитету, который призванъ регулировать, рѣшать, предписывать. Эта неизбѣжная охраняющая власть можетъ принадлежать лишь тому, который является первоначальнымъ носителемъ и источникомъ всѣхъ властей»[1]).

[1]) Le Roi a fait par la Charte des délégations importantes, mais les pouvoirs

Digitized by Google

Вся верховная власть изначала принадлежала королю: октроированной имъ конституціей онъ осуществленіе нѣкоторыхъ изъ полномочій предоставилъ учрежденіямъ и прежде всего народному представительству. Права послѣдняго суть, такимъ образомъ, делегированныя полномочія, имѣющія свой источникъ въ королѣ. Король продолжаетъ отправлять всѣ тѣ права, которыя имъ не предоставлены палатамъ. Эти права монарха, такимъ образомъ, принципіально самородны, всеобъемлющи, права же парламента точно ограничены и представляютъ собою полномочія, делегированныя королемъ и въ его волѣ имѣющія свой предѣлъ и свои основанія.

Что верховная власть первоначально во всей своей полнотѣ принадлежала легитимному королю, это положеніе подчеркивается неоднократно роялистами въ ихъ парламентскихъ заявленіяхъ. Мы привели выше категорическое заявленіе Марселюса, сдѣланное имъ на засѣданіи палаты депутатовъ 22 января. Не менѣе рѣ-

---

délégués sont les seuls dont il ait abandonné l'exercice. Tout ce qui n'a pas été formellement donné par lui il l'a conservé. Ainsi toutes les fois que la Charte n'offre pas sur les questions qui se présentent une disposition précise, c'est au trône qu'il faut remonter pour trouver l'autorité qui doit régler, décider, prescrire. Ce pouvoir indispensable et protecteur ne peut être que dans celui qui est le dépositeur premier et la source de tous les pouvoirs. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 47. Въ этихъ словахъ съ полной опредѣленностью формулируется положеніе, которое впослѣдствіи было усвоено нѣмецкимъ ученіемъ о суверенитетѣ короля и которое и до сего времени является основнымъ догматомъ германской конституціонной доктрины. «Ограничивающіе факторы говоритъ, напримѣръ, Аншютцъ, основаны quali et quanto на конституціи и только на ней, монархическая же власть конституціей не обосновывается, а ею лишь ограничивается. При возникновеніи спорныхъ вопросовъ объ объемѣ правъ короля и въ особенности въ спорахъ о компетенціи между короной и народнымъ представительствомъ этимъ принципомъ создается презумпція, которая говоритъ въ пользу неограниченной власти короны и противъ компетенціи всѣхъ организующихъ факторовъ и въ особенности противъ компетенціи народнаго представительства. Монархъ, такимъ образомъ, ни съ кѣмъ не раздѣляетъ государственной власти по праву (quo ad jus), а одинъ призванъ осуществлять эту власть, поскольку изъ этого общаго правила конституція не дѣлаетъ исключенія, т.-е. поскольку осуществленіе извѣстныхъ верховныхъ правъ не предоставлено конституціей другимъ органамъ (народному представительству, судамъ, министрамъ, государственному совѣту). Монархъ и по сіе время представляетъ государство и престолъ полностью, по скольку не можетъ быть указанъ ограничивающій его факторъ; между тѣмъ какъ народное представительство, наоборотъ, для обоснованія своей компетенціи должно каждый разъ ссылаться на особое постановленіе конституціи (Anschütz. Gegenwärtige Theorien über den Begriff der gesetzgebenden Gewalt und dem Umfang des königlichen Verordnungsrechts nach preussischem Staatsrecht. 1902. s. 4). Этими разсужденіями Аншютцъ формулируетъ воззрѣніе на отношеніе короля къ народному представительству, которое раздѣляется всѣми истолкователями нѣмецкаго конституціоннаго права. Ср. Seydel, Bayerisches Staatsrecht. T. II. S. 4. Zöpfl, Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechtes, 5 Aus. II B. S. 247. Zachariae, Deutsches Staats und Bundesrecht. I B., S. 83. G. Meyer, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. 6 Aus., S. 245—246. Ronne-Zorn, Das Staatsrecht der preussischen Monarche». B. I, S. 206. Эти воззрѣнія нѣмецкихъ государствовѣдовъ приведены въ книгѣ проф. А. С. Алексѣева, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ, стр. 21—22.

Digitized by Google

шительно высказался и Пардессюсъ въ томъ же засѣданіи 22 января. «Король, сказалъ онъ, далъ намъ хартію свободно: до хартіи онъ былъ полновластнымъ владыкой. Всѣ власти вытекли, такимъ образомъ, изъ власти короля; утверждать поэтому, что эти власти основываются на хартіи и въ ней имѣютъ свой источникъ, это значитъ кощунственно относиться къ самой хартіи»[1]).

Полномочія верховной власти по своему источнику сосредоточены въ лицѣ монарха; дарованіемъ хартіи онъ лишь видоизмѣнилъ порядокъ осуществленія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Какія же полномочія остались въ рукахъ монарха, т.-е. осуществляются имъ самостоятельно, безъ участія другихъ факторовъ, и какія предоставлены имъ учрежденіямъ, отправляющимъ ихъ подъ его руководствомъ и надзоромъ?

На этотъ вопросъ роялисты въ своихъ рѣчахъ даютъ вполнѣ точный отвѣтъ.

По отношенію къ законодательной власти, говоритъ, напр., Лучернъ, въ произнесенной имъ 14 января 1817 г. рѣчи, король отказался отъ своего права единолично предписывать законы[2]). Онъ добровольно опредѣлилъ, что эту власть будетъ осуществлять не иначе, какъ при содѣйствіи палатъ и съ ихъ согласія... Не возбуждаетъ сомнѣнія и порядокъ осуществленія судебной власти. Король отказался отъ права личнаго суда. Что касается исполнительной власти, то отъ нея король не отказался и не подѣлилъ ея съ палатами. Исполнительная власть принадлежитъ одному королю: она принадлежитъ ему всецѣло и нераздѣльно, и ни одно изъ ея полномочій никому другому, кромѣ короля, принадлежать не можетъ.

Но не является ли ограниченіе власти короля палатами въ области законодательства умаленіемъ его суверенитета? Не существуетъ ли внутренняго противорѣчія между догматомъ самоограниченія власти короля и между правомъ палатъ участвовать въ установленіи законовъ? Не является ли иллюзорной власть короля — самому установлять предѣлъ своей власти, разъ опредѣленіе этихъ предѣловъ зависитъ отъ закона, который можетъ состояться лишь при участіи палатъ? Это было бы такъ отвѣчаютъ роялисты, если бы подъ законодательной властью понималась бы и власть учредительная, но именно послѣдняя въ компетенцію парламента не входитъ. Власть учредительная, какъ непосредственное проявленіе

---

[1]) Arch. parl. 2-ème Série T. XXXIV, p. 27.

[2]) Par rapport au pouvoir législatif le Roi s'est ôté le droit de dicter seul les lois. Il s'est soumis volontairement à n'exercer ce pouvoir que conjointement avec les deux Chambres et avec leur assentiment. Arch. parl. т. XVIII, p. 33—34.

Digitized by Google

суверенитета, неотчуждаема и ни при какихъ условіяхъ делегирована быть не можетъ.

«Король, говоритъ де ла-Рошфуко въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ палатѣ перовъ 5 мая 1824 года, даруя намъ хартію, образующую нашу дѣйствительную конституцію, видоизмѣнилъ только свою законодательную власть. Онъ не предоставилъ этой законодательной власти, которую называютъ французскимъ парламентомъ, учредительной власти или права пересмотра конституціи, что собственно сводится къ одному и тому же, ибо это послѣднее право, хотя и представляетъ собою спеціальное полномочіе, является, однако частью учредительной власти, отъ которой король не думалъ отказываться. Даруя хартію, король не совершилъ акта законодательнаго, онъ совершилъ актъ суверенитета и учредительной власти, которая является проявленіемъ суверенитета»[1]). Власть суверенная по существу своему власть верховная, безусловно свободная, никѣмъ и ничѣмъ не могущая быть стѣсненной. Издавая хартію, король ничѣмъ не былъ стѣсненъ; и если онъ связанъ ея опредѣленіями, то онъ ихъ установилъ самъ и совершенно свободно. Оставшись сувереномъ. онъ сохранилъ за собою верховенство, а слѣдовательно и право такъ же свободно видоизмѣнять хартію, какъ свободно онъ ее издалъ. «Я думаю, говоритъ Кастельбайакъ, (22 января 1822 г.), что король былъ воленъ даровать намъ хартію или нѣтъ: никто не имѣлъ права отъ него ее потребовать. И я думаю, что съ той минуты, какъ онъ намъ ее октроировалъ, онъ самъ ограничилъ себя въ осуществленіи своей власти»[2]).

Если король и по дарованіи хартіи остался суверенным и главное проявленіе этого суверенитета, власть учредительная, осталась за нимъ, то, съ точки зрѣнія роялистовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что право и пересмотра конституціи принадлежитъ всецѣло монарху. «Пересмотрѣть тотъ или другой параграфъ хартіи, говоритъ де ла-Рошфуко, это то же самое, что внести въ нее новую статью; это, другими словами, значитъ осуществлять ту же

[1]) Le Roi en nous donnant la Charte qui fait notre constitution actuelle, n'a modifié que son pouvoir législatif, il n'a point donné à ce qu'on veut appeler le parlement français, à ce pouvoir législatif le pouvoir constituant ou de révision de la Charte, ce qui est la même chose; car ce droit, quoique spécial, serait encore une partie du pouvoir constituant que le Roi n'a pas prétendu abandonner. Ce n'est point un acte législatif qu'a fait le Roi en fondant la Charte, il a fait acte de sa souveraineté et du pouvoir constituant qui en dérive. Arch. parl. Tome XL, p. 309.

[2]) Je crois que le Roi était maître de nous donner ou de ne pas nous donner la Charte: nul n'avait le droit de la lui demander. Je pense que, du moment où il nous l'a octroyée, il a limité lui-même l'exercice de son pouvoir, dans les attributions, qu'il s'est réservées par cette loi devenue par sa volonté et nos serments loi fondamentale. Рѣчь Castelbajac'a 22 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 131.

Digitized by Google

учредительную власть, въ силу которой король даровалъ саму хартію»[1]). Это право пересмотра конституціи королемъ вытекаетъ, съ точки зрѣнія роялистовъ, изъ слѣдующихъ соображеній. Пересмотръ конституціи, разсуждаютъ они, не предусмотрѣнъ хартіей, которая о немъ совершенно умалчиваетъ. Королю же принадлежатъ всѣ полномочія власти, которыя нарочито не предоставлены палатамъ особыми постановленіями и хартіей. Разъ поэтому хартія не опредѣляетъ особо порядокъ пересмотра конституціи, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что установленіе этого порядка зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія короля. «Король, говоритъ де ла-Рошфуко, сохранилъ за собою власть облекать правомъ участія въ пересмотрѣ конституціи ту совокупность людей, которая ему укажетъ его мудрость, подчинить осуществленіе этого важнаго права тѣмъ формальностямъ, которыя онъ сочтетъ нужными»[2]).

Участіе палатъ въ обыкновенномъ законодательствѣ есть ихъ право, безспорно закрѣпленное за ними хартіей, участіе же ихъ въ пересмотрѣ хартіи не образуетъ ихъ права, а какъ проявленіе учредительной, г.-е. суверенной власти, принадлежитъ принципіально королю. Если же мы видимъ, что палаты тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ случаяхъ привлекаются къ пересмотру конституціи и принимаютъ участіе въ обсужденіи поправокъ, вносимыхъ королемъ въ конституцію, то это участіе не входитъ въ ихъ нормальную

---

[1]) Réviser un article de la Charte c'est la même chose que d'y faire un article nouveau, c'est exercer un pouvoir semblable à celui qui a fait la Charte elle-même, c'est user du pouvoir constituant... Louis XVIII, agissant comme héritier légitime de soixante rois, seul possesseur du pouvoir suprême, et developpant dans toute sa plénitude l'autorité législative, qui résidait dans lui octroya la Charte à ses peuples... Ce qu'il fit pour la création de la Charte, il le fait avec plus de régularité et de solemnité encore pour la perfectionner. Est-il étonnant que dans une Charte composée de 76 articles, il se trouvât des choses imparfaites... Le Roi s'était-il donc engagé irrévocablement à n'y faire jamais aucun changement, lors même qu'il serait reclamé par l'intérêt de tous? Le Roi n'a-t-il pas le droit de faire à ce sujet une proposition? Les Chambres n'ont-elles pas le droit de l'écouter et de l'examiner, et le Roi n'a-t-il pas enfin le droit d'adopter ou de rejéter leur détermination? En faut-il davantage pour qu'il continue d'exercer ce qu'on appelle le pouvoir constituant...» T. XL, p. 309. Ср. Vaublanc, 8 іюня 1824 г.: Le pouvoir constituant n'étant pas exprimé dans la Charte, ne peut appartenir qu'au monarque. En vertu de ce pouvoir dans les circonstances graves, après une crise terrible, le monarque médite un changement à la Charte, il l'annonce, mais il déclare ensuite, qu'il redoute des innovations si promptes. Il détermine enfin à proposer, après dix années d'expérience, ce changement que nous discutons. Pouvez vous desirer une plus sage lenteur... Arch. parl. T. XLL. p. 310.

[2]) Le Roi s'est donc réservé le droit et la faculté d'investir de ce pouvoir telle association d'hommes que sa sagesse voudra choisir, de la soumettre pour l'exercice de ce grand pouvoir, à telle ou telle formalité qu'il croirait prudent de prescrire puisque encore une fois par la Charte même il n'en a pas envesti les Chambres et puisque la Charte n'indique aucun moyen de sa revison. Рѣчь, произнесенная въ палатѣ перовъ 5 мая 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 309.

Digitized by Google

компетенцію, не является ихъ правомъ, а представляетъ собою полномочіе, предоставленное королемъ какъ милость, предѣлы и степень которой зависятъ отъ него[1]).

«Хартія, заявляетъ Пасторе въ палатѣ перовъ 7 мая 1824 г., не есть законъ, который сдѣлали бы мы; хартія предшествуетъ нашему политическому бытію; насъ, какъ партіи перовъ, не существовало, когда хартія была задумана и составлена, не мы ее создали, а мы ею созданы: мы не можемъ, очевидно, истолковывать актъ, который не отъ насъ исходитъ. И если мы теперь участвуемъ въ обсужденіи проектированной поправки, то только потому, что король предложилъ намъ ее на обсужденіе... Король — верховный законодатель, существовавшій до палатъ, которыя онъ создалъ: онъ не хотѣлъ и не могъ хотѣть допустить обсужденія палатами закона, не имъ вызваннаго, и притомъ того закона, который является основнымъ закономъ государства и творцомъ котораго является онъ и только онъ. Инпціатива такого закона не можетъ принадлежать палатамъ. Она отнюдь конституціонной хартіей не разрѣшается, не допускается. 19 статья хартіи говоритъ лишь о правѣ палатъ ходатайствовать передъ королемъ о возбужденіи того или другого законодательнаго вопроса и указывать его желательное содержаніе».

Учредительная власть принадлежитъ всецѣло королю, но она проявляется не только въ томъ, что король является творцомъ конституціонныхъ законовъ и что только онъ имѣетъ право пересматривать ихъ и вносить въ нихъ поправки, но и въ томъ, что онъ властенъ привлекать къ предварительному обсужденію этихъ измѣненій и поправокъ тѣ учрежденія и ассоціаціи лицъ, голосъ которыхъ можетъ быть сочтенъ имъ полезнымъ. Такими учрежденіями и ассоціаціями могутъ быть, если будетъ на то воля короля, и палаты. Но ихъ участіе въ обсужденіи внесенныхъ королемъ поправокъ въ хартіи ничего общаго не имѣетъ съ учредительной властью, въ которой появляется верховенство суверенитетъ короля. Если право инпціативы обыкновенныхъ законовъ является прерогативой короля, и палаты имѣютъ лишь право ходатайства передъ королемъ о внесеніи имъ того или другого закона съ указа-

[1]) Pastoret, 22 апр. 1824 г.: «Dans un pays où la Constitution a été établie par le Roi seul qu'il appartient de proposer à cet égard les changements, qu'il peut croire utiles. Seul il le fit en 1815: mais lui-même annonce qu'il voulait qu'aucune modification à la Charte ne puisse devenir définitive qu'après que le pouvoir législatif dans son ensemble l'aurait adoptée. И дальше: en s'associant les Chambres pour ce noble travail... il a fait partager l'exercice de ce pouvoir primitif et créateur, qui n'avait résidé qu'en lui-même: il l'a fait partager aux Corps qui, d'après la Constitution qu'il avait donnée, doivent ordinairement s'unir à lui pour la confection ou la discussion des lois, et c'est lui-même qui s'est imposé cette obligation par plusieurs actes de sa volonté... Arch. parl. T. XL, p. 47.

Digitized by Google

ніемъ его желательнаго содержанія, то тѣмъ ограниченнѣе права палатъ въ области конституціоннаго законодательства. Право иниціативы основныхъ законовъ исходитъ исключительно отъ короля и только онъ можетъ указать на желательное ихъ содержаніе.

«Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ оберечь хартію, говоритъ Вобланъ въ своей рѣчи отъ 8-го іюня 1824 г., это — сохранить въ полной цѣлости и неприкосновенности тотъ основной принципъ, по которому ни одно измѣненіе не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ по предложенію монарха. Въ этомъ принципѣ выражается власть монарха во всей ея силѣ, во всемъ ея величіи»[1]).

V.

Политическія воззрѣнія либераловъ.

Переходя отъ доктрины роялистовъ къ политическимъ воззрѣніямъ либераловъ[2]), мы входимъ въ совершенно новый міръ идей и представленій, ничего общаго не имѣющій съ міросозерцаніемъ ревнителей стараго порядка.

Если для послѣднихъ государство отожествлялось съ государемъ и верховная власть была личнымъ достояніемъ монарха, то для либераловъ государство представляло собою общественное достояніе, а государственная власть являлась выраженіемъ общественнаго самоопредѣленія. Политическіе дѣятели новой Франціи относились безусловно отрицательно къ политическимъ догматамъ, на которыхъ покоился старый порядокъ, и въ своихъ сужденіяхъ были свободны отъ тѣхъ предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній, которыми были проникнуты доктрины роялистовъ.

«Магическія формулы, которыя были въ ходу при старомъ порядкѣ, говоритъ Манюэль, потеряли въ наше время свою силу и должны

---

[1]) «Le moyen de conserver la Charte c'est de conserver dans son entier le principe fondamental, qui veut que nul changement ne puisse être fait que d'après la proposition du monarque. Là est la monarchie dans toute sa force dans toute sa grandeur». Arch. parl. T. XL, p. 310. «Le Roi peut empêcher la demande de naître, car elle ne peut naître que par lui. Discutée et adoptée par les deux Chambres, il peut encore l'empêcher d'acquérir ce haut caractère qui imprimera subitement l'obéissance à tous, car elle doit être sanctionnée par lui pour devenir loi. Ce sont les ancres salutaires, que la constitution oppose aux dangers d'un excès de pouvoir que les Chambres s'attribueraient ou à une extension donnée par leurs modifications aux mesures d'abord proposées au nom du Roi. Сравн. рѣчь Пасторе въ палатѣ перовъ 22 апрѣля 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL p. 47.

[2]) Подъ либералами мы понимаемъ тѣхъ политическихъ дѣятелей эпохи реставраціи, которые исповѣдывали государственно-правовые принципы, провозглашенные революціей и которые были объединены ненавистью къ политическому строю абсолютной монархіи.

Digitized by Google

замолкнуть передъ общественнымъ разумомъ, передъ сознаніемъ реальныхъ интересовъ общества. Если бы рѣчь шла о томъ, чтобы впервые установить основы общественности, тогда еще можно было бы прибѣгать къ этимъ магическимъ словамъ, но теперь, когда приподнята завѣса, покрывавшая дѣйствительность, теперь было бы нелѣпо и смѣшно снова за нею укрываться. Нужно искать новыя точки опоры. Божественное происхожденіе власти, ея всемогущество во всякомъ случаѣ такими точками опоры болѣе служить не могутъ»[1]). Не можетъ служить такой точкой опоры и пресловутое начало легитимизма. «Если подъ легитимизмомъ, говоритъ Ламетъ, понимать закономъ установленный порядокъ престолонаслѣдія, то легитимизмъ въ этомъ смыслѣ признается и либералами, но если съ этимъ словомъ связываютъ догматъ божественнаго происхожденія власти, по которому народы — собственность монарха, а его воля замѣняетъ собою законъ, то эту доктрину мы безусловно отвергаемъ, доктрину, исповѣдываніе которой не безъ основанія англичане признавали величайшимъ преступленіемъ, государственной измѣной»[2]).

«Хартія, поясняетъ Роде, есть дѣйствительный отказъ отъ мнимой абсолютной власти. Она представляетъ собою безповоротное отреченіе отъ пережившихъ себя воззрѣній феодализма, по которымъ въ лицѣ монарха сосредоточивалась власть и право произвольно располагать личностью и имуществомъ гражданъ»[3]).

Либералы противопоставляли началу самодержавія монарха принципъ общественнаго самоопредѣленія народа. «Народы, говоритъ Ройе Колларъ, суверенны въ томъ смыслѣ, что ими не владѣютъ какъ территоріями, а что они принадлежатъ

---

[1]) «Croyez-moi, Messieurs, les mots magiques ont perdu leur pouvoir devant la raison publique, devant la raison universelle, devant la conscience des besoins réels de la société. Si, pour la première fois il s'agissait d'établir les fondements de la société ces mots magiques pourraient être employés: mais une fois que le voile a été soulevé, il ne peut plus être déchiré: il serait absurde et ridicule de vouloir le replacer de nouveau: il faut chercher d'autres points d'appui. Le droit divin, sa toute puissance n'en sont plus. Entendez mieux les intérêts de la société, qui veut la liberté parce qu'elle veut l'ordre de la société, ou le peuple a peut-être plus besoin de l'ordre, parce qu'il lui est nécessaire pour travailler et pour vivre». Arch. parl. T. XXXIV, p. 225.

[2]) «Si par le mot de légitimité vous entendez l'hérédité, la succession au Trône de mâle en mâle par ordre de primogéniture à l'exclusion des femmes, nous professons tous sincèrement cette doctrine: mais si vous voulez la rattacher au dogme d'un droit divin, d'après lequel les peuples seraient la propriété du monarque et sa volonté mise à la place de la loi, nous le déclarons, jamais nous n'adopterons une théorie que les Anglais ont qualifiée de crime de haute trahison». Рѣчь 11 января 1822 г. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 26.

[3]) ... abdication réelle d'un prétendu pouvoir absolu, une renonciation définitive à ces antiques de maximes de la féodalité, qui supposait, dans la personne du monarque, le pouvoir et le droit de disposer arbitrairement des personnes, des propriétés des citoyens. Arch. parl. T. XXVII, p. 676.

Digitized by Google

самимъ себѣ, что они въ силу естественнаго права черпаютъ въ самихъ себѣ средства для охраненія своего существованія, для обезпеченія своего благосостоянія; народъ суверенъ, далѣе, въ томъ смыслѣ, что общественное признаніе есть единственное прочное основаніе всякаго правительства, которое существуетъ только черезъ народъ и для народа».

Видя въ признаніи общества единственное прочное основаніе власти и уважая въ голосѣ народа авторитетъ, съ которымъ правительство должно безусловно считаться, либералы не видѣли, однако, въ этомъ авторитетѣ абсолютнаго начала. Они безусловно отвергали ученіе о неограниченности государственной власти и выставляли однимъ изъ важнѣйшихъ принциповъ своей доктрины начало правовой связанности государства.

Въ современномъ обществѣ, учили они, нѣтъ неограниченной власти и господствовавшій при старомъ режимѣ догматъ всемогущества государства долженъ быть безусловно отвергнутъ. Власть общественнаго союза находитъ свой необходимый предѣлъ въ естественныхъ неотъемлемыхъ правахъ членовъ этого союза.

«Существуютъ, восклицаетъ Лафайетъ, естественныя права, права, покоящіяся на всегда себѣ равной справедливости, права, которыя ни для какой власти недосягаемы, ни даже народу въ цѣломъ»[1]). «У насъ, говоритъ Ройе Колларъ, всегда существовали права, которыя признавались неприкосновенными и которыя были недосягаемы и суверенной законодательной власти»[2]).

Ихъ неприкосновенность гарантируется не только тѣмъ, что власть короля перестала быть абсолютной и что законодательныя полномочія распредѣляются между нѣсколькими другъ друга уравновѣшивающими областями, они обезпечиваются и тѣмъ, что отвергнута самая доктрина безпредѣльности власти, и что современный строй признаетъ лишь полномочія ограниченныя, находящія свой предѣлъ въ хартіи, ставящей во главу угла своихъ опредѣленій неприкосновенность основныхъ правъ гражданъ. «Недостаточно, говоритъ Ройе Колларъ, для политической свободы народа, чтобы государственная власть была распредѣлена между нѣсколькими властями, какова бы ни была ихъ природа и каково бы ни было ихъ происхожденіе. Распредѣленіе властей есть, конечно, фактъ первостепенной важности, онъ имѣетъ очень важныя послѣдствія для власти короля, которую онъ существенно мѣняетъ; но построенное на немъ правительство, хотя и раздѣленное между нѣсколькими элементами, въ отношеніи къ своему воздѣйствію все же остается

[1]) Рѣчь Лафайета, 27 мая 1820 года. Arch. parl. T. XXVIII, p. 152.
[2]) Рѣчь Ройе Коллара. Archives parlementaires. T. XXXIV, p. 132.

Digitized by Google

единымъ, и если оно не встрѣчаетъ извнѣ никакихъ преградъ, съ которыми оно должно считаться, то оно, какъ бы вы его ни называли, становится абсолютнымъ, народъ и его права поступаютъ въ его произвольное распоряженіе, низводятся на степень его частнаго достоянія. Указывая на эти опасныя послѣдствія, я вовсе не декламирую, а излагаю выводы раздѣляемой многими извѣстной доктрины парламентскаго всемогущества (omnipotence parlementaire), доктрину опасную, вышедшую изъ среды разлагающагося общества, истинную доктрину деспотизма и революціи, гибельную именно тѣмъ, что она отрицаетъ незыблемость основныхъ законовъ и не признаетъ неотъемлемости правъ народа»[1]).

Въ конституціонной Франціи, по ученію либераловъ, нѣтъ абсолютной власти и нѣтъ органа, который обладалъ бы неограниченными полномочіями; всѣ власти покоятся на хартіи, которая является послѣднимъ основаніемъ ихъ авторитета, и всѣ онѣ обладаютъ лишь той степенью власти, которая отмежевана имъ хартіей. И въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между монархомъ и парламентомъ. Его власть, какъ и власть обѣихъ палатъ, основана на законѣ и ограничена закономъ. И онъ, какъ и палаты, обладаетъ лишь тѣми правами, которыя закрѣплены за нимъ хартіей. Въ государствѣ стараго порядка господствовали люди, ихъ воля, ихъ капризы; въ современномъ же государствѣ должно воцариться право, регулирующее общественные интересы на началахъ справедливости.

«Въ обществѣ существуютъ два элемента, говоритъ Ройе Колларъ, одинъ матеріальный — это человѣкъ, его сила и его воля; другой духовный — это право, вытекающее изъ законныхъ интересовъ. Свободныя конституціи имѣютъ своею цѣлью положить конецъ господству силы и обезпечить господство справедливости»[2]).

Ставъ на эту точку зрѣнія, Ройе Колларъ вмѣстѣ со своими единомышленниками вооружается противъ доктрины народнаго верховенства въ смыслѣ абсолютнаго народовластія. «Суверенитетъ народа, по словамъ Ройе Коллара, это тотъ же суверенитетъ грубой силы, который мы осуждаемъ въ абсолютной монархіи — суверенитетъ безъ правилъ и безъ границъ, безъ обязанностей и безъ совѣсти, суверенитетъ, для котораго нѣтъ ни добра, ни зла, ни прошлаго, ни будущаго...»[3]) «Сила принуждаетъ, но не обязываетъ; способность обязывать есть свойство, присущее суверенитету

[1]) Рѣчь отъ 22 января 1822 года. Archives parlementaires. T. XXXIV, p. 132.

[2]) Barante. La vie politique de Royer-Collard. Ses discours et ses écrits. Troisième édition. Tome II, p. 33.

[3]) Тамъ же, стр. 463.

Digitized by Google

другого порядка. Воля одного, воля многихъ, воля всѣхъ — все это не что иное, какъ физическая сила лишь различной степени; по отношенію къ нимъ никто не обязанъ ни повиновеніемъ, ни даже малѣйшимъ уваженіемъ. Общество, продолжаетъ Ройе Колларъ, не представляетъ собою сумму индивидовъ, сумму воль; оно объединено болѣе крѣпкой связью, и этой связью является право, привилегія человѣчества и тѣ законные интересы, которые въ правѣ находятъ свое покровительство и свою защиту (et les intérêts légitimes qui naissent du droit). Право не порождено силой, а вытекаетъ изъ справедливости, которая является верховнымъ судьей интересовъ. Подъ ауспиціями права слагается общество, чтобы развѣнчать силу и ея владычество замѣнить господствомъ справедливости». Отвергая абсолютную власть, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, ратуя какъ противъ суверенитета монарха, такъ и противъ суверенитета народа, либералы признавали верховнымъ принципомъ современнаго государства начало законности — господство права во всѣхъ сферахъ общественной жизни. «Истиннымъ сувереномъ въ государствѣ, говоритъ Манюэль, является законъ и этому суверену подчиненъ король въ такой же степени, какъ и остальные граждане»[1]. «Законность, говоритъ Ройе Колларъ, это — самая глубокая изъ идей, когда-либо проникшихъ въ общество: идея самая глубокая и самая плодотворная.

Въ образѣ, вызывающемъ чувство почтенія, она дѣлаетъ для всѣхъ ощутимымъ право на благородный удѣлъ, данный человѣческому роду — право, безъ котораго на землѣ есть лишь жизнь, лишенная достоинства, и смерть, лишенная надежды»[2]).

«Если законъ суверененъ, то суверенитетъ, учитъ Манюэль, находится въ рукахъ тѣхъ, отъ которыхъ исходитъ этотъ законъ»[3]).

Суверенитетъ въ смыслѣ верховнаго авторитета въ государствѣ принадлежитъ закону, какъ предписанію права; суверенитетъ же

---

[1]) ... que nos adversaires viennent nous dire s'il existe un autre souverain que celui, qui fait les lois, si la loi n'est pas le véritable souverain, si le Roi n'y est pas soumis comme les autres citoyens. Arch. parl. T. XXX, p. 409. Рѣчь Манюэля 20 марта 1821 г.

[2]) Elle rend sensible à tous dans une image reverée le droit ce noble apanage de l'espèce humaine, le droit sans lequel il n'a rien sur la terre qu'une vie sans dignité et une mort sans espérances. Arch. parl. 2-ème Série T. XXVIII, p. 659.

[3]) Aussi, il n'y a pas de la Charte, pas de gouvernement représentatif, si la souveraineté réside seulement dans celui qui nous a donné la Charte... Si la loi est souveraine, c'est dans ceux qui font la loi que réside la souveraineté. Du reste, c'est une observation que je fais: elle est plus importante que vous ne sauriez le croire; car voyez où conduit le système contraire. Si la souveraineté continue à résider dans le Roi, il a donc le pouvoir de refaire ce qu'il a fait une fois: la Charte peut donc être révoquée. Contestez ces conséquences. Archives parlementaires. T. XXX. p. 402. Рѣчь, произнесенная Манюэлемъ 20 марта 1821 года.

Digitized by Google

въ смыслѣ высшей распорядительной власти, осуществляемой людьми, принадлежитъ тѣмъ органамъ, которые установляютъ эти законы. Этими органами въ современной Франціи, согласно конституціи, являются король и обѣ палаты.

Гастонъ де Рошфуко, въ рѣчи, произнесенной имъ 13 февраля 1828 г., задается вопросами: гдѣ же суверенитетъ и въ чемъ же выражается суверенитетъ короля и отвѣчаетъ на него слѣдующими разсужденіями: никто, конечно, не станетъ утверждать, что суверенитетъ проявляется въ исполнительной власти короля. Извѣстно, что исполнительная власть представляетъ собой ни что иное, какъ делегацію, и всѣ публицисты, какъ древности, такъ и новаго времени, согласны въ томъ, что эта исполнительная власть является делегаціей власти законодательной. Суверенитетъ короля можетъ поэтому выражаться только въ той долѣ законодательной власти, которую конституція государства ему отмежевала. Съ моей точки зрѣнія, продолжаетъ Рошфуко, законодательная власть со времени изданія хартіи была раздѣлена между тремя факторами, и никто не станетъ, конечно, утверждать, что законодательная власть, предоставленная палатѣ перовъ и палатѣ депутатовъ, имѣла бы другія свойства, чѣмъ та, которая отведена королю. Изъ этого съ несомнѣнностью вытекаетъ, что король суверененъ въ границахъ своихъ полномочій, а Вы суверенны въ предѣлахъ своихъ.

Либералы, отвергая суверенитетъ короля и признавая высшимъ авторитетомъ въ государствѣ — законъ, должны были относиться безусловно отрицательно къ воззрѣнію роялистовъ на хартію, какъ на свободный даръ неограниченнаго монарха. Они открыто заявляли, что способъ происхожденія хартіи, какъ его изображали роялисты, не вяжется съ фактическими условіями, при которыхъ Бурбоны были водворены на престолъ и при которыхъ состоялось изданіе конституціи 4 іюня 1814 г. Объ этихъ условіяхъ подробно распространяется Манюэль въ своей рѣчи, произнесенной имъ 22 января 1822 г. «Съ 1792 года, говоритъ онъ, Франція жила при правительствахъ, которыя стояли въ явной оппозиціи къ династіи Бурбоновъ. Эта династія вернулась во Францію послѣ длиннаго перерыва, среди несчастій, постигшихъ отечество. Она была совершенно неизвѣстна новому поколѣнію, которое въ режимѣ, существовавшемъ до 1789 г., видѣло порядокъ, противорѣчащій интересамъ большинства народа. Неудивительно, что при такомъ настроеніи династія Бурбоновъ была встрѣчена народомъ болѣе, чѣмъ недружелюбно»[1]).

[1]) Depuis 1792 la France vivait sous d'autres gouvernements, qui étaient en opposition manifeste avec la famille des Bourbons. J'ai dit que la famille

Digitized by Google

И если общество потомъ примирилось съ династіей Бурбоновъ, то потому, что она пошла навстрѣчу его желаніямъ: Сентъ-Уанской декларацiей она учредила конституціонный строй и подчинилась ему. Лѣтосчисленіе свободнаго строя нужно вести поэтому не со дня дарованія хартіи, а съ момента обнародованія декларацiи въ Сентъ-Уанѣ. Эта декларація, по словамъ Манюэля, заключаетъ въ себѣ зародышъ тѣхъ принциповъ, которые были затѣмъ развиты въ хартіи: она лишь воспроизводитъ ту систему, которую содержитъ въ себѣ сенатская конституція 6-го апрѣля[1]).

Видя въ изображеніи роялистами возникновенія хартіи легенду, не оправдывающуюся историческимъ ходомъ событій, либералы не придавали, однако, способу происхожденія конституціи рѣшительнаго значенія; они держались того правильнаго взгляда, который утверждаетъ, что тотъ или другой способъ изданія хартіи не предрѣшаетъ характера конституціи и что степень власти какъ монарха, такъ и парламента не зависитъ отъ того, октроирована ли хартія монархомъ или отвоевана народомъ, а обусловливается соотношеніемъ политическихъ факторовъ, вызвавшихъ государственный переворотъ, и содержаніемъ конституціи, формально закрѣпляющей этотъ переворотъ и дающей ему юридическое выраженіе. «Я не буду, говоритъ Беранже, пускаться въ разсужденіе о томъ различіи, которое будто бы существуетъ между конституцiей, обязанной своимъ происхожденіемъ демократическому вліянію, и хартіей, редактированной одной только монархической властью; я думаю, что это различіе скорѣе искусственное, чѣмъ правильное, ибо всякая конституція, какъ бы она издана ни была, есть отвѣтъ на потребность и кѣмъ и какъ бы она издана ни была, она, чтобы быть прочной, должна соотвѣтствовать этой потребности»[2]). «Октроирована ли хартія или только признана королемъ, говоритъ Роде, она во всякомъ случаѣ стала теперь достояніемъ Французскаго народа, который ее принялъ, для котораго она стала предметомъ привязанности, правиломъ поведенія, основаніемъ его надеждъ на будущее. Сложилось соглашеніе между монархомъ и народомъ;

---

des Bourbons se représantant en France après un long intervalle, au milieu des malheurs de la patrie, inconnue à une génération, habituée à considérer ce qui existait avant 1789 comme en opposition avec l'intérêt de la masse des citoyens: que dans cet état on avait vu arriver cette famille avec répugnance... Je n'ai pas à contester les droits de la famille royale. Que ces droits existassent depuis plus ou moins longtemps, ce qu'il y a de certain, c'est qu'ils n'étaient plus réconnus en France; c'est qu'il existait alors quelque répugnance contre une famille nouvelle. Arch. parl. T. XXXIV, p. 301.

[1]) La déclaration de Saint-Ouen contient le germe des principes, développés dans la Charte et reproduit tout le système des constitutions du Sénat-conservateur.. Arch. Parl. T. XXXIV, p. 301, 30 января 1822 года.

[2]) Arch. parl. 2-ème Série, T. LXV, p. 270.

Digitized by Google

оно матеріально вытекало изъ совпаденія интересовъ, формально же оно было закрѣплено присягой сторонъ: присягою короля, принцевъ, гражданъ, депутатовъ и министровъ; всѣ они дали клятву соблюдать хартію»[1]). И по словамъ Ланжюне, хартія есть, въ сущности, ни что иное, какъ соглашеніе между монархомъ и народомъ: «она, говоритъ онъ, заключаетъ въ себѣ ихъ взаимныя обязательства; въ ней прямо говорится, что она дана, какъ уступка желаніямъ подданныхъ, изъ необходимости итти навстрѣчу ихъ реальнымъ нуждамъ и считаться со вновь сложившимися условіями общественной жизни. Хартія была исторически необходима и въ этой исторической необходимости и въ обусловливаемой ею солидарности съ интересами общества и правовымъ сознаніемъ народа нужно видѣть ея главнѣйшее обоснованіе и надежнѣйшую опору». «Въ данную эпоху, говоритъ Ройе Колларъ, при данномъ состояніи общества, возможенъ лишь одинъ соотвѣтствующій этому состоянію образъ правленія. Для учрежденій народа существуютъ извѣстные неотразимые принципы, которые суть ни что иное, какъ необходимыя условія его существованія. Законная монархія и свобода суть абсолютныя требованія нашего образа правленія, потому что они являются абсолютными требованіями современной Франціи».

Хартія черпаетъ свою силу не въ авторитетѣ того, кто ее издалъ, а въ ея солидарности съ общественными требованіями. «Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано бытіе хартіи, спрашиваетъ Лафайетъ[2]), что возвело ее на степень общественнаго достоянія? Не религія же божественнаго права? Не начало же легитимитета? Нѣтъ, господа признаемъ, что если хартія, несмотря на свои антецеденты, несмотря на свои несовершенства, несмотря на свои истолкованія, какъ открытыя, такъ и конфеденціальныя, если хартія стала популярной среди насъ, то она этимъ обязана тому, что отвергла

---

[1]) Arch. parl. 2-ème Série. T. XXII, p. 676.

[2]) En effet, Messieurs, à quoi tient l'existence de la Charte? Qu'est-ce qui l'a élevée au rang de propriété nationale? Serait-ce la religion du droit divin? Mais plusieurs actes intérieurs étaient partis de la même source, avaient pendant dix-neuf ans invoqué le même talisman. Et cependant, sous la République ils n'avaient pas empêché qu'on ne jurât haine à la royauté; sous l'Empire, sans même parler d'un autre droit divin consacré par les puissances réligieuses et politiques d'alors, je ne sache pas que les appels à la légitimité parmi tant de ses zélateurs actuels, aient jamais déterminé personne à renvoyer au gouvernement de fait un porte-feuille d'homme d'Etat, un brevet militaire une place de magistrature, une croix épiscopale, un diplôme de comte, une clef de chambellan. Serait-ce la promulgation du 4 Juin? Mais quel Français ayant les sentiments de ses droits n'a pas ressenti la formule, par laquelle on traitait en affranchie la nation au moment où elle replacaitl'étendard royal à la tête de ses drapeaux chargés de lauriers? Serai-ce parce que cette Charte est arrivée à la suite des armées étrangères et a été depuis ramenée par elles. Mais il n'y a là, au contraire, que du désavantages. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 152. Рѣчь Лафайета 27 мая 1820 г.

Digitized by Google

много доктринъ, надеждъ и декларацій контръ-революціонныхъ, что она явилась гарантіей индивидуальной свободы, свободы печати, свободы вѣроисповѣданій, равенства правъ, независимости суда присяжныхъ, неприкосновенности всѣхъ видовъ собственности; что она представляетъ собою и залогъ представительной системы, которая сдѣлала дѣйствительнымъ признаніе нашихъ правъ и плодовъ революціи[1]). Хартія не произвольное произведеніе верховнаго законодателя, не свободное выраженіе воли того или другого политическаго фактора, а естественный плодъ предшествующаго развитія, юридическій фактъ, формулировавшій и закрѣпившій на бумагѣ результатъ длительнаго историческаго процесса, юридическій актъ, являющійся отраженіемъ правосознанія современнаго общества. «Хотя хартія, говоритъ Бенжаменъ Констанъ, и была написана, и притомъ написана на нашихъ глазахъ, она тѣмъ не менѣе не произвольный актъ, не систематическая концепція отвлеченной мысли: она представляетъ собою внушительную дѣйствительность, она правдиво выражаетъ собою интересы, нравы, состояніе того общества, которымъ она предназначена была управлять»[2]). «Хартія, говоритъ Ройе Колларъ, представляетъ собою всю нашу исторію, это единственный и верховный фактъ. Въ силу своего происхожденія она недосягаема тѣмъ властямъ, которыя ею созданы, и какъ соглашеніе и умиротвореніе она нерушима, она незыблемый основной законъ и не теоріи мѣряться съ ней силами»[3]). «Хартія, восклицаетъ Бенжаменъ Констанъ, это трактатъ единенія, это союзный договоръ между народомъ, разочарованнымъ и образумленнымъ безпорядками и утомленнымъ

---

[1]) Convenons donc, Messieurs, que si la Charte malgré ses antécédents, ses imperfections, ses commentaires tant avoués que confidentiels, s'est réellement popularisée parmi nous, c'est parce qu'elle avait retracté beaucoup de doctrines, d'espérances, de déclarations contrerévolutionnaires: parce qu'elle avait été présentée par son auguste auteur comme une garantie pour la liberté individuelle, la liberté de la presse, la liberté des cultes, l'égalité des droits, l'indépendance du jury, l'inviolabilité de toutes les propriétés, et comme le gage d'un système représentatif avec lequel on pouvait rendre efficace cette réconnaissance récente de nos droits et des fruits de la Révolution. Arch. parl. T. XXVIII, p. 152.

[2]) Quoique la Charte soit écrite, et même que nous l'ayons vu écrire, elle n'est point arbitraire comme les conceptions systématiques de l'ésprit; il lui était imposé d'être vraie, d'exprimer fidèlement les intérêts, les mœurs, l'état de la société qu'elle devait régir. Рѣчь, произнесенная 17 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVII, p. 655.

[3]) La Charte est maintenant toute notre histoire, elle est le fait unique et suprême. Par la hauteur de son origine elle est, dans le cours ordinaire des choses, au dessus de l'atteinte des pouvoirs qui sont son ouvrage; comme transaction et pacification elle est inviolable, comme loi fondamentale, ce n'est pas à la théorie de se mesurer avec elle. Рѣчь, произнесенная 3 іюня 1824 г. Arch. parl. 3-ème Série. T. XLI, p. 193.

Digitized by Google

политическимъ гнетомъ, и монархомъ, объявившимъ себя врагомъ абсолютной власти»[1]).

Имѣетъ ли законодательная власть въ лицѣ короля и двухъ палатъ право вносить поправки въ конституцію? На этотъ вопросъ всѣ либеральные ораторы, безъ различія оттѣнковъ, отвѣчаютъ отрицательно. Всѣ они исходятъ изъ того положенія, что хартія не есть простой законъ, который могъ бы быть отмѣненъ или видоизмѣненъ обычнымъ порядкомъ, а представляетъ собою конституцію, освящающую незыблемый правовой порядокъ, неприкосновенный для тѣхъ факторовъ, которые этотъ порядокъ установили.

Неприкосновенность хартіи для законодательной власти — это одинъ изъ основныхъ догматовъ либераловъ и въ этой неприкосновенности они видятъ главный залогъ устойчивости и прочности того государственнаго строя, который признала Франція и охраненіе котораго послѣ пережитыхъ ею потрясеній является существенной потребностью страны [2]).

«Если бы, говоритъ Делоне въ своей рѣчи, произнесенной 12 іюня 1820 года, мы поставили хартію на одну доску съ простыми законами и если бы отъ законодательной власти каждой сессіи зависѣло мѣнять ее или вносить въ нее поправки, то у насъ не было бы дѣйствительнаго общественнаго договора; коренныя основы нашего образа управленія постоянно бы мѣнялись; въ зависимости отъ смѣны различныхъ теченій въ общественномъ мнѣніи всѣ права, признанныя хартіей, и всѣ учрежденія, ею освященныя, стояли бы постоянно подъ вопросомъ, мы бы находились въ состояніи постоянной революціи, вмѣсто того чтобы разъ навсегда себя отъ нея оградить» [3]).

«Я допускаю возможность наступленія условій, при которыхъ измѣненія конституціи будутъ признаны необходимыми, говоритъ Манюэль, но я отрицаю, чтобы эти измѣненія могли быть сдѣланы тѣми тремя властями, которыя установлены хартіей. Если бы эти власти имѣли право мѣнять конституцію, то абсолютная власть

---

[1]) La Charte a paru, la Charte traité d'union, pacte d'alliance entre un peuple désabusé du désordre et lassé de la servitude, et un monarque qui se déclarait l'ennemi du pouvoir absolu. Рѣчь 8 іюня 1824 г. Arch. parl. T. XLI, p. 300.

[2]) Характерны слова генерала Foy, сказанныя имъ 4 іюня 1824 г. «La fixité est le motif, le but, le système de la Charte, disons mieux, c'est la Charte toute entière. Et cette Charte majestueusement descendue du trône de Saint Louis, cette Charte accueillie naguère par la bénédiction du peuple, cette Charte si souvent proclamée, le palladium de nos libertés, voilà qu'aujourd'hui on la traite comme on traiterait un expédient de finances ou un réglement de circonscription territoriale». Arch. parl. T. XLI, p. 210, 211. Ср. также рѣчь Dony, Arch. parl. T. XXVIII, p. 420.

[3]) Рѣчь Делоне 12 іюня 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 421.

Digitized by Google

продолжала бы существовать попрежнему и лишь перемѣнила бы своего хозяина; вся перемѣна свелась бы къ тому, что эта абсолютная власть вмѣсто того, чтобы сосредоточиться въ одномъ монархѣ, находилась бы въ рукахъ короля и двухъ палатъ»[1]). Измѣненія въ конституціи, если они въ исключительныхъ случаяхъ и допустимы, могутъ исходить лишь отъ власти высшаго порядка и путемъ особеннымъ, соотвѣтствующимъ важности пересматриваемаго акта. «Конечно, говоритъ Ланжюне, необходимо признать высшую власть, высшій предѣлъ политической организаціи. Но при конституціонномъ режимѣ эта власть (если только хотятъ, чего, конечно, нужно хотѣть, мѣнять конституцію, не разрушая ея), эта власть должна быть отличена отъ другихъ; она должна имѣть различныя формы, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о второстепенномъ законѣ или о такомъ, который въ цѣломъ или въ части мѣняетъ конституцію»[2]).

И по мнѣнію Манюэля, должна существовать особая власть и особый порядокъ для пересмотра конституціи, отличный отъ законодательнаго порядка. «Необходимо, говоритъ онъ, въ такихъ случаяхъ признать другія начала, необходимо спеціальнымъ закономъ установить порядокъ пересмотра конституціи при помощи спеціальной власти, которая призвала бы народъ къ рѣшенію вопроса, нуждаются ли дѣйствительно данныя учрежденія въ предположенныхъ перемѣнахъ или нѣтъ»[3]).

Дальфонсъ и Делоне, первый въ рѣчи, произнесенной 24 мая 1820 года[4]), а второй въ рѣчи 12 іюня того же года[5]), не менѣе

---

[1]) Je conçois qu'il puisse arriver que des modifications à la Charte soient réconnues nécessaires, mais qu'elles puissent être faites par les trois pouvoirs établis par la Charte, c'est ce que je ne concéderai jamais... Alors, Messieurs, comme on nous l'a dit, le pouvoir absolu de faire et défaire n'aurait fait que changer de mains; il serait dans le Roi et les Chambres au lieu d'être dans le Roi lui seul. Рѣчь, произнесенная 30 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXIV, p. 225. Ср. также рѣчь Лафайета 27 мая 1820 г. Тамъ же, т. XXVIII, p. 152.

[2]) Sans doute il faut reconnaître un pouvoir suprême, terme nécessaire de l'organisation politique. Mais dans le régime des constitutions, ce pouvoir, quand on veut, comme il faut le vouloir, changer la constitution sans la detruire, doit être diversifié dans les formes selon qu'il s'agit d'une loi sécondaire, ou d'une loi qui abroge en tout ou en partie cette constitution. Otez cette variété de formes, il n'y a plus de vrai partage, il n'y a plus de vraie divisions de pouvoir. Рѣчь, произнесенная 5 мая 1824 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 319.

[3]) Il faut admettre d'autres bases, il faut établir par une loi spéciale un mode de révision par un pouvoir spécial, qui appelle la nation à juger si, en effet, ses institutions ont besoin d'être modifiées. Рѣчь, произнесенная 30 января 1822 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 225. Ср. также рѣчь Dalphonse отъ 24 мая 1820 г. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 83.

[4]) Il m'est donc impossible de me persuader que ceux qui n'ont reçu mission mandat que pour maintenir la Charte, qui se sont engagés par le serment à lui obéir, puissent s'arroger le droit de l'interpréter, de l'ameliorer même. Ce serait la plus téméraire et la plus dangereuse usurpation. Ce droit ne peut appartenir qu'a un autre pouvoir, à une assemblée de révision. La constitution

Digitized by Google

рѣшительно высказываются въ пользу необходимости особаго порядка для пересмотра конституціи. Они видятъ существенный пробѣлъ хартіи въ томъ, что она не предусматриваетъ пересмотра конституціи, подобно прежнимъ хартіямъ, конституціи 1791 г. и конституціи VIII г., и высказываются въ пользу необходимости пополнить этотъ пробѣлъ и обставить ревизію конституціи гарантіями, которыя обезпечили бы общественному мнѣнію соотвѣтствующее вліяніе на пересмотръ хартіи.

VI.

Отношеніе правительства къ вопросу объ измѣняемости хартіи въ первые годы царствованія Людовика XVIII.

Предшествующее изложеніе показало, что по вопросу объ измѣняемости хартіи встрѣтились въ парламентѣ Людовика XVIII два противоположныхъ воззрѣнія: представители новой Франціи видѣли въ хартіи незыблемый основной законъ, который обычнымъ законодательнымъ порядкомъ измѣненъ быть не можетъ, роялисты же учили, что хартія — свободный даръ суверена, который, въ зависимости отъ воли короля, подлежитъ измѣненію, дополненію и даже отмѣнѣ и притомъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, которымъ онъ былъ данъ, т.-е. одностороннимъ актомъ монарха.

Правительство Людовика XVIII не присоединилось ни къ тому, ни къ другому воззрѣнію, а избрало средній путь, который, съ од-

---

de 1791 avait fixé le temps ou elle pourrait être révisée et la manière dont elle pourrait l'être. Si cette disposition eut été respectée, la première assemblée législative n'aurait pas suspendu le monarque, nous n'aurions pas eu la Convention et tous les malheurs qu'elle a produits. La constitution de l'an VIII avait institué un corps politique chargé de maintenir ou annuler les actes qui lui seraient déférés comme inconstitutionnels par le tribunal ou par le gouvernement, d'expliquer les articles de la constitution qui donnaient lieu à différentes interprétations. Il avait donc le pouvoir de réviser, d'interpréter. La Charte n'a pas eu cette prévoyance, mais il peut y être suppléé par une loi et cette loi est le domaine de la puissance législative ordinaire. Ce sera à MM. les Ministres et aux Chambres a en combiner les dispositions avec toute la circonspection et la sagesse que son importance devra commander. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXVIII, p. 83.

[5]) On chercherait en vain dans la Charte un mode de révision: elle n'en contient pas; puisque cette lacune existe et que le projet d'y faire des changements a excité des inquiétudes sur tous les points de la France, il serait d'une haute sagesse, pour assurer de plus en plus la stabilité, de remplir cette lacune en déterminant par une loi quelques changements, si l'expérience venait à les démontrer nécessaires. Ces changements ne pourraient avoir lieu que sur la proposition formelle du Roi, une seule législature ne pourrait les adopter; il serait nécessaire que le Roi persistât dans sa proposition pendant plusieurs sessions des Chambres, et qu'au moins deux législatures successives y donnassent assentiment. On pourrait même statuer que, pour opérer ces changements il faudrait qu'ils fussent consentis dans les Chambres par une majorité plus forte que la majorité ordinaire. Arch. parlementaires, 2-ème Série. T. XXVIII, p. 421.

Digitized by Google

ной стороны, признавалъ догматъ октроированнаго порядка, выставленный роялистами, а съ другой, хотѣлъ обезпечить либераламъ неприкосновенность основныхъ принциповъ конституціонаго режима. Эту умѣренную точку зрѣнія отстраивали въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ министры Паскье, де Серръ и Корьбіеръ при защитѣ ими законовъ о выборахъ 1817 и 1820 г.г. и закона 1824 года.

Но прежде, чѣмъ стать на эту точку зрѣнія, правительство Людовика XVIII въ своей политикѣ по отношенію къ измѣняемости хартіи пережило нѣсколько колебаній, наиболѣе яркими моментами которыхъ является указъ 13 іюля 1815 года и ордонансъ 5 сентября 1816 года.

Первый изъ этихъ указовъ предполагаетъ принципъ измѣняемости хартіи безъ всякихъ ограниченій. Онъ вноситъ въ хартію цѣлый рядъ поправокъ: онъ увеличиваетъ число депутатовъ отъ 262 до 402 и понижаетъ ихъ возрастный цензъ съ 40 до 25 лѣтъ; онъ, кромѣ того, опредѣляетъ, что въ слѣдующую сессію палатъ будутъ подвергнуты пересмотру статьи конституціи, касающіяся законодательной иниціативы, права поправокъ и еще нѣкоторыя другія статьи хартіи[1]).

---

[1]) А именно §§ 28; 35—46. Принципъ измѣняемости хартіи провозглашается первыми же строками этого указа, мотивирующими его постановленія. Вотъ онъ: «Nous avions annoncé que notre intention était de proposer aux Chambres une loi, qui réglât les élections des députés des départements. Notre projet était de modifier, conformement à la leçon de l'expérience et au voeu bien connu de la nation, plusieurs articles de la Charte touchant les conditions d'éligibilité, le nombre des députés et quelques autres dispositions relatives à la formation de la Chambre, à l'initiative des lois et au mode de ses délibérations. Le malheur des temps ayant interrompu la session des deux Chambres nous avons pensé que maintenant le nombre des députés des départements se trouvait par diverses causes beaucoup trop réduit pour que la nation fût suffisamment représentée; qu'il importait surtout, dans telles circonstances que la représentation nationale fût nombreuse; que ses pouvoirs fussent renouvelés; qu'ils émanassent plus directement des collèges électoraux; qu'enfin les élections servissent comme d'expression à l'opinion actuelle de nos peuples. — Nous nous sommes donc déterminé à dissoudre la Chambre des députés et à convoquer sans delai une nouvelle; mais le mode des élection n'ayant put être reglé par une loi, non plus que les modifications à faire à la Charte, nous avons pensé qu'il était de notre justice de faire jouir dès à présent la nation des avantages qu'elle doit recueillir d'une représentation plus nombreuse et moins restreinte dans les conditions d'éligibilité; mais voulant cependant que, dans aucun cas, aucune modification de la Charte ne puisse devenir définitive, que d'après les formes constitutionnelles, les dispositions de la présente ordonnance seront le premier objet des délibérations des Chambres. Le pouvoir législatif dans son ensemble statuera sur la loi des élections sur les changements à faire à la Charte dans cette partie, changements, dont nous ne prenons l'initiative que dans les cas les plus indispensables et les plus urgents, en nous imposant même l'obligation de nous rapprocher autant que possible de la Charte et des formes précédement en usage». Duvergier. Collection complète des lois, décrets, ordonnances, reglements et avis du conseil d'état. Tome XX, p. 5 et 6.

Digitized by Google

Второй указъ 5 сентября 1816 года установляетъ противоположное начало. Онъ исходитъ изъ положенія, что «рядомъ съ выгодой улучшенія существуетъ опасность нововведеній». «Мы убѣдились, говорится въ немъ далѣе, что потребность и пожеланіе нашихъ подданныхъ сходятся въ необходимости сохранить неприкосновенность конституціонной хартіи, которая является основой публичнаго права Франціи и гарантіей всеобщаго мира». Руководствуясь этими соображеніями, указъ установляетъ въ первомъ же своемъ параграфѣ правило, по которому впредь ни одна изъ статей хартіи не будетъ пересмотрѣна. Далѣе указъ возстановляетъ 36-ю статью хартіи и отмѣняетъ «всѣ постановленія указа 13 іюля 1815 года, стоящія въ противорѣчіи съ настоящимъ ордонансомъ»[1]).

Со времени изданія этого акта правительство Людовика XVIII придерживается взгляда, что хартія въ тѣхъ ея частяхъ, которыя опредѣляютъ основныя черты дѣйствующаго во Франціи конституціоннаго строя, является незыблемымъ законоположеніемъ, измѣненію безусловно не подлежащимъ[2]). Оно допускаетъ пересмотръ лишь тѣхъ статей хартіи, которыя регулируютъ отдѣльныя подробности порядка выборовъ, но при этомъ выставляютъ необходимымъ требованіемъ, чтобы такой пересмотръ могъ состояться не иначе,

---

[1]) «Depuis le retour dans nos Etats, chaque jour nous a démontré cette vérité, proclamée dans une occasion solenelle, qu'a côté de l'avantage d'amé — liorer est le danger d'innover. Nous nous sommes convaincu que les besoins et les voeux de nos sujets se réunissent pour conserver intacte cette Charte constitutionnelle, base du droit public en France et garantie du répos général. Nous avons en conséquence jugé nécéssaire de réduire la Chambre des députés au nombre déterminés par la Charte et de n'y appeler que des hommes de l'age quarante ans. Mais pour opérer légalement cette réduction il est indispensable de convoquer de nouveau les collèges électoraux afin de procéder a l'élection d'une nouvelle Chambre des députés. A ces causes... nous nous avons ordonné et ordonnons ce qui suit. Art. 1-er. Aucun des articles de la Charte constitutionnelle ne sera révisé... Art. 12. Les dispositions de l'ordonnance du 13 Juillet 1815 contraires à la présente sont revoquées. Duvergier. Tome XXI, pp. 39, 40.

[2]) Конституціонный строй былъ вновь подтвержденъ королемъ и его семьею при торжественномъ открытіи палатъ 9 октября 1815 года. Тронная рѣчь, произнесенная при этомъ королемъ, между прочимъ, гласила: «C'est donc avec une douce joie et une pleine confiance, que je vous vois rassemblés autour de moi certain que vous ne perdrez jamais de vue les bases fondamentales de la félicité de l'Etat: union franche et loyale des Chambres avec le Roi, et respect pour la Charte constitutionnelle. Cette Charte que j'ai médité avec soin avant de la donner, à laquelle la reflexion m'attache tous les jours davantage, que j'ai juré de maintenir et à laquelle vous tous, à commencer par ma famille, allez jurer d'obéir, est sans doute, comme toutes les institutions humaines, susceptible de perfectionnement, mais aucun de nous ne doit oublier qu'auprès de l'avantage d'améliorer est le danger d'innover...» Послѣ этой рѣчи короля, канцлеръ, выслушавъ приказаніе короля, объявилъ членамъ королевской семьи и принцамъ крови, что наступилъ моментъ принести клятву. Тогда поднялся графъ д'Артуа и сказалъ: «Я клянусь быть вѣрнымъ королю и соблюдать хартію и законы королевства». Такую же клятву принесли герцогъ Ангулемскій, герцогъ Беррійскій, герцогъ Орлеанскій и принцъ Конде.

Digitized by Google

какъ законодательнымъ путемъ, т.-е. не одностороннимъ распоряженіемъ короля, а совокупной дѣятельностью всѣхъ трехъ факторовъ законодательной власти: короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ.

Въ полномъ согласіи съ этими принципами были изданы: избирательный законъ 5 февраля 1817 года; затѣмъ такъ называемый законъ о двойномъ голосованіи (loi du double vote) 29 іюня 1820 года и, наконецъ, законъ о септенатѣ 9 іюня 1824 года, установившій интегральное возстановленіе палаты депутатовъ каждыя семь лѣтъ.

Внося въ парламентъ проекты этихъ законовъ, министры Людовика XVIII мотивировали ихъ въ своихъ рѣчахъ разсужденіями, которыя даютъ намъ вполнѣ опредѣленное представленіе объ отношеніи правительства къ вопросу объ измѣняемости хартіи въ разсматриваемую эпоху. Съ этимъ отношеніемъ въ его болѣе характерныхъ чертахъ мы на слѣдующихъ страницахъ и познакомимъ читателя. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ развернетъ передъ нами и доктрину монархическаго принципа въ томъ ея фазисѣ, который характеризуетъ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII.

VII.

Правительственная доктрина объ юридической хартіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII (1816—1824 годы).

Правительственная доктрина объ измѣняемости хартіи въ разсматриваемую эпоху, какъ и за все время своего существованія, исходитъ изъ того положенія, что власть короля — власть первичная, самородная, имѣющая свою основу въ самой себѣ, въ своихъ историческихъ корняхъ и въ своихъ вѣковыхъ традиціяхъ.

«Для того, чтобы «сохранить хартію», говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Корбіеръ, необходимо, чтобы ея первоосновы были легитимны. Хартія же была октроирована королемъ; это фактъ безспорный. И это выраженіе «октроирована» должно имѣть такую же связывающую насъ силу, какъ и весь остальной текстъ хартіи. А разъ мы утверждаемъ, что король октроировалъ хартію, мы этимъ самымъ признаемъ, что онъ имѣлъ на это право, былъ, другими словами, облеченъ властью даровать ее. Король, насчитывающій 27 лѣтъ своему царствованію, былъ, очевидно, вооруженъ правомъ, предшествующимъ хартіи»[1]).

[1]) Рѣчь Корбіера въ палатѣ депутатовъ 24 января 1822 года. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXXIV, p. 168.

Digitized by Google

Сходясь съ роялистами въ воззрѣніи на власть монарха, какъ на авторитетъ, имѣющій свой источникъ въ самомъ себѣ, и, раздѣляя ихъ взглядъ на хартію, какъ на односторонній актъ короля, правительство Людовика XVIII не дѣлало, однако, изъ этихъ предпосылокъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходили роялисты; оно не признавало за королемъ права свободно и по своему усмотрѣнію видоизмѣнять хартію. Власть короля, разсуждали министры Людовика XVIII, предшествуетъ хартіи, но не господствуетъ надъ ней. «Авторитетъ монарха, говоритъ тотъ же Корбіеръ, не можетъ стоять надъ хартіей. Король октроировалъ ее своимъ народамъ; она есть благо, принадлежащее тѣмъ, которые ее получили; король не можетъ поэтому обладать авторитетомъ, стоящимъ выше хартіи, ибо тогда его авторитетъ могъ бы взять ее обратно, и тогда хартія была бы ничѣмъ не обезпеченнымъ даромъ»[1]).

До изданія хартіи вся полнота власти находилась въ рукахъ короля, онъ былъ единственнымъ носителемъ суверенитета и осуществлялъ его единолично; издавъ же хартію, король привлекъ къ осуществленію своего суверенитета палаты, которыя этимъ самымъ стали соносителями государственнаго суверенитета. «Мы утверждаемъ, говоритъ министръ де Серръ, что король осуществляетъ всю полноту суверенитета закона совмѣстно съ палатами, и утверждаемъ это вмѣстѣ съ хартіей, которая опредѣляетъ, что палаты суть формы правленія короля (les formes du gouvernement du Roi»[2]).

Дарованіемъ хартіи король отказался отъ своей абсолютной власти. Онъ призвалъ палаты къ обсужденію всѣхъ законовъ, не исключая и законовъ основныхъ. Суверенитетъ, принадлежавшій одному монарху, пересталъ сосредоточиваться въ его рукахъ и сдѣлался достояніемъ сложнаго государственнаго органа — парламента, состоявшаго изъ короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ[3]).

[1]) Non, Messieurs, l'autorite du Roi ne peut pas être supérieure à la Charte. Le Roi l'a octroyée à ses peuples elle est un bienfait qui appartient à ceux qui l'ont reçue; par conséquent le Roi ne peut avoir une autorité supérieure à la Charte car cette autorité pourrait la revoquer et alors il aurait donné sans assurer ce don (тамъ же, T. XXXIV, p. 167. 24 января 1822 года).

[2]) Рѣчь въ палатѣ депутатовъ 20 марта 1821 года. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXX, p. 403.

[3]) Рѣчь Фрейсину, сторонника правительства, въ палатѣ перовъ 7 мая 1824 года: «Sous toutes les formes de gouvernement, dans les républiques comme dans les monarchies, on est forcé de reconnaître quelque part une autorité soveraine à laquelle tout doit céder. C'est une des conditions nécessaires de l'existance et de la durée des sociétés. Or où la placerons nous cette autorité, sinon dans la réunion des trois pouvoirs? Oui, dans l'ordre civile et politique leur concert est la volonté suprême: la chercher ailleurs c'est chercher un remède pire que le mal, c'est faire un appel aux passions de la multitude. Arch parl. Tome XL, p. 385.

Digitized by Google

Но власть этого сложнаго органа, по ученію правительства Людовика XVIII, далеко не безгранична: во Франціи не приложимъ принципъ англійскаго права — принципъ всемогущества парламента. Высшій авторитетъ во Франціи принадлежитъ, безспорно, королю и палатамъ; но онъ не безграниченъ и находитъ свой предѣлъ въ тѣхъ основныхъ опредѣленіяхъ хартіи, которыя образуютъ собою безспорные принципы современнаго правового порядка. «Законы, говоритъ де Серръ, не имѣютъ тираническаго суверенитета: они не могутъ преступать незыблемыхъ правилъ справедливости и разума; они являются для охраненія благопріобрѣтенныхъ правъ и для обезпеченія общихъ интересовъ націи[1]). Начало ограниченности законодательной власти предѣлами основныхъ принциповъ конституціоннаго строя очень рѣшительно высказываетъ Корбіеръ въ рѣчи, произнесенной имъ 7 мая 1824 года. «Кто не чувствуетъ, кто не видитъ съ перваго же взгляда, восклицаетъ онъ, что существуютъ постановленія, которыхъ ни подъ какимъ предлогомъ касаться нельзя: это тѣ опредѣленія хартіи, которыя образуютъ необходимую основу нашей политической системы, а именно: раздѣленіе властей на три отрасли, существованіе палаты перовъ, назначенныхъ королемъ, но имъ не смѣняемыхъ, палаты депутатовъ, выбранныхъ избирателями, но могущихъ быть распущенными королемъ, вотированіе налоговъ и законовъ, несмѣняемость судей одинаковое съ этими опредѣленіями значеніе имѣютъ общія свободы, которыя хартія обезпечиваетъ французамъ, и тѣ частныя права, которыя она имъ гарантируетъ[2]).

Правительство Людовика XVIII различаетъ такимъ образомъ въ хартіи двѣ категоріи опредѣленій, рѣзко другъ отъ друга различающихся и по своему значенію и по своей юридической силѣ: одни касаются самыхъ принциповъ существующаго строя: они такъ же незыблемы, какъ этотъ строй, и пересмотру законодательной власти не подлежатъ; вторыя же имѣютъ второстепенное значеніе: они представляютъ собою лишь техническое приспособленіе основныхъ началъ, но никакихъ новыхъ принциповъ въ себѣ не заключаютъ. Обѣ имѣютъ лишь регламентарный характеръ и могутъ быть измѣнены обыкновенной законодательной властью. «Было бы ложно утверждать, говоритъ де Серръ, будто сложный суверенитетъ, какъ онъ существуетъ у насъ, т.-е. авторитетъ короля и двухъ палатъ, обладалъ бы властью лишить французовъ тѣхъ правъ, кото-

[1]) Les lois n'ont pas une souveraineté tyrannique (que je n'admets nulle part); qu'elles ne peuvent s'élever au dessus des règles éternelles de la justice et de la raison, qu'elles doivent être faites pour le maintien des droits acquis et dans les intérêts généraux de la nation. Arch. parl. 2-ème Série. T. XXX. p. 403.

[2]) Arch. parl. 2-ème Série. T. XL, p. 387.

Digitized by Google

рыя ими пріобрѣтены, правъ, покоящихся на разумѣ и на вѣчной справедливости; но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ измѣненіи статьи хартіи второстепеннаго значенія, и тамъ, гдѣ такое измѣненіе признано безусловно необходимымъ, тамъ пересмотръ соотвѣтствующей статьи обычнымъ законодательнымъ порядкомъ безспорно допустимъ»[1]).

Правительство Людовика XVIII рѣшительно отрицало за королемъ право собственной властью и одностороннимъ объявленіемъ своей воли видоизмѣнять конституцію. Оно послѣдовательно и неуклонно исповѣдывало принципъ неприкосновенности основныхъ началъ представительнаго строя, закрѣпленныхъ хартіей. Оно допускало пересмотръ акта 4-го іюня лишь въ тѣхъ его частяхъ, которыя не затрогиваютъ этихъ основныхъ опредѣленій, но при этомъ ставило необходимымъ условіемъ, чтобы эти измѣненія второстепеннаго значенія происходили не путемъ королевскихъ распоряженій, а не иначе, какъ въ формѣ закона.

Требованіе же либераловъ, чтобы эти измѣненія были недоступны обычной законодательной власти и чтобы вообще всякое измѣненіе въ хартіи, какихъ бы второстепенныхъ статей оно ни касалось, не могло бы состояться иначе, какъ особымъ усложненнымъ порядкомъ, это требованіе министры Людовика XVIII не только считали излишнимъ, но и признавали безусловно вреднымъ. Они видѣли въ установленіи такого особаго порядка признаніе учредительной власти, главенствующей надъ законодательной и ее себѣ подчиняющей. А признаніе такой власти, разсуждали они, предполагаетъ исповѣданіе начала народнаго суверенитета и неотра-

---

[1]) Arch. parl. T. XXXIV, p. 221. Ту же точку зрѣнія развиваетъ и Корбіеръ въ рѣчи, произнесенной имъ 7-го мая 1824 года. «Нельзя, замѣчаетъ онъ, согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто не существуетъ важнаго различія между тѣми постановленіями хартіи, которыя составляютъ ея сущность, и тѣми, которыя лишь акцессорны и регламентарны... Нельзя отрицать, что рядомъ со статьями первостепенной важности существуютъ другія опредѣленія, имѣющія первостепенное значеніе, предназначенныя только регулировать въ деталяхъ примѣненія этихъ великихъ принциповъ и вполнѣ доступныя улучшеніямъ, признаннымъ опытомъ необходимыми. Возражаютъ, что разъ допущено различіе между статьями принципіальной важности и опредѣленіями второстепенными, никто не помѣшаетъ министрамъ этому различію давать произвольное истолкованіе и подъ предлогомъ второстепеннаго значенія отмѣнять одну за другою всѣ статьи хартіи. Но, дѣлая это возраженіе, забываютъ, что въ этихъ вопросахъ не министры имѣютъ рѣшающій голосъ: они, правда, могутъ возбуждать подобные вопросы, но для того, чтобы ихъ предложеніе было принято, необходимо, чтобы они положительнымъ образомъ доказали, что предложенное ими измѣненіе дѣйствительно необходимо и что оно не колеблетъ ни одного изъ основныхъ и священныхъ принциповъ конституціоннаго договора, и необходимо чтобы они доказали это передъ палатами, являющимися ихъ непосредственными судьями, и передъ судомъ общественнаго мнѣнія». Рѣчь Корбіера 7 мая 1824 года, Arch. parl Tome XL, p. 387.

Digitized by Google

зимо ведетъ къ системѣ конвентовъ, столь въ своихъ послѣдствіяхъ, какъ показалъ опытъ, вредоносной[1]).

Правительственная доктрина объ измѣняемости хартіи за все время царствованія Людовика XVIII держалась неизмѣнно указанной умѣренной точки зрѣнія, такъ же далеко отстоявшей отъ принципа народнаго суверенитета, какъ и отъ начала неограниченной власти самодержавнаго короля. Эта доктрина учила, что со времени дарованія хартіи высшая законодательная власть во Франціи осуществляется не иначе, какъ совмѣстной дѣятельностью короля и обѣихъ палатъ.

Признавая палаты необходимыми соносителями суверенной власти, министры Людовика XVIII не хотѣли, однако, видѣть въ нихъ равноправныхъ королю государственныхъ факторовъ. Если, учили они, король не можетъ издать ни одного закона безъ согласія на него парламента, то, съ другой стороны, степень участія короля и палатъ въ законодательномъ творчествѣ далеко не одинакова. Преобладающая въ этомъ творчествѣ роль принадлежитъ королю, и въ этомъ отношеніи французскій государственный строй рѣзко отличается отъ другихъ политическихъ формъ, построенныхъ на началѣ народнаго суверенитета и видящихъ въ народѣ высшую инстанцію,

---

[1]) Arch. parl. Рѣчь Бенжамена Констана въ палатѣ депутатовъ 27 мая 1820 года. Tome XXVIII, p. 156. Въ этомъ же смыслѣ высказывается здѣсь Паскье: «Въ конституціонномъ правительствѣ, рѣшительно заявляетъ онъ, нѣтъ другого способа вносить измѣненія въ конституцію, кромѣ того, который установленъ самой конституціей для составленія законовъ: не будь его, надъ государствомъ висѣла бы постоянно угроза или революція, или ему угрожала бы опасность застоя. Этотъ принципъ я считаю возможнымъ смѣло выставить передъ всѣми людьми — друзьями свободы. Паскье подробно развиваетъ эти мысли въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ 27 іюня 1820 года. «Всякая конституція, не носящая въ себѣ легкаго и простого способа во всякое время вноситъ въ свои статьи улучшенія, въ которыхъ она нуждается, — была бы силою вещей осуждена на очень кратковременное существованіе. Я говорю, что эти способы должны быть простыми и легкими; я еще прибавлю, что они должны быть взяты изъ естественнаго и обычнаго хода законодательной власти. Я утверждаю, что если бы было иначе, если бы хотѣли избрать болѣе торжественныя формы, если бы прибѣгли къ средствамъ чрезвычайнымъ, то этимъ вызвали бы опасности, которыхъ породили бы именно тѣмъ, что о нихъ оповѣстили; силою вещей установили бы право высшаго порядка, главенствующее надъ правомъ обычной законодательной власти; неотразимой послѣдовательностью вы впали бы въ систему конвентовъ, въ то ужасное проявленіе суверенитета народа, дѣла котораго были бы всегда ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ разрушенія. И, дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ, гдѣ существуютъ люди, которые хотятъ разрушенія, они неистовыми криками взываютъ къ конвентамъ. Остерегайтесь же всего, что могло бы дать основаніе предполагать этотъ принципъ, и умѣйте понять, какъ то поняли англичане, что законодательная власть, состоящая изъ короля, палаты перовъ и палаты депутатовъ, фактически и юридически обладаетъ всѣми способностями, всѣми полномочіями, необходимыми для поддержанія, для сохраненія, для защиты для улучшенія, для усовершенствованія конституціоннаго порядка. Arch. parl., T. XXIX, p. 8.

Digitized by Google

во всѣхъ основныхъ вопросахъ государственнаго законодательства и управленія говорящую свое послѣднее слово. «Источникъ, изъ котораго наши палаты почерпнули свой авторитетъ, говоритъ Мартиньякъ, всегда мысленно передъ нами, и мы не можемъ ни забыть его, ни ложно истолковать. Полномочія, на которыхъ покоится нашъ авторитетъ, являются делегаціями суверенной власти; этотъ авторитетъ исходитъ отъ короля, онъ является результатомъ уступки, продуктомъ добровольнаго раздѣла. Исходя отъ короля, палаты безсильны принять рѣшеніе противъ короля и помимо него... У насъ король — творецъ властей, призванныхъ къ составленію законовъ. Онъ приводитъ ихъ въ движеніе, онъ же ихъ умѣряетъ. Отъ него исходитъ инициатива законовъ, онъ же является ихъ исполнителемъ. Законодательный проектъ исходитъ отъ него, и законъ возвращается къ нему, чтобы получить свою суверенную власть и ту силу и то дополненіе, которыя предписываютъ исполненіе и повелѣваютъ повиновеніе».

Въ виду такого соотношенія власти короля къ компетенціи палатъ, установленнаго существующимъ строемъ во Франціи, по мнѣнію Мартиньяка, не можетъ быть и рѣчи о господствѣ начала народнаго суверенитета. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, тамъ, гдѣ починъ законовъ исходитъ отъ короля, гдѣ существуетъ наслѣдственная и аристократическая палата, созданная королемъ и члены которой назначаются имъ, гдѣ существуетъ палата, избранная народомъ, но учрежденная королемъ и имѣющая лишь ту долю авторитета, которая имъ ей предоставлена, тамъ, гдѣ санкція исходитъ отъ королевскаго авторитета и безъ этой санкціи нѣтъ ни исполненія, ни повиновенія, — въ такой странѣ, утверждаю я, нельзя распознать государственныхъ актовъ, которые хотя бы чѣмъ-нибудь напоминали акты народнаго суверенитета»[1]).

Приведенныя выдержки изъ парламентскихъ рѣчей министровъ Людовика XVIII, произнесенныхъ ими въ 1816 по 1824 годы, показываютъ, что правительственныя заявленія за этотъ періодъ времени значительно умѣряютъ доктрину монархическаго принципа, въ той формулировкѣ, въ которой она появилась въ 1814 году: король, сохраняя самородность своей власти, перестаетъ, однако, въ этотъ періодъ быть единственнымъ носителемъ суверенитета и становится лишь однимъ изъ факторовъ верховенства, хотя и высшимъ. Онъ, по ученію правительственной доктрины, является теперь тѣмъ центральнымъ органомъ государственной власти, который руководитъ всѣми остальными, направляя ихъ дѣятельность.

---

[1]) Arch. parl., T. XLI, p. 294.

Digitized by Google

умѣряя ее и объединяя. И мы на основаніи изложеннаго можемъ съ полной опредѣленностью выставить положеніе, что въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVIII доктрина монархическаго принципа безусловно чужда тѣхъ острыхъ формулъ, которыми ее вооружили притязанія ультрароялистовъ [1]). Она за весь этотъ періодъ сохраняетъ свой сдержанный и умѣренный характеръ и приспособляетъ свои формулы къ рамкамъ представительнаго строя. никакой опасностью ему не угрожая и никакихъ принциповъ не установляя, которые могли бы пробить брешь въ устойчивости конституціоннаго уклада.

Лишь въ царствованіе Карла X, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ этюдѣ, она пріобрѣтаетъ значеніе боевого клича, натравливающаго сторонниковъ стараго порядка на ревнителей политической свободы, боевого клича, ведущаго къ той катастрофѣ, которая имѣетъ своимъ послѣдствіемъ окончательное упраздненіе королевской власти Божіей милостью и вмѣстѣ съ нею безвозвратное крушеніе для Франціи доктрины монархическаго принципа.

Съ тѣхъ поръ эта доктрина становится злѣйшимъ врагомъ народной свободы и дѣлается излюбленной теоріей политической реакціи; она окончательно выходитъ изъ обихода государствъ западной культуры и находитъ себѣ пристанище лишь въ тѣхъ странахъ, которыя, подобно современной Германіи, отожествляютъ государство съ государемъ и въ остротѣ и силѣ его меча видятъ надежнѣйшій оплотъ общественнаго порядка и государственной мощи.

А. С. Алексѣевъ.

---

[1]) Французская доктрина монархическаго принципа въ этомъ фазисѣ своего развитія предвосхищаетъ то ученіе нѣмецкихъ ученыхъ о князѣ, которое является характернымъ для новѣйшей науки въ Германіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сопоставить выдержки изъ рѣчи Мартиньяка съ слѣдующими словами Еллинека: «Существененъ для монарха тотъ признакъ, что онъ представляетъ высшую власть государства. Это — та власть, которая является двигательной силой всего государственнаго механизма. Если, такимъ образомъ, неправильно положеніе, что власть неизбѣжно сосредоточена въ лицѣ короля, то тѣмъ не менѣе справедливо для всѣхъ монархій....., что всѣ государственныя функціи исходятъ отъ монарха и въ немъ объединяются». Jellineck, Allgemeine Staatslehre», стр. 663, 664, 776. Ср. также другія цитаты, приведенныя у А. С. Алексѣева, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ», Ярославль, 1910 г., стр. 79.

Digitized by Google

Природа и понятіе договорной цессіи въ современныхъ законодательствахъ.

I.

Колыбелью ученія о цессіи было римское право. Но свою окончательную конструкцію цессія получила только въ современныхъ законодательствахъ.

Древнее jus civile цессіи не знало совершенно. До конца остался чуждымъ взглядъ на цессію, какъ на преемство въ правѣ по обязательству и римской юриспруденціи классической эпохи. Объясняется это тѣмъ, что римляне смотрѣли на обязательственное отношеніе какъ на строго личную связь между его участниками, при которой всякое измѣненіе его индивидуальнаго состава представлялось нарушеніемъ его существа и вело къ его прекращенію. Отсюда о цессіи по отношенію къ классическому праву римлянъ представляется возможнымъ говорить лишь постольку, поскольку вопросъ о передачѣ требованій получитъ въ немъ свое практическое разрѣшеніе. Здѣсь цессія была только соглашеніемъ цедента съ цессіонаріемъ о процессуальномъ представительствѣ, — практическимъ выходомъ, на почвѣ котораго римскіе юристы стремились устранить разладъ между правовымъ принципомъ и требованіемъ реальной жизни. Эта структура цессіи существенно мѣняется съ введеніемъ actio utilis, когда procurator in rem suam получаетъ право вчинять искъ уже не alieno, a suo nomine. Классическая доктрина о непередаваемости обязательственныхъ правъ, такимъ образомъ, колеблется въ своемъ основаніи. Въ Юстиніановомъ правѣ за ней сохранилось только номинальное значеніе.

Однако это обстоятельство при рецепціи римскаго права не было оцѣнено въ полной мѣрѣ. Въ своемъ воззрѣніи на обязательственное отношеніе глоссаторы пошли по слѣдамъ римскаго классическаго права, возведя на степень принципа идею о неотчуждаемости правъ по обязательствамъ. Позднѣе по тому же пути пошли

Digitized by Google

и многіе изъ пандектистовъ. Во Франціи взглядъ на обязательство, какъ на строго-индивидуальную связь между его участниками, отстаивали Куяцій и Донеллъ[1]). Выдающимся апологетомъ этого взгляда въ Германіи былъ Мюленбрухъ[2]). Въ связи съ защищаемымъ имъ воззрѣніемъ на обязательственное отношеніе онъ училъ, что цессіонарію можетъ быть уступлено лишь осуществленіе права, но не самое право, и что цессіонарій, будучи procurator in rem suam, является уполномоченнымъ на предъявленіе въ судѣ только чужого требованія. Эта доктрина Мюленбруха среди нѣмецкихъ ученыхъ была нѣкоторое время общепринятой. Ей слѣдовали такіе корифеи нѣмецкой науки XIX вѣка, какъ Савиньи[3]) Пухта[4]), Кунце[5]), Вангеровъ.

Однако параллельно съ этимъ теченіемъ юридической мысли на западѣ издавна шло и другое. Культивируемая крайними романистами доктрина о непередаваемости обязательственныхъ правъ не мирилась съ правосознаніемъ европейскихъ народовъ, смѣнившихъ римлянъ на исторической сценѣ. Она равно была чужда какъ обычному праву Франціи, такъ и Германіи. И тамъ и здѣсь смотрѣли на цессію, какъ на договоръ, направленный на передачу самаго права. Свое опредѣленное выраженіе этотъ взглядъ нашелъ во французскихъ кутюмахъ, гдѣ онъ упорно проводился, несмотря на протесты легистовъ[6]). Во Франціи же, приблизительно съ XVI вѣка, его начинаютъ защищать и въ юридической литературѣ. Это новое направленіе скоро воспринимается голландскими юристами, а затѣмъ завоевываетъ себѣ вниманіе и въ Германіи.

Образовавшаяся рознь взглядовъ начинаетъ постепенно ликвидироваться съ наступленіемъ XIX столѣтія. Впервые ей кладется конецъ во Франціи съ изданіемъ въ 1804 г. Гражданскаго Уложенія. Опираясь на нормы кутюмнаго права, Code civil санкціонируетъ торжество національной идеи и рѣшительно провозглашаетъ принципъ передаваемости правъ по обязательствамъ. Въ томъ же духѣ высказывается въ 1811 г. и австрійское Уложеніе. Вмѣстѣ съ рецепціей Code civil, его идея о передаваемости обязательственныхъ правъ находитъ свою законадательную санкцію и въ цѣломъ рядѣ другихъ европейскихъ странъ, не только романскихъ, какъ Бельгія, Румынія, Испанія и Италія, но и другихъ, какъ, напр., въ Польшѣ и Голландіи. Черезъ французскіе кантоны она проникаетъ и въ

---

[1]) N. Donellus, Commentarii de jure civili. Lib. 12—16.
[2]) Die Lehre von der Cession der Forderungsrechte.
[3]) Obligationenrecht.
[4]) Kleine Schriften, 27.
[5]) Die Obligation, 1856, 267, 119 и сл.
[6]) Карасевичъ, Гражд. обычное право Франціи, стр. 428; изд. 1875 г.

Digitized by Google

Швейцарію, гдѣ впослѣдствіи и ложится въ основаніе объединеннаго законодательства объ обязательствахъ 1881 г. Не осталось внѣ сферы воздѣйствія Code civil и Германія. Онъ рецепируется въ ея рейнскихъ провинціяхъ и въ Баденѣ. На ряду съ этимъ законодательное признаніе идеи отчуждаемости обязательственныхъ правъ здѣсь идетъ и самостоятельнымъ путемъ. Опираясь на мѣстное обычное право, на воззрѣнія гражданскаго оборота и на судебную практику, ее единодушно санкціонируютъ гражданскіе кодексы отдѣльныхъ государствъ. Въ то же время, въ связи съ вопросомъ о единомъ Уложеніи, который въ началѣ XIX вѣка былъ поставленъ на очередь и ждалъ своего разрѣшенія, за торжество этой идеи de lege ferenda ведется интенсивная борьба и въ наукѣ права. Построенная въ духѣ глоссаторовъ и французскаго романиста Донелла, теорія Мюленбруха вызвала энергичное возраженіе еще со стороны Пфейфера[1]) и Гоэирта[1]). Въ 1843 г. въ своихъ институціяхъ Христіансенъ называетъ догму о передаваемости обязательствъ не чѣмъ инымъ, какъ римской химерой. Наибольшей интенсивности критика ученія Мюленбруха достигаетъ въ началѣ второй половины минувшаго столѣтія, съ подъемомъ въ Германіи національнаго самосознанія. Во второмъ выпускѣ своихъ «Kritische Blätter», отмѣчая существованіе у римлянъ наслѣдственнаго преемства въ обязательствахъ, Бринцъ подчеркиваетъ, что сами римляне не были въ силахъ выдержать во всей строгости своей догмы о непередаваемости правъ обязательствамъ. Признавая, что обязательство есть только Forderung, и опираясь на фактъ существованія векселей и бумагъ на предъявителя, онъ приходитъ къ мысли о безусловной допустимости для современнаго права частнаго преемства въ обязательственныхъ отношеніяхъ. Эпоху въ исторіи ученія о цессіи для Германіи составляетъ вышедшая въ 1853 году монографія Дельбрюка «Uebernahme der Schulden nach gemeinem Rechte». Въ этомъ спеціальномъ трудѣ Дельбрюкъ съ яркой убѣдительностью доказываетъ, что между современнымъ понятіемъ обязательства и римскимъ существуетъ глубокое принципіальное различіе. Признавая, что въ Римѣ обязательство носило строго-личный характеръ и прекращалось вслѣдствіе всякаго измѣненія его личнаго состава, въ современномъ обязательственномъ отношеніи онъ видитъ на первомъ планѣ его составныя части Schuld и Forderung, которые, выражая его объективную сторону, могутъ передаваться какъ res. Съ этимъ ученіемъ

---

[1]) Practiche Ausführungen.
[2]) Zeitschr. f. civ. Recht., B. 5.

Digitized by Google

Дельбрюка соглашаются Виншейдъ[1]) и Беръ [2]). Въ послѣдней четверти XIX вѣка идея передаваемости правъ по обязательствамъ получаетъ среди нѣмецкихъ пандектистовъ господствующее значеніе и, наконецъ, санкціонируется общеимперскимъ Гражданскимъ Уложеніемъ 1896 года. Такимъ образомъ, идея прямой цессіи въ концѣ-концовъ получаетъ свое признаніе во всѣхъ Уложеніяхъ XIX вѣка и уже безъ колебаній принимается всѣми новѣйшими кодексами XX вѣка, какъ уже дѣйствующими, такъ и долженствующими еще воспріять силу закона.

Въ ихъ системѣ ученіе о цессіи находитъ свое мѣсто въ общей части обязательственнаго права въ качествѣ общаго правила, нормирующаго уступку требованія. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ только Code civil. Здѣсь цессія также признается въ качествѣ общаго правила, но помѣщена она не въ общей части законоположеній объ обязательствахъ, а въ ихъ раздѣлѣ о продажѣ. Такимъ образомъ въ Code civil самостоятельное значеніе этого института умаляется за счетъ его предполагаемаго основанія. Эта связь цессіи съ договоромъ продажи, допущенная на страницахъ кодекса, не можетъ быть признана правильной ни съ точки зрѣнія внутренней природы цессіи, ни съ точки зрѣнія самой системы кодекса. Купля-продажа только одно изъ основаній передачи требованій, но не единственное. На ряду съ ней значеніе этого основанія можетъ имѣть и дареніе и datio in solutum. Такъ, именно, взглянули на это обстоятельство и теорія и практика французскихъ судовъ [3]).

Что касается нашего русскаго законодательства, то по отношенію къ нему возбуждается вопросъ не о томъ, признаетъ ли оно прямую цессію, — здѣсь сомнѣнія отсутствуютъ, — а о томъ, извѣстна-ли ему цессія, какъ общее правило. Въ нашъ X томъ положенія о цессіи перешли изъ банкротскаго устава. Первый источникъ послѣдняго остается невыясненнымъ. И если Code civil связалъ цессію съ договоромъ купли-продажи, какъ съ однимъ изъ возможныхъ ея основаній, то наши гражданскіе законы связываютъ ее всецѣло съ институтомъ займа, какъ бы подчеркивая тѣмъ самымъ возможность передачи только требованій, вытекающихъ изъ договора займа. Это правило въ немъ выражено въ ст. 2058, буквально воспроизводящей текстъ своего первоисточника — ст. 17 гл. II Устава о банкротствѣ [4]). Въ связи съ опре-

---

[1]) Die Actio, 1856.
[2]) Ihrings Iarb., 1857, B. I. Zür Zessionslehre.
[3]) Пляніоль. Курсъ франц. гр. пр., ч. I, § 1605.
[4]) П. С. З. 19. 692.

Digitized by Google

дѣленными сдѣлками цессія упоминается также и въ другихъ мѣстахъ нашего Свода. Такъ, ст. 78 Общаго Устава Росс. жел. дорогъ говоритъ о допустимости передачи накладныхъ; стт. 404, 571 и 698 Уст. Торг. разрѣшаютъ уступку заключенныхъ съ корабельщикомъ условій о погрузкѣ товара [1]), полисовъ морского страхованія и маклерскихъ торговыхъ записокъ на продажу товаровъ; стт. 154 и 160 Уст. Госуд. Банка указываютъ на способы цедированія вкладныхъ документовъ. О передаваемыхъ по надписямъ актахъ, безъ опредѣленія юридической природы таковыхъ, упоминаютъ лишь ст. 161[1] Уст. Гражд. Суд. и ст. 122 Уст. о герб. сборѣ, но первая изъ нихъ имѣетъ процессуальное значеніе, а вторая — значеніе фискальной нормы и, слѣдовательно, обѣ онѣ не могутъ служить цѣлямъ истолкованія нормъ матеріальнаго права, ибо сами должны подлежать объясненію съ точки зрѣнія этихъ нормъ. Однако, на ряду съ этими законоположеніями, индивидуализирующими случаи цессіи нашъ законъ приводитъ нѣсколько случаевъ, когда допустимость цессіи имъ положительно устраняется. Сюда относятся стт. 1653 и 1678 т. X, ч. 1, воспрещающія передавать по надписямъ закладныя какъ на движимое, такъ и на недвижимое имущества; ст. 400 Уч. Суд. Установл., признающая недѣйствительными сдѣлки присяжныхъ повѣренныхъ о пріобрѣтеніи ими правъ по тяжбамъ ихъ довѣрителей, и ст. 436 Уст. Суд. Торг., запрещающая попечителю и каждому изъ кураторовъ покупать иски другихъ занмодавцевъ, участвующихъ въ конкурсѣ. Это перечисленіе отдѣльныхъ случаевъ воспрещенія цессіи можетъ быть объяснено только стремленіемъ закона создать исключенія изъ общаго правила.

Такимъ образомъ, создается положеніе, страдающее внутреннимъ противорѣчіемъ. Если законъ упоминаетъ цессію только въ связи съ отдѣльными институтами, то цессія, съ его точки зрѣнія, — только частное правило; если онъ перечисляетъ отдѣльные случаи ея невозможности, она въ его глазахъ уже общая норма.

Отмѣченная неясность въ воззрѣніи нашего закона на сферу примѣненія даннаго института, естественно, должна была обратить на себя вниманіе какъ въ литературѣ, такъ и въ судебной прак-

---

[1]) Проф. Трепицынъ въ своей книгѣ «Гражд. право Царства Польскаго» отмѣчаетъ возможность передачи грузовыхъ росписей и коносаментовъ въ качествѣ случая, положительно предусмотрѣннаго закономъ, въ подтвержденіе чего и ссылается на ст. 404 Уст. Торг. Очевидно, здѣсь ошибка въ терминологіи. О грузовыхъ свидѣтельствахъ (по терминологіи судебной практики — коносаментахъ) говорятъ стт. 383 и 384 Уст. Торг., какъ объ удостовѣреніяхъ въ принятіи груза на корабль, при чемъ о возможности ихъ передачи онѣ не упоминаютъ совершенно. Статья же 404 Уст. Торг. имѣетъ въ виду договоръ о наймѣ судна подъ извѣстный грузъ (Шершеневичъ. Курсъ торг. права т. III, стр. 302, 326, изд. 1909 г.).

Digitized by Google

тикѣ. Сторонникомъ мнѣнія, что цессія въ видѣ общаго правила нашему праву неизвѣстна, выступилъ Побѣдоносцевъ. За отсутствіемъ въ законѣ общихъ правилъ о передачѣ договоровъ, «въ настоящемъ состояніи нашего законодательства, полагаетъ онъ, невозможно вывести изъ него общее положеніе о возможности передачи обязательства, и потому слѣдуетъ признать ее тамъ, гдѣ законъ прямо допускаетъ ее по нѣкоторымъ видамъ договоровъ, и отрицать тамъ, гдѣ законъ объ ней не упоминаетъ[1])». Однако, это мнѣніе Побѣдоносцева не встрѣтило поддержки. Большинство нашихъ цивилистовъ стало на противоположную точку зрѣнія и высказалось за признаніе цессіи въ качествѣ общаго правила. Піонеромъ этого взгляда выступилъ Мейеръ. Основаніе для его защиты онъ видѣлъ въ томъ общеправовомъ положеніи, что «возможность передачи права по обязательству во всякомъ случаѣ должно признать за норму, а невозможность ея — за исключеніе, которое должно находить себѣ оправданіе въ законѣ»[2]). За Мейеромъ слѣдуетъ Мышъ. То обстоятельство, что нашъ законъ говоритъ лишь о передачи векселей и заемныхъ писемъ, по его мнѣнію, не служитъ основаніемъ для отрицанія цессіи. «Не подлежитъ сомнѣнію, пишетъ онъ, что передаваемы могутъ быть и другія всякаго рода обязательства, напримѣръ, простыя расписки, подписанные должникомъ счета за работу, услуги, забранныя издѣлія и товары и т. п., такъ какъ всѣ долговыя обязательства отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ, представляя собою право на извѣстную сумму денегъ»[3]). Попытку обосновать передачу «претензій и другихъ безтѣлесныхъ правъ» на фонѣ положительнаго права сдѣлалъ Любавскій[4]). Опираясь, съ одной стороны, на правило стт. 418 и 419 Зак. Гражд., по которому такія права и претензіи признаются долговымъ имуществомъ, а, съ другой, — на доказательство того, что долговое имущество, по смыслу дѣйствующихъ законоположеній, можетъ быть объектомъ собственности, онъ пришелъ къ выводу, что въ этомъ своемъ качествѣ эти права и претензіи способны быть предметомъ купли-продажи наравнѣ со всякимъ другимъ имуществомъ, а, слѣдовательно, и подлежитъ свободному отчужденію[5]). Примыкая отчасти къ

---

[1]) Курсъ гражд. права, ч. III, стр. 235, изд. 1896 г.
[2]) Русское гражд. право, стр. 330, изд. X.
[3]) «Суд. Вѣстникъ» 1873 г. № 199. О передачѣ правъ по долговымъ обязательствамъ.
[4]) Юридическія монографіи и изслѣдованія, т. III, стр. 300, изд. 1875 г.
[5]) Неправильность даннаго сужденія очевидна. Обязательственныя права по своей природѣ объектомъ собственности быть не могутъ. Можно говорить только о правѣ собственности на документъ, легитимирующій то или иное обязательственное право.

Digitized by Google

Любавскому, болѣе удачную аргументацію общеправового значенія цессіи съ точки зрѣнія общихъ принциповъ дѣйствующаго права намѣчаетъ Пальховскій. «Съ перваго раза, пишетъ онъ, можетъ показаться, что русское право не признаетъ цессіи, такъ какъ въ ст. 699 о ней ничего не говорится, — но въ этой статьѣ говорится о куплѣ-продажѣ, а это уже вполнѣ достаточно, ибо общее юридическое состояніе отожествляетъ цессію съ куплей-продажей... По ст. 402 т. X ч. 1, заемныя письма, векселя, закладныя и обязательства всякаго рода принадлежатъ къ имуществамъ движимымъ. Если же векселя, заемныя письма, закладныя и всякаго рода обязательства суть имущества, то, слѣдовательно, мы можемъ съ ними поступать какъ съ имуществомъ вообще, т.-е. можемъ ихъ продавать, дарить, мѣнять, отдавать въ приданое, платить ими долги и т. д.». Указывая далѣе, что res incorporales является имуществомъ лишь in abstracto, что для дѣйствительнаго превращенія правъ въ имущество нужна ихъ реализація посредствомъ иска, каковой при борьбѣ за право всегда предполагается, что отсюда продать, промѣнять свою res incorporalis значитъ продать, промѣнять свой искъ, свою тяжбу, Пальховскій приходитъ къ заключенію, «что если мы найдемъ въ русскомъ правѣ законоположеніе, которымъ санкціонируется продажа или вообще уступка иска, то мы найдемъ и цессію». Такое законоположеніе онъ усматриваетъ въ ст. 400 Учр. Суд. Уст. и, опираясь на него, заключаетъ свои разсужденія выводомъ, что «цессія права по нашимъ законамъ не воспрещается»[1]). Къ господствующему мнѣнію примкнулъ и Сенатъ. По вопросу о предѣлахъ допустимости цессіи по дѣйствующему праву онъ сразу занялъ ту опредѣленную позицію, которая защищалась большинствомъ нашихъ цивилистовъ, и въ одномъ изъ первыхъ же своихъ рѣшеній по этому вопросу, состоявшемся въ 1871 г. по дѣлу Попандана[2]), съ полной опредѣленностью формулировалъ свою точку зрѣнія. «По общему смыслу дѣйствующихъ нашихъ гражданскихъ законовъ, всякія требованія по пріобрѣтеннымъ изъ долговыхъ отношеній правамъ, насколько таковыя по роду своему не принадлежатъ къ исключительно личнымъ правамъ, могутъ, не взирая на начало ихъ, и безъ различія, суть ли они условныя и просроченныя, или нѣтъ, быть уступаемы другимъ лицамъ посредствомъ особой сдѣлки передачи, и безъ согласія должника, за исключеніемъ случаевъ, когда закономъ положительно таковая уступка

---

[1]) «Юридическій Вѣстникъ» 1876 г., кн. 10—12. Протоколъ засѣданія Юридическаго о-ва.

[2]) № 788.

Digitized by Google

запрещена». Эта общая мысль повторяется Сенатомъ и въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ рѣшеній[1]). Однако, какъ это видно изъ приведенной цитаты, Сенатъ на первыхъ порахъ уклонился отъ мотивировки высказаннаго взгляда и ограничился только голой ссылкой на общій смыслъ дѣйствующихъ нашихъ законовъ. Этотъ пробѣлъ онъ пополняетъ только въ 1875 г. въ рѣшеній, за № 408 по дѣлу Федосова. Подчеркнувъ, что сдѣлки о передачѣ правъ на недвижимыя имущества, для перехода которыхъ отъ одного лица къ другому установленъ въ законахъ особый порядокъ, не могутъ быть передаваемы по надписямъ, Сенатъ исходнымъ пунктомъ для своей аргументаціи беретъ положеніе, что относительно передачи правъ по обязательствамъ, имѣющимъ предметомъ сдѣлки о движимомъ имуществѣ, такого запрещенія въ законѣ не содержится. «На основаніи 402 ст. т. X ч. 1, разсуждаетъ онъ далѣе, къ движимымъ имуществамъ принадлежатъ капиталы, заемныя письма, векселя, закладныя и обязательства всякаго рода,, а по ст. 418 долговыя имущества суть всѣ имущества, въ долгахъ на другихъ лицахъ состоящія, и все то, что намъ принадлежитъ по договорамъ, заемнымъ письмамъ, векселямъ и всякаго рода обязательствамъ. А такъ какъ, по ст. 514 т. X ч. 1, всякій въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ и отчуждать оное въ предѣлахъ, закономъ дозволенныхъ, посредствомъ всякаго рода договоровъ, то изъ сего слѣдуетъ, что если въ законѣ нѣтъ запрещенія на передачу принадлежащаго кому-либо по договору права другому лицу посредствомъ передаточной надписи, то такая передача не можетъ быть признана незаконною и недѣйствительной потому только, что на это не было испрошено согласія другого контрагента»[2]).

Приведеннымъ рѣшеніемъ Сенатъ завершилъ вопросъ о судьбѣ цессіи. Новѣйшіе писатели уже идутъ по его слѣдамъ[3]). Въ самой аргументаціи высказываемаго ими взгляда они всецѣло примыкаютъ къ аргументаціи, изложенной Сенатомъ, обычно довольствуясь ея повтореніемъ или даже простой ссылкой на цитированное рѣшеніе. Новыхъ положеній въ защиту своего мнѣнія они не приводятъ, если не считать указанія на общеправовое значеніе цессіи, еще ранѣе уже использованнаго Мейеромъ.

---

[1]) 75 г. № 408; 77 г. № 187; 80 г. № 49; 96 г. № 2.

[2]) Эта же мысль развивалась и въ Рѣш. гражд. кассац. д. 1888 г. № 101.

[3]) Анненковъ. Система русскаго гражд. права т. III, стр. 194—196, изд. 1901 г. Шершеневичъ. Уч. русскаго гражд. права, т. II, стр. 42—45 изд. 1915 г. Трепицынъ. Гражд. права. губ. Царства Польскаго, стр. 204, изд. 1914 г. Синайскій. Русское Гражд. право, т. II, стр. 72—76, изд. 1915 г.

Digitized by Google

Нѣтъ сомнѣнія, что исходная точка зрѣнія Сената вѣрна. Нашъ законъ прямого воспрещенія уступки правъ по обязательствамъ въ себѣ не содержитъ. Если онъ упоминаетъ только объ отдѣльныхъ случаяхъ передачи требованій, то эта далеко не равносильно устраненію имъ цессіи въ другихъ возможныхъ случаяхъ. Такія отрывочныя упоминанія за счетъ общихъ положеній — обычное свойство нашего Свода, въ особенности Законовъ Гражданскихъ, тотъ ихъ редакціонный недостатокъ, который вызвалъ вполнѣ справедливые упреки въ казуистичности. Придавать въ данномъ конкретномъ случаѣ этимъ упоминаніямъ исчерпывающее значеніе, квалифицировать нормы о допустимости цессіи въ качествѣ спеціальныхъ законовъ, не подлежащихъ распространительному толкованію, есть не что иное, какъ отрицаніе ставшихъ общепризнанными основныхъ принциповъ права. Если и мыслимо стать на почву такого отрицанія, такъ только въ томъ единственномъ случаѣ, когда самъ законъ этого положительно требуетъ.

Также безспорно и то утвержденіе Сената, что требованія, вытекающія изъ обязательствъ, относятся къ разряду движимыхъ имуществъ. Это утвержденіе покоится на буквѣ закона и въ дальнѣйшихъ обоснованіяхъ не нуждается.

Но едва ли возможно согласиться съ Сенатомъ въ той части его разсужденій, гдѣ онъ обосновываетъ возможность свободной передачи требованій ссылкой на ст. 541 Зак. Гражд. Эта статья говоритъ о правѣ распоряженія въ соединеніи его съ правомъ собственности. Примѣнить къ данному случаю ее въ этой редакціи, естественно, представляется затруднительнымъ. Это значило бы говорить о правѣ распоряженія въ связи съ правомъ собственности на безтѣлесные предметы, каковымъ является всякое право требованія. Здѣсь Сенатъ повторяетъ ошибку Любавскаго. Видимо, онъ и самъ это чувствуетъ, ибо дѣлаетъ попытку замаскировать ее. Въ разсматриваемомъ рѣшеніи онъ оперируетъ съ содержаніемъ ст. 541 въ ея измѣненной редакціи, выпуская слова: «въ соединеніи его съ правомъ собственности». Все же взглядъ Сената на значеніе института цессіи въ дѣйствующемъ правѣ въ конечномъ выводѣ мы признаемъ вполнѣ правильнымъ.

Попытаемся это обосновать.

Приведенное рѣшеніе установило два положенія, которыя мы признаемъ несомнѣнными: во-первыхъ, нашъ законъ не содержитъ въ себѣ запрещенія цессіи; во-вторыхъ, право требованія, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законоположеній, признается имуществомъ. По ст. 699 т. X ч. 1, права на имущество пріобрѣ-

Digitized by Google

таются не иначе, какъ способами, въ законѣ опредѣленными, а по ст. 700, всѣ способы пріобрѣтенія правъ, закономъ опредѣленные, признаются дѣйствительными тогда только, когда они утверждаются на непринужденномъ произволѣ и согласіи. Къ числу способовъ пріобрѣтенія имущества, закономъ дозволенныхъ, п. 4 примѣч. къ ст. 699 относитъ договоры и обязательства. Основаніемъ всякаго договора, по ст. 1528, служитъ взаимное соглашеніе договаривающихся лицъ. Будетъ ли договоръ подходить подъ какую-либо изъ указанныхъ въ законѣ категорій или не будетъ — это обстоятельство для силы договора значенія не имѣетъ [1]). Требуется только, чтобы цѣль его не была противна законамъ, т.-е. чтобы законъ не воспрещалъ его совершенія. Примѣняя эти общія правила къ разрѣшенію обсуждаемаго вопроса, мы должны притти къ заключенію, что, съ ихъ точки зрѣнія, цессія, въ качествѣ договора, утвержденнаго на непринужденномъ произволѣ и согласіи договаривающихся лицъ, положительно не воспрещеннаго закономъ и непротивнаго ему по цѣли, направленнаго на передачу требованія, какъ имущественной цѣнности, является не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія правъ на имущество. Слѣдовательно, институтъ цессіи черпаетъ свое основаніе въ общихъ положеніяхъ нашего закона и долженъ быть поэтому самъ признанъ общимъ правиломъ.

Этотъ выводъ даетъ объясненіе и тому перечисленію отдѣльныхъ случаевъ воспрещенія цессіи, которые мы привели выше. Если по дѣйствующему русскому праву, уступкѣ подлежатъ всякія требованія независимо отъ ихъ основанія, то упоминанію въ законѣ случаевъ воспрещенія такой уступки должно быть приписано значеніе исключенія изъ общаго правила.

Такимъ образомъ, гордіевъ узелъ сомнѣній о предѣлахъ допустимости цессіи въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ, сомнѣній, возбужденныхъ казуистической конструкціей этого института въ текстѣ закона, разрубается въ пользу усвоеннаго новѣйшими кодексами воззрѣнія на этотъ институтъ, какъ на общее правило.

II.

Какъ мы отмѣтили въ предшествующей главѣ, цессія, переживъ эпоху своего развитія, теперь окончательно освободилась отъ историческихъ пережитковъ и наслоеній и дѣйствуетъ въ новѣйшихъ кодексахъ въ качествѣ вполнѣ выкристаллизовавшагося института. Ея характерные признаки настолько выпуклы и ясны,

[1]) Рѣш. Гражд. Касс. Деп. 78 г. № 288, 87 г. № 70 и др.

Digitized by Google

что тѣ многочисленныя опредѣленія, которыя даются ей въ наукѣ права, всѣ между собою болѣе или менѣе тожественны[1]). По общему воззрѣнію, цессія признается въ качествѣ договора, по которому кредиторъ по обязательству (прежній вѣритель, цедентъ) уступаетъ третьему лицу (новому вѣрителю, цессіонарію) свое требованіе (Forderung) противъ должника (debitor cessus) безъ согласія послѣдняго.

Проанализируемъ это опредѣленіе.

1) Какъ договоръ, цессія совершается между кредиторомъ по обязательстсу и третьимъ лицомъ. Согласія должника на его совершеніе не требуется.

Эти утвержденія покоятся на смыслѣ цѣлаго ряда нормъ, регламентирующихъ въ положительныхъ законодательствахъ данный институтъ. Такъ, Code civil, разсматривая цессію въ составѣ договора купли-продажи, гдѣ цедентъ квалифицируется въ качествѣ продавца, а цессіонарій — въ качествѣ покупщика, о необходимости какого-либо участія въ ней со стороны должника не говоритъ ни слова. И если ст. 1690 упоминаетъ о прикосновенности къ этой сдѣлкѣ должника, то эта прикосновенность носитъ исключительно пассивный характеръ: правопринимателю въ цѣляхъ гарантій послѣдствій цессіи передъ третьими лицами предоставляется, и то post factum, увѣдомить должника о состоявшейся цессіи. Такое же заключеніе необходимо вывести и изъ стт. 1392 и 1395 австрійскаго Уложенія, изъ которыхъ первая описываетъ актъ цессіи, какъ уступку требованія однимъ лицомъ другому при наличности ея этимъ послѣднимъ, обходя, подобно Code civil, молчаніемъ вопросъ объ участіи въ этомъ актѣ должника, а вторая говоритъ о правѣ должника произвести уплату первому вѣрителю, пока новый вѣритель остается ему неизвѣстенъ, т.-е. опредѣленно указываетъ, что цессія совершается помимо согласія должника. Въ новѣйшихъ законодательствахъ и проектахъ новыхъ Уложеній эта мысль выражается еще опредѣленнѣе. Ст. 398 германск. Уложенія и ст. 987 пр. венгерскаго Уложенія утверждаютъ положительно, что цессія является договоромъ только между цедентомъ и цессіонаріемъ, а ст. 164 швейцарскаго Уложенія и ст. 153 нашего проекта Обязат. права включаютъ въ свой текстъ спеціальное указаніе, что вѣритель имѣетъ право уступить свое требованіе другому лицу и безъ согласія должника. Аналогично рѣшаетъ

---

[1]) Баронъ, Система римскаго гражд. права, § 249; Пляніоль, Курсъ французскаго гражд. права, ч. I, §1603; Enneccerus, L. B. des Bürg. R., § 320. Мышъ, «Суд. Вѣстникъ», 1873 г. № 198; Анненковъ, Комментаріи, т. III, стр. 196; Синайскій, Русское гражд. право, вып. 2, стр. 72.

Digitized by Google

данный вопросъ и дѣйствующее русское право. Конкретно объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ немногія отрывочныя законоположенія, которыя спеціально отмѣчаютъ случаи цессіи. По ст. 2058 Зак. Гражд. заимодавецъ воленъ передать заемное письмо другому, кто похочетъ заплатить ему за заемщика деньги и принять все право его по взысканію... По ст. 404 Уст. Торг., заключившій съ корабельщикомъ условіе о погрузкѣ извѣстнаго товара, въ случаѣ невозможности достать этотъ товаръ къ условному сроку, имѣетъ право уступить условіе свое другому. По ст. 571 того же устава, полисъ морского страхованія можетъ быть передаваемъ страхователемъ изъ рукъ въ руки... По ст. 78 Общаго Устава Россійск. жел. дор., право распоряженія накладной, наравнѣ съ отправителемъ, принадлежитъ и тому лицу, которому отправитель передаетъ установленнымъ порядкомъ дубликатъ накладной. Всѣ приведенныя законоположенія съ очевидностью подтверждаютъ, что цессія совершается только между вѣрителемъ и третьимъ лицомъ, и совершенно умалчиваютъ о какомъ бы то ни было участіи въ ней должника. Эти же законоположенія являются не чѣмъ инымъ, какъ иллюстраціей общаго правила, реальнымъ воплощеніемъ общаго принципа въ частномъ случаѣ... Такъ именно смотритъ на положеніе дѣла и Правительствующій Сенатъ въ приведенномъ выше рѣшеніи по дѣлу Попандана[1]): «Всякія требованія по пріобрѣтеннымъ изъ долговыхъ отношеній правамъ, читаемъ мы тамъ, могутъ, не взирая на начало ихъ,... быть уступаемы другимъ лицамъ, посредствомъ особой сдѣлки передачи, и безъ согласія должника, за исключеніемъ случаевъ, когда закономъ положительно таковая уступка запрещена». Ту же мысль Сенатъ повторяетъ и въ позднѣйшихъ своихъ рѣшеніяхъ: «право требовать по обязательству денежной платы можетъ быть передано другому лицу и безъ участія другой стороны, обязавшейся къ уплатѣ»[2]).

Этотъ взглядъ на договоръ цессіи, какъ на соглашеніе между цедентомъ и цессіонаріемъ, совершаемое безъ участія должника, приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) По общему правилу о заключеніи договоровъ, о цессіи не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ только одностороннее заявленіе кредитора объ уступкѣ требованія, но нѣтъ акцепта этого заявленія со стороны третьяго лица. Этотъ акцептъ можетъ быть выраженъ и молчаливо. Значеніе акцепта при договорной цессіи спеціально

---

[1]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1871 г. № 788.
[2]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1876 г. № 100 и 1892 г. № 32.

Digitized by Google

подчеркиваетъ ст. 1392 австрійскаго Уложенія, говоря, что уступка права происходитъ тогда, когда «какое-либо требованіе передается однимъ лицомъ другому и послѣднимъ принимается»[1]). То же самое мы встрѣчаемъ и въ ст. 2058 Зак. Гражд. Заимодавецъ воленъ передать заемное письмо, но тому, «кто похочетъ... принять все право его по взысканію».

б) За отсутствіемъ въ положительныхъ законодательствахъ указаній на необходимость для дѣйствительности цессіи между ея непосредственными участниками, какихъ-либо иныхъ предположеній, кромѣ ихъ взаимнаго волеизъявленія (по ст. 165 швейцарскаго Уложенія — выраженнаго обязательно въ письменной формѣ), цессія получаетъ для нихъ свою силу съ момента состоявшагося между ними соглашенія, — какъ это вообще имѣетъ мѣсто при консессуальныхъ договорахъ. Съ момента заключенія договора объ уступкѣ требованія между цедентомъ и цессіонаріемъ образуется самостоятельное юридическое отношеніе[2]), гдѣ вѣрителемъ является цессіонарій, а должникомъ — цедентъ.

Въ непосредственной логической связи съ этимъ положеніемъ стоитъ и вопросъ о начальномъ моментѣ дѣйствія цессіи въ отношеніи должника. Разъ дѣйствіе договора цессіи въ отношеніи его непосредственныхъ участниковъ начинается со времени его заключенія, то необходимо признать, что это дѣйствіе, касаясь момента переноса права требованія съ лица вѣрителя на цессіонарія, опредѣляетъ и начальный моментъ выступленія этого цессіонарія въ качествѣ активнаго субъекта въ цедированное право, — другими словами, необходимо признать, что третье лицо вступаетъ въ правоотношеніе съ должникомъ съ того же самаго момента, какъ будетъ имъ заключенъ договоръ о цессіи съ первоначальнымъ вѣрителемъ. Въ противномъ случаѣ договоръ о цессіи долженъ быть признанъ лишеннымъ своего конкретнаго содержанія, такъ какъ нельзя серьезно говорить о состоявшейся уступкѣ требованія тамъ, гдѣ эта уступка остается необязательной для должника. Мало того — вѣдь должникъ ex lege устраненъ отъ участія въ договорѣ цессіи. А при этихъ условіяхъ видѣть въ его лицѣ мотивъ для отдаленія начальнаго момента дѣйствія цессіи между нимъ и правопринимателемъ было бы совершенно неосновательно...

Эти оба заключенія находятъ свое оправданіе и въ текстѣ новѣйшихъ кодексовъ. Положительно ихъ подтверждаютъ ст. 398 германскаго Уложенія и ст. 987 пр. венгерскаго Уложенія, тоже-

---

[1]) Krasnopalski, Östreichisches Obligationenrecht. § 49, II.
[2]) Ст. 1395 австрійское Уложеніе.

Digitized by Google

ственныя по редакціи. «Со времени заключенія договора объ уступкѣ, гласятъ онѣ, новый кредиторъ замѣняетъ прежняго кредитора». Изъ приведенной цитаты видно, что эти статьи имѣютъ общее значеніе и покрываютъ собою опредѣленіе начальнаго момента дѣйствія цессіи какъ въ отношеніи ея непосредственныхъ участниковъ, такъ и въ отношеніи должника цессіонарія. Съ временемъ заключенія договора о цессіи связываетъ наступленіе «измѣненія права» и ст. 1392 австрійскаго Уложенія[1]). Швейцарское Уложеніе и проектъ нашего Обязат. права положительныхъ указаній по этому вопросу въ своемъ текстѣ не содержатъ. Однако, стоитъ внѣ сомнѣнія, что и онѣ смотрятъ на него глазами германскаго Уложенія. Это слѣдуетъ изъ того, что увѣдомленію должника они не придали значенія правотворящаго факта. Это обстоятельство въ своей объяснительной запискѣ составители нашего проекта Гражд. Улож. подчеркнули съ ясностью, не возбуждающей сомнѣній. «Что касается увѣдомленія должника объ уступкѣ требованія, пишутъ они, то проектъ не считаетъ его необходимымъ условіемъ дѣйствительности самой уступки. Со времени уступки требованія пріобрѣтатель его становится дѣйствительнымъ вѣрителемъ и можетъ требовать удовлетворенія отъ должника безъ предварительнаго увѣдомленія о состоявшейся уступкѣ, а прежній вѣритель послѣ уступки требованія лишается права получить удовлетвореніе отъ должника, хотя бы послѣдній не былъ увѣдомленъ объ уступкѣ». На этой же позиціи стоитъ и наша Сенатская практика. «Съ уступкою требованія, говорится въ вышеупомянутомъ рѣшеніи по дѣлу Попандана, отчуждатель перестаетъ быть кредиторомъ и пріобрѣтатель получаетъ вмѣсто него всѣ права на переданное ему требованіе». Еще отчетливѣе эта мысль выражена въ рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1888 г. за № 101, по дѣлу Шварца: «Въ силу... передачи, лицо, пріобрѣвшее право на полученіе денегъ по обязательству, вступаетъ во всѣ права кредитора по обязательству съ момента заключенія сдѣлки объ уступкѣ ему обязательства»[2]). Въ этой цитатѣ Сенатъ задолго предвосхитилъ идею и редакцію ст. 398 германскаго Уложенія.

Нѣкоторую неясность въ сферу даннаго вопроса какъ будто вноситъ рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1894 г. за № 32 по дѣлу Хенкина, гдѣ говорится, что «для должника дѣйствіе передачи начинается съ той минуты, когда передача ему заявлена передатчикомъ или

---

[1]) Мы остановились въ отношеніи австрійскаго Уложенія на точкѣ зрѣнія господствующей теоріи, отрицающей modus transferendi, какъ условіе дѣйствительности договора о цессіи.

[2]) См. еще Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1880 г. № 202.

Digitized by Google

сдѣлалась достовѣрно извѣстна инымъ путемъ, напримѣръ, посредствомъ предъявленія ему пріобрѣтателемъ учиненной на самомъ договорѣ надписи первоначальнаго кредитора о передачѣ имъ своего права или черезъ предъявленіе особаго акта о совершившейся передачѣ». Однако, Сенатъ въ этомъ рѣшеніи, очевидно, говоритъ не о моментѣ вступленія цессіи въ силу въ отношеніи должника, а о легитимаціи цессіонарія, о предъявленіи имъ должнику доказательствъ состоявшейся цессіи[1]). Правильность этого заключенія подтверждается и дальнѣйшимъ содержаніемъ даннаго рѣшенія: «не подкрѣпленное законными удостовѣреніями заявленіе пріобрѣтателя о переходѣ къ нему права требованія, говорится въ этомъ рѣшеніи ниже, не можетъ, въ силу ст. 570 Зак. Гражд., обязывать должника произвести платежъ этому лицу лишь потому, что онъ именуетъ себя кредиторомъ».

Только Code civil въ разрѣшеніи этого положенія о начальномъ моментѣ дѣйствія цессіи отступаетъ отъ господствующаго взгляда. Моментъ вступленія договора цессіи въ силу между его сторонами онъ отграничиваетъ отъ момента вступленія въ силу этого договора въ отношеніи третьихъ лицъ, каковыми должны почитаться прежде всего должникъ, а затѣмъ — кредиторы цедента и, наконецъ, новые правопріобрѣтатели, которымъ уступилъ пріобрѣтенное требованіе цессіонарій[2]). «Правопріобрѣтатель, гласитъ ст. 1690 Code civil, по отношенію къ третьимъ лицамъ считается вступившимъ въ право лишь по заявленіи должнику о переводѣ претензіи». Такимъ образомъ, при толкованіи этой статьи a contrario, договоръ перевода требованія по французскому праву считается совершеннымъ между сторонами со времени ихъ соглашенія и въ силу этого соглашенія безъ всякой формальности[3]). Къ цессіи здѣсь по аналогіи примѣняются стт. 1138 и 1583 о куплѣ-продажѣ, по которымъ продажа считается состоявшейся, «коль скоро выражено согласіе договаривающихся о ней лицъ». По отношенію къ третьимъ лицамъ, по прямому смыслу этой статьи, начальнымъ моментомъ дѣйствія договора цессіи считается моментъ вчиненія должнику заявленія объ уступкѣ требованія. До этого момента, по выраженію Пляніоля, «правоуступатель остается номинальнымъ

---

[1]) Смѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ, конечно, недопустимо. Они различны по своему существу. Первый изъ нихъ имѣетъ своимъ объектомъ установленіе самаго права, а второй — только удостовѣреніе уже установленнаго права, одинъ изъ нихъ имѣетъ для правоотношенія внутреннее значеніе, другой же — играетъ только внѣшнюю роль. Значенія легитимаціи Сенатъ не уловилъ и въ рѣш. 1915 г. за № 8.

[2]) Пліяноль, § 1623—1628. Трепицынъ, Гражд. право губ. Царства Польскаго, стр. 207, изд. 1914 г.

[3]) Пляніоль, § 1621.

Digitized by Google

собственникомъ переуступленнаго долгового требованія, и правоприниматель не считается кредиторомъ»[1]). Такимъ образомъ, во французскомъ правѣ мы наблюдаемъ тотъ случай, гдѣ договоръ о цессіи въ теченіе извѣстнаго періода времени остается лишеннымъ своего конкретнаго содержанія.

с) Такъ какъ устраненіе должника отъ участія въ договорѣ цессіи объясняется предположеніемъ, что при обычныхъ условіяхъ для него совершенно безразлично, кому чинить удовлетвореніе по обращенному къ нему требованію, то, съ отпаденіемъ этого предположенія, устраняется и самая возможность цессіи. Съ этой точки зрѣнія, цессія не допускается въ слѣдующихъ схематически намѣченныхъ новѣйшими законодательствами случаяхъ: 2) по договору — когда вѣритель обязался передъ должникомъ не уступать требованія[2]) и 2) въ силу особыхъ свойствъ правоотношенія — когда требованіе неразрывно связано съ личностью вѣрителя или когда личность вѣрителя имѣетъ существенное значеніе для должника[3]). Соглашеніе сторонъ объ устраненіи передачи требованій вполнѣ закономѣрно и съ точки зрѣнія дѣйствующаго русскаго права — по силѣ стт. 1528 и 1530 Зак. Гражд., какъ соглашеніе, непротивное закону, благочинію и добрымъ нравамъ, — будетъ ли оно достигнуто при самомъ установленіи правоотношенія или впослѣдствіи[4]). Равнымъ образомъ, безусловна недопустимость цессіи и при требованіяхъ личнаго характера. Это вытекаетъ изъ самой ихъ природы и категорически признается Сенатомъ въ цѣломъ рядѣ его рѣшеній[5]). Права, нераздѣльныя съ личностью, формулируетъ онъ свою мысль въ рѣш. 1878 г. за № 256 по дѣлу Троицкаго, не могутъ быть вовсе передаваемы.

2) Содержаніемъ договора цессіи является передача права требованія. Это положеніе проходитъ красною нитью по всѣмъ законодательствамъ. Всѣ они говорятъ о правѣ вѣрителя уступить по договору съ третьимъ лицомъ принадлежащее ему противъ должника требованіе (ст. 1698 Code civ., ст. 1392 австрійскаго Уложенія; ст. 398 германскаго Уложенія; ст. 164 швейцарскаго Уложенія; ст. 153 пр. русскихъ Обязат. пр., ст. 987 пр. вен-

---

[1]) Пляніоль. § 1623.

[2]) Ст. 399 германскаго Уложенія, ст. 164 швейцарскаго Уложенія; ст. 155 пр. Обязательственнаго права; ст. 988 венгерскаго Уложенія.

[3]) Ст. 1393 австрійскаго Уложенія; ст. 164 швейцарскаго Уложенія. ст. 988 пр. венгерскаго Уложенія; ст. 154 пр. Обязательственнаго права;

[4]) Что такое соглашеніе непротивно духу нашего закона, это положеніе косвеннымъ образомъ подтверждается и ст. 22 Векс. Уст. Оно должно получить свое выраженіе вовнѣ такимъ образомъ, чтобы не могло быть скрыто вѣрителемъ отъ третьихъ лицъ.

[5]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 71 г. № 788; 78 г. № 196; 905 г. № 16.

Digitized by Google

герскаго Уложенія[1]). Неясность наблюдается въ этомъ отношеніи лишь въ русскомъ законодательствѣ. Въ приведенныхъ выше статьяхъ, спеціально упоминающихъ о цессіи, оно обычно говоритъ не объ уступкѣ требованій, а о передачѣ тѣхъ документовъ, которые удостовѣряютъ самое существованіе тѣхъ или иныхъ требованій. «Крѣпостныя и долговыя письма безъ залога воленъ заимодавецъ... передать другому..» (ст. 2058 Зак. Гражд.). «...Заключившій съ корабельщикомъ условіе... имѣетъ право... уступить условіе свое другому лицу...» (ст. 404 Уст. Торг.) «Полисъ можетъ быть передаваемъ страхователемъ изъ рукъ въ руки, съ надлежащими надписями...» (ст. 571 Уст. Торг.). Получаетъ мѣсто, такимъ образомъ, положеніе, что цессія по русскому праву является какъ бы договоромъ объ уступкѣ документа, переходъ котораго обусловливаетъ и право осуществленія требованія по обязательству, заключенному въ этомъ документѣ, т.-е. положеніе, аналогичное тому, которое существуетъ въ отношеніи цѣнныхъ бумагъ, подчиняющихся нормамъ вещнаго права, гдѣ съ правомъ владѣнія документомъ соединено и право требованія по нему. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы встрѣчаемся опять съ однимъ изъ недостатковъ нашего свода — съ неумѣніемъ законодателя сгармонировать вниманіе къ формѣ съ правильной регламентаціей самаго правоотношенія: первая обычно проводится въ ущербъ второй. Что нашъ законъ, въ дѣйствительности, чуждъ того взгляда на цессію, который мы изложили выше въ видѣ предположенія, это видно изъ ст. 2058 Зак. Гражд. Заимодавецъ, говорится въ этой статьѣ, воленъ передавать заемныя письма другому, «кто похочетъ... принять все право его ко взысканію». Такимъ образомъ, акцептъ со стороны третьяго лица направляется на принятіе не документа, а самаго права ко взысканію, т.-е. на право требованія. Такъ какъ акцептъ покрываетъ собою предложеніе, то и предложеніе для силы договора должно имѣть своимъ содержаніемъ тотъ же самый объектъ... Такъ именно и взглянула на положеніе дѣла наша практика. Говоря о цессіи, Сенатъ все время имѣетъ въ виду и неуклонно повторяетъ, что предметомъ этого договора являются «требованія по пріобрѣтеннымъ изъ долговыхъ отношеній правамъ»[2]).

Съ признаніемъ, что содержаніемъ цессіи является уступка права требованія, связываются слѣдующіе выводы:

а) Въ существующее юридическое отношеніе на мѣсто прежняго вѣрителя вступаетъ новый активный субъектъ въ качествѣ лица

---

[1]) Ст. 1698 Code civil на ряду съ требованіями упоминаетъ и о возможности уступки права или иска.

[2]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1905 г. № 16 и рѣш., перечисленныя въ немъ.

Digitized by Google

управомоченнаго осуществить то притязаніе, которое вытекаетъ изъ уступленнаго ему права. Въ отличіе отъ римскаго procurator'a in rem suam, дѣйствующаго лишь на основаніи даннаго ему прежнимъ вѣрителемъ полномочія, цессіонарій нашего времени осуществляетъ свое притязаніе какъ преемникъ самаго права, изъ котораго оно проистекаетъ. Съ этой точки зрѣнія цессія является видомъ сингулярнаго преемства въ обязательственныхъ правоотношеніяхъ.

в) Какъ и всякое гражданско-правовое преемство, цессія допустима только въ предѣлахъ того требованія, которое принадлежитъ правоуступателю въ моментъ ея совершенія. Она находится подъ дѣйствіемъ того общаго правила, что никто не можетъ передать правъ больше, чѣмъ самъ имѣетъ. Отсюда при цессіи объемъ требованія можетъ быть сокращенъ. Цедентъ воленъ отречься отъ одной его части и уступить его въ другой. Онъ въ правѣ цедировать его и нѣсколькимъ лицамъ, поскольку возможно и доступно его дробленіе. Равнымъ образомъ онъ можетъ раздѣлить его между собою и цессіонаріемъ[1]). Но увеличивать его объемъ, измѣнить его содержаніе въ ущербъ интересамъ должника односторонней своей волей онъ не въ состояніи.

с) Такъ какъ при цессіи измѣняются только активные субъекты правоотношенія, но не самое право, обусловливающее цедируемое требованіе, то права пріобрѣтателя въ отношеніи уступленнаго требованія одинаковы съ правами передатчика. Буквально это положеніе воспроизводится ст. 1394 австрійскаго Уложенія. Въ другихъ законодательствахъ оно покрывается нормой, утверждающей, что со времени заключенія договора о цессіи новый кредиторъ замѣняетъ прежняго кредитора. Наша судебная практика восприняла его въ извѣстномъ уже рѣшеніи по дѣлу Попандана, въ формѣ неоднократно повторяемаго утвержденія[2]), что «съ уступкою требованія отчуждатель перестаетъ быть кредиторомъ и пріобрѣтатель получаетъ вмѣсто него всѣ права на переданное ему требованіе». Приведенное положеніе имѣетъ не только принципіальный смыслъ, но и крупное практическое значеніе. Оно опредѣляетъ характеръ и объемъ возраженій должника противъ притязанія цессіонарія. Если цессіонарій только замѣститель цедента, если его требованіе къ должнику тожественно съ требованіемъ правоуступателя, то должникъ, естественно, долженъ быть признанъ управомоченнымъ противопоставить этому требованію цессіонарія всѣ тѣ возраженія, которыя онъ могъ бы сдѣлать противъ этого требованія, если бы

---

[1]) Kasack, L. B. deutsch. bürg. R. § 116, 5.
[2]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1888 г. № 101; 1907 г. № 93.

Digitized by Google

вѣрителемъ по прежнему оставался цедентъ. Такое именно рѣшеніе и получилъ этотъ вопросъ въ самомъ текстѣ закона[1]) и въ судебной практикѣ[2]), гдѣ законодатель не далъ на него непосредственнаго отвѣта. «Въ случаѣ переуступки кредиторомъ своего долгового права другому лицу, говоритъ нашъ Сенатъ въ рѣшеніи 1907 г. за № 93 по дѣлу Ставропольско-Терскаго управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ, сіе послѣднее, вступая вслѣдствіе этого во всѣ права передатчика и дѣлаясь его преемникомъ, принимаетъ на себя и всѣ соотвѣтствующія его обязанности, а посему и противъ него должникъ можетъ предъявить всѣ тѣ возраженія, которыя онъ въ правѣ былъ бы дѣлать и противъ первоначальнаго кредитора»[3]).

3) Если содержаніемъ договора цессіи является уступка права требованія, то передача всего обязательственнаго отношенія, въ его цѣломъ, тѣмъ болѣе отношенія двухсторонняго[4]), стоитъ уже за предѣлами договора чистой цессіи. Можно уступить право требованія, вытекающее изъ договора даренія, но нельзя по договору цессіи создать одаряемаго, нельзя сдѣлать цессіонарія субъектомъ тѣхъ взаимоотношеній, въ которыя законъ ставитъ дарителя и одаряемаго. Можно цедировать притязаніе, возникшее изъ купли-продажи, изъ договора довѣренности или товарищества, но нельзя путемъ цессіи сдѣлать правопринимателя покупщикомъ, повѣреннымъ, товарищемъ, нельзя путемъ цессіи перенести на него и лежащія на цедентѣ обязанности. Такая уступка была бы не чѣмъ инымъ, какъ вмѣшательствомъ со стороны ея автора въ сферу чужихъ правъ — правъ его контрагента. А это, очевидно, невозможно. Вступленіе третьяго лица въ подобное правоотношеніе допустимо лишь съ согласія всѣхъ его участниковъ, т.-е. и должника. Юридически оно можетъ быть осуществлено путемъ совершенія двухъ сдѣлокъ — цессіи и перевода долга[5]). Такъ, въ конкретныхъ случаяхъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, и наша судебная практика. Допуская передачу требованій вытекающихъ изъ двусторонніхъ договоровъ, какъ, напримѣръ, права на полученіе

---

[1]) Ст. 1396 австрійскаго Уложенія; ст. 404 германскаго Уложенія; ст. 169 швейцарскаго Уложенія; ст. 988 пр. венгерскаго Уложенія; ст. 162 пр. Обязательственнаго права.

[2]) Пляніоль, § 1610.

[3]) См. также Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1868 г. № 373.

[4]) Enneccerus, § 302, II, 1. Standinger Kommentar. § 397 — Vorbemerkungen. Entsch. Reichsger. 51 [171], 55 [403]. Egger-Oser. Kom. Schweizer. Z. G. B, V B., Art. 164, 1, f.

[5]) Enneccerus, Ibid. Egger-Oser. Kom. Schweiz. L. G. B. V B., Art. 164, 1, f.

Digitized by Google

арендныхъ платежей (96 г. № 38, или права на полученіе условленной платы за исполненныя личныя услуги, работы и т. п. (75 г. № 960), Сенатъ высказывается отрицательно по вопросу о допустимости односторонней передачи съемщикомъ договора имущественнаго найма. «Такая передача, разъясняетъ онъ въ рѣшеніи 1876 г. за № 403 по дѣлу Шуваловыхъ, при которой всѣ установленныя контрагентомъ обязанности по найму квартиры переходятъ на другого съемщика и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются всѣ отношенія къ хозяину прежняго нанимателя, можетъ имѣть мѣсто только при отказѣ домовладѣльца отъ правъ, предоставленныхъ ему конкрактомъ въ отношеніи къ лицу, съ коимъ таковой заключенъ, и при согласіи его перенести эти права, а равно и вытекающія изъ нихъ обязанности, на новаго съемщика, ибо безъ сего интересы хозяина были бы очевидно нарушены». Это свое заключеніе Сенатъ мотивируетъ ссылкой на положительный законъ, именно, — на ст. 1547 т. X ч. 1, по которой кредиторъ можетъ добровольно отступиться отъ своего права, при условіи недѣйствительности этой уступки, если она учинена во вредъ третьему лицу [1]). Точно такъ же высказывается Сенатъ и въ рѣшеніи 1879 г. за № 256 по дѣлу Руфтайна, въ которомъ обсуждался совершенно аналогичный случай. Ту же мысль онъ повторяетъ и въ рѣш. 1898 г. за № 85 по дѣлу Бобровницкаго, отрицая возможность односторонней передачи лѣсорубочнаго договора. «Сохраняя признаки сдѣлки купли-продажи движимости, говоритъ онъ въ данномъ рѣшеніи, договоры о продажѣ лѣса на срубъ, подобно арендным договорамъ, не могутъ, безъ согласія собственника земли, быть передаваемы покупщикомъ лѣса третьему лицу, со снятіемъ съ себя всякой отвѣтственности передъ собственникомъ земли и съ переносомъ таковой на третье лицо».

Нѣкоторую неясность въ сферу обсуждаемаго вопроса вносятъ ст. 404 Уст. Торг., устанавливающая право передачи условія о нагрузкѣ судна, и ст. 698 того же Устава, допускающая уступку

---

[1]) Мотивировка неудачна. Ст. 1574 Зак. Гражд. имѣетъ въ виду отреченіе отъ права требованія, но не передачу права требованія. Слову «уступка» Сенатъ здѣсь придалъ несоотвѣтствующее значеніе. Со ссылкой на положительный законъ, правильную мотивировку даетъ Думашевскій въ его передовой статьѣ, помѣщенной въ № 227 «Судебнаго Вѣстника» за 1873 г. Опираясь на ст. 418 Зак. Гражд., онъ утверждаетъ, что право по договорамъ, являясь долговымъ имуществомъ, какъ и всякое имущество можетъ, быть уступаемо и передаваемо другимъ лицамъ. «Что же касается до обязанностей по договорамъ и обязательствамъ, то онѣ не принадлежатъ къ имуществамъ обязавшагося лица, а, составляя право другой договорившейся стороны, не могутъ быть передаваемы обязавшимся контрагентомъ безъ согласія того, въ отношеніи къ которому онъ обязался».

Digitized by Google

маклерскихъ торговыхъ записокъ [1]). И условіе о нагрузкѣ, и маклерская расписка являются договорами двухсторонними, и устанавливаемая закономъ возможность ихъ передачи стоитъ, такимъ образомъ, какъ бы въ противорѣчіи какъ съ природой цессіи, такъ и съ общеправовымъ принципомъ о недопустимости односторонней передачи пассивнымъ субъектамъ лежащихъ на немъ обязанностей. Отмѣчая ненормальность подобнаго явленія, Анненковъ пытается найти выходъ въ признаніи вышеуказанныхъ нормъ «исключительными правилами закона, по которымъ должна считаться допустимой у насъ цессія въ цѣломъ и двухсторонняхъ обязательствъ, т.-е. правъ по нимъ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими имъ обязанностями, но только въ случаяхъ, въ нихъ указанныхъ, но никакъ не другихъ» [2]). Однако, мы полагаемъ, что придавать этимъ статьямъ значеніе исключительныхъ нормъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Вносимая ими неясность — лишь кажущаяся. Объясняется она тѣмъ, что въ нихъ стремятся прочитать больше, чѣмъ это можно сдѣлать. Говоря о правѣ заключившаго съ корабельщикомъ условіе передать его другому, ст. 404 Уст. Торг. вовсе не говоритъ о томъ, что съ уступкой этого условія другому лицо, его заключившее, выбываетъ изъ правоотношенія независимо отъ согласія на это судохозяина. Равнымъ образомъ и ст. 698 Уст. Торг. не даетъ основанія заключить, что, уступая маклерскую записку новому покупателю товара, перепродавецъ тѣмъ самымъ порываетъ всякую правовую связь съ тѣмъ, у кого онъ самъ этотъ товаръ купилъ, буде такая уступка состоялась безъ одобренія этого первоначальнаго его контрагента. При этихъ же условіяхъ видѣть въ приведенныхъ статьяхъ, какъ это дѣлаетъ Анненковъ, санкцію цессіи двухсторонняхъ договоровъ, естественно, не приходится. Безусловно, объ онѣ трактуютъ о цессіи, но о цессіи въ ея нормальномъ видѣ и съ переходомъ права требованія кредитора никоимъ образомъ не связываютъ освобожденіе этого кредитора отъ лежащихъ на немъ обязанностей. И уступившій условіе о погрузкѣ судна, и передавшій свою маклерскую записку — оба они продолжаютъ оставаться отвѣтственными передъ своими первоначальными контрагентами за дѣйствія тѣхъ лицъ, которымъ

---

[1]) Кромѣ этихъ двухъ статей, говорящихъ о цессіи по отношенію къ синаллагматическимъ договорамъ, въ Уст. путей сообщенія, изд. 1857 г., существовала еще ст. 116, трактующая о правѣ судохозяина на Волгѣ передавать свои права надъ судовыми работниками другому. Теперь эта статья въ изд. по продолженію 1906 г. замѣнена правилами ст. 315, которая ставитъ подобный договоръ всецѣло подъ дѣйствіе Зак. Гражд.

[2]) Анненковъ, Система русскаго гражд. права, т. III, стр. 198. изд. 1901 г.

Digitized by Google

они уступили свои права въ указанныхъ правоотношеніяхъ. Такъ смотритъ на этотъ вопросъ и наша судебная практика. Въ этомъ, именно, смыслѣ высказался 4 Деп. Правит. Сената въ рѣш. 1883 г. за № 2715 при обсужденіи взаимоотношеній сторонъ по поводу уступки договора о наймѣ судна[1]). Ту же самую позицію занялъ и Гражд. Деп. Правит. Сената въ рѣш. 1886 г. за № 83, по дѣлу Рубчевскаго, подтверждая право перепродавца уступать маклерскія записки по безоборотнымъ надписямъ. «Такой выводъ, пишетъ Сенатъ, подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что самое право заключенія между перепродавцомъ и третьимъ лицомъ договора, избавляющаго перваго отъ отвѣтственности передъ послѣднимъ, также не нуждается въ особомъ дозволеніи и не подлежитъ сомнѣнію, какъ не могущее вредить интересамъ первоначальнаго продавца, имѣющаго несомнѣнное право, несмотря на передачу, обращать свои требованія, если таковыя имѣетъ по сдѣлкѣ, къ своему непосредственному контрагенту, развѣ бы о противномъ состоялось между ними особое соглашеніе».

4) Цедировано можетъ быть всякое обязательственное требованіе, поскольку оно вообще надлежитъ отчужденію и поскольку законъ спеціальной нормой не устраняетъ возможности его передачи. Основаніе, изъ котораго требованіе проистекаетъ, значенія не имѣетъ. «Всѣ права, говоритъ ст. 1395 австрійскаго Уложенія, которыя могутъ быть отчуждаемы, могутъ быть предметомъ уступки». «Всякія требованія по пріобрѣтеннымъ изъ долговыхъ отношеній правамъ, читаемъ мы въ рѣш. Сената по дѣлу Попандана, могутъ, не взирая на начало ихъ..., быть уступаемы другимъ лицамъ... за исключеніемъ случаевъ, когда закономъ положительно таковая уступка запрещена».

а) Способнымъ къ передачѣ прежде всего является каждое самостоятельное требованіе, а равно и иски по нему. Нѣтъ нужды, чтобы источникомъ цедируемаго требованія было непремѣнно обязательство. Не воспрещается цессія и такихъ притязаній, которыя вытекаютъ изъ вещныхъ правъ или правъ исключительныхъ (но не цессія самыхъ вещныхъ или исключительныхъ правъ). Въ связи съ этимъ нашъ Сенатъ совершенно правильно отринулъ допустимость передачи исковъ о недвижимомъ имуществѣ въ силу ея непримиримости съ закономъ, ограждающимъ «установленный порядокъ перехода недвижимыхъ имѣній и вещныхъ правъ»[2]), и призналъ допустимой уступку иска, «который хотя возникъ изъ отношенія

---

[1]) См. Шершеневичъ, Курсъ торговаго права, т. III, § 163, II.
[2]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1883 г. № 283; 1908 г. № 82.

Digitized by Google

къ недвижимому имѣнію, но гдѣ исковымъ требованіемъ представляются не самыя вещныя права на имѣніе, а эквивалентъ ихъ въ видѣ денежнаго или иного вознагражденія»[1]).

b) Не подлежатъ самостоятельной цессіи права акцессорныя, которыя служатъ исключительно обезпеченіемъ другого правоотношенія, какъ неустойка, поручительство, залогъ. Они могутъ быть уступаемы только вмѣстѣ съ основной сдѣлкой, ради которой они установлены, поскольку, конечно, эта сдѣлка сама можетъ быть цедирована[2]). Въ тѣхъ условіяхъ находятся и Gestaltungsrechte. Такъ, не являясь ни правомочіемъ ни требованіемъ, цессіи не подлежитъ вовсе право отступиться отъ сдѣлки. То же самое надлежитъ сказать и о правѣ зачета въ его чистомъ видѣ, безъ отношенія къ тому требованію, которое предъявляется къ зачету, о правѣ выбора по альтернативному обязательству, о правѣ заявленія (Kündigungsrecht) и т. п.

c) Наоборотъ, требованія, вытекающія изъ натуральныхъ обязательствъ, признаются способными къ цессіи — въ томъ смыслѣ, что учиненное цессіонарію удовлетвореніе имѣетъ значеніе исполненія. Конечно, цессіонарій лишенъ исковой защиты. Но должникъ, однажды удовлетворившій его какъ цессіонарія, не въ правѣ требовать этого удовлетворенія обратно по титулу condictio indebiti, хотя бы въ моментъ исполненія онъ и не зналъ, что погашаемое требованіе лишено исковой защиты[3]).

d) Осроченность и условность обязательства для признанія способнымъ къ передачѣ вытекающаго изъ него требованія значенія не имѣетъ. По ст. 2058 Зак. гражд., заимодавецъ воленъ передавать заемныя письма другому «до срока и послѣ срока». «Всякія требованія... безъ различія, суть ли они условныя и просроченныя, или нѣтъ», развиваетъ мысль ст. 2058 Сенатъ, могутъ быть уступаемы другимъ лицамъ. Равнымъ образомъ, не встрѣчаетъ возраженій и возможность цессіи будущихъ требованій, т.-е. такихъ, которыя въ будущемъ могутъ впервые возникнуть для цедента. Однако свою силу цессія въ этомъ случаѣ получаетъ лишь съ того момента, когда они впервые возникнутъ для лица, ихъ уступившаго. Передача требованія, вытекающаго изъ такого двухсторонняго обязательства, по которому должникъ обязанъ чинить удовлетвореніе только въ отвѣтъ на удовлетвореніе, доставленное ему кредиторомъ, также

---

[1]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1878 г. № 256; 1880 г. № 49; 1888 г. № 101.

[2]) Standingers Kom., Vorbem. I, B. II, стр. 444; Kom. zum Schweiz. Z. G. B. Egger, 5. B., стр. 421.

[3]) Standig, Kom. § 398. Kom. Schweiz. Z. G. B. Art. 164.

Digitized by Google

признается допустимой, хотя бы она состоялась и ранѣе того, какъ кредиторъ-цедентъ учинитъ должнику это удовлетвореніе[1]). Однако, должникъ въ этомъ случаѣ признается управомоченнымъ противопоставить требованіямъ цессіонарія возраженіе о неполученіи слѣдуемаго ему удовлетворенія. Но иска противъ цессіонарія объ этомъ удовлетвореніи онъ не имѣетъ, такъ какъ предметомъ цессіи является уступка лишь одного требованія, но не всего правоотношенія, въ его цѣломъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что по общимъ правиламъ подлежатъ цессіи какъ альтернативныя требованія, такъ и солидарныя[2]). Передача альтернативныхъ требованій возможна и тогда, когда право выбора принадлежитъ кредитору. Безраздѣльное требованіе можетъ быть уступлено каждымъ изъ вѣрителей, если солидарность на активной сторонѣ, и противъ каждаго изъ должниковъ, если она на сторонѣ пассивной.

5) Для дѣйствительности цессіи, какъ мы указали выше, нужно только соглашеніе стараго и новаго вѣрителей объ уступкѣ требованія. Конечно, считать это соглашеніе безпричиннымъ нельзя. Подъ нимъ обычно лежитъ та или иная causa cessionis. Code civil, какъ мы видѣли, связываетъ цессію съ договоромъ купли-продажи. Наши Зак. Гражд. видятъ эту cessio въ уплатѣ цессіонаріемъ долга заемщика. Но она можетъ заключаться и въ сдѣлкахъ иного порядка, какъ-то: въ дареніи, въ установленіи обезпеченія, въ datio in solutum и т. п. Но если содержаніемъ договора цессіи является только соглашеніе сторонъ о передачѣ требованія, то эта causa должна считаться лежащей внѣ предѣловъ содержанія договора цессіи и строго отъ него отграничиваться, какъ явленіе вполнѣ самостоятельное. Настаивать на ихъ единствѣ и смѣшивать ихъ между собою немыслимо даже въ томъ случаѣ, когда они внѣшне между собою связаны, когда, напримѣръ, въ актѣ цессіи положительно упомянуто, что уступленное требованіе продано или подарено цессіонарію. Съ этой точки зрѣнія цессія причисляется къ разряду абстрактныхъ[3]) сдѣлокъ — которыя, въ отличіе отъ каузальныхъ, черпаютъ свою силу въ самомъ фактѣ своего установленія, безотносительно къ тому основанію, на почвѣ котораго они возникли. Дѣйствіе этой абстрактности конкретно выражается въ слѣдующемъ:

а) Если цессія считается состоявшейся при наличности соотвѣтствующаго соглашенія между цедентомъ и цессіонаріемъ, то на

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.
[3]) Standig, Kom. § 398; Egger-Oser. Kom. z. Schweiz. I. G. B. Vorb. z. Abtr. v. Ford. 3; Endeman, I. B. d. B. R. § 151, 2.

Digitized by Google

цессіонаріи лежитъ обязанность представить только доказательства этого соглашенія. Доказывать же наличность основанія, на почвѣ котораго цессія состоялась, онъ не обязанъ. Эти оба положенія имѣютъ силу какъ въ отношеніи должника, такъ и въ отношеніи цедента.

b) Однако, первоначальный вѣритель не лишенъ возможности ссылаться на недостатки causa cessionis и добиваться признанія ничтожнымъ на этомъ основаніи самаго договора о цессіи. Но въ этомъ случаѣ вся тяжесть доказательства уже возлагается на него. Это право цедента ссылаться на основную сдѣлку въ доказательство недѣйствительности передачи признано и нашимъ Сенатомъ въ рѣш. 1876 г. за № 410 по дѣлу Тагера. «Передаточная надпись на долговомъ обязательствѣ, говорится въ этомъ рѣшеніи, предполагаетъ (по ст. 2058 т. X ч. 1) передачу обязательства въ собственность другому лицу, заплатившему по немъ свои деньги за должника; но законъ не воспрещаетъ доказывать на судѣ безденежность заемныхъ обязательствъ, кромѣ крѣпостныхъ заемныхъ писемъ (стт. 2014, 2015 т. X ч. I Св. Зак.), слѣдовательно, кредиторъ не лишенъ по закону права доказывать, что и передаточная надпись на обязательствѣ сдѣлана имъ безденежно и что право на полученіе платежа по документу осталось за нимъ, т.-е. что документъ переданъ другому лицу не въ собственность, а лишь для взысканія долга въ пользу кредитора».

c) Наоборотъ, должникъ не въ правѣ совершенно указывать въ свою защиту противъ требованія цедента на недостатки causa cessionis. Существовала ли на самомъ дѣлѣ эта causa или нѣтъ, страдала ли она какими-либо дефектами или была безупречной —и въ томъ и въ другомъ случаѣ она для должника — обстоятельство, стоящее за предѣлами цессіи res, inter alios acta. Само собою разумѣется, что это не исключаетъ для него возможности оспаривать самаго акта цессіи, въ правильности котораго онъ безусловно заинтересованъ хотя уже потому, что, по общимъ правиламъ, признается управомоченнымъ на возраженіе о правѣ на искъ[1]). Отсюда, онъ можетъ ссылаться на недостатки акта цессіи какъ со стороны его формы, такъ и со стороны его существа. Онъ въ правѣ возбуждать споръ о подлогѣ передаточной надписи, заявлять сомнѣнія въ ея подлинности, опорочивать самое соглашеніе цедента съ цессіонаріемъ о цессіи, указывая на ея мнимость или притворность, доказывать недѣеспособность непосредственныхъ участниковъ цессіи

---

[1]) Ст. 589 Уст. Гражд. Суд.

Digitized by Google

и т. д.[1]). Такъ, именно, освѣтилъ этотъ вопросъ и Сенатъ въ своемъ рѣшеніи по дѣлу Лоренцова[2]).

6) Такъ какъ договоръ цессіи совершается за спиной должника, и вступаетъ въ силу съ момента своего совершенія не только въ отношеніи его непосредственныхъ участниковъ, но и должника, то, естественно, должникъ нуждается въ гарантіяхъ, которыя бы обезпечивали его отъ необходимости чинить новое удовлетвореніе цессіонарію, когда онъ, по невѣдѣнію о состоявшейся цессіи, произведетъ исполненіе непосредственно первоначальному вѣрителю. Въ этихъ цѣляхъ во всѣхъ новѣйшихъ законодательствахъ проводится правило, по которому должникъ, удовлетворившій первоначальнаго вѣрителя въ добросовѣстномъ невѣдѣніи о состоявшейся передачѣ требованія, освобождается отъ отвѣтственности передъ новымъ вѣрителемъ[3]).

Это справедливое и цѣлесообразное правило въ нашей судебной практикѣ опредѣленнаго признанія не встрѣтило. Первоначально, въ рѣш. 1873 г. за № 1195, по дѣлу Тагера, Сенатъ какъ бы даетъ ему свою санкцію. «Хотя вмѣсто платежной надписи дозволяется брать въ уплатѣ или платежѣ долга ясную расписку (ст. 2054), говорится въ этомъ рѣшеніи, но если засимъ самый актъ займа окажется переданнымъ до учиненія по оному платежа третьему лицу по надписи,... должникъ, необезпечившій себя истребованіемъ обратно самаго акта займа (2050), не можетъ быть освобожденъ отъ платежа по заемному обязательству, представленному противъ него ко взысканію, если по обстоятельствамъ дѣла не будетъ установлено, что о передачѣ заемнаго обязательства въ другія руки и о предъявленіи онаго симъ послѣднимъ ко взысканію ему не могло быть извѣстно. Однако, въ слѣдующемъ году, въ рѣш. 1874 г. за № 484 по дѣлу Бурнашева, Сенатъ уже безъ всякихъ оговорокъ весь рискъ подобнаго платежа возлагаетъ всецѣло на должника, не взирая на то, что должникъ можетъ произвести его въ добросовѣстномъ невѣдѣніи о состоявшейся цессіи. «Хотя, говоритъ онъ въ этомъ рѣшеніи, передача заемнаго письма въ другія руки можетъ остаться должнику неизвѣстною, но, во избѣжаніе платежа не надлежащему заимодавцу, а постороннему лицу, уже уступившему права по за-

---

[1]) См. Исаченко, Обязательство по договорамъ, т. II, стр. 682, изд. 1914 г. Разсужденія Исаченко вполнѣ правильны. Но онъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о недопустимости возраженій, вытекающихъ изъ causa cessionis.

[2]) Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1874 г. № 60.

[3]) Стт. 1395 и 1396 австрійскаго Уложенія, ст. 407 германскаго Уложенія, ст. 167 швейцарскаго Уложенія, ст. 993 Пр. венгерскаго Уложенія ст. 158 Пр. русскаго Обязательственнаго права.

Digitized by Google

емному письму другому, отъ должника зависитъ при платежѣ удостовѣриться, что заемное письмо не передано первоначальнымъ заимодавцемъ въ другія руки. Затѣмъ, должникъ, не принявшій означенныхъ мѣръ предосторожности, не въ правѣ по иску лица, пріобрѣвшаго заемное письмо въ установленномъ закономъ порядкѣ, ссылаться на платежъ, учиненный имъ прежнему заимодавцу уже послѣ передачи этимъ послѣднимъ заемнаго письма». Эти разсужденія Сенатъ повторяетъ и въ позднѣйшемъ своемъ рѣшеніи, состоявшемся въ 1910 г. по дѣлу Липавецкаго (№ 19). Свою основную мысль онъ формулируетъ въ немъ слѣдующимъ образомъ: «Если обязательство перешло по передаточной надписи (стт. 2058 и 2059 Св. Зак. т. X. ч. 1) къ другому лицу, то въ прекратившееся между должникомъ и первоначальнымъ кредиторомъ правовое отношеніе вступаетъ лицо, пріобрѣвшее заемное обязательство на законномъ основаніи, и только этому именно лицу, какъ правомѣрному кредитору, долженъ быть произведенъ погашающій долгъ платежъ, хотя бы должникъ оставался въ неизвѣстности о передачѣ заемнаго письма въ другія руки, и уплатилъ должнику самому послѣ этой передачи тому лицу, на имя котораго обязательство выдано»[1]). Занятая въ этихъ рѣшеніяхъ Сенатомъ позиція не мирится ни съ требованіями гражданскаго оборота, ни съ правиломъ, выраженнымъ въ ст. 2054, ни съ чувствомъ справедливости. Спрашивается, какъ можетъ должникъ при платежѣ удостовѣриться, что заемное письмо не передано первоначальнымъ вѣрителемъ въ другія руки, если этотъ первоначальный вѣритель проживаетъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится должникъ, и если должникъ производитъ ему платежъ денегъ по почтовому переводу. Вѣдь нельзя же требовать отъ кредитора, чтобы онъ, прежде полученія платежа, пересылалъ заемное письмо для соотвѣтствующаго удостовѣренія должнику, и совершенно невозможно настаивать на томъ, чтобы это удовлетвореніе во всѣхъ случаяхъ производилось должникомъ лично или черезъ представителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, допуская возможность вмѣсто платежной надписи брать въ уплатѣ и платежѣ долга ясную платежную расписку, въ коей именно означается, что она выдана взамѣнъ обязательства, которое подлежало возвратить при платежѣ, законъ тѣмъ самымъ подчеркиваетъ, что удовлетвореніе долга можетъ быть произведено и тогда, когда у вѣрителя

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить двойственный характеръ даннаго рѣшенія. Игнорируя значеніе bona fides въ одномъ случаѣ, Сенатъ признаетъ ее въ другомъ. Онъ освобождаетъ отъ отвѣтственности передъ цессіонаріемъ должника, совершившаго уплату долга судебному приставу, не зная о состоявшейся цессіи, когда на деньги, причитающіяся съ него цеденту былъ наложенъ арестъ за долгъ цедента въ порядкѣ 632—640 и 1078 стт. Уст. Гражд. Суд.

Digitized by Google

нѣтъ на рукахъ заемнаго письма. Это правило, такимъ образомъ, санкціонируетъ возможность довѣрія со стороны должника въ отношеніи кредитора. Сенатъ же, наоборотъ, такое довѣріе считаетъ непринятіемъ со стороны должника мѣръ предосторожности, и инкриминируетъ его должнику. Такой коррективъ закона со стороны Сената признавать удачнымъ, очевидно, не приходится. Наконецъ, элементарное чувство справедливости протестуетъ противъ возможности признанія добросовѣстнаго должника, не участвовавшаго въ цессіи и не знавшаго о томъ, что она состоялась, отвѣтственнымъ передъ цессіонаріемъ за платежъ первоначальному вѣрителю и освобождать въ этотъ моментъ отъ отвѣтственности вѣрителя, завѣдомо дѣйствовавшаго mala fide. Во всякомъ случаѣ, необходимо строго держаться правила, что при цессіи положеніе должника ни въ коемъ случаѣ ухудшено быть не можетъ, — иначе цессія будетъ насиліемъ надъ должникомъ.

Если должникъ, учинившій въ добросовѣстномъ невѣдѣніи о состоявшейся цессіи удовлетвореніе первоначальному вѣрителю, признается по общему правилу, свободнымъ отъ отвѣтственности передъ цессіонаріемъ, то цессіонарій, естественно, заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть возможность своевременно предупредить такое удовлетвореніе. Здѣсь возникаетъ вопросъ уже о необходимости установленія соотвѣтствующей гарантіи въ пользу цессіонарія. Очевидно, такой гарантіей можетъ служить только признаніе за самимъ цессіонаріемъ права ставить должника своимъ одностороннимъ дѣйствіемъ въ такія условія, при которыхъ онъ уже не могъ бы ссылаться на свое невѣдѣніе о состоявшейся цессіи. Такъ именно и поступаютъ новѣйшія законодательства. Швейцарское Уложеніе [1]), а за нимъ проектъ нашего Обязат. права [2]) и проектъ венгерскаго Уложенія [3]) вводятъ съ этой цѣлью институтъ denuntiatio, по которому цессіонарію предоставляется право непосредственно извѣщать должника о состоявшейся цессіи, причемъ платежъ, учиненный должникомъ послѣ такого извѣщенія первоначальному вѣрителю, признается недѣйствительнымъ [4]). Уложенія австрій-

---

[1]) Ст. 167. Тождественное съ denuntiatio значеніе эта статья придаетъ и вообще факту извѣстности должнику о состоявшейся цессіи.

[2]) Ст. 158.

[3]) Ст. 993. Эта статья требуетъ, чтобы заявленіе о состоявшейся цессіи, дѣлаемое цессіонаріемъ должнику, было подкрѣплено представленіемъ соотвѣтствующихъ доказательствъ. Бездоказательное заявленіе недѣйствительно, если должникъ его немедленно отклонитъ.

[4]) Въ случаѣ спорности вопроса о принадлежности требованія должникъ имѣетъ право отказать въ платежѣ и освободиться отъ обязательства внесеніемъ должной суммы въ депозитъ суда (ст. 168 швейцарскаго Уложенія; ст. 117 Пр. нашего обязательственнаго права, Рѣш. Гражд. Кассац. Деп. 1880 г. за № 299).

Digitized by Google

ское и Германское о denuntiatio со стороны цессіонарія спеціально не упоминаютъ. Но первое изъ нихъ въ ст. 1396 говоритъ, что должникъ вообще не въ правѣ чинить удовлетвореніе первоначальному вѣрителю, «коль скоро пріобрѣтатель сталъ ему извѣстенъ», а второе въ ст. 407 утверждаетъ, что «новый кредиторъ не можетъ оспаривать удовлетворенія, учиненнаго должникомъ прежнему кредитору послѣ уступки, ... развѣ бы должникъ зналъ объ уступкѣ при учиненіи удовлетворенія или при заключеніи сдѣлки». Съ точки зрѣнія этихъ правилъ, такимъ образомъ, источникъ, откуда должникъ узнаетъ о состоявшейся цессіи, безразличенъ. Имъ, слѣдовательно, можетъ быть и цессіонарій. И разъ должникъ оповѣщенъ о передачѣ требованія, онъ несетъ весь рискъ за удовлетвореніе, учиненное неподлежащему вѣрителю [1]).

Возлагая за неправильную уплату по цедированному требованію весь рискъ на должника, наша судебная практика, естественно, не имѣла основаній говорить о гарантіяхъ въ пользу цессіонарія. И когда въ цитированномъ выше рѣшеніи по дѣлу Хенкина Сенату представился конкретный случай выяснить юридическую природу заявленія, учиненнаго цессіонаріемъ должнику, онъ обнаружилъ при разрѣшеніи этого вопроса полную юридическую безпомощность и полное незнакомство съ ученіемъ о гарантіяхъ. Отождествляя это заявленіе съ легитимаціей цессіонарія передъ должникомъ, онъ просто отвергъ его, объяснивъ, «что неподкрѣпленное законными удостовѣреніями заявленіе пріобрѣтателя о переходѣ къ нему права требованія не можетъ, въ силу 570 ст. Зак. Гражд., обязывать должника произвести платежъ этому лицу лишь потому, что онъ именуетъ себя кредиторомъ» [2]).

Что касается Code civil, то въ немъ этотъ вопросъ о взаимныхъ гарантіяхъ должника и цессіонарія получаетъ свое разрѣшеніе не путемъ установленія спеціальныхъ правилъ, а черезъ общее признаніе за denuntiatio, будетъ ли она исходить отъ цессіонарія, или отъ цедента, значенія необходимаго условія дѣйствительности самой цессіи въ отношеніи должника. Если для должника цессія

---

[1]) Отъ заявленія, дѣлаемаго должнику цессіонаріемъ, необходимо отличать заявленіе цедента. Если заявленіе цессіонарія производитъ лишь отрицательный эффектъ, ставитъ должника въ необходимость воздержаться отъ удовлетворенія первоначальнаго вѣрителя, то заявленіе цедента имѣетъ для должника конститутивную силу (ст. 409 германскаго Уложенія, ст. 997 Пр. венгерскаго Уложенія).

[2]) Утвержденіе Трепицина, что рѣшеніе по дѣлу Хенкина санкціонируетъ denuntiatio, является ошибочнымъ. Если въ этомъ рѣшеніи Сенатъ и признаетъ denuntiatio, такъ только исходящую отъ передатчика и притомъ лишь въ качествѣ доказательства состоявшейся цессіи. Денунціаціи же, учиняемой цессіонаріемъ въ цѣляхъ обезпеченія для него послѣдствій цессіи, это рѣшеніе, какъ мы только что выяснили, не устанавливаетъ.

Digitized by Google

получаетъ свою силу только съ момента denuntiatio, то, естественно, объ опороченіи его платежа, учиненнаго первоначальному вѣрителю до полученія свѣдѣній объ уступкѣ требованія, не можетъ быть и рѣчи. Съ этой точки зрѣнія, ст. 1691 Code civ. подтверждающая это положеніе, является только выводомъ изъ общаго правила о начальномъ моментѣ дѣйствія цессіи въ отношеніи должника. Такимъ образомъ denuntiatio въ Code civ. разомъ достигаетъ двухъ цѣлей: она обезпечиваетъ не только цессіонарія, но, въ отличіе отъ новѣйшихъ законодательствъ, и должника.

Н. Вавинъ.

Digitized by Google

Василій Лаврентьевичъ Исаченко[1].

4 октября, въ день послѣдней годовщины смерти С. А. Муромцева, умеръ Василій Лаврентьевичъ Исаченко. С. А. Муромцевымъ были напечатаны въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» первыя юридическія работы Исаченка «Полицейское засвидѣтельствованіе подписи за безграмотныхъ» (1881 г. кн. 5), «О задаткѣ» (1881 г. кн. 9), «Лица въ договорѣ, — несовершеннолѣтніе» (1882 г. кн. 8), «Душевнобольные» (1883 г. кн. 6—7), «Расточители» (1885 г. кн. 11—12). По поводу этихъ статей между ними возникла переписка, укрѣпленная впослѣдствіи личнымъ знакомствомъ.

Если въ лицѣ С. А. Муромцева и «Юридическаго Вѣстника» В. Л. Исаченка въ самомъ началѣ его судебно-литературной дѣятельности потянуло къ Москвѣ, то Москвѣ же довелось увидѣть расцвѣтъ его судебной дѣятельности, въ качествѣ судьи по существу, такъ какъ въ 1899—1901 годахъ онъ былъ товарищемъ предсѣдателя гражданскаго отдѣленія московскаго окружнаго суда (четвертомъ). Москва помнитъ Исаченка, этого обаятельнаго старца, привѣтливаго и ровнаго, въ судебныхъ засѣданіяхъ.

Его формула веденія засѣданій, которую онъ любилъ повторять, была: «засѣданіе должно вести неторопливо, несуетливо, но безостановочно». Превосходно зная дѣла, В. Л. Исаченко, какъ товарищъ предсѣдателя, умѣло и твердо руководилъ преніями. Въ текущей работѣ отдѣленія онъ, сверхъ обычныхъ обязанностей товарища предсѣдателя по движенію дѣлъ, имѣлъ кромѣ того въ своемъ исключительномъ докладѣ всѣ охранительныя дѣла отдѣленія и нерѣдко писалъ рѣшенія по исковымъ дѣламъ. Къ этому времени уже появился и пользовался извѣстностью его комментарій къ Уставу Гражданскаго Судопроизводства.

Громадныя знанія и колоссальная продуктивность его судебной работы не умаляли однако въ немъ качествъ превосходнаго

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 8 декабря 1915 г.

Digitized by Google

товарища, общительнаго человѣка, пріятнаго собесѣдника и превосходнаго семьянина. В. Л. Исаченко любилъ искусство, высоко ставилъ Шекспира, поражалъ своимъ знаніемъ богослуженія и церковныхъ пѣснопѣній, писалъ стихи и т. д. Простотой и отсутствіемъ позы вѣяло во всемъ, что отъ него исходило. Просто и случайно узнали, напр., его сослуживцы, что онъ, кромѣ того, магистрантъ математическихъ наукъ, изучившій астрономію и высшую математику. Въ Москвѣ у В. Л. Исаченка возникла мысль написать свое практическое руководство для начинающихъ юристовъ; поводомъ для этого были практическія занятія кандидатовъ на судебныя должности, устроенныя предсѣдателемъ Московскаго окружнаго суда Н. В. Давыдовымъ, которыя по гражданскому праву велъ членъ суда С. И. Матвѣевъ. Съ большимъ сочувствіемъ отнесся Исаченко къ этимъ занятіямъ и сказалъ С. И. Матвѣеву: «занимайтесь, а я буду писать!» и написалъ, изданное, впрочемъ, уже впослѣдствіи, «Практическое руководство».

Въ Москву же, съ которой связано начало его юридическо-литературной дѣятельности, В. Л. Исаченко прислалъ, уже во время своей послѣдней болѣзни, въ 1915 году свою послѣднюю статью о Гражданскомъ Кассаціонномъ Департаментѣ. Эта статья появится въ ближайшемъ томѣ изданія «Судебная Реформа». Въ письмѣ къ Н. В. Давыдову В. Л. Исаченко писалъ по поводу ея: «Съ моей точки зрѣнія въ небольшой статьѣ юридическаго сборника едва ли мѣсто говорить о перемѣнахъ личнаго состава сенаторовъ, о ихъ числѣ и т. п. Все, по-моему, должно быть сведено къ выясненію той внутренней работы, которую Правительствующій Сенатъ обязанъ выполнять, исполняя возложенную на него закономъ обязанность, а затѣмъ, и это главное, должны быть указаны тѣ послѣдствія, которыя имѣла эта работа въ видѣ воздѣйствія на развитіе законности въ народѣ на дѣятельность низшихъ судебныхъ установленій, на научную разработку юридическихъ вопросовъ въ литературѣ и въ наукѣ, и, наконецъ, на дѣятельность нашего законодательства. Если это все такъ, и если этого достаточно, то я могу надѣяться выполнить поручаемую мнѣ работу».

Это была лебединая пѣснь В. Л. Исаченка. Лебединая, но не одинокая. Въ послѣдніе годы появились такіе капитальные его труды, какъ два тома «Обязательствъ по договорамъ», изданныхъ въ сотрудничествѣ съ В. В. Исаченкомъ (1914 г.), «Особыя производства» (1913 г.), «Мировой судъ» (1913 г.), «Основы гражданскаго процесса» и новыя изданія «Свода кассаціонныхъ

Digitized by Google

положеній по вопросамъ русскаго гражданскаго матеріальнаго права»,— а также большое количество статей въ «Правѣ», «Вѣстникѣ права», «Журналѣ гражданскаго права» и «Журналѣ министерства юстиціи». Съ годами литературная дѣятельность В. Л. Исаченка не угасала, а развивалась.

Не угасала съ годами и его судебная дѣятельность. Въ положеніи кассаціоннаго судьи онъ былъ такъ же неутомимъ, какъ и въ качествѣ судьи по существу, и, оставаясь чистымъ цивилистомъ, тѣмъ не менѣе въ Сенатѣ, какъ и въ судѣ первой инстанціи, не забывалъ, что за каждымъ дѣломъ стоятъ живые люди. Съ нѣжной шутливостью онъ называлъ судебныя дѣла своими «дѣтьми», не оставляя ихъ во время болѣзни; въ день кончины его заботило, посланы ли въ Сенатъ его проекты по дѣламъ, которыя должны были слушаться въ ближайшемъ засѣданіи.

Судебная дѣятельность В. Л. Исаченка началась въ семидесятыхъ годахъ. Въ 1872 году онъ сдѣлался мировымъ судьей и вскорѣ членомъ окружнаго суда; начало ея на нѣсколько лѣтъ предшествовало началу его юридическо-литературной дѣятельности; съ восьмидесятыхъ годовъ обѣ эти дѣятельности идутъ рука объ руку, усиливаясь и развиваясь. Живой архивъ судебнаго опыта Исаченка до конца жизни продолжалъ пополняться новыми матеріалами, которые, на ряду съ прежними, требовали новой обработки и новыхъ обобщеній. И мыслитель не отставалъ,— мыслитель своеобразный, не «учебный» въ профессіональномъ значеніи, какъ это было вѣрно указано, напр. А. В. Завадскимъ въ статьѣ, посвященной его недавнему юбилею («Юридич. Вѣстникъ» 1914 г., кл. VII—VIII), а мыслитель-судья, обобщающій свой непосредственный опытъ. Исаченко не двоился между судомъ и литературой: въ немъ судья былъ писателемъ.

Гражданское право родственно по своимъ методамъ математикѣ и поэтому соотвѣтствовало складу его ума; въ молодости онъ получилъ высшее математическое образованіе. Однако рука, которая впослѣдствіи такъ много и легко писала, не поднялась написать магистерское сочиненіе по математикѣ,— для чего уже были сданы магистерскіе экзамены,— и Исаченко нашелъ свое настоящее мѣсто въ креслѣ гражданскаго судьи. Но склонность и способность къ отвлеченному мышленію, къ анализамъ и обобщеніямъ понятій осталась; она-то и увела этого судью въ область литературы по гражданскому праву. Но если чистая математика не удовлетворила Исаченка своей исключительной отвлеченностью, если его математическій умъ стремился въ то же

Digitized by Google

время къ живымъ людямъ, то онъ остался вѣренъ въ этомъ отношеніи себѣ и какъ цивилистъ, ни на минуту въ своемъ цивилистическомъ мышленіи не забывающій о томъ, что анализы и обобщенія понятій гражданскаго права совершаются на почвѣ живыхъ отношеній между живыми людьми. Отсюда практическій характеръ его юридическихъ сочиненій не въ томъ только смыслѣ, что ими рѣшаются казусы изъ практики судей, но и въ томъ, что его мысль изыскиваетъ рѣшенія, наиболѣе соотвѣтствующія жизненнымъ нуждамъ людей обращающихся къ суду.

Что же влекло Исаченка къ жизни живыхъ людей?

Не на креслѣ судьи познакомился В. Л. Исаченко съ этой жизнью, не въ судѣ узналъ онъ ее впервые. Жизнь живыхъ людей во всей ея простотѣ и глубинѣ приняла и охватила его съ его младенчества, когда онъ, не получая школьнаго образованія, помогалъ своему родителю въ его торговомъ дѣлѣ и, бывая съ нимъ въ разъѣздахъ, подолгу заглядывался на почное небо, а досуги наполнялъ изученіемъ молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній.

Въ здоровой атмосферѣ непосредственнаго общенія съ жизнью духовной и практической окрѣпъ и выросъ Василій Лаврентьевичъ — до самаго поступленія въ университетъ.

Не по принужденію и не подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ сдѣлался Исаченко судьей. Въ дѣятельности судьи онъ почувствовалъ свое призваніе. Неудивительно, что не уголовное, а гражданское право оказалось соотвѣтствующимъ его математическому уму. Онъ не имѣлъ юридической подготовки, но серьезныя занятія математикой дисциплинировали его умъ,— и отсутствіе школьнаго юридическаго образованія было восполнено самостоятельнымъ изученіемъ права; при этомъ Исаченко не сдѣлался «ученымъ самоучкой»,— ибо вообще не желалъ быть «ученымъ»,— а остался судьей,— для котораго юридическія знанія нужны какъ орудіе судебной дѣятельности.

Не обычно, но цѣльно прошла жизнь В. Л. Исаченко. Въ мальчикѣ и юношѣ помогающемъ отцу въ торговлѣ, самый проницательный взоръ не прозрѣлъ бы будущаго знаменитаго юриста и сенатора. Но все шло къ одной цѣли. Церковь открыла передъ нимъ свои сокровища, практическая жизнь укрѣпила волю, наука дисциплинировала умъ. Таковъ былъ В. Л. Исаченко. Онъ умеръ 76 лѣтъ. Духовное здоровье не оставляло его до конца. Этимъ объясняется колоссальная продуктивность и значеніе его работы.

П. И. Астровъ.

Digitized by Google

Проф. А. А. Піонтковскій.

(Некрологъ).

Въ самомъ концѣ прошлаго года немногочисленная семья русскихъ криминалистовъ понесла замѣтную утрату. 26-го декабря скоропостижно скончался ордин. проф. Казанскаго университета Андрей Антоновичъ Піонтковскій.

Смерть унесла покойнаго еще далеко не старымъ, всего на 54-мъ году жизни.

Какъ видно изъ автобіографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Казанскаго университета за сто лѣтъ (1804—1904 гг,), покойный родился въ Тираспольскомъ у. Херсонской губ. 3 іюля 1862 г.; свое образованіе—среднее и высшее—А. А. получилъ въ Одессѣ и здѣсь же началъ свою практическую дѣятельность сначала въ качествѣ помощника прис. повѣреннаго, а затѣмъ кандидата на судебныя должности. Служба по судебному вѣдомству въ Одессѣ и затѣмъ въ округѣ Варшавской Судебной Палаты продолжалась недолго, не болѣе полутора лѣтъ, послѣ чего Піонтковскій въ 1889 г. снова вернулся въ Одессу уже въ качествѣ стипендіата, оставленнаго при каѳедрѣ уголовнаго права для приготовленія къ профессорскому званію.

Съ осени 1891 г. Піонтковскій уже приступилъ въ Новороссійскомъ университетѣ къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцента; въ 1892 г. былъ командированъ съ научной цѣлью за границу. Возвратясь изъ командировки, онъ получилъ въ Казанскомъ университетѣ степень магистра уголовнаго права за сочиненіе «Объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія»; въ 1895 г. былъ назначенъ профессоромъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, а въ 1899 г. перешелъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ въ 1900 г. получилъ степень доктора уголовнаго права за сочиненіе «Условное освобожденіе».

Время, въ которое А. А. Піонтковскій вступилъ на научное поприще, всецѣло опредѣлило направленіе всей его послѣдующей

Digitized by Google

научной дѣятельности. Это были первые годы жизни и дѣятельности только что основаннаго Международнаго Союза Криминалистовъ, явившагося проводникомъ идей такъ-наз. соціологическаго направленія въ наукѣ уголовнаго права, и А. А. Піонтковскій былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ членовъ этого союза и однимъ изъ первыхъ представителей этого направленія въ Россіи.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности установить, какъ покойный осуществлялъ свою широко начертанную программу науки уголовнаго права въ своемъ курсѣ, такъ какъ задуманное и начатое имъ пособіе къ лекціямъ осталось далеко незаконченнымъ: вышелъ только первый выпускъ (1913 г.), печатаніе второго выпуска задержалось вслѣдствіе отсутствія бумаги, но какъ изъ введенія къ этому пособію, такъ и изъ его вступительной лекціи, прочитанной около 20 лѣтъ тому назадъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, видно, что покойный остался вѣренъ тому научному знамени, подъ которое всталъ въ самомъ началѣ своей научной дѣятельности.

Имя А. А. Піонтковскаго извѣстно главнымъ образомъ какъ автора двухъ монографій: «Объ условномъ осужденіи или системѣ испытаній» (1894 г.) и «Условное освобожденіе» (1900 г.).

Монографія объ условномъ осужденіи была первой болѣе крупной работой на русскомъ языкѣ, посвященной этому институту, о которомъ первый съѣздъ русской группы Международнаго Союза криминалистовъ (1899 г.) отозвался какъ объ «институтѣ справедливости, человѣчности и государственной пользы». Въ теченіе всей своей жизни Піонтковскій не оставлялъ этой темы и внимательно слѣдилъ за судьбой условнаго осужденія, отмѣчая на страницахъ спеціальной печати и новыя попытки его введенія въ законодательство и результаты примѣненія на практикѣ[1]).

Другой институтъ, разработкѣ котораго посвятилъ свое вниманіе А. А. Піонтковскій, — «Условное освобожденіе». Онъ такъ же, какъ и условное осужденіе, проникнутъ въ своемъ существѣ глубоко гуманной идеей и также покоится на живой вѣрѣ въ человѣческую личность, въ ея способность выпрямиться и подняться съ пути порока и преступленія, на которыя толкнули ее неприглядныя условія жизни.

---

[1]) См. его же: Условное осужденіе въ Норвегіи (1895 г.); Новый законъ объ условномъ осужденіи въ Швейцаріи («Ж. М. Ю.» 1898 г.); Условное осужденіе и проектъ нашего Уголовнаго Уложенія («Право» 1896 г.); Условное осужденіе въ Германіи («Право» 1902 г.); Новые законы объ условномъ осужденіи въ Швейцаріи («Ж. М. Ю.» 1902 г.); Результаты примѣненія условнаго осужденія («Право» 1902 г.).

Digitized by Google

На долю Піонтковскаго выпалъ не частый въ жизни ученаго удѣлъ видѣть, если не полное, то во всякомъ случаѣ значительное осуществленіе и торжество тѣхъ мыслей, защитѣ и пропагандѣ которыхъ онъ посвятилъ много силъ. Условное осужденіе еще при его его жизни сдѣлалось міровымъ институтомъ. Правда, наше законодательство еще не знаетъ его пока, но зато условное освобожденіе вошло у насъ не только въ законъ, но, хотя и въ скромныхъ пока размѣрахъ, и въ жизнь.

Перебирая научные труды покойнаго, нельзя не вспомнить одной изъ послѣднихъ работъ, посвященныхъ вопросу, мимо котораго не прошелъ, кажется, ни одинъ русскій криминалистъ. Мы имѣемъ въ виду его книгу: «Смертная казнь въ Европѣ» (1908 г.). Не въ новыхъ доводахъ и не въ новой постановкѣ вопроса значеніе этой книги; она цѣнна, какъ новое доказательство стойкости и неизмѣнности гуманной традиціи русской науки, всегда съ осужденіемъ относившейся къ этой мѣрѣ борьбы съ преступностью. Піонтковскій не только осуждалъ смертную казнь, но и вѣрилъ въ ея неизбѣжное исчезновеніе.

Таково литературное наслѣдство А. А. Піонтковскаго; на немъ лежитъ ясный отблескъ гуманныхъ идей, одухотворявшихъ покойнаго, и съ именемъ криминалиста-гуманиста онъ отойдетъ въ память грядущихъ поколѣній.

Проф. В. Ширяевъ.

Digitized by Google

Юридическое Обозрѣніе.

Споръ о будущей оріентаціи русской науки уголовнаго права.

Въ концѣ истекшаго года въ петроградскомъ юридическомъ обществѣ былъ поднятъ В. Д. Набоковымъ вопросъ о будущей оріентаціи русской науки уголовнаго права. Тема доклада въ постановкѣ его автора получила значеніе вопроса объ отношеніи русскихъ криминалистовъ къ германской наукѣ уголовнаго права. Интересная тема, обработанная докладчикомъ съ обычною для него выпуклостью изложенія, вызвала оживленные дебаты: высказались М. П. Чубинскій, А. А. Жижиленко, С. К. Гогель и П. И. Люблинскій. Три послѣднихъ автора развили свои взгляды и на страницахъ юридическихъ журналовъ («Права» и «Вѣстника Права»). Всѣ, кромѣ проф. А. А. Жижиленко, сошлись въ рѣшительномъ осужденіи тенденцій германской науки уголовнаго права и въ убѣжденіи, что нужно всемѣрно стремиться къ освобожденію нашей отечественной науки отъ тяготѣвшаго до сихъ поръ надъ нею вліянія германской.

В. Д. Набоковъ, свидѣтельствуя о «глубокомъ нашемъ разочарованіи въ свойствахъ германской души, германскаго интеллекта», надѣется увидѣть въ будущемъ нашу науку свободной отъ вліянія германскихъ ученыхъ: «намъ съ ними не по пути, общеніе съ ними въ научной работѣ для насъ невозможно». О «большомъ разочарованіи въ германской юридической мысли» говоритъ и П. И. Люблинскій. Союзникомъ В. Д. Набокова въ компаніи противъ германской науки оказался и проф. С. К. Гогель, хотя онъ и начинаетъ свою статью съ весьма язвительнаго замѣчанія, что тѣ, кто измѣнилъ свое отношеніе къ германской наукѣ подъ вліяніемъ надѣланныхъ нѣмцами «патріотическихъ глупостей», напоминаютъ тѣхъ вотяковъ-язычниковъ, которые мажутъ своимъ богамъ губы простоквашей, когда ими довольны, и сѣкутъ ихъ, когда ими недовольны.

Проф. М. П. Чубинскій не высказался въ печати, но, насколько можно судить по передачѣ его замѣчаній въ отчетѣ о засѣданіи петроградскаго юридическаго общества, напечатанномъ въ № 45

Digitized by Google

«Права» за прошлый годъ, и онъ вполнѣ присоединился къ положеніямъ В. Д. Набокова.

Только одинъ проф. Жижиленко выступилъ съ рѣшительными возраженіями противъ «умаленія значенія нѣмецкой науки» и преувеличенія ея дефектовъ и даже, какъ передаетъ тотъ же отчетъ въ «Правѣ», подчеркнулъ, что онъ и впредь будетъ рекомендовать своимъ ученикамъ учиться у нѣмцевъ.

Выступленіе петроградскихъ криминалистовъ—уже не первое эхо войны въ области науки. Оно раздалось достаточно громко, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе не однихъ только криминалистовъ. И, конечно, только случайно, потому что съ докладомъ выступилъ криминалистъ В. Д. Набоковъ, вопросъ былъ поставленъ въ плоскости науки уголовнаго права. Если вопросъ объ отношеніи къ германской наукѣ законенъ для криминалистовъ, то въ такой же мѣрѣ онъ законенъ для представителей другихъ отраслей юриспруденціи, ибо нельзя отрицать значительнаго вліянія германской научной мысли на всю русскую юриспруденцію.

Главное обвиненіе, которое предъявляется германской наукѣ права, это — ея утрированное догматическое направленіе. В. Д. Набоковъ, самъ давшій нѣсколько превосходныхъ образцовъ критико-догматическаго разсмотрѣнія вопросовъ уголовнаго права, не можетъ, конечно, относиться презрительно къ догмѣ права: онъ говоритъ объ ослѣпляющемъ блескѣ той германской догматической литературы, которая привлекала къ себѣ взоры русскихъ ученыхъ, но въ то же время на счетъ догматическаго направленія германской юриспруденціи онъ относитъ скудость въ ней новой, творческой мысли, обобщающей достигнутые результаты и открывающей новыя перспективы». Онъ сожалѣетъ, что молодая русская наука не свободна отъ расцѣнки новыхъ завоеваній мысли съ точки зрѣнія «нѣмецкой правовѣрной догматики».

Гораздо дальше идетъ проф. Люблинскій. Онъ упрекаетъ германскую науку въ «гипертрофіи теоретической юриспруденціи», въ томъ, что «она подчиняла все живое, развивающееся право установленной теоріи, извращая въ угоду послѣдней его естественное развитіе, опредѣляемое не теоріей, а потребностями жизни». П. И. Люблинскій хочетъ, чтобы въ будущемъ русская наука «отрѣшилась отъ подавляющаго вліянія теоретической догматики, таящей въ себѣ опасность отклоненія права отъ живого сознанія дѣйствительности».

Наконецъ еще рѣшительнѣе проф. С. К. Гогель. Если критика В. Д. Набокова и П. И. Люблинскаго направлена только противъ эксцессовъ догматическаго направленія въ германской наукѣ права, то проф. Гогель относится отрицательно къ самому

Digitized by Google

направленію. Онъ объявляетъ догму «чисто нѣмецкимъ произведеніемъ», нѣмецкую догматическую литературу надѣляетъ эпитетомъ «бездарная», радуется ожидаемому имъ разрыву русской науки права съ германской, ибо это будетъ только разрывъ съ догмой. По мнѣнію автора, въ нѣмецкіе университеты (очевидно, рѣчь идетъ о юридическихъ факультетахъ) стремится только «особая разновидность человѣческая», прозванная берлинцами «русскіе ученые чиновники». Авторъ находитъ это названіе очень мѣткимъ, ибо «между догматикой и чиновничествомъ тѣсное родство».

Останавливаясь на приведенной оцѣнкѣ петроградскими криминалистами германской науки уголовнаго права, авторъ настоящихъ строкъ, во избѣжаніе недоразумѣній, считаетъ нужнымъ съ самаго начала оговорить, что онъ, не обинуясь, причисляетъ себя къ соціологической школѣ уголовнаго права. Обязываетъ ли, однако, это обстоятельство желать разрыва русской науки права съ германской въ виду очевиднаго преобладанія въ послѣдней догматическаго направленія? Думаемъ, что нисколько.

Прежде всего, та «гипертрофія теоретической юриспруденціи», о которой говоритъ П. И. Люблинскій, сознана самими германскими юристами: самая мысль о той опасности, которою угрожаетъ такая гипертрофія, подсказана ими же: никто другой, какъ Іерингъ, пустилъ въ оборотъ ироническое и чрезвычайно мѣткое выраженіе «юриспруденція понятій», которымъ такъ охотно пользуются противники догматическаго направленія въ юриспруденціи, и къ которому прибѣгали и въ дебатахъ, возбужденныхъ докладомъ В. Д. Набокова. Какъ указываетъ и самъ П. И. Люблинскій, въ германской литературѣ уже обозначился кризисъ абстрактно-догматическихъ теорій, и, въ частности, въ наукѣ уголовнаго права стали громко раздаваться лозунги новаго «практическаго» направленія. Почему же, спрашивается, вопросъ о разрывѣ съ германской наукой уголовнаго права всталъ какъ разъ тогда, когда въ этой послѣдней ясно опредѣлился поворотъ въ направленіи ея развитія? Не говоритъ ли противъ требованія разрыва съ германской юриспруденціей совпаденіе аргументовъ, которыми пользуются ея критики, съ тѣми, которые въ изобиліи встрѣчаются въ самой германской юридической литературѣ, и даже заимствованіе русскими криминалистами выраженій, клеймящихъ крайности догматическаго направленія, изъ лексикона германскихъ юристовъ? Когда читаешь замѣчанія П. И. Люблинскаго о томъ, что, вслѣдствіе «чрезмѣрнаго развитія юриспруденціи понятій», германская наука права «отклонилась отъ жизни», что «только чрезмѣрной преданностью теоретически конструктивной юриспру-

Digitized by Google

денціи объясняется значительная отсталость Германіи въ осуществленіи новыхъ институтовъ уголовнаго права», что «логическая гармонія теорій необходима лишь для философскихъ концепцій», что, наконецъ, правильнѣе, чѣмъ германская юриспруденція, поступаетъ англійская, которая «построена не на абстрактныхъ теоріяхъ, а на практическихъ максимахъ», невольно вспоминаешь заявленіе Листа: «если кто-либо... путемъ выводовъ изъ своей Begriffsjurisprudenz мѣшаетъ нашей практической работѣ, мы попросту должны его игнорировать и перейти къ очереднымъ дѣламъ». Въ свое время по поводу этого заявленія Листа В. Д. Набоковъ высказалъ: «Соображенія о томъ, что пускай-де ученые спорятъ — жизнь не ждетъ, и приходится найти практическій выходъ, — эти соображенія отдаютъ типичной обывательщиной».

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ этихъ словахъ В. Д. Набокова мы не видимъ ничего непримиримаго съ его теперешними замѣчаніями по поводу германской науки уголовнаго права, но каково было бы положеніе представителей германской науки уголовнаго права, если бы они захотѣли защищаться передъ трибуналомъ петроградскихъ криминалистовъ! Съ одной стороны, имъ ставятся въ примѣръ П. И. Люблинскимъ англичане, которые не боятся даже «практическихъ абсурдовъ», вытекающихъ изъ принятыхъ ими положеній, такъ какъ отъ этихъ положеній они умѣютъ во время отказаться, а съ другой стороны, когда они заявляютъ о своей готовности пожертвовать теоретическими началами ради того, что имъ представляется назрѣвшею практической потребностью, то эта ихъ готовность приводится В. Д. Набоковымъ какъ примѣръ «нѣкотораго одичанія юридической мысли»[1]).

Но самое главное не въ этихъ противорѣчіяхъ, —самое главное въ томъ, что у насъ въ Россіи еще слишкомъ рано говорить о «гипертрофіи догматической юриспруденціи» и опасаться «подавляющаго вліянія теоретической догматики» или излишествъ абстрактнаго теоретизированія.

Значеніе догматическаго изученія права у насъ никогда не оцѣнивалось въ должной мѣрѣ. Намъ понравилось, и мы охотно и часто повторяемъ ироническое выраженіе Іеринга «юриспруденція понятій», забывая при этомъ ту блестящую апологію «юриспруденціи», которую далъ тотъ же Іерингъ во второй части «Духа римскаго права». До сихъ поръ сохраняютъ свою актуальность страницы, написанныя Іерингомъ противъ профановъ и тѣхъ юристовъ, которые «здравый смыслъ» и «естественное пониманіе

[1]) См. В. Д. Набоковъ. Къ вопросу объ «опасномъ состояніи», въ Ж. Гр. Пр. и Пр., 1912 г., № 3, стр. 27.

Digitized by Google

вещей» противопоставляютъ юридической техникѣ, какъ той сторонѣ юриспруденціи, которая придаетъ ей искусственность и лишаетъ ее свойства общедоступности. До сихъ поръ перечитываются съ живѣйшимъ интересомъ не утратившія всей сочности красокъ соображенія Іеринга о задачѣ юридической техники и объ ея основныхъ операціяхъ: о юридическомъ анализѣ, логической концентраціи и юридической конструкціи. Со всею свойственной его изложенію выразительностью и внушительностью Іерингъ выясняетъ одну задачу догматической юриспруденціи: количественное и качественное упрощеніе правового матеріала въ цѣляхъ облегченія его усвоенія и примѣненія. Но, конечно, этимъ задачи догматической юриспруденціи не исчерпываются. У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимо подчеркивать и не уставать доказывать и значеніе догмы права, какъ слабой, но все же необходимой союзницы тѣхъ культурныхъ факторовъ, которые способствуютъ утвержденію господства права, и то ея творческое значеніе, которое всего опредѣленнѣе проявляется въ эпохи столкновенія двухъ правопорядковъ — стараго и новаго, когда на старой правовой почвѣ rerum novarum nascitur ordo, и когда юристъ, извлекая изъ нарождающагося новаго порядка принесенныя имъ съ собою новыя идеи, способствуетъ ихъ торжеству надъ умирающимъ, но все еще не уступающимъ своего мѣста старымъ правомъ[1]).

Въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ появилась организація такъ наз. «молодой адвокатуры», которая поставила себѣ одной изъ задачъ борьбу за право и свободу путемъ уголовныхъ защитъ. Интересны и поучительны свидѣтельства представителей этой «молодой адвокатуры», изъ которыхъ иные успѣли уже въ бояхъ посѣдѣть, о томъ, какими пріемами они пользовались въ своихъ политическихъ и общественныхъ защитахъ, какое значеніе они придавали догматическому анализу дѣйствующаго права, какъ иногда при помощи этого анализа имъ удавалось одерживать блестящія побѣды, и какъ часто имъ приходилось досадовать на крайнюю скудость у насъ догматической литературы.

Еще менѣе умѣстно у насъ опасаться излишествъ абстрактнаго теоретизированія. Если далеко недостаточно сдѣлано у насъ для догматической разработки положительнаго права, то не можемъ мы похвастаться и обиліемъ работъ, освѣщающихъ чисто научныя понятія и проблемы уголовнаго права и процесса. Чрезвычайно характерно для русской науки уголовнаго права, что при ея сравни-

[1]) Ср. С. П. Мокринскій, Система и методы науки уголовнаго права. 1906 г.; Н. Н. Полянскій, Русское уголовное законодательство о стачкахъ и др. статьи по уголовному праву. 1912 г., стр. 424—426.

Digitized by Google

тельной бѣдности она дала цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ выясненію понятія и цѣлей наказанія, кончая недавнимъ капитальнымъ трудомъ проф. Жижиленко, который могъ бы сдѣлать честь литературѣ любой страны. Не потому ли вопросы наказанія больше всего привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашихъ криминалистовъ, что они близко соприкасаются съ вопросами совѣсти, къ которымъ русская философская мысль и русское художественное творчество всегда испытывали особенное тяготѣніе? Но затѣмъ, за предѣлами проблемы о наказаніи, какъ много осталось вопросовъ уголовнаго права, еще почти не затронутыхъ въ нашей научной литературѣ теоретическимъ анализомъ.

Что касается теоретической работы по выясненію понятій и началъ уголовнаго процесса, то, вѣдь, не только у насъ, но и на Западѣ эта работа не такъ давно начата. Не безъ основанія, конечно, П. И. Люблинскій манитъ взоръ русскаго криминалиста оригинальными очертаніями англійскаго строя. Гдѣ, какъ не въ Англіи, слѣдуетъ намъ учиться и уваженію къ авторитету судьи, котораго «труднѣе сдвинуть съ судейскаго кресла, чѣмъ базальтовые утесы дороги Гигантовъ», и процессуальнымъ пріемамъ разсмотрѣнія дѣлъ, соединяющимъ въ себѣ разумную практичность съ щепетильнымъ отношеніемъ къ личной свободѣ? Зато процессуалистъ, который поставилъ бы себѣ задачею подъемъ науки уголовнаго процесса на надлежащую теоретическую высоту, тщетно ждалъ бы помощи со стороны англійской литературы; онъ нашелъ бы ее въ литературѣ германской и въ гораздо меньшей мѣрѣ во французской. А какъ мало у насъ сдѣлано для превращенія науки уголовнаго процесса изъ чисто описательной въ теоретическую, и какъ рано намъ ослаблять энергію, направленную на теоретическія исканія, это достаточно ярко иллюстрируется слѣдующимъ примѣромъ. Основное понятіе уголовнаго процесса есть понятіе уголовнаго иска. Если процессъ — уголовный, такъ же какъ и гражданскій, — можетъ быть уподобляемъ работѣ механизма, то рукоятью этого механизма или двигателемъ, обусловливающимъ его работу, является искъ. Казалось бы, что съ изслѣдованія понятія уголовнаго иска долженъ начинать свою работу каждый, кто спеціализируется въ области уголовнаго процесса; между тѣмъ въ русской процессуальной литературѣ нѣтъ безъ преувеличенія ни одной страницы, посвященной выясненію содержанія этого понятія, хотя и пишутся цѣлыя главы, посвященныя движенію уголовнаго иска.

Въ тѣсной связи съ первымъ упрекомъ, дѣлаемымъ германской юриспруденціи, находится и второй: она «мало считается съ новыми

Digitized by Google

теченіями уголовно-политической мысли въ другихъ государствахъ Запада»; именно въ этихъ другихъ странахъ, а не въ Германіи, возникли новыя теченія, представленныя трудами Ломброзо, Ферри, Тарда и ихъ продолжателей; въ Германіи же, по словамъ В. Д. Набокова, «въ области уголовной политики едва ли не наиболѣе яркимъ и выдающимся произведеніемъ нѣмецкой мысли слѣдуетъ признать извѣстную работу Миттельштедта «Gegen die Freiheitsstrafen» съ ея пламенной апологіей тѣлесныхъ наказаній и талантливыми призывами къ суровой безпощадности». Эту ссылку на работу Миттельштедта нельзя признать удачной уже потому, что вызвавшая въ свое время сенсацію брошюра Миттельштедта появилась въ 1879 г., т.-е. тогда, когда не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ Европы уголовной политики, какъ самостоятельной научной дисциплины, вообще не существовало.

Не станемъ спорить — въ германской литературѣ, отразившей новыя направленія въ уголовномъ правѣ, нѣтъ ничего, что могло бы итти въ сравненіе съ «La philosophie pénale» Тарда, но то же самое можно сказать и обо всякой другой литературѣ, ибо книга Тарда, каждая страница которой какъ бы переливается свѣтомъ иногда парадоксальной, но всегда яркой мысли, занимаетъ исключительное мѣсто въ міровой литературѣ науки уголовнаго права. Правда и то, что на долю германской криминалистической литературы не выпало чести подарить научному міру ни такого безспорно оригинальнаго сочиненія, какъ «Человѣкъ-преступникъ» Ломброзо, ни такого увлекательнаго трактата, какъ «Уголовная соціологія» Ферри. Но какъ взвѣсить сравнительную научную цѣнность, съ одной стороны, этихъ двухъ основоположническихъ для новыхъ теченій трудовъ, а съ другой — тѣхъ произведеній германскихъ криминалистовъ, которыя дали смѣлымъ новаторскимъ идеямъ недоставшую имъ научную шлифовку, и которыя способствовали ихъ переработкѣ въ практическіе лозунги, не только увлекающіе аудиторію, но и привлекающіе къ себѣ вниманіе законодателей? Какъ измѣрить, что представляется большимъ вкладомъ въ уголовную антропологію —четыреста работъ Ломброзо, другъ другу противорѣчащихъ, богатыхъ выводами, столь же поспѣшными, сколько ошибочными, или рядъ солидныхъ нѣмецкихъ работъ (Вульфена, Липмана, Ганса Гросса и др.), превратившихъ уголовную антропологію въ научно-обоснованую уголовную психологію? Что болѣе обогатило уголовную политику, какъ науку, и служащую для нея основаніемъ уголовную соціологію, — относящіяся къ этой области принципіально выдержанныя «Задачи уголовной политики» Листа вмѣстѣ съ его же статьями

Digitized by Google

«Преступленіе, какъ соціально-патологическое явленіе», «Общественные факторы преступности» и друг., или чрезвычайно популярная «Уголовная соціологія» Ферри, изобилующая такими сужденіями и предложеніями, которыя не имѣютъ никакой научной цѣнности, и во всякомъ случаѣ никакого отношенія къ наукѣ уголовнаго права? Въ самомъ дѣлѣ, можно ли придавать сколько-нибудь серьезное значеніе многимъ изъ тѣхъ предложеній, какія выставляются Ферри въ главѣ, громко названной имъ «Dei sostitutivi penali»? Къ числу такихъ «sostitutivi penali» («уголовныхъ замѣстителей») Ферри, какъ извѣстно, относитъ постройку домовъ, въ цѣляхъ предупрежденія кражъ, по такому типу, чтобы нельзя было пройти незамѣченнымъ мимо помѣщенія швейцара, предохранительныя цѣпи на входныхъ дверяхъ, рентгеноскопію багажа при таможенномъ досмотрѣ и т. п. Или имѣютъ ли какую-нибудь научную цѣнность разсужденія Ферри о судѣ присяжныхъ, когда въ этихъ разсужденіяхъ, впадая въ слишкомъ явное противорѣчіе съ своимъ соціалистическимъ credo, онъ стоитъ на почвѣ консервативнаго по самому существу своему органическаго ученія объ обществѣ и правѣ? Какъ было отмѣчено голландскимъ криминалистомъ и притомъ единомышленникомъ Ферри Бонгеромъ далеко несвободно отъ внутреннихъ противорѣчій и ученіе Ферри о факторахъ преступности.

Все это говорится нами не для того, чтобы умалить заслугу Ферри передъ наукой уголовнаго права — его «Уголовная соціологія», быть можетъ, больше, чѣмъ какая-либо другая работа, способствовала пропагандѣ соціологическаго направленія, — но только для того, чтобы показать, какъ легко можно, подчеркивая одно и закрывая глаза на другое, обезцѣнить научную мысль любой страны и, конечно, въ любой отрасли человѣческаго знанія.

При оцѣнкѣ заслугъ германскихъ криминалистовъ передъ уголовной политикой не слѣдуетъ, прежде всего, упускать изъ виду ни того, что по иниціативѣ Листа былъ основанъ международный союзъ криминалистовъ, ни того, что дѣятельность послѣдняго не осталась безъ вліянія на уголовно-политическую мысль законодателя. «Сравненіе новыхъ предположеній германскаго законодательства съ резолюціями этой организаціи, — отмѣчалъ П. И. Люблинскій въ рецензіи на книгу Е. Н. Ефимова «Природа преступленія», — показало бы, что не такъ уже мало уступокъ дѣлается въ немъ соціологическому направленію. Условное осужденіе, мѣры противъ опасныхъ рецидивистовъ, расширеніе судейскаго усмотрѣнія, признаніе уменьшенной вмѣняемости, мѣры безопасности, большій учетъ субъективнаго настроенія — все это должно быть отнесено на счетъ новаго направленія» (Ж. М. Ю. 1914 г. № 6).

Digitized by Google

Третью отрицательную сторону современной науки уголовнаго права В. Д. Набоковъ видитъ въ «тенденціи передовой нѣмецкой мысли не только подчинить всякую заботу о гарантіяхъ личныхъ правъ и личной свободы идеѣ государственной и соціальной пользы, но совершенно упразднить такія гарантіи въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ государственная или соціальная польза». Отчетливое проявленіе этой тенденціи В. Д. Набоковъ усматриваетъ въ постановкѣ вопроса о такъ наз. опасномъ состояніи.

Не можетъ быть сомнѣнія, конечно, въ томъ, что В. Д. Набоковъ вмѣняетъ въ вину нѣмецкой криминалистической мысли не самую постановку вопроса объ «опасномъ состояніи» лица, требующемъ спеціальныхъ мѣръ защиты общества, но то, какъ этотъ вопросъ ставится и разрѣшается: проявленную при этомъ нѣмецкими криминалистами готовность пожертвовать гарантіями личной свободы ради государственной и общественной пользы. Упрекъ справедливый, но слишкомъ очевидно, что не одни нѣмецкіе криминалисты въ немъ повинны. Какъ можно заключить изъ докладовъ В. Д. Набокова объ «опасномъ состояніи», пересоѣнка германскими криминалистами государственныхъ и общественныхъ интересовъ въ ущербъ гарантіямъ личной свободы имъ усматривается, во-первыхъ, въ допущеніи назначенія судомъ особыхъ мѣръ противъ опасныхъ преступниковъ не только въ зависимости отъ такихъ уголовно-юридическихъ признаковъ, какъ рецидивъ или профессіонализмъ, но и въ зависимости отъ такого, не поддающагося точному юридическому опредѣленію условія, какъ «общеопасность»; во-вторыхъ, въ стремленіи провести подъ флагомъ мѣръ безопасности неопредѣленные приговоры. Ту точку зрѣнія, которая, смѣшивая карательную дѣятельность государства съ иными формами принудительнаго съ его стороны воздѣйствія на личность, вноситъ въ уголовное правосудіе такой критерій, какъ «общеопасность» преступника, В. Д. Набоковъ назвалъ, — и на нашъ взглядъ, совершенно справедливо, — полицейской. Но, какъ онъ же указывалъ въ своемъ первомъ докладѣ объ «опасномъ состояніи», эта точка зрѣнія на Гамбургскомъ съѣздѣ, на которомъ вопросъ впервые былъ поставленъ съ полной опредѣленностью, была особенно ярко и притомъ сочувственно охарактеризована не нѣмецкими криминалистами, а профессоромъ Амстердамскаго университета фанъ-Гамелемъ. И въ самомъ дѣлѣ, Листъ только замѣтилъ, что понятіе рецидива и «общеопасности» преступника не совпадаютъ другъ съ другомъ, и что объ общеопасности можно говорить и при отсутствіи рецидива; точки же надъ і были поставлены голландцами — Энгеленомъ и фанъ-Гамелемъ, заявившими, что нецѣлесообразно

Digitized by Google

для рѣшенія вопроса, должны ли быть приняты наиболѣе энергичныя мѣры противъ преступника, дожидаться, пока онъ совершитъ новое преступленіе, если уже первое свидѣтельствуетъ объ его общеопасности[1]).

Нѣмецкіе криминалисты — авторы контръ-проекта уголовнаго уложенія — не пошли по этому пути, не сочли возможнымъ ограничиться установленіемъ склонности къ преступленію (Hang zum Verbrechen), какъ условія, достаточнаго для принятія мѣръ соціальной защиты. Вмѣсто этого, принявъ «систему, сочетающую формальный признакъ рецидива съ субъективной оцѣнкой, рисующей преступника, какъ привычнаго и притомъ опаснаго для правопорядка», они формулировали § 98 Gegenentwurf'a, который В. Д. Набоковъ въ своемъ докладѣ конгрессу Международнаго Союза Криминалистовъ въ Копенгагенѣ призналъ «образцовымъ».

Что касается абсолютно неопредѣленныхъ приговоровъ, введенія которыхъ — и притомъ въ худшей, въ замаскированной формѣ — добиваются въ цѣляхъ борьбы съ «общеопасными» преступниками нѣкоторые нѣмецкіе криминалисты, то мы вполнѣ раздѣляемъ отрицательное отношеніе В. Д. Набокова къ институту неопредѣленныхъ приговоровъ, считая, какъ и онъ, что возможныя практическія выгоды отъ введенія этого института, противорѣчащаго основнымъ принципамъ уголовнаго правосудія, покупались бы слишкомъ дорогой цѣной. Насъ также шокируютъ слова Листа: «мы должны держать этихъ (т.-е. общеопасныхъ) людей столько, сколько понадобится, эвентуально-пожизненно». Однако, не слѣдуетъ забывать, что идея неопредѣленныхъ приговоровъ не германскаго, а американскаго происхожденія, и нѣтъ основаній ставить ее въ пассивъ именно германской юридической мысли. Кромѣ того, идея эта имѣетъ своихъ сторонниковъ среди виднѣйшихъ европейскихъ криминалистовъ за предѣлами Германіи. Такое же положеніе, какъ Листъ въ Германіи, занимаетъ Прэнсъ въ Бельгіи; а между тѣмъ, этотъ ученый, принадлежащій вмѣстѣ съ Листомъ къ числу руководителей международнаго союза криминалистовъ, отстаиваетъ абсолютно неопредѣленные приговоры, доказывая въ своей книгѣ «La defense sociale» (1910), что возраженія противъ института неопредѣленныхъ приговоровъ подсказываются больше всего безотчетною вѣрностью нѣсколько устарѣлымъ «положеніямъ публичнаго права 1789 г.»

Но не только направленіе германской науки уголовнаго права подверглось осужденію со стороны петроградскихъ криминалистовъ.

---

[1]) Mitteil, der Intern. Krim. Ver. 1906. Bd. XIII. Ht. 2. стр. 437 и слѣд.

Digitized by Google

Нѣмцы, — утверждаетъ В. Д. Набоковъ, — даже писать не умѣютъ какъ слѣдуетъ; за немногими исключеніями, — такими, какъ Моммзенъ или Іерингъ, — они выражаютъ свои мысли «темно и вяло», «суконнымъ языкомъ». Едва ли и самъ уважаемый В. Д. Набоковъ придаетъ серьезное значеніе этому утвержденію. Достаточно вспомнить имена Листа, Липмана, Радбруха, чтобы назвать только криминалистовъ и притомъ только современныхъ, умѣющихъ облекать свои мысли въ форму отчетливую, лаконически рѣшительную, а иногда и художественную. Умѣнье Листа предлагать своимъ читателямъ и слушателямъ свои идеи «in kristallklarer Weise», какъ говорятъ нѣмцы, является прямо-таки классическимъ.

Все предыдущее сказано нами, конечно, не для возвеличенія германской науки уголовнаго права надъ англійской, французской или какой либо другой. Напротивъ, мы считаемъ безусловно вѣрною мысль В. Д. Набокова и П. И. Люблинскаго о необходимости большаго, чѣмъ прежде, вниманія къ литературамъ другихъ странъ, но — suum cuique. Будемъ учиться у англичанъ ихъ умѣнью практически разрѣшать новыя правовыя проблемы, отдадимъ должное паѳосу мысли французскихъ криминалистовъ, которая и теперь вдохновляется преданностью великимъ началамъ «декларацiи правъ», будемъ присматриваться къ постоянному «горѣнiю идей» въ итальянской криминалистической литературѣ, но будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнить по достоинству теоретическую углубленность германской литературы и по германскимъ образцамъ учиться дисциплинѣ ума и изощреннымъ техническимъ пріемамъ научной работы, безъ которыхъ невозможны прочныя завоеванія въ области мысли.

Вѣрнымъ намъ кажется и еще одно указаніе В. Д. Набокова, а именно на обособленность нѣмецкой науки, на нѣкоторое, не лишенное шовинистическаго оттѣнка, высокомѣріе, проявляющееся въ томъ, что въ своихъ многочисленныхъ Handbuch'ахъ и Lehrbuch'ахъ нѣмецкіе ученые рѣдко и мало удѣляютъ вниманія работамъ иностранныхъ юристовъ. Вотъ отъ этого шовинизма въ наукѣ упаси насъ Богъ!

Во вступительной части своего доклада В. Д. Набоковъ формулировалъ два, едва ли легко примиримыя другъ съ другомъ, положенія: съ одной стороны, «было бы дико и нелѣпо подходить къ той или другой научной истинѣ, къ великому научному открытію съ національнымъ критеріемъ», съ другой стороны, «поскольку они (духовныя созданія) носятъ на себѣ отпечатокъ германскаго духа, поскольку въ нихъ сказались особенности германскихъ взглядовъ, поскольку они духъ отъ духа и плоть отъ плоти современной Германіи, — постольку они намъ духовно чужды и противны».

Digitized by Google

Намъ кажется правильнымъ первое положеніе, но намъ было бы трудно согласиться со вторымъ. Противно нѣмецкое мѣщанское самодовольство, несносенъ германскій милитаризмъ, но есть другія черты германскаго духа, которымъ германская наука обязана и своею продуктивностью и своимъ вліяніемъ. Въ октябрьской книжкѣ «Русской Мысли» за прошлый годъ была напечатана прекрасная статья С. Л. Франка «О духовной сущности Германіи». Въ ней авторъ отмѣчаетъ, что въ современной войнѣ нѣмцы проявили не только грубую заносчивость, дерзостное самомнѣніе и матеріализмъ своихъ стремленій, но также и сильную волю, большую солидарность, глубокое чувство долга, систематичность и планомѣрность въ работѣ и то практическое довѣріе къ знанію, благодаря которому теорія скоро превращается въ практику или даже въ технику дѣла. Не тѣ же ли черты германскаго духа или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ продуманная планомѣрность и практическое довѣріе къ знанію, находятъ себѣ проявленіе и въ германской наукѣ, и не имъ ли она обязана тѣмъ успѣхомъ и тѣмъ вліяніемъ, которыми она до сихъ поръ пользовалась?

Конечно, и германскій милитаризмъ не остался безъ вліянія на германскую юриспруденцію,—въ частности, на науку уголовнаго права. Такъ, напр., не безъ основанія, какъ намъ кажется, С. П. Мокринскій видитъ въ теоріи Биндинга, разсматривающей наказаніе, какъ осуществленное право на повиновеніе государственной нормѣ въ цѣляхъ необходимаго поддержанія авторитета нарушенныхъ законовъ, «рефлексъ внѣшняго милитаризма на внутреннихъ отношеніяхъ», — рефлексъ, заставляющій Биндинга «искренне вѣрить въ то, что нельзя не почувствовать уваженія къ силѣ, когда воочію познакомишься съ ея проявленіемъ» (Мокринскій, Наказаніе, ч. I, стр. 55). Но намъ нѣтъ основаній опасаться отраженій милитаризма въ нашей юриспруденціи черезъ посредство германской. При всей молодости нашей науки, при всемъ различіи существующихъ въ ней направленій, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для ея развитія, у нея есть, къ счастью, свои добрыя традиціи, которыя дѣлаютъ ее глухой ко многимъ голосамъ, раздающимся на Западѣ. Среди западно-европейскихъ выдающихся криминалистовъ есть немало сторонниковъ смертной казни; однако, ихъ «ученая» аргументація была безсильна убѣдить хотя бы одного изъ русскихъ криминалистовъ. Та же добрая традиція, которой всѣ русскіе криминалисты остаются вѣрны, когда имъ приходится высказываться о смертной казни, оберегетъ русское правовѣдѣніе и отъ всякаго культа грубой силы.

Digitized by Google

Чтобы исчерпать вопросы, поднятые статьей В. Д. Набокова, намъ остается высказаться по поводу тѣхъ внѣшнихъ формъ разрыва съ германскимъ научнымъ міромъ, которыя намѣчаются въ этой статьѣ. Во-первыхъ, В. Д. Набоковъ предполагаетъ, что непосредственныя сношенія русскихъ ученыхъ съ германскими, прерванныя войной, не возобновятся послѣ заключенія мира, и что русская молодежь больше уже не будетъ толпиться въ аудиторіяхъ Берлина и Лейпцига, во-вторыхъ, авторъ сочувственно передаетъ предложеніе редактора «Revue pénitentiaire» Rivière'a созвать конференцію участниковъ международнаго союза криминалистовъ, за исключеніемъ австро-германцевъ, которая провозгласитъ прежній союзъ упраздненнымъ и учредитъ новую организацію, безъ участія Германіи (и Австріи?).

На нашъ взглядъ, было бы преждевременно теперь уже предрѣшать вопросъ о непосредственныхъ сношеніяхъ германскихъ и русскихъ ученыхъ. Если представить себѣ невѣроятное, — то, о чемъ и подумать страшно было бы, а именно, что побѣдительницей изъ войны выйдетъ Германія, то уязвленное чувство національной гордости естественно, если не сдѣлаетъ совсѣмъ невозможнымъ, то затруднитъ поѣздки русскихъ въ Германію для работы въ семинаріяхъ германскихъ университетовъ и въ германскихъ библіотекахъ. Но если окончательная побѣда окажется за нами и нашими союзниками, тогда для каждаго русскаго будетъ легко и просто послѣдовать примѣру царя, который первый пріобщилъ Россію къ европейскому просвѣщенію, и который «съ побѣжденными садился за дружелюбные пиры».

Что касается предложенія созвать международную конференцію безъ участія австро-германцевъ, для учрежденія новаго союза криминалистовъ, то предложеніе это намъ представляется несогласнымъ съ общепризнаннымъ космополитизмомъ науки, духъ которой вѣетъ идѣже хощетъ, и передъ которой, какъ и передъ религіей, нѣтъ ни эллина, ни іудея. Мы еще поняли бы предложеніе исключить изъ союза нѣмецкихъ ученыхъ, подписавшихъ извѣстный манифестъ, но исключать членовъ союза только по національному признаку — это значило бы, какъ намъ кажется, вносить нездоровую политическую струю въ большую, полную общественнаго значенія работу, которую дѣлаетъ международный союзъ криминалистовъ.

Суживать сферу международнаго общенія не въ интересахъ русской науки. Такое сужепіе, говоря авторитетными словами нашей академіи наукъ, высказавшейся по вопросу объ исключеніи изъ ея списковъ австрійскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, «было бы тѣмъ прискорбнѣе, чѣмъ болѣе вѣроятно что значеніе международ-

Digitized by Google

наго сотрудничества для успѣховъ науки съ особой силой проявится послѣ войны». Было бы жаль, если бы русскіе криминалисты присоединили свой голосъ къ требованію объ исключеніи изъ международнаго союза всѣхъ не только германскихъ, но и австрійскихъ ученыхъ. Цитированное постановленіе академіи наукъ должно послужить для нихъ поучительнымъ примѣромъ. «Твердо вѣря, — говорится въ этомъ постановленіи, — въ полный успѣхъ борьбы, академія не сомнѣвается въ томъ, что у великомощной и великодушной Россіи въ избыткѣ найдутся дѣйствительныя средства, при помощи которыхъ она сумѣетъ отстоять независимость своей культуры и заставитъ признать ея значеніе для развитія общеевропейской цивилизаціи».

Какъ бы и какія бы страсти ни разгорались — національныя, политическія или какія-либо иныя, — достоинство науки заключается въ томъ, чтобы быть нейтральной областью. Всякій, вступающій въ эту область, обязанъ сложить все свое оружіе, кромѣ одного, — того, которое выковывается въ горнилѣ научной работы, въ спокойномъ и ровномъ пламени научной мысли.

Н. Полянскій.

Digitized by Google

Кризисъ понятія нейтралитета.

(По поводу нейтралитета Греціи и Персіи).

Употребляя выраженіе Іеринга, можно сказать, что происходящая теперь война это не споръ государствъ передъ форумомъ международнаго права, а скорѣе апелляція на положенія международнаго права къ трибуналу всемірной исторіи. Настоящая война это — революція въ международной жизни, это — переоцѣнка международныхъ нормъ. Кровавый свѣтъ зарева пожаровъ освѣтилъ многія темныя юридическія категоріи и заставилъ пересмотрѣть многія признанныя утвержденія. Къ числу таковыхъ несомнѣнно относятся и нормы, опредѣляющія права и обязанности нейтральныхъ государствъ. Вопросъ о томъ, какъ должны вести себя невоюющія государства въ теченіе теперешней великой войны народовъ, является однимъ изъ самыхъ острыхъ, если даже не самымъ острымъ вопросомъ, выдвинутымъ текущими событіями. Военныя дѣйствія начались нарушеніемъ со стороны Германіи нейтралитета Бельгіи и Люксембурга. Были со стороны нѣмцевъ попытки нарушить нейтралитетъ Швейцаріи. Не прошелъ еще первый взрывъ общественнаго негодованія по поводу этихъ дѣйствій германцевъ, какъ возникли чрезвычайно горячія обвиненія Англіей, Германіей и С.-А. Соединенными Штатами другъ друга въ нарушеніи нормъ нейтралитета въ морской войнѣ. Я не могу здѣсь останавливаться на выясненіи справедливости или несправедливости этихъ взаимныхъ обвиненій. Сошлюсь только на г. А. Соболева, который въ рядѣ очерковъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Морской Сборникъ» и посвященныхъ разбору вопроса о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ въ морской войнѣ, приходитъ къ выводу, что «право нейтралитета переживаетъ кризисъ, что оно почти исчезаетъ за военными событіями, съ нимъ едва считаются»...

Въ то время какъ морскія державы обвиняли другъ друга въ несоблюденіи правъ и обязанностей нейтралитета въ морской войнѣ, Россія спорила съ Болгаріей и Румыніей по поводу того, что послѣд-

Digitized by Google

нія пропускали въ Турцію военные припасы и снаряды; по поводу того, что переодѣтые нѣмецкіе офицера проѣзжали черезъ болгарскую и румынскую территоріи въ Турцію; по поводу того, что нѣкоторые изъ нихъ поступали на службу въ болгарскую армію; наконецъ, даже по поводу того, что Болгарія занимала деньги у нашихъ враговъ. Несомнѣнно, съ формальной стороны многія изъ этихъ обвиненій совершенно неосновательны. Такъ, напр., не подлежитъ никакому вопросу, что нейтральное государство можетъ принимать къ себѣ на службу кого ей угодно и имѣетъ полное право занимать деньги, гдѣ найдетъ это для себя болѣе выгоднымъ. Однако по существу обвиненія эти вполнѣ справедливы, такъ какъ пропускомъ снарядовъ и фуража въ Турцію была оказана большая поддержка нашимъ противникамъ, а заемъ денегъ у нѣмцевъ и принятіе на службу германскихъ офицеровъ явились яркимъ показателемъ сближенія «нейтральной» Болгаріи съ германо-австро-турецкимъ союзомъ. Въ данномъ случаѣ нормы права оказались несоотвѣтствующими жизни, и жизнь явилась болѣе логичной, чѣмъ онѣ. Итакъ, мы видимъ, что нарушеніемъ нейтралитета было признано то, что, согласно постановленіямъ второй Гаагской конференціи, впервые опредѣленно установившей права и обязанности нейтральныхъ государствъ, таковымъ не является. Но текущія событія намъ показываютъ и явленія совершенно обратныя только что приведеннымъ. Мы можемъ наблюдать, что не считаются враждебными такіе поступки, которые, согласно признаннымъ нормамъ международнаго права, несомнѣнно, являются нарушеніемъ нейтралитета. Таковы поступки Персіи и Греціи. Какъ извѣстно, Персія не противилась вторженію въ свои предѣлы турецкихъ войскъ, хотя она это и обязана была сдѣлать согласно ст. V 5-й конвенціи гл. I о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ Державъ. Однако, несмотря на то, что турецкая армія была встрѣчена персами очень сочувственно, ни Россія, ни Англія не перестали считать Персію нейтральнымъ государствомъ, не объявили ей войну, а просто вступили въ предѣлахъ Персіи въ борьбу съ турками и изгнали ихъ изъ Керманшаха. Съ своей стороны и Персія не сочла нарушеніемъ своего нейтралитета то, что наши войска сражались съ турецкими въ предѣлахъ ея территоріи. Здѣсь мы какъ бы видимъ возвращеніе къ тому пониманію правъ и обязанностей нейтралитета, котораго держались въ средніе вѣка и въ началѣ новаго времени, пониманія, согласно которому пропускъ воюющихъ черезъ нейтральную территорію не считался нарушеніемъ нейтралитета въ томъ случаѣ, если этотъ пропускъ предоставлялся одинаково обѣимъ сторонамъ. Однако относительно

Digitized by Google

Персіи могутъ сказать, что она въ счетъ не идетъ, такъ какъ въ сущности не является самостоятельнымъ государствомъ. Но то же пониманіе правъ и обязанностей нейтралитета мы видимъ и со стороны Греціи. Какъ всѣмъ извѣстно, греки пропустили черезъ свою землю десантъ союзниковъ на помощь сербамъ. Правда, греческое правительство заявило формальный протестъ противъ десанта, но, тѣмъ не менѣе, оказывало англо-французскимъ войскамъ не сопротивленія, какъ это оно обязано было дѣлать согласно Гаагской конференціи, а, наоборотъ, союзники были встрѣчены въ Греціи чрезвычайно радушно. Но, что особенно характерно, и наши враги не усмотрѣли въ этомъ нарушеніе нейтралитета со стороны Греціи и не объявили послѣдней войну. Если слабыя Персія и Греція, подобно небольшимъ государствамъ среднихъ вѣковъ и начала новаго времени, пропускаютъ черезъ свои земли арміи борящихся сторонъ, то Германія могла вѣдь съ этимъ не согласиться. И однако она по крайней мѣрѣ до поры до времени признаетъ нейтралитетъ Греціи. Это происходитъ потому, что, по мнѣнію нѣмцевъ, въ настоящее время даже худой миръ съ греками лучше какой бы то ни было ссоры.

Такимъ образомъ мы видимъ, что нарушеніемъ нейтралитета теперь часто считаютъ то, что, согласно постановленіямъ Гаагской конференціи, таковымъ не является и, наоборотъ, не считаются нарушеніемъ нейтралитета такіе поступки, которые считались несовмѣстимыми съ положеніемъ нейтралитета. Несомнѣнно, мы наблюдаемъ кризисъ понятія нейтралитета. Для того, чтобы уяснить себѣ смыслъ этого кризиса, необходимо остановиться на выясненіи того, что̀ понималось подъ словомъ нейтралитетъ въ современномъ международномъ правѣ.

Большинство современныхъ ученыхъ понимаютъ нейтралитетъ, какъ одинаковое отношеніе къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, какъ извѣстный animus безпристрастія [1]). Изъ понятія этого animus'а названные ученые и стараются выводить права и обязанности нейтральныхъ государствъ для отдѣльныхъ конкретныхъ

[1]) Блюнчли въ Das moderne Völkerrecht пишетъ: «Neutral sein heisst Nichtbeteiligung an dem Kriege dritter und daher Behauptung der Friedensordnung für den eignen Bereich»; Геффтеръ въ Europäischen Völkerrecht утверждаетъ, что обязанностью нейтральныхъ является «Fortbestand aller Rechte des Friedens mit Parteilosigkeit und ohne Feindseligkeit gegen die Kriegsführenden»; Листъ, Международное право въ систематическомъ изложеніи, изд. 1912, стр. 439: «Для нейтральныхъ державъ (medii in bello) война является res inter alios gesta. Взгляда на нейтралитетъ какъ на полнѣйшее безпристрастіе нейтральныхъ — равнодушіе и безучастіе—держатся Pasquale Fiore, Nouveau droit international public, trad. par Pradier-Todéré. t. II, p. 361; Phillimore, Commentaries, t. III, p. 226; Rolin-Jacquemins, Revue de droit internat., t. III, p. 113, и мн. др.

Digitized by Google

случаевъ. При этомъ (на чемъ мы остановимся подробнѣе, когда будемъ разбирать постановленія второй Гаагской конференціи) эти права и обязанности различными интернаціоналистами понимаются далеко не одинаково.

Однако нейтралитетъ можно понимать не только какъ безпристрастное, одинаковое отношеніе ко всѣмъ воюющимъ державамъ, но и болѣе формально[1]). Подъ нейтралитетомъ можно понимать «невоеваніе». Согласно такому пониманію нейтралитета, послѣдовательно проведеннаго до конца, нейтральнымъ является всякое невоюющее государство, хотя бы оно и оказывало явную поддержку какой-либо изъ воюющихъ сторонъ. Этого пониманія нейтралитета держатся всѣ тѣ ученые[2]), которые говорятъ, что нейтралитетъ можетъ быть доброжелательнымъ и недоброжелательнымъ. Напротивъ, тѣ интернаціоналисты, которые видятъ въ нейтралитетѣ прежде всего animus безпристрастнаго отношенія къ воюющимъ государствамъ, должны (какъ это и дѣлаютъ, напр., Листъ и Ривье) отказываться считать недоброжелательный нейтралитетъ «настоящимъ» нейтралитетомъ.

Итакъ, мы установили, что нейтралитетъ можно понимать 1) какъ animus равнаго отношенія къ воюющимъ и 2) какъ corpus невоеванія. Ни съ точки зрѣнія того, ни съ точки зрѣнія другого пониманія нейтралитета нельзя заранѣе установить правъ и обязанностей нейтралитета. Въ самомъ дѣлѣ, если нейтралитетъ понимать какъ извѣстный animus, какъ стремленіе одинаково относиться къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и не помогать ни одной изъ нихъ въ ущербъ другой, то, съ точки зрѣнія этого пониманія, совершенно противоположныя дѣйствія должны считаться совмѣстимыми съ понятіемъ нейтралитета (напримѣръ, одинаковое дозволеніе пройти черезъ нейтральную территорію арміямъ обѣихъ воюющихъ сторонъ и одинаковое запрещеніе имъ пройти черезъ нейтральную землю). Но эти же самыя дѣйствія должны иногда разсматриваться и какъ явная помощь одной изъ воюющихъ державъ въ ущербъ ея противникамъ. (Напримѣръ отказъ Греціи въ пропускѣ десанта союзниковъ въ Сербію былъ бы, если бы онъ имѣлъ мѣсто, явной услугой Германіи и Болгаріи, точно такъ же какъ отказъ Бельгіи въ пропускѣ германскихъ войскъ во Францію былъ не-

[1]) Ф. Ф. Мартенсъ, Современное международное право. П. 1887 г., стр. 544: «Подъ нейтралитетомъ разумѣется то положеніе, въ которомъ находятся государства, не принимающія активнаго участія въ войнѣ, существующей между другими державами»; на слѣдующей страницѣ онъ пишетъ, что мнѣніе будто нейтралитетъ есть безпристрастіе противорѣчитъ фактамъ и отрицаетъ самую основу международнаго права, международное общеніе государствъ.

[2]) См. Calvo, Le droit internat. théorique... Ft. IV, p. 408.

Digitized by Google

сомнѣнно очень выгоденъ для послѣдней и, стало быть, очень невыгоденъ для центральныхъ имперій).

Если нейтралитетъ разсматривать какъ animus безпристрастнаго отношенія къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, то нужно признать, что въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ только и можно (и то не всегда) рѣшить, какъ нужно поступать для того, чтобы не оказать услугу какой-либо изъ воюющихъ державъ въ ущербъ ея противнику. Заранѣе установить этого нельзя. Однако иногда даже и въ конкретномъ случаѣ нельзя рѣшить, какъ вести себя для того, чтобы не помогать однимъ воюющимъ во вредъ другимъ. Иногда нельзя быть нейтральнымъ, такъ какъ всякій поступокъ оказывается помощью какой-либо изъ воюющихъ сторонъ. Не только для государства, но и для отдѣльнаго человѣка нельзя установить наперед правилъ безпристрастнаго поведенія. Поэтому, съ точки зрѣнія того пониманія нейтралитета, согласно которому нейтралитетъ — это одинаковое отношеніе къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ, нельзя заранѣе опредѣлить права и обязанности нейтралитета. Съ этой точки зрѣнія нейтралитетъ является не опредѣленнымъ раціонально понятіемъ, это — извѣстная внутренняя связанность, не могущая быть формулированной строго юридически. Въ этомъ отношеніи понятіе нейтралитетъ подобно понятію парламентаризма.

Но и съ второй изъ намѣченныхъ нами точекъ зрѣнія на сущность нейтралитета, точки зрѣнія, согласно которой нейтралитетъ это — «невоеваніе» тоже нельзя формулировать права и обязанности нейтралитета. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой, второй, точки зрѣнія нейтралитетъ опредѣляется чисто формальнымъ признакомъ. Нейтрально всякое государство, которое не объявило войны или которому не объявили войны (хотя бы оно подъ видомъ недоброжелательнаго нейтралитета и принимало участіе въ войнѣ подобно тому, какъ въ русско-японскую войну Англія принимала участіе на сторонѣ Японіи, а въ настоящее время Персія принимаетъ участіе въ войнѣ на сторонѣ Турціи). Но объявленіе войны есть дѣло политическихъ соображеній. Нѣтъ установленныхъ поводовъ къ объявленію войны. Поводы эти придумываются ad hoc. Вслѣдствіе этого нельзя заранѣе установить, какія дѣйствія нейтральныхъ государствъ будутъ сочтены воюющими достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы объявить имъ войну. Такъ же точно нельзя заранѣе установить, какія дѣйствія воюющихъ государствъ могутъ заставить нейтральныхъ перестать быть таковыми.

Такимъ образомъ права и обязанности нейтральныхъ государствъ и съ этой точки зрѣнія не могутъ быть заранѣе точно опредѣлены. Поэтому не удивительно, что мнѣнія ученыхъ относительно правъ и

Digitized by Google

обязанностей нейтральныхъ государствъ всегда сильно расходились, и что общаго международнаго соглашенія, предусматривающаго эти права и обязанности для всѣхъ будущихъ сухопутныхъ войнъ до второй Гаагской конференціи не было. Правда, въ стт. 53—56 Брюссельской конвенціи мы находимъ постановленія о водвореніи воюющихъ и о пользованіи раненыхъ въ нейтральной странѣ. Однако, не говоря уже о томъ, что постановленія Брюссельской конференціи не были ратифицированы, эти статьи касались лишь небольшой части правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ. Въ виду этого на первой Гаагской конференціи въ 5-мъ и въ 6-мъ засѣданіи 2-й подкомиссіи, происходившихъ 3 и 6 іюня 1899 г. подъ предсѣдательствомъ Мартенса и посвященныхъ пересмотру стт. 53—56 Брюссельской конференціи, Люксембургскій представитель Эйшенъ поднялъ вопросъ о необходимости установить права и обязанности нейтральныхъ государствъ. Это предложеніе Люксембургскаго представителя станетъ вполнѣ понятнымъ, если имѣть въ виду, что Люксембургъ лежитъ на дорогѣ изъ Франціи въ Германію и что въ 1871 г. во время франко-прусской войны войска Наполеона III прошли черезъ Люксембургскую территорію. Люксембургъ по договору нейтралитета лишенъ права имѣть армію, и французскія войска прошли его совершенно свободно. Но это вызвало рѣзкій протестъ со стороны Бисмарка. Для того, чтобы впредь оградить себя отъ вторженія воюющихъ и отъ обвиненій въ нарушеніи нейтралитета, Люксембургъ и предложилъ формулировать права и обязанности нейтральныхъ государствъ въ сухопутной войнѣ. Однако предложеніе г. Эйшена не было принято. Подкомиссія нашла, что оно выходитъ за предѣлы ея компетенціи, и въ частности представитель Франціи г. Одье и представитель Болгаріи г. Станціевъ заявили, что они не уполномочены обсуждать этотъ вопросъ. Поэтому въ 1899 г. ограничились выраженіемъ пожеланія, чтобы въ слѣдующую конференцію этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ.

Во исполненіе этого пожеланія въ 5-мъ засѣданіи 2-й Гаагской конференціи 7-го сентября 1907 г. были приняты постановленія о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ.

«Не больше чѣмъ авторы регламента 1899 г.,— говорилъ въ этомъ засѣданіи докладчикъ 2-й комиссіи полковникъ Борель, — мы можемъ думать, что предусмотримъ всѣ права и обязанности нейтральныхъ, о которыхъ трактуетъ теорія, и мы ограничились лишь тѣмъ, что урегулировали нѣкоторые вопросы, которые намъ показались особенно важными и которые было можно опредѣлить, такъ какъ по нимъ мнѣнія болѣе или менѣе сходятся». «Безъ сомнѣнія, — говорилъ тогда же отъ имени Франціи генералъ Амурель, — проектъ

Digitized by Google

правъ и обязанностей нейтральныхъ очень не полонъ. Но онъ является только базой для опредѣленія правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ, но не исчерпывающимъ ихъ перечнемъ». Комиссія задавалась вопросомъ, нужно ли формулировать права и обязанности, только обращаясь къ нейтральнымъ государствамъ или же и обращаясь къ воюющимъ.

Представитель Бельгіи сказалъ, что многія обязанности касаются вопроса о переходѣ непріятельской арміи на нейтральную территорію и что въ данномъ случаѣ нужно не только обязать нейтральныхъ не пропускать черезъ свою территорію войска воюющихъ, но и обязать воюющихъ не переходить черезъ землю нейтральныхъ. Это показываетъ, что уже въ 1907 г. Бельгія опасалась, что въ случаѣ Великой войны ея территорія будетъ занята войсками одной изъ воюющихъ сторонъ. Въ это же время бельгійскій генеральный штабъ совмѣстно съ англійскимъ вырабатывалъ планъ десанта англійскихъ войскъ на континентъ въ случаѣ вторженія германцевъ во Францію черезъ Бельгію. (См. донесеніе ген. Дюкарна бельгійскому военному министру о переговорахъ его имѣвшихъ мѣсто въ апрѣлѣ 1906 г. съ англійскимъ полковникомъ Барнадистономъ. «Нейтралитетъ Бельгіи. Официальное изданіе Бельгійскаго Правительства стр. 151». Поэтому она и предложила 1 ст. конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ въ сухопутной войнѣ. «Территорія нейтральныхъ государствъ неприкосновенна».

Великобританія была особенно заинтересована въ томъ, чтобы бельгійская территорія въ случаѣ войны не была оккупирована ни одною изъ воюющихъ сторонъ. Еще въ 1871 г. она обращалась къ Франціи и Пруссіи съ предложеніемъ не занимать во время войны войсками Бельгіи. Обѣ воюющія стороны тогда приняли предложеніе Англіи и потвердили, что они будутъ признавать актъ 1839 г., гарантировавшій Бельгіи ея неприкосновенность. Но Великобританія хотѣла, чтобы неприкосновенность Бельгійской территоріи была еще разъ гарантирована, и поэтому предложила 2-ю статью конвенціи о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ въ сухопутной войнѣ. Въ этой статьѣ было постановлено: «Воюющимъ воспрещается провозить черезъ территорію нейтральной державы войска или обозы съ военными и съѣстными припасами». Эти постановленія были предложены явно въ предвидѣніи возможности Великой войны. Въ теоріи же международнаго права и въ предшествующей практикѣ запрещеніе прохода воюющихъ армій черезъ землю нейтральныхъ не всегда считалось нарушеніемъ нейтралитета. Такъ, напр., Wheaton, Trawer-Twiss, Блюнчли и денъ-Бееръ-

Digitized by Google

Португэль думаютъ, что пропускъ войска черезъ нейтральную территорію не всегда является нарушеніемъ нейтралитета. Въ этомъ отношеніи названные интернаціоналисты согласны съ мнѣніемъ старыхъ писателей, какъ, напр., Ваттеля, Гроція и Бинкересхука, которые считали, въ случаѣ настоятельной необходимости, дозволительнымъ вводить войска на нейтральную территорію. Большинство интернаціоналистовъ XVIII вѣка, какъ, напр., Мартенсъ, Клюберъ и др., стояли на такой же точкѣ зрѣнія. Практика также часто держалась этой точки зрѣнія. Напримѣръ, во время 30-лѣтней войны проходы черезъ нейтральную территорію были чрезвычайно часты, однако и въ XIX вѣкѣ случались прохожденія по нейтральной территоріи. Такъ, въ Австро-итальянскую войну 1859 г. Баварія и Саксонія дозволили пройти двумъ австрійскимъ бригадамъ изъ Богеміи въ Тироль, т.-е. изъ одной части Австріи въ другую черезъ нейтральную землю. Несмотря на это, многіе изъ современныхъ интернаціоналистовъ (назовемъ Мартенса, Бульмеринка, Ниса, Швейцера) считаютъ, что нейтральное государство не должно пропускать черезъ свою территорію войска воюющихъ. Этого мнѣнія отчасти придерживается и практика XIX вѣка. Такъ, проходъ союзниковъ черезъ Швейцарію во Францію въ 1813—15 гг. разсматривался ими самими какъ нарушеніе нейтралитета. Въ 1859 г. Парма была занята пьемонтцами послѣ того, какъ она, несмотря на свой нейтралитетъ, позволила проходъ сопернику Пьемонта. Точно такъ же Турція перестала считать Румынію нейтральной послѣ того, какъ послѣдняя въ 1877 г. пропустила въ Болгарію русскія войска.

Итакъ, мы видимъ, что вопросъ о томъ, допустимъ ли пропускъ войскъ черезъ территорію нейтральнаго, рѣшался до 1907 г. различно Гаагская же конференція, по иниціативѣ заинтересованныхъ въ запрещеніи прохода войска черезъ нейтральныя земли, Люксембурга, Бельгіи и Англіи, запретила проходить войскамъ воюющихъ черезъ невоюющія страны. По предложенію Англіи же была принята ст. 3: «Равнымъ образомъ воспрещается: а) устраивать на территоріи нейтральной державы станціи безпроволочнаго телеграфа или всякаго рода приспособленія, предназначенныя служить средствомъ сообщенія съ самими воюющими какъ на морѣ, такъ и на сушѣ». А по предложенію Японіи было принято запрещеніе; «б) пользоваться всякимъ сооруженіемъ такого рода, установленнымъ ими передъ войною на территоріи нейтральной державы, въ цѣляхъ исключительно военныхъ и не открытымъ для надобностей общаго пользованія».

Эти положенія статьи 3-й являются логическимъ развитіемъ положенія, выставленнаго въ ст. 2-й. Статья 4-я запрещаетъ на нейтраль-

Digitized by Google

ной территоріи формировать военные отряды и открывать учрежденія для вербовки. Ст. 5 гласитъ что нейтральныя государства не должны допускать на своей территоріи дѣлать все то, что стт. 2—4 запрещаютъ дѣлать воюющимъ. Ст. 6, принятая противъ предложенія Германіи, объявляетъ, что нейтральное государство неотвѣтственно за то, что его подданные вступаютъ въ ряды воюющихъ армій. Ст. 7 разрѣшаетъ нейтральному государству вывозъ и транзитъ амуниціи, фуража и вообще всего того, что можетъ быть полезно одному изъ воюющихъ государствъ. Ст. 8 разрѣшаетъ нейтральному государству пропускать по своимъ телефоннымъ и телеграфнымъ проводамъ извѣстія отъ воюющихъ. При обсужденіи этой статьи представитель Англіи заявилъ, что нейтральное государство не должно въ данномъ случаѣ дѣлать предпочтеніе одной изъ воюющихъ сторонъ передъ другой. Это и было постановлено въ ст. 9-й. Наконецъ, ст. 10 гласитъ, что не можетъ считаться нарушеніемъ нейтралитета, если нейтральное государство защищаетъ свой нейтралитетъ военной силою. Эта статья, поддержанная представителями небольшихъ и въ особенности представителями постоянно нейтральныхъ государствъ, введена съ тою цѣлью, чтобы предоставить постоянно нейтральнымъ государствамъ право оставаться постоянно нейтральнымъ и въ то же время силою оружія не пропускать войска черезъ свою территорію.

Такимъ образомъ мы видимъ, что постановленія второй Гаагской конференціи 1907 г. были сдѣланы отчасти въ предвидѣніи возможности великой войны народовъ и ихъ нельзя разсматривать, какъ выраженіе незыблемыхъ нормъ нейтралитета. Происходящая теперь война наглядно показала ихъ недолговѣчность, показала то, что ни съ точки зрѣнія пониманія нейтралитета какъ безпристрастнаго отношенія, ни съ точки зрѣнія чисто формальнаго пониманія нейтралитета какъ «невоеванія», нельзя заранѣе установить права и обязанности нейтральныхъ. Нельзя напередъ опредѣлить, какія дѣйствія нейтральныхъ не будутъ къ выгодѣ одной изъ воюющихъ сторонъ и къ убытку другой стороны, нельзя заранѣе перечислить поступки, послѣ которыхъ государство перестанетъ считать нейтральное таковымъ и наоборотъ нельзя заранѣе установить, при какихъ поступкахъ воюющей державы нейтральное сочтетъ себя вынужденнымъ принять участіе въ войнѣ. Если такія нормы и будутъ заранѣе установлены, то онѣ потеряютъ силу, если случится что, прикрываясь ими, нейтральныя государства будутъ приносить пользу одной изъ воюющихъ сторонъ и тѣмъ самымъ вредить другой. Въ самомъ дѣлѣ, воюющій, которому вредятъ нейтральные, будетъ терпѣть это лишь до тѣхъ поръ, пока не сочтетъ болѣе удобнымъ объявить войну.

Digitized by Google

То же самое и нейтральный. Въ данномъ случаѣ какъ и во многихъ другихъ логика жизни послѣдовательнѣе логики права. Здѣсь на помощь приходитъ оговорка относительно rebus sic stantibus [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если вообще conventia omnis intelliguntur rebus sic stantibus, то особенно это можно сказать относительно соглашеній о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ во время войны. Эти права и обязанности представляютъ собою компромиссъ между интересами воюющихъ и интересами нейтральныхъ, при чемъ иногда уступаютъ больше воюющіе иногда больше нейтральныя. Поэтому о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ можно твердо установить лишь основной принципъ. Отдѣльныя же положенія, представляютъ собою компромиссъ между чрезвычайно различными интересами и потому они очень временны, измѣнчивы и условны.

А. М. Ладыженскій.

[1]) См. объ этомъ нашу статью въ книгѣ X (II) «Юридическаго Вѣстника» за 1915 г. «Международные договоры и оговорка относительно «Rebus sic stantibus», а также нашу рецензію на книгу бывшаго болгарскаго министра И. Е. Гешова, Балканскій союзъ, въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», кн. XI (III).

Digitized by Google

Право военнаго плѣна и Балканскія войны[1]).

Балканскія войны въ наши дни имѣютъ цѣнность не только исторіи, хотя бы, вчерашняго дня, но и большой интересъ современности. 1) Можно считать уже безспорно установленнымъ, особенно послѣ разоблаченій Таке Іонеску и Санъ Джуліано, что завязка той міровой трагедіи, перипетіи которой мы переживаемъ, лежитъ на Балканахъ, 2) Балканскія войны 1912—13 г. — это послѣдняя компанія, ведшаяся въ тѣхъ условіяхъ, которыя предполагались и правомъ и политикой нормальнымъ фономъ всякой войны, — небольшая группа воюющихъ державъ и рядомъ съ ними могучій ареопагъ нейтральныхъ зрителей, оцѣнивающихъ ихъ поведеніе, и потому 3) въ балканскихъ войнахъ мы находимъ весьма поучительный матеріалъ для сопоставленія права войны, которымъ руководились въ своей борьбѣ пигмеи, съ тѣмъ правомъ, которое сочли нужнымъ соблюдать выступившіе на брань титаны въ одну и ту же эпоху человѣческой исторіи.

Крайне неудачный для Оттоманской имперіи оборотъ компаніи не далъ туркамъ возможности достаточно широко проявить свое отношеніе къ плѣннымъ[2]), но тѣ немногочисленные примѣры, которыми мы располагаемъ, свидѣтельствуютъ, что и на этотъ разъ турки поддержали свою вполнѣ опредѣленную[3]) репутацію. Ограничусь двумя иллюстраціями: сажаніе плѣнныхъ на колъ

[1]) Изъ доклада, прочитаннаго въ публичномъ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 1 ноября 1915 г. Нижеслѣдующій очеркъ является сокращенной передачей одной изъ главъ моей еще неоконченной работы, посвященной балканскому кризису и международному праву. Въ планѣ моего изслѣдованія соотвѣтственная глава распадалась на двѣ равновеликія части — обзоръ фактическаго матеріала балканской дѣйствительности и юридическіе изъ него выводы. За недостаткомъ мѣста я ограничусь самымъ бѣглымъ очеркомъ перваго, чтобы нѣсколько подробнѣе остановиться на второмъ.

[2]) См. письмо ф. Рейценштейна изъ-подъ Чаталджи: «ich habe also immer noch keine gefangenen Boulgaren gesehen» — Hemberger, Ill. Geschichte des Balkankrieges, Wien 1913, B. 1, S. 597.

[3]) Для войны 1877 г. ср. Мартенсъ, Восточная война, стр. 541—543 и слѣд.; для войны 1897 см. Longet, Le droit actuel de la guerre terrestre et son application dans les conflits les plus récents, Paris 1901, p. 144.

Digitized by Google

иррегулярными курдскими войсками, какъ эпизодъ Лозенградскаго боя[1]), дѣлежъ плѣнныхъ, въ качествѣ живой добычи — эпизодъ Одринской обороны[2]). Впрочемъ, тѣ изъ плѣнныхъ, которымъ удалось миновать эти спеціально турецкія опасности, содержались въ дальнѣйшемъ въ условіяхъ довольно сносныхъ, при чемъ турки выказывали вниманіе даже къ ихъ религіознымъ нуждамъ[3]).

Обращеніе черногорцевъ съ плѣнными было болѣе чѣмъ безукоризненнымъ. Привѣтствія и тосты въ честь побѣжденныхъ, возвращеніе оружія и, наконецъ, исполненіе турецкаго гимна: таковы штрихи черногорской практики[4]).

Среднимъ типомъ военнаго плѣна въ первую Балканскую войну слѣдуетъ признать болгарскій режимъ[5]). Офицерамъ предоставленъ выборъ мѣстожительства и окладъ равный болгарскому[6]); подобная же аналогія и въ питаніи плѣнныхъ солдатъ, — кромѣ первыхъ дней послѣ взятія Одрина, ознаменованныхъ голодовкой и побѣдителей и побѣжденныхъ; казенныя ихъ работы обязательны, вознаграждаются 3 левами въ день (съ вычетомъ 2-хъ на пищу, стирку...), и съ предписаніемъ 4-й гаагской конвенціи (I абзацъ VI ст.) мало согласуются (погрузка орудій, фортификаціонныя сооруженія)[7]). Благопріятная въ общихъ чертахъ картина болгарскаго режима подтверждается письмами плѣнныхъ на родину[8]) и героизмомъ турецкихъ солдатъ при оказаніи помощи жертвамъ Тырновскаго землетрясенія[9]).

Впечатлѣніе отъ условій сербскаго плѣна — чрезвычайно благопріятное[10]). Послѣдній можетъ быть охарактеризованъ, какъ бол-

---

[1]) Hemberger, op. cit. B. 1, S. 131—132.

[2]) Cirilli, Gournal du siège d'Adrinople, Paris 1913, p. 82.

[3]) Christoff, Journal de la Defense d'Adrinople, Paris 1914, p. 120.

[4]) Hemberger, op. cit. B. I, 61—63; ср. Сахаровъ, Съ сербами къ Скутари. П. 1913, стр. 66 и сл.

[5]) Изученіе матеріаловъ, касающихся болгарскаго плѣна, привело меня къ заключенію, что, поистинѣ, чудовищныя обвиненія, выдвинутыя по адресу болгаръ сначала «Daily Telegraph» (20 августа 1913 г.), подхваченныя П. Лотти и поддержанныя показаніями турецкихъ офицеровъ передъ комиссіей Карнеджи, являются отчасти фантастическими, отчасти преувеличенными — см. d'Estailleur, La Bulgarie Traquée. P. 1913, p. 164, 168, 177; также «Enquête dans les Balkans», P. 1914, p. 342—349, 363—367, 211—212: каковой выводъ поддерживается какъ болгарскими опроверженіями (Кехлиберова, Вазова, Митова, Станчева...), такъ болѣе всего свидѣтельствомъ нейтральныхъ зрителей—см. Mondésir, Siège et prise d'Adrinople, P. 1914, p. 170—173; Оранжевая книга № 94; письмо баронессы Икскуль.

[6]) См. Hemberger, op. cit., B. 1, S. 275.

[7]) Rebreyend, Les Français aux Armées de Bulgarie Tours, 1914 p. 31, и «Enquête», p. 213.

[8]) Hemberger, op. cit. B. 1, S. 568.

[9]) Rebreyend, op. cit., p. 296.

[10]) Единичные упреки, напр., г. Беттауера и Брейтнера покоятся, первый на недоразумѣніи, второй на разсказѣ анонима — см. Hemberger, op. cit. B. 1, S. 169, и Breitner, Kriegstagebuch, W. 1913, S. 150.

Digitized by Google

гарскій, съ нѣсколькими дополнительными штрихами въ сторону гуманности: плѣнные македонцы отпускались сербами на свободу, даже безъ честнаго слова[1]), турецкіе офицеры сохраняли въ плѣну свою форму[2]), скрывающимся болгары грозили разстрѣломъ, сербы — дисциплинарнымъ взысканіемъ[3]), наконецъ, извѣстенъ приказъ короля Петра, устанавливающій суровыя кары за дурное обращеніе съ военноплѣнными[4]).

Матеріалы, касающіеся греческаго плѣна, — немногочисленны, при чемъ замѣчается весьма рѣзкое расхожденіе между французскими (благопріятные для грековъ отзывы) и нѣмецкими (неблагопріятные). Тенденція первыхъ представляется мнѣ болѣе близкой къ истинѣ[5]). Заслуживаетъ быть отмѣченной исторія офицерскаго заговора въ Солуни и репрессія грековъ на нарушеніе честнаго слова (согласно IV ст. капитуляціи), выразившаяся въ переводѣ плѣнныхъ въ города Старой Греціи, при чемъ ихъ женамъ разрѣшено было жить при мужьяхъ[6]).

Съ началомъ второй Балканской войны картина рѣзко мѣняется. Единодушныя свидѣтельства частныхъ источниковъ (Пененнрепъ, Пелисье, Гембергеръ) подтверждаютъ фактъ избіенія болгарами на полѣ сраженія взятыхъ въ плѣнъ противниковъ[7]). Минуя ихъ, обратимся непосредственно къ сербскимъ офиціальнымъ документамъ. Таковые имѣются въ видѣ отвѣтныхъ донесеній командировъ отдѣльныхъ военныхъ частей на запросъ генеральнаго штаба. Донесенія эти, воспроизведенныя въ анкетѣ института Карнеджи[8]), достаточно стереотипны: плѣнные сербы — ограбленные, израненные, приколотые, разстрѣлянные, съ отрѣзанными языками, въ видѣ милости — выкупъ за деньги. Впрочемъ, что касается содержанія плѣнныхъ внутри Болгаріи, то положеніе ихъ противъ первой войны, въ общемъ, не измѣнилось, кромѣ казенныхъ работъ, которыя перестали оплачиваться[9]).

---

[1]) Barby, Les victoires Serbes. P. 1913, p. 43.
[2]) Vischer, An der serbischen Front Bas. 1913, S. 116.
[3]) «Enquête», № 75, и Vischer, op. cit., S. 56.
[4]) Hemberger, op. cit. B. 1, S. 162.
[5]) Какъ въ силу совершенной неправдоподобности нѣмецкихъ корреспонденцій, описывающихъ посѣщеніе Солунскаго лагеря «съ пропускомъ греческаго министерства», такъ и на основаніи впечатлѣній русскихъ очевидцевъ — ср. Leune, Une revanche — une étape, P. 1914, p. 436 et, suiv.; Hemberger, op. cit., B. 2, S. 9, и Сахаровъ, Съ сербами къ Скутари II. 1913, стр. 39.
[6]) Leune, op. cit., p. 354, 440, 441.
[7]) Alain de Penennren, 40 jours de guerre dans les Balkans. P. 1914. p. 73; Pélissier, Dix mois de guerre dans les Balkans. P. 1914, p. 330. Hemberger, op. cit. B. 11, S. 581.
[8]) «Enquête», p. 387—390.
[9]) Ibid., p. 212—213.

Digitized by Google

И вторая война не заставила сербовъ измѣнить своего отношенія къ плѣннымъ. Во всемъ литературномъ матеріалѣ мнѣ извѣстны лишь два сдѣланныхъ имъ по этому поводу нареканія — весьма фантастическій «разсказъ очевидца» въ 162-мъ № «Родн. Новине» (сербскаго соціалистическаго органа) и болгарскій протоколъ (отъ 2 іюля 1913 г.) о такъ называемомъ «Василеградскомъ избіеніи»[1]).

Не далеко отъ болгаръ въ своемъ поведеніи ушли и греки. Еще въ началѣ второй кампаніи, послѣ Демиръ-Гиссарскаго инцидента, телеграмма 12 іюля короля-главнокомандующаго[2]) возвѣстила рѣшеніе греческаго правительства вступить на путь репрессалій. О характерѣ этихъ репрессалій можно судить по письмамъ на родину солдатъ VII дивизіи въ такомъ стилѣ: «мы взяли немного плѣнныхъ, которыхъ мы убили, ибо таковы данныя намъ предписанія»[3]); подобные же факты подтверждаются и обильной хроникой, собранной софійскимъ профессоромъ Милетичемъ[4]). Относительно положенія плѣнныхъ, эвакуированныхъ внутрь страны, слѣдуетъ признать, что по сравненію съ таковымъ же въ первую кампанію оно ухудшилось[5]), но это въ значительной мѣрѣ обусловлено было недостаткомъ подходящихъ помѣщеній (до размѣна плѣнныхъ съ Турціей) и злоупотребленіями агентовъ низшей власти; впрочемъ, эти послѣднія постепенно сокращались[6]). Интересно также, что, несмотря на примѣнявшуюся систему репрессалій, греки регулярно выплачивали денежный окладъ не только офицерамъ, но и солдатамъ ($1^1/_2$ фр. въ мѣсяцъ).

На этомъ я заканчиваю конспективный очеркъ историческаго матеріала и постараюсь выдѣлить изъ него юридически цѣнные моменты. Въ исторіи плѣна въ первую Балканскую войну заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, прежде всего, обращеніе турокъ и черногорцевъ.

---

[1]) d'Estailleur, La Bulgarie Traquée, P. 1913, p. 107, и «Enquête», p. 415—417, единственный фактъ, доказанный болгарскимъ протоколомъ, что 5 офицеровъ погибли въ плѣну, но при какихъ обстоятельствахъ, остается невыясненнымъ, ибо единственнымъ очевидцемъ ихъ кончины была Е. Митріева — «la vieille femme» по выраженію протокола.

[2]) См. «Enquête», p. 300, № 29.

[3]) См. d'Estailleur, op. cit., p. 132, или «Enquête», p. 313 et suiv.... письма Сумбиса, Филиппоса, Пепайонну («я захватилъ 5 болгаръ, — мы выкололи имъ еще при жизни глаза»), Θеοфилатоса («мнѣ дали 16 плѣнныхъ... я привелъ лишь двухъ: остальные съѣдены мракомъ, перебиты мною»), Кранеаса, Валентинаки, Ангелиса и пр. и пр.; но, съ другой стороны, — «мы показали себя гораздо болѣе жестокими, чѣмъ болгары» (письмо Зерваса), «что дѣлаютъ болгарамъ,—неописуемо, просто бойня» (письмо Бриніа).

[4]) Милетичъ, Гръцкитѣ жестокости въ Македоніи». Соф. 1913, см. особ. стр. 10—11.

[5]) «Enquête», p. 213—215.

[6]) При освобожденіи плѣнныхъ болгаръ съ нихъ бралась расписка о хорошемъ обращеніи въ плѣну и о возвращеніи принадлежавшихъ имъ предметовъ.

Digitized by Google

Когда одни сажали плѣнныхъ на колъ и дѣлили ихъ, какъ живую добычу, когда другіе встрѣчали плѣнныхъ привѣтственными рѣчами и гимнами, то, безспорно, оба противника руководились не нормами писаннаго права, но своими мета-юридическими принципами. Эта интересная параллель любопытна и въ другомъ отношеніи — на примѣрѣ, данномъ самой жизнью, наглядно демонстрируется значеніе правового фактора, во всей его относительной цѣнности. Турецкая же практика даетъ намъ и еще одно указаніе. Уже въ системѣ турецкаго плѣна рѣзко отличаются два момента: на неостывшемъ полѣ брани плѣнника ждетъ вѣроятная смерть, но разъ эта опосность миновала, онъ можетъ разсчитывать на вполнѣ приличный режимъ, даже съ попеченіемъ объ его религіозныхъ нуждахъ.

Ст. VII главы II приложенія къ 4-й Гаагской конвенціи во второмъ абзацѣ проводитъ принципъ, проходящій красной нитью черезъ всю II главу — уравненія положенія плѣнныхъ съ войсками государства взятеля. Болгарская практика вскрываетъ его реальныя предпосылки. Евангельская заповѣдь требуетъ отъ имѣющаго двѣ рубашки отдать одну ближнему, но не предписываетъ этого имѣющему лишь одну. Едва ли можно думать, что гаагскія требованія идутъ дальше Евангельскихъ: плѣнные будутъ «пользоваться такой же пищей, помѣщеніемъ и одеждой, какъ войска правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ», если у послѣдняго хватитъ того, другого и третьяго и для своихъ воиновъ и для плѣнныхъ. Болгары соблюдали это требованіе въ обращеніи съ плѣнными въ Старой Загорѣ и съ интернированными внутри Болгаріи, и тѣ же болгары, въ условіяхъ Ординскаго плѣна, явно нарушали его и, давая плѣннымъ $^1/_4$ солдатскаго пайка, считали это, и не безъ основанія, самоотверженіемъ со стороны своихъ войскъ. Другой яркій примѣръ неразрывной связи между воплощеніемъ правовыхъ велѣній и технической обстановкой даетъ исторія государственныхъ работъ плѣнныхъ въ Болгаріи. Въ первую войну эти работы оплачивались, во вторую нѣтъ, и по поводу второй войны болгарами было указано, что юридически они правы (ср. ст. VI, 3-й абзацъ), такъ какъ тѣ же работы болгарскихъ солдатъ были безмездными. Эта аргументація, которой какъ будто нельзя отказать въ справедливости, приводитъ насъ къ любопытному юридическому казусу. Дѣйствительно, спрашивается, какія по качеству работы были для болгарскихъ солдатъ безмездными. Отвѣтъ — работы, непосредственно относящіяся къ военнымъ дѣйствіямъ, и фактически именно такого рода работами были заняты, въ большинствѣ случаевъ, военноплѣнные. Но, вѣдь, это нарушаетъ 1-й абзацъ VI ст. — Да, несомнѣнно нарушаетъ. Въ итогѣ получается: для того, чтобы

Digitized by Google

совмѣстить финансовую выгоду (безмездность работы) съ точнымъ соблюденіемъ 2-го абзаца (расчетъ, «существующій для чиновъ мѣстной арміи за исполненіе тѣхъ же работъ»), болгарское правительство логически пришло къ явному несоблюденію 1-го абзаца той же статьи.

Разумѣется, весьма вѣроятно, что болгарскіе органы руководились не столько доводами юридической логики, сколько соображеніями государственной необходимости, ибо странѣ, поставившей на карту все свое государственное бытіе, заниматься организаціей работъ, неимѣющихъ «никакого отношенія къ военнымъ дѣйствіямъ»,— роскошь не всегда доступная. Интересно также отмѣтить, что, тогда какъ съ точки зрѣнія Гаагскаго текста, запрещающаго, по выраженію французскаго руководства «употреблять плѣнныхъ на военныя работы даже въ мѣстѣ, отдаленномъ отъ театра войны»[1]), болгарскія государственныя работы были вопіющимъ правонарушеніемъ; тѣ же работы въ терминахъ Брюссельской декларації, какъ «неимѣющія прямого отношенія къ дѣйствіямъ, происходящимъ на театрѣ войны», были бы въ большинствѣ случаевъ правомѣрными. Я остановился на разборѣ этихъ примѣровъ не для того, что указать нѣкоторыя несообразности Гаагскаго текста, но чтобы выяснить юридическую значимость нормъ, сопоставляющихъ содержаніе плѣнныхъ съ положеніемъ солдатъ взятеля: мнѣ хотѣлось бы предостеречь отъ пониманія данныхъ выраженій, какъ развитія предписанія ст. IV о человѣколюбивомъ обращеніи, по аналогіи съ ст. I Женевской конвенціи (1906). Я думаю, что данный оборотъ имѣетъ чисто инструментальное значеніе: вмѣсто того, чтобы свободно регламентировать условія содержанія плѣнныхъ, что могло бы технически представить значительныя трудности, конвенція предпочитаетъ ограничиться общей директивой, отсылкой къ опредѣленному режиму государства взятеля. Въ этомъ отношеніи поучительно сопоставить Гаагскій текстъ съ его брюссельскимъ прототипомъ. Ст. XXIX русскаго проекта гласила: «содержаніе военноплѣнныхъ принимаетъ на себя государство, во власти котораго они находятся; условія содержанія военноплѣнныхъ устанавливаются по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ,« — и больше ни слова. Принятый деклараціей текстъ былъ болѣе полонъ: »Въ случаѣ несуществованія соглашенія по сему предмету, признается общимъ правиломъ, чтобы военно-плѣнные относительно пищи и одѣянія были довольствуемы наравнѣ съ войсками правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ (ст. XXVII); иначе говоря, данное постано-

[1]) «Lois de la guerre continentale», p. 33, art. II.

Digitized by Google

вленіе явилось лишь простой замѣной, практически цѣлесообразной такъ какъ соглашенія воюющихъ сторонъ могутъ отсутствовать этихъ презюмированыхъ русскимъ текстомъ соглашеній. Гаагскій текстъ пошелъ въ этомъ направленіи значительно дальше: онъ уравниваетъ помѣщеніе, расцѣнку работъ, оклады офицеровъ и (едва ли удачно) духовныя завѣщанія. Что тенденція эта, въ извѣстной мѣрѣ, не оказалась безжизненной, свидѣтельствуетъ греческая практика второй Балканской войны (но, вѣроятно, и первой), когда греки, несмотря на отсутствіе прямого предписанія въ конвенціонномъ текстѣ, несмотря даже на широко примѣнявшійся режимъ репрессалій, сочли себя обязанными выплачивать плѣннымъ болгарскимъ солдатамъ окладъ, равный получаемому эллинскими.

Въ такомъ ретроспективномъ аспектѣ станутъ понятны для насъ и только что разсмотрѣнныя нарушенія болгарами соотвѣтственныхъ Гаагскихъ статей: очевидно, что Гаагскій текстъ предполагаетъ наличность такихъ техническихъ условій, которыя въ болгарской дѣйствительности весьма часто отсутствовали. Интересно отмѣтить, какъ, и съ другой стороны того же вопроса, болгарская практика возвращаетъ насъ къ брюссельскому тексту. Какъ извѣстно, XXIII ст. проекта Брюссельской декларації во 2-мъ абзацѣ въ случаѣ бѣгства военноплѣннаго, «допускавшая употребленіе противъ него оружія, если только онъ не подчинится требованію о возвращеніи», въ Гаагскомъ текстѣ исключена [1]). Это исключеніе дало поводъ нѣкоторымъ интернаціоналистамъ [2]) утверждать, что, слѣдовательно, современное положительное право не допускаетъ примѣненія оружія даже при попыткѣ плѣнныхъ къ побѣгу; однако, какимъ образомъ конвой будетъ препятствовать голыми руками побѣгу плѣнныхъ или подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ благополучно скрывшихся — этого авторы намъ не разъясняютъ. Очевидно, представители державъ въ Гаагѣ, и въ томъ числѣ военные эксперты, были не столь наивны и измѣнили Брюссельскій текстъ только потому, что не считали возможнымъ (ср. пренія объ оккупаціи на Гаагской или отклоненіе русскаго регламента репрессалій на Брюссельской конференціи) ставить клеймо права надъ явленіемъ технически неизбѣжнымъ, но морально непріятнымъ. Возвращаясь къ болгарской практикѣ, отмѣтимъ, что преданіе смерти плѣнныхъ, пытающихся совершить побѣгъ, признавалось самими официальными органами, и притомъ въ качествѣ самооправданія.

---

[1]) «Conférence Intern. de la Paix». Minist. des Aff. etr. La Haye 1899, 3-ième p.

[2]) Boidin, Les lois de la guerre et les deux conférences de La Haye. P. 1998, p. 89—90; ср. «Enquête», p. 211.

Digitized by Google

Въ сербскомъ режимѣ плѣнныхъ юридическій интересъ представляютъ два эпизода. Три статьи гаагскаго текста (X, XI, XII) посвящены подробному разбору условій освобожденія плѣнныхъ на честное слово; но совершенно непредусмотрѣнъ случай, имѣвшій мѣсто въ сербской практикѣ, освобожденія плѣнныхъ (македонцевъ) безъ всякаго честнаго слова. Дѣлать на основаніи его заключенія было бы рискованно, такъ какъ явленіе это имѣетъ чисто политическую подкладку и можетъ быть объяснено какъ проявленіе сербами въ отношеніи къ Македоніи своего animus possidendi. Больше матеріала для юридическихъ сопоставленій даетъ другой эпизодъ. Напомню, что на 1-й Гаагской конференціи въ засѣданіи 2-й комиссіи (27 мая) при обсужденіи кары за бѣгство плѣннымъ было высказано три различныхъ предложенія — безнаказанность (Ламмашъ), дисциплинарное взысканіе (Куэпахъ) и военный судъ (Жилинскій), и въ концѣ концовъ принято второе, какъ media sententia[1]), что, въ сущности говоря, явилось сохраненіемъ Брюссельской нормы.

Сравнивая болгарскія и сербскія распоряженія, касавшіяся скрывающихся плѣнныхъ, приходится признать, что болгарская практика слѣдовала въ отклоненіе отъ Гаагскаго текста мнѣнію Жилинскаго, тогда какъ сербская оставалась ему вѣрна. Извѣстно, что одно изъ существенныхъ дополненій[2]), внесенныхъ въ режимъ плѣнныхъ 2-й Гаагской конференціей, это — точное опредѣленіе того оклада, на который имѣютъ право плѣнные офицеры (ст. XVII); правда, замѣчаніе послѣдняго ея абзаца (подъ условіемъ возмѣщенія такового расхода ихъ правительствомъ) могло бы въ извѣстной мѣрѣ поколебать ея значеніе, тѣмъ не менѣе предписаніе XVII статьи и въ болгарской и въ сербской практикѣ соблюдалось неукоснительно.

Наиболѣе интересный казусъ въ греческой практикѣ — нарушеніе военноплѣнными (въ Солуни) честнаго слова и послѣдствія такового. Несмотря на то, что статья XII лишаетъ нарушителя качества военноплѣннаго и допускаетъ преданіе его суду, несмотря на то, что господствующая доктрина[3]) грозитъ въ подобныхъ случаяхъ смертной казнью (однако, французское военное уложеніе, § 2 ст. 204, примѣняетъ ее лишь къ нарушителю, «захваченному съ оружіемъ въ рукахъ»), греки предпочли ограничиться дисциплинарнымъ взысканіемъ и, притомъ, въ такомъ мягкомъ видѣ,

[1]) См. «Conference Intern. de la paix». Minist. des Aff. etr. La Haye 1899, 3-ième p., p. 88.

[2]) «Documents diplomatiques». Deuxième conférence de la paix. Minist. des Aff. etr. P. 1908, p. 76.

[3]) См. Nys, Le droit international, t. III, p. 525; Longuet, op. cit., p. 152.

Digitized by Google

какъ переводъ плѣнныхъ въ города Старой Греціи. Что касается, наконецъ, другого Гаагскаго нововведенія — справочныхъ бюро (1-я Гаагская — предложеніе Бернаерта)[1]) и именныхъ карточекъ (2-я Гаагская)[2]), то говорить о нихъ не приходится за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ объ ихъ дѣятельности: на основаніи косвенныхъ указаній (письма Станчева и Эминэ) можно лишь предполагать ихъ наличность въ греческой и болгарской арміяхъ.

Сопоставляя положеніе плѣнныхъ во вторую Балканскую войну съ опытомъ первой, мы поражаемся его явнымъ и рѣзкимъ ухудшеніемъ: тѣ эпизоды, которые въ первую кампанію были монополіей турокъ, во вторую стали греко-болгарской повседневностью. Причины подобнаго явленія можно указать какъ внутренняго, такъ и внѣшняго свойства. Что касается причинъ внутреннихъ, то главной изъ нихъ я признаю самый характеръ второй войны, какъ bellum injustum — психологическую атмосферу междусоюзнической распри. Къ сожалѣнію, вліяніе этого психическаго фактора въ современной юридической литературѣ слишкомъ часто не дооцѣнивается. Между тѣмъ едва ли покажется спорнымъ утвержденіе, что правовыя нормы, опредѣляющія положеніе больныхъ, раненыхъ и обезоруженныхъ противниковъ, особенно въ ихъ общей части, болѣе тѣсно, чѣмъ какія-либо иныя, связаны съ этимъ невѣсомымъ факторомъ, и можно ли считать неожиданнымъ, что тамъ, гдѣ этотъ послѣдній отравленъ тлетворнымъ дыханіемъ «преступной» и «братоубійственной» брани, первыя уродливо искажаются. Есть и еще одно обстоятельство, усугубляющее его воздѣйствіе: это — тотъ фактъ, что войны настоящаго времени, въ отличіе отъ прежнихъ, — не династическіе споры монарховъ, рѣшаемыя руками наемныхъ ландскнехтовъ, не борьба однихъ государствъ, но кровавый судъ «вооруженныхъ народовъ»[3]), и въ немъ идея «bellum injustum» по преимуществу формальная въ правосознаніи средневѣковья, пріобрѣтаетъ новый углубленный матеріальный смыслъ.

Обращаясь къ причинамъ внѣшнимъ, слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ поставить предписанія свыше — систематическое устрашеніе со стороны болгаръ (приказъ Ковачева и свидѣтельство Пененрена и отвѣтныя репрессаліи со стороны грековъ (телеграмма короля и солдатскія письма). Попрежнему и тѣ и другія протекаютъ за предѣлами права и нравственности и, развращая, съ одной стороны

---

[1]) См. «Conférence Int. de la paix», Min. des Aff. etr. La Haye, 1899, p. 93. (3-ième partie).

[2]) «Documents diplomatiques. II-ième Conférence de la Paix». Paris 1908. p. 76; ibid., p. 201—207.

[3]) См. объ этомъ интересныя соображенія у Boucher Les conventions rélatives au droit de la guerre. Leur portée pratique. Rennes 1913, Introduction.

Digitized by Google

солдатъ (выкупы и звѣрства), наталкиваются въ то же время на ихъ моральное сопротивленіе (греческія письма). Но и на фонѣ этихъ беззаконій выдѣляется рѣзко и рельефно одна черта — всѣ они совершаются либо въ условіяхъ боя, либо непосредственно послѣ. Стоило плѣннымъ перейти эту магическую грань — быть интернированными, какъ выступали на сцену всѣ Гаагскія нормы (иногда и болѣе — жалованіе солдатамъ у грековъ), и даже тѣ, кто нарушали ихъ, домогались расписки объ ихъ соблюденіи. Этотъ фактъ лишній разъ свидѣтельствуетъ намъ, что и въ этой спеціальной области международнаго права и, въ частности, права войны, для современнаго правосознанія образовалось свое непререкаемое ядро, настолько прочное, что не дерзнули отвергнуть его ни «систематическія устрашенія» болгаръ, ни генеральныя репрессаліи грековъ.

Е. Коровинъ.

Digitized by Google

Литературное Обозрѣніе.

К. А. Кузнецовъ. Очерки по теоріи права. Изд. Ивасенко. Одесса. 1915, стр. 65. 8°. Ц. 60 к.

Было бы неосновательно и несправедливо судить о научныхъ воззрѣніяхъ автора по этой книжечкѣ. Она представляетъ «фрагментъ изъ лекцій по теоріи права, прочитанныхъ» имъ «въ 1914—1915 г. въ Новороссійскомъ университетѣ» (стр. 3) и посвящена нѣкоторымъ вопросамъ, которые, по мнѣнію автора, «слишкомъ бѣгло, или же не въ свободномъ отъ возраженій видѣ, трактуются въ общепринятыхъ руководствахъ по теоріи права» (стр. 3). Кромѣ предисловія, въ которомъ авторъ касается проблемы «смысла» въ правѣ, книжка содержитъ четыре главы: о «соціальномъ отношеніи и соціальномъ взаимодѣйствіи», о «правоотношеніи частномъ и публичномъ», объ «основномъ единствѣ права» и о «принужденіи въ правѣ».

Само собою разумѣется, что проблемы, предметно столь сложныя и методологически столь утонченныя, не могутъ быть разсмотрѣны сколько-нибудь основательно на протяженіи нѣсколькихъ страницъ; размѣръ брошюры не позволяетъ даже поставить ихъ такъ, какъ того требуетъ современное состояніе науки. Но указать на нихъ, «бѣгло» коснуться ихъ, иногда лишь упомянуть о нихъ — можно, и авторъ дѣлаетъ это съ живостью и темпераментомъ, обнаруживая умѣнье легко и быстро оріентироваться въ чужихъ воззрѣніяхъ.

Естественно, что сознаніе читателя, внимательно ознакомившагося съ содержаніемъ книжки, преисполняется множествомъ вопросовъ, отвѣта на которые въ ней нѣтъ. Что такое «смыслъ», о которомъ самъ авторъ все время говоритъ въ кавычкахъ? Въ какихъ категоріяхъ (а не «оттѣнкахъ», стр. 5) необходимо его мыслить? Возможно ли серьезно и «послѣдовательно» отрицать «бытіе» права (стр. 3, 5 и др.)? Какъ возможно, отринувъ «бытіе» права и установивъ его исключительно «смысловой» характеръ, утверждать, что «смыслъ» есть «соціальное явленіе» (стр. 12), т.-е. опять-таки разновидность «бытія»? И, далѣе, какъ понять утвержденіе, что «соціальная связь есть нѣчто „мыслимое“» (стр. 8)

Digitized by Google

и что поэтому она есть не «явленіе бытія», а «явленіе смысла» (стр. 9)? Развѣ соціальная связь утрачиваетъ бытіе, если ее никто не мыслитъ? Или же авторъ разумѣетъ, говоря о «смыслѣ», не имманентное содержаніе мыслительнаго акта, а нѣкую объективную метафизическую сущность? Но въ такомъ случаѣ почему же «явленіе бытія» противопоставляется «явленію смысла»? Можетъ быть, въ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ авторъ остановится на этихъ гносеологическихъ и онтологическихъ затрудненіяхъ, столь углубленно и разносторонне освѣщаемыхъ въ современныхъ логическихъ и методологическихъ изслѣдованіяхъ.

Не мало сомнѣній вызываетъ также проэктъ автора исключить изъ науки права дѣленіе правоотношеній на публично-правовыя и частно-правовыя. Къ сущности „правопорядка“ онъ относитъ принципіальное «уравненіе» (стр. 13, 14, 16, 17, 18, 19) людей, въ силу котораго ни одинъ человѣкъ не можетъ имѣть правовую «привиллегію» (стр. 47) на властвованіе и повелѣваніе; поэтому онъ и считаетъ невозможнымъ «властвованіе на основахъ права» (стр. 17). Въ доказательство этой невозможности онъ пытается «пащупать „практическую“ подпочву» (стр. 47) этого традиціоннаго дѣленія и усматриваетъ ее въ «атавистическихъ пережиткахъ изъ эпохи абсолютизма» (стр. 39), въ силу которыхъ «въ нашей идеологіи „цѣлое доминируетъ надъ частью»“ (стр. 39).

И здѣсь опять возникаетъ рядъ недоумѣвающихъ вопросовъ: допустимо ли рѣшать проблему юридической дефиниціи и классификаціи на основаніи соціально-психологическихъ соображеній, или, тѣмъ болѣе, объявлять ее мнимой проблемой? Вѣдь самъ авторъ настаиваетъ на томъ, что «„чистая“ правовая точка зрѣнія съ подобными вещами въ противоестественную связь не вступаетъ» (стр. 3). Конечно, авторъ не указалъ тѣхъ заданій и путей, которые открываются для «чистой» юриспруденціи съ раздѣляемой имъ «чистой» правовой точки зрѣнія, но все же можно констатировать, что идея «публичнаго права» изгоняется имъ не на основаніи анализа нормъ положительнаго права. Такой анализъ и не можетъ привести къ изгнанію ея, ибо правовое полномочіе на власть въ дѣйствительности признается положительнымъ правомъ и предоставляется многимъ субъектамъ права, какъ физическимъ лицамъ (напр. монарху, президенту, губернатору и др.), такъ и юридическимъ лицамъ (напр. государству, парламенту, городской общинѣ и др.)...

Digitized by Google

Однако послѣднее возраженіе можетъ оказаться неубѣдительнымъ для автора потому, что въ вопросѣ о положительномъ правѣ онъ занимаетъ чрезвычайно радикальную позицію. Именно, онъ утверждаетъ, что положительное право есть право лишь постольку, поскольку оно «совпадаетъ» съ «естественнымъ правомъ» «„настоящаго“ момента» (стр. 55, 50). Поэтому наша наивная, недоумѣвающая ссылка на «положительное» право и на систематическое признаніе имъ публично-правовыхъ полномочій можетъ быть отвергнута авторомъ, если онъ полагаетъ, что «естественное право настоящаго момента» отрицаетъ возможность «правомѣрной власти» (стр. 17). Повидимому, онъ склоняется именно къ этому воззрѣнію и послѣдовательное шествіе его по этому пути можетъ дать русской литературѣ еще одну концепцію «правового анархизма», имѣющую занять мѣсто на ряду съ ученіями Прудона, Бакунина, Кропоткина и Тэкера.

Никто не подумаетъ, конечно, что авторъ, хотя бы по одному изъ затронутыхъ имъ вопросовъ, привелъ всѣ свои доводы и основанія, или высказался до конца. Онъ самъ даетъ понять, что книжка его болѣе увѣдомляетъ о его возможныхъ воззрѣніяхъ, чѣмъ раскрываетъ ихъ, доказываетъ и обосновываетъ. И это даетъ основаніе съ интересомъ ожидать дальнѣйшихъ «очерковъ».

И. А. Ильинъ.

„Вопросы міровой войны“. (Сборникъ статей проф. А. Лихачева, проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. И. Карѣева, проф. В. А. Бутенко, проф. бар. Б. Э. Нольде, проф. Евг. Тарле, проф. Н. В. Ястребова, проф. В. Фриче, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Е. Е. Баумгартена, проф. В. А. Мукосѣева, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, проф. А. А. Чупрова, проф. М. Н. Фридмана, проф. М. И. Боголѣпова, проф. В. Н. Твердохлѣбова, М. В. Новорусскаго, проф. М. В. Гессена, проф. бар. С. А. Корфа, П. Н. Милюкова, проф. М. М. Ковалевскаго, прив.-доц. С. І. Гессена, академика В. М. Бехтерева, Н. Борина, К. Г. Житкова и Н. А. Рынина, подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Изд. юридическаго книжнаго склада «Право». XIII+675 стр. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 4 р.)

Въ Лодзи послѣ ухода изъ нея русскихъ войскъ остался лазаретъ, устроенный учащими и учащимися высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда. Въ этомъ лазаретѣ находятся всѣ тѣ раненые и больные русскіе воины, которыхъ по состоянію ихъ

Digitized by Google

здоровья нельзя было эвакуировать, когда наши войска покидали городъ. Съ цѣлью собрать средства на его содержаніе, преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда прочли рядъ публичныхъ лекцій и издали сборникъ, посвященный вопросамъ міровой войны. Хотя этотъ сборникъ и составленъ съ благотворительной цѣлью, однако онъ совсѣмъ не носитъ характера изданія, выпущеннаго въ свѣтъ только для того, чтобы собрать деньги для добраго дѣла. Выдающіеся петроградскіе ученые и общественные дѣятели дали въ пользу своего лазарета не только громкія подписи, но и интересныя мысли.

Предисловіе въ разбираемомъ сборникѣ замѣняетъ замѣтка проф. А. Лихачева «Нѣсколько словъ объ этапномъ лазаретѣ имени петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній», въ которой дается сжатый очеркъ исторіи устройства лазарета и отчетъ о его дѣятельности. Далѣе идутъ статьи по юридическимъ, экономическимъ, философскимъ, эстетическимъ и медицинскимъ вопросамъ, которые выдвинуты происходящими теперь событіями международной жизни. Конечно, въ одномъ сборникѣ, какъ бы полонъ онъ ни былъ, нельзя дать не только отвѣта, но и постановки всѣхъ тѣхъ проблемъ, которыя выдвигаетъ міровая война. Достаточно, чтобы были намѣчены нѣкоторыя основныя вопросы настоящаго момента. Этого вполнѣ достигли авторы, разбираемой нами книги.

Сборникъ открывается статьей проф. Э. Д. Гримма «Борьба народовъ», въ которой доказывается, что мы ведемъ борьбу не только съ германскимъ государствомъ, но и съ германскимъ народомъ. Эту статью интересно сравнить съ напечатанной въ прошломъ году въ 17 и 18 №№ «Права» статьей проф. бар. Б. Э. Нольде, въ которой сопоставляются двѣ принципіально различныя точки зрѣнія на природу войны. Одни ученые (Руссо, Людеръ, Блюнчли, Ульманъ, Діена, Фіоре, Оливи, Ф. Ф. Мартенсъ и мн. др.) разсматриваютъ войну какъ споръ между государствами (а не народами) о правѣ. Другіе ученые (Бинкерсхукъ, изъ современныхъ Оппенгеймъ) смотрятъ на войну какъ на борьбу народовъ. Война съ точки зрѣнія названныхъ ученыхъ это — не юридическій споръ государствъ о правѣ, а физическая, реальная борьба за право; это — международно-правовая революція.

Взглядъ на теперешнюю войну какъ на международную революцію подтверждается чтеніемъ слѣдующей статьи, разбираемаго сборника, статьи проф. Н. И. Карѣева «Прошлое двухъ союзовъ европейскихъ державъ». Маститый ученый, излагая исторію

Digitized by Google

тройственнаго и двойственнаго союзовъ, показываетъ, что происходящія теперь событія не случайны, что они были подготовлены всѣмъ историческимъ ходомъ событій и являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ противорѣчія международныхъ стремленій великихъ европейскихъ державъ.

Далѣе идетъ рядъ статей, по различнымъ вопросамъ исторіи международныхъ отношеній. Проф. В. А. Бутенко («Борьба европейскихъ державъ за Бельгію») подчеркиваетъ географическое значеніе Бельгіи при столкновеніяхъ народовъ и описываетъ борьбу Англіи, Франціи и Германіи за эту землю. Проф. Н. И. Карѣевъ («Польскій вопросъ въ историческомъ освѣщеніи») и проф. Б. Э. Нольде («Россія, Пруссія и Польша») знакомятъ съ польскофильскими и польскофобскими теченіями въ нашихъ правящихъ кругахъ въ 60 гг. прошлаго вѣка и подчеркиваютъ роль нѣмцевъ и въ частности Бисмарка въ антипольской политикѣ Россіи. Проф. Евг. Тарле пишетъ объ «Эльзасъ-Лотарингскомъ вопросѣ наканунѣ великой европейской войны» и объ идеѣ реванша, которая послѣ 1871 г. была свойственна нѣкоторымъ кругамъ французскаго общества. Большой интересъ представляетъ статья проф. Н. В. Ястребова «Великая Сербія, какъ разрѣшеніе южно-славянскаго вопроса въ великой войнѣ 1914—1915 гг.», въ которой авторъ знакомитъ читателей съ національными отношеніями между сербами, хорватами и славянами и вскрываетъ экономическія и политическія причины сербско-хорватскаго антагонизма [1]).

Далѣе идутъ статьи проф. В. Фриче «Германскій милитаризмъ и его отношеніе къ культурѣ», проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго «Война съ искусствомъ» и Е. Е. Баумгартена «Мартирологъ погибшихъ памятниковъ искусства». Въ этихъ работахъ описывается то пренебреженіе, которое нѣмцы проявили къ чужимъ для нихъ культурамъ, и разрушеніе, которое они причинили величайшимъ проявленіямъ художественнаго генія. Къ статьямъ приложены рисунки погибшихъ въ этой войнѣ памятниковъ искусства. Экономическимъ проблемамъ посвященъ рядъ чрезвычайно интересныхъ статей. Проф. В. А. Мукосѣевъ обстоятельно выясняетъ «Экономическія причины войны» и такъ же, какъ и пр. Карѣевъ, показываетъ, что теперешняя война была неизбѣжна. Проф. М. И. Туганъ-Барановскій разсматриваетъ «Вліяніе войны на народное хозяйство Россіи, Англіи и Германіи». Послѣ детальнаго разсмотрѣнія состоянія денежнаго рынка, промышленности и торговли въ воюющихъ государствахъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что

[1]) «Послѣ всемірнаго потопа я не знаю другого такого событія, какъ настоящая великая война» — очень хорошо сказалъ кто-то въ Бельгіи.

Digitized by Google

хозяйство Англіи менѣе всего пострадало отъ войны, что народное хозяйство Германіи испытываетъ чрезвычайно сильныя потрясенія, послѣ которыхъ оправится очень не скоро, и что хозяйство Россіи «перенесетъ тяжесть войны безъ разстройства своихъ основныхъ жизненныхъ функцій, сохраняя всю свою жизнеспособность». Въ настоящее время статья Туганъ-Барановскаго уже нѣсколько устарѣла. Авторъ писалъ, когда еще не было теперешнаго разстройства желѣзнодорожнаго движенія и паденія курса нашего рубля. Далѣе идетъ статья А. А. Чупрова «Народное продовольствіе въ Германіи», въ которой авторъ ставитъ вопросъ: можно ли взять Германію голодомъ? и послѣ внимательнаго изученія вопроса пишетъ; «я не думаю, чтобъ имѣющіяся у насъ въ распоряженіи свѣдѣнія давали право опредѣленно утверждать, что Германію можно скоро взять изморомъ»... Проф. М. И. Фридманъ въ слѣдующей статьѣ «Война и государственное хозяйство Россіи» указываетъ на то разстройство, которое война внесла въ наше государственное хозяйство и подчеркиваетъ, что только путемъ коренной реформы русскаго бюджета и путемъ подъема производительныхъ силъ страны русское государственное хозяйство можетъ оправиться отъ потрясеній этой войны. М. Н. Боголѣповъ въ ст. «Война и деньги» пишетъ, какъ, вслѣдствіе разрушенія кредитныхъ связей, разстройства кредитнаго оборота, внѣдренія въ оборотъ бумажныхъ денегъ и почти полнаго прекращенія международной торговли, сложный и деликатный аппаратъ международныхъ расчетовъ пришелъ въ полное разстройство». Проф. В. Н. Твердохлѣбовъ пишетъ о «Вліяніи войны на городскіе и земскіе финансы», шлиссельбуржецъ М. В. Новорусскій — о «Войнѣ и русской промышленности». В. М. Гессенъ въ статьѣ «Война и право» возражаетъ противъ столь распространеннаго теперь скептическаго отношенія къ международному праву и высказываетъ надежду, что по окончаніи войны «вспомнитъ человѣчество о невидимомъ храмѣ — о храмѣ права». Бар. С. А. Корфъ въ ст. «Современная война и международное право», усматриваетъ основной недостатокъ современнаго международнаго права въ отсутствіи санкціи его нормъ и призываетъ государственныхъ дѣятелей, «на долю коихъ выпадетъ заключеніе прочнаго мира», озаботиться обезпеченіемъ исполненія этихъ нормъ. П. Н. Милюковъ въ ст. «Нейтрализація Дарданеллъ и Босфора» приводитъ интересныя данныя о вопросѣ относительно «нейтрализація проливовъ на XVIII междупарламентской конференціи въ Гаагѣ 3—5 сент. 1913 г. и доказываетъ необходимость для Россіи обладанія Константинополемъ. М. М. Ковалевскій помѣстилъ

Digitized by Google

въ разбираемомъ сборникѣ, читанную имъ нѣсколько разъ въ Москвѣ и Петроградѣ публичную лекцію «Національный вопросъ и имперіализмъ», а С. І. Гессенъ, — докладъ, читанный имъ въ Петроградскомъ религіозно-философскомъ об-вѣ «Идея націи». Въ первой изъ этихъ статей указывается на связь націонализма съ имперіализмомъ, а во второй нація понимается не какъ данность, а какъ заданность. Идеи человѣчности, прогресса, творчества не исключаются, а примиряются,—пишетъ Гессенъ,—съ идеей націи». Изъ готовой замкнутой субстанціи нація превращается у него въ принципѣ цѣлаго, въ идею, включающую въ себя и идею человѣчности.

Далѣе идутъ статьи акад. В. М. Бехтерева «Война и психозы», Н. Борина «Военныя операціи на восточномъ, западномъ и южномъ фронтахъ», К. Г. Житкова «Морская сила въ міровой войнѣ» и Н. А. Рынина «Воздушная война».

Во всѣхъ перечисленныхъ статьяхъ «Вопросовъ міровой войны» ставятся столь сложныя и столь многочисленныя проблемы, что разобрать ихъ здѣсь нѣтъ никакой возможности. Здѣсь можно только указать на интересныя статьи сборника и рекомендовать его всѣмъ, стремящимся осознать переживаемыя нами великія событія. *А. М. Ладыженскій.*

Проф. Бар. С. А. Корфъ. Русское государственное право. Часть I. Москва, 1915 г., стр. V+315. Цѣна 2 рубля.

Курсъ русскаго государственнаго права проф. бар. Корфа задуманъ широко и интересно. Отмѣчая въ предисловіи установившійся въ большинствѣ нашихъ университетовъ порядокъ преподаванія, при которомъ слушателямъ излагается только одно конституціонное право, а остальныя части русскаго государственнаго права не разбираются, проф. бар. Корфъ предполагаетъ дать въ своемъ руководствѣ обзоръ всѣхъ частей русскаго государственнаго права. Въ первую часть своей работы онъ включаетъ ученія о государствѣ и наукѣ государственнаго права, о монархѣ, парламентѣ и законодательствѣ. Во вторую часть, появленіе которой намъ обѣщано, войдутъ ученія о подданствѣ, сословіяхъ, автономіи, самоуправленіи, органахъ государства и органахъ управленія имперіи. Когда обѣ части задуманной проф. бар. Корфомъ работы будутъ выполнены, студенты, для которыхъ онъ главнымъ образомъ предназначаетъ свой курсъ,

Digitized by Google

будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи пособіе, охватывающее все русское государственное право и гдѣ разбираются всѣ его институты; при господствующей сейчасъ системѣ изложенія получается, напр., что вопросъ о воинской повинности не разбирается ни въ курсахъ государственнаго права, потому что онъ не относится къ праву конституціонному, ни въ курсахъ административнаго права, къ которому онъ дѣйствительно не относится.

Въ первой части курса проф. бар. Корфа изложеніе трактуемыхъ вопросовъ отличается сжатостью, позволяющей автору ограничиться небольшимъ количествомъ страницъ, и полнотой. Разсчитывая, главнымъ образомъ, на студентовъ проф. бар. Корфъ не утомляетъ вниманія читателя изложеніемъ юридическихъ контроверзъ, имѣющихъ значеніе лишь въ исторіи науки, и не загромождаетъ своей книги ссылками на многочисленную литературу, интересную зачастую лишь для спеціалиста. Но эта сжатость и обдуманная скупость ни въ какой мѣрѣ не вредятъ поставленнымъ имъ для себя задачамъ. Въ краткой формѣ въ курсѣ собранъ и отчетливо представленъ весь тотъ теоретическій, историческій и законодательный матеріалъ, который даетъ ясное и всестороннее пониманіе разбираемыхъ въ немъ вопросовъ. Ссылки на литературу содержатъ весь доступный слушателю матеріалъ на русскомъ языкѣ, а когда проф. бар. Корфу приходится ссылаться на иностранныхъ авторовъ, онъ не подавляетъ многочисленностью приводимыхъ имъ именъ, но неизмѣнно даетъ умѣлый подборъ новѣйшихъ и интереснѣйшихъ работъ, вполнѣ оріентирующихъ читателя, пожелавшаго углубиться въ тотъ или иной отдѣльный вопросъ.

Всѣ сдѣланныя замѣчанія относятся къ тѣмъ частямъ курса, гдѣ дается разборъ общихъ ученій о государствѣ и его элементахъ, объ отдѣльныхъ институтахъ государственнаго права и гдѣ дѣлается обзоръ иностраннаго законодательства. Укажемъ на единственную, если не ошибаемся, неточность въ изложеніи проф. бар. Корфомъ иностраннаго законодательства. Говоря, на стр. 130, объ отвѣтственности депутата передъ своими избирателями, авторъ замѣчаетъ, что «въ наши дни не разъ поднимался вопросъ и объ юридической отвѣтственности депутата, которая могла бы выразиться, напр., и въ такомъ институтѣ какъ отозваніе его (Abberufungsrecht нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ) недовольными имъ избирателями». Проф. бар. Корфъ знаетъ, что швейцарское Abberufungsrecht, существующее въ семи кантонахъ, есть не отозваніе отдѣльнаго депутата его избирателями,

Digitized by Google

а право досрочнаго роспуска представительнаго учрежденія въ случаѣ соотвѣтственнаго исхода референдума. Онъ самъ говоритъ объ этомъ на стр. 221, не употребляя въ данномъ случаѣ нѣмецкаго термина. Благодаря этой небрежности у студента, пользующагося курсомъ проф. бар. Корфа, легко можетъ создаться неправильное представленіе о сущности этого интереснаго и недавно возникшаго института швейцарскаго права.

Переходя къ изложенію проф. бар. Корфомъ русскаго государственнаго права, прежде всего необходимо отмѣтить тѣ пункты, по которымъ онъ даетъ оригинальное разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ нашего права. Это, во-первыхъ, признаніе, что отреченіе монарха отъ престола можетъ послѣдовать въ Россіи только въ законодательномъ порядкѣ (стр. 98), во-вторыхъ, признаніе, что отчужденіе территоріи возможно у насъ въ порядкѣ простого, а не основного законодательства (стр. 68); въ-третьихъ, утвержденіе, что датой перехода Россіи къ конституціи нужно считать 23 апрѣля 1906 г. (стр. 58—59). Оставляя въ сторонѣ два первыя мнѣнія, остановимся на третьемъ. Послѣднее утвержденіе аргументировано слѣдующимъ образомъ: конституціонный строй существуетъ тогда, когда есть парламентъ; функціонированіе послѣдняго необязательно, достаточно наличности нормы, устанавливающей непремѣнное изданіе законовъ при участіи парламента; эта норма для Россіи, по мнѣнію проф. бар. Корфа, была установлена ст. 86 Осн. зак. 23 апрѣля 1906 г. Едва ли эта аргументація можетъ быть принята, равно и слѣдующіе изъ нея выводы. Принятіе точки зрѣнія проф. бар. Корфа приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: послѣ 23 апрѣля 1906 г. законодательство помимо Думы возможно лишь въ порядкѣ ст. 87 Основныхъ законовъ. Такимъ образомъ изданіе безъ ссылки на ст. 87 24 апрѣля 1906 г. учрежденія Государственнаго Совѣта и ряда законовъ, утвержденныхъ 26 апрѣля 1906 г. и опубликованныхъ въ первые дни послѣ созыва Государственной Думы, является нарушеніемъ Основныхъ законовъ. Этого вывода проф. бар. Корфъ не дѣлаетъ, но онъ очевиденъ. Однако, ст. 87 Осн. зак. запрещаетъ измѣнять въ порядкѣ чрезвычайнаго указа учрежденіе Государственнаго Совѣта (т. е. дѣйствовавшее тогда учрежденіе Государственнаго Совѣта 1901 г.); слѣдовательно, учрежденіе Государственнаго Совѣта 24 апрѣля 1906 г. не могло быть издано и въ томъ порядкѣ. Такимъ образомъ, не было никакой юридической возможности привести въ дѣйствіе нормы, установленныя манифестомъ 20 февраля 1906 г., и ст. 86 Осн. зак. и опредѣляющія участіе Государственнаго Совѣта въ законодательствѣ. Намъ предста-

Digitized by Google

вляется, что этотъ явно невозможный выводъ изъ построеній и аргументаціи проф. бар. Корфа обусловленъ тѣмъ, что имъ не проводится различіе между установленіемъ какой-нибудь нормы и началомъ приведенія ея въ дѣйствіе. Норма, устанавливающая конституціонный строй въ Россіи, содержится въ п. 3 манифеста 17 октября 1905 г. Этотъ строй былъ приведенъ въ дѣйствіе 27 апрѣля 1906 г., когда были произведены всѣ перемѣны въ государственномъ механизмѣ, вызывавшіяся появленіемъ въ нашемъ законодательствѣ этой новой для него нормы.

Къ числу недостатковъ той части курса проф. бар. Корфа, гдѣ разбираются вопросы русскаго государственнаго права, нужно прежде всего отнести до крайности неотчетливое, представляющее почти лишь голый перечень датъ и къ тому же разбитое на двѣ части (стр. 55—56 и стр. 131—132) изложеніе возникновенія конституціоннаго строя въ Россіи. Въ учебномъ руководствѣ для студентовъ хотѣлось бы встрѣтить изложеніе этихъ событій первостепенной важности, уясняющее многія детали нашего государственнаго строя, а не календарь законодательства. Непонятно и умолчаніе объ избирательномъ правѣ по положенію 1906 г. Оно дѣйствуетъ и сейчасъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, положеніе 1906 г. печатается въ сводѣ законовъ, и о немъ мало случайнаго упоминанія, что арендаторы лишились 3 іюня 1907 г. избирательныхъ правъ (стр. 139). Совершенно не разсматривается въ курсѣ вопросъ о значеніи понятія «самодержавія» въ современномъ правѣ. Этотъ пропускъ тѣмъ болѣе, прискорбенъ что за послѣдніе два-три года было сдѣлано въ юридической литературѣ нѣсколько попытокъ не довольствовавшихся признаніемъ здѣсь простой описки, но пытающихся придать этому термину опредѣленный юридическій смыслъ. Совершенно пропущенъ вопросъ о правахъ Думы по разсмотрѣнію контингента новобранцевъ, какъ-будто оно не связано ни съ какими особенностями. Сравнительно мало использованы прецеденты, возникшіе на практикѣ нашихъ законодательныхъ учрежденій. Въ частности хотѣлось бы видѣть привлеченіе думскаго матеріала при разсмотрѣніи вопроса о правилахъ 24 августа 1909 г., о закономѣрности дѣйствія исключительныхъ положеній 1881 г.

Но коренной недостатокъ работы проф. бар. Корфа, дѣлающій ее мало пригодной къ роли учебнаго пособія для студентовъ, это цѣлый рядъ неточностей и даже неправильностей въ изложеніи дѣйствующаго русскаго законодательства, учащающихся къ концу книги. Прежде всего отмѣтимъ пропуски и неточности.

Digitized by Google

На стр. 80 утверждается, что суммы по смѣтѣ министерства императорскаго двора забронированы и не подлежатъ сокращенію со стороны Государственной Думы. Это утвержденіе необходимо было добавить ссылкой на тѣ случаи, когда кредиты по министерству императорскаго двора могутъ быть предметомъ обсужденія въ Государственной Думѣ. На стр. 293 сказано, что эти кредиты не подлежатъ обсужденію законодательныхъ учрежденій, если они не превышаютъ размѣровъ кредита, установленнаго по росписи 29 декабря 1905 г.; это невѣрно, потому что той же статьей правилъ о пор. разсм. госуд. росп. предусматриваются случаи, когда кредиты, превышающіе этотъ размѣръ, все же исключены изъ разсмотрѣнія законодательныхъ учрежденій. Не точно утвержденіе, что избраніе выборщиковъ происходитъ «на избирательныхъ съѣздахъ (одинъ съѣздъ на уѣздъ)» (стр. 134); въ каждомъ уѣздѣ имѣется по одному съѣзду отъ каждой куріи и три съѣзда (землевладѣльцевъ и оба городскіе) могутъ быть разбиты на отдѣленія, между тѣмъ о различныхъ куріяхъ избирателей говорится впервые лишь на слѣдующей страницѣ. Подаетъ поводъ къ самымъ нежелательнымъ смѣшеніямъ слѣдующее утвержденіе: «территоріально имперія раздѣлена на избирательные округа, соотвѣтствующіе губернскому дѣленію. Меньшей единицей является уѣздъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ право раздѣленія на избирательные округа предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ» (стр. 146). Значитъ ли это, что округа для избиранія членовъ Государственной Думы могутъ опредѣляться министромъ, что онъ можетъ соединять въ одинъ округъ двѣ сосѣднія губерніи, или наоборотъ, одну дѣлить надвое? Въ законѣ говорится только о правѣ министра производить раздѣленіе съѣздовъ землевладѣльцевъ, городскихъ и предварительныхъ съѣздовъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ на отдѣленія. Приходится пожалѣть и о пропускѣ тѣхъ легальныхъ основаній, которыя даютъ право министру произвести подобное дѣленіе. Процедура избранія 3 членовъ Государственнаго Совѣта отъ чернаго духовенства изложена такъ: «списокъ кандидатовъ составляется епархіальными епископами (по 3-мъ каждаго), изъ коихъ синодъ выбираетъ 3 членовъ Государственнаго Совѣта, получившихъ наибольшее число голосовъ епархіальныхъ епископовъ» (стр. 198). Въ дѣйствительности синодъ только подсчитываетъ голоса епископовъ и объявляетъ избранными 3 лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Отъ бѣлаго духовенства кандидаты представляются не по одному отъ каждаго благочиннаго съѣзда, которыхъ въ епархіи нѣсколько, а по одному

Digitized by Google

отъ епархіи; кандидатъ опредѣляется большинствомъ голосовъ благочинныхъ съѣздовъ. При разсмотрѣніи чрезвычайныхъ кредитовъ (стр. 295) опущенъ срокъ, въ теченіе котораго они должны быть внесены въ Думу и отсутствуетъ указаніе на возможность обращенія къ нимъ во время сессіи Государственной Думы. При указаніи порядка дѣйствія росписи минувшаго года (стр. 297) не указанъ срокъ, на который эта роспись вводится въ дѣйствіе.

Но въ курсѣ проф. бар. Корфа содержатся и болѣе серьезныя расхожденія съ русскимъ законодательствомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что признаніе указа 3 іюня 1907 г., «кореннымъ образомъ измѣнившимъ систему выборовъ въ Госуд. Думу, хотя и изданнымъ въ порядкѣ ст. 87» (стр. 91 прим.), есть только опечатка, въ учебникѣ непростительная, опечатка странная въ книгѣ, гдѣ ихъ минимальное количество, что нужно читать: «хотя **не** изданнымъ»... Но и за вычетомъ этого мѣста остается утвержденіе, при разборѣ вопроса о бюджетныхъ разногласіяхъ между палатами, что «кредиты, вызвавшіе разногласіе, передаются на разсмотрѣніе согласительной комиссіи; при невозможности устраненій разногласія въ комиссіи, возстановляется кредитъ предшествовавшей росписи» (стр. 297). Это утвержденіе неправильно вдвойнѣ. Прежде всего своей формой оно даетъ заключить, будто то или иное рѣшеніе комиссіи можетъ вліять на судьбу кредита. Соглашеніе, достигнутое въ комиссіи, поступаетъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, которая можетъ его и не принять. Затѣмъ оно неправильно и по существу, потому что въ случаѣ неустраненнаго разногласія между палатами кредитъ можетъ быть внесенъ въ размѣрѣ предшествовавшей росписи только тогда, когда разногласіе существуетъ въ самомъ отношеніи къ кредиту, т.-е. если онъ сокращается (увеличивается) лишь одной изъ палатъ, или сокращается одной и увеличивается другой. Если, однако, оба установленія согласны увеличить или уменьшить назначеніе, и это разногласіе сводится лишь къ цифрѣ увеличенія или уменьшенія, то принимается цифра, ближайшая къ назначенію послѣдней росписи, (ст. 13 прав. Пор. разсм. гос. росп.) Утвержденіе, что 11 декабря 1905 г. былъ изданъ указъ сенату, устанавливавшій обѣщанное общее избирательное право, едва ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Положеніе, что «единственно монарху принадлежитъ починъ законовъ касательно Финляндіи» (стр. 254), правильно въ системѣ проф. бар. Корфа, разсматривающаго автономію во второй части курса, но способно навести на сомнѣнія студента все же слыхавшаго, что въ Финляндіи существуетъ автономія.

Digitized by Google

Многаго оставляетъ желать языкъ и стиль книги. Но не эти внѣшніе недостатки лишаютъ курсъ проф. бар. Корфа, задуманный по очень широкому и благодарному плану, построенный умѣло и экономно, его прямого назначенія служить учебнымъ пособіемъ для студентовъ. Небрежность въ отношеніи къ дѣйствующему законодательству, носящая какой-то досадный отпечатокъ торопливости и положительно портящая главу о бюджетѣ, пропуски и умолчанія въ такихъ случаяхъ, гдѣ молчать нельзя, умаляютъ несомнѣнныя достоинства этой работы. Всѣ подмѣченные недостатки легко устранить при второмъ изданіи курса и, исправленный и дополненный, онъ дастъ возможность воспользоваться тѣми его цѣнными сторонами, которыя теперь поневолѣ и незаслуженно отступаютъ на задній планъ.

В. Погосскій.

П. Д. Оранжереевъ (инженеръ). Преступленіе и наказаніе въ математической зависимости М. 1916. 63 стр. Ц. 75 коп.

Сочиненіе это распадается на двѣ части: въ одной содержится критика существующихъ порядковъ судопроизводства, вторая представляетъ собой проектъ ихъ реформы. Въ первой части мы не встрѣчаемъ ничего оригинальнаго; авторъ повторяетъ нападки на современное уголовное право и процессъ, нападки, которыя слѣдуетъ считать шаблонными. Здѣсь мы встрѣчаемъ упреки въ безнадежной отсталости; судъ, по мнѣнію автора, въ настоящее время стоитъ по своимъ методамъ выработки приговора на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и тысячу лѣтъ назадъ, и въ этомъ отношеніи почти не прогрессировалъ; въ немъ господствуетъ рѣшеніе дѣлъ по усмотрѣнію; вмѣстѣ съ тѣмъ невыясненность существенныхъ элементовъ преступленія и его факторовъ въ смыслѣ ихъ относительной цѣнности и отсутствіе правильнаго учета дѣлаютъ исходъ процесса, не всегда больше связаннымъ съ сутью разбираемаго дѣла, чѣмъ съ прошлогоднимъ снѣгомъ, и сильно напоминаетъ гаданіе по кофейной гущѣ. Основнымъ препятствіемъ къ реформѣ суда — это явствуетъ изъ всей книги — является наличность юристовъ, которые автору представляются средневѣковыми схоластами, держащимися за форму въ ущербъ сущности. Упреки, какъ видитъ читатель, не новые, давно извѣстные, можетъ быть, выраженные нѣсколько болѣе самоувѣренно.

Какъ же исцѣлить эти недостатки? Слѣдуетъ «перейти при разсмотрѣніи дѣлъ къ точному и вдумательному учету отдѣльныхъ

Digitized by Google

ихъ элементовъ и къ нахожденію ихъ совмѣстнаго вліянія на степень виновности и отвѣтственности подсудимаго точными и опредѣленными методами» (стр. 9). Единственный способъ правильнаго учета есть математическій, каковой долженъ быть примѣненъ и въ данномъ случаѣ. Возраженіе, что юридическія науки — не математика, авторъ признаетъ, но указываетъ, что онъ не собирается дѣлать ихъ математикой. Не математика торговля — хотя въ ней и имѣютъ свое особенное примѣненіе математическіе методы учета.

Какъ можетъ быть примѣненъ математическій методъ учета въ процессѣ — это-то и излагается въ главной части сочиненія. Прежде всего опредѣляется математическій эквивалентъ преступленія — составляется таблица относительной тяжести различныхъ преступленій. Тяжесть эта можетъ варіироваться въ зависимости отъ пола преступника и отъ степени участія въ преступленіи. Затѣмъ вырабатывается таблица мѣры вмѣняемаго преступленія, въ которой содержится учетъ различныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на эту мѣру; здѣсь приведены сознаніе, рецидивъ, связанный съ хулиганствомъ, затѣмъ коэффиціентъ природы преступленія». Далѣе слѣдуютъ таблицы коэффиціента уличенности, личности подсудимаго, внѣшнихъ обстоятельствъ преступленія, обстановки его, причинъ, поводовъ, цѣлей преступленія и мѣры несенія отвѣтственности. Для пріисканія подлежащей мѣры наказанія составляется таблица связи отвѣтственности и времени заключенія.

Комбинаціи этихъ различныхъ величинъ приводятъ къ составленію формулы, разрѣшивъ которую, мы и получаемъ мѣру наказанія для каждаго конкретнаго случая. Получается такимъ образомъ точная, безпристрастная и единообразная мѣра; судъ становится свободенъ отъ упрековъ въ колебаніи и непостоянствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ отправленіе судебной функціи отдаляется отъ схоластическихъ пріемовъ, которыми оно пользуется понынѣ, и становится на уровень достигнутаго вѣкомъ прогресса.

Все это заманчиво. Однако, въ самомъ ли дѣлѣ реформа автора столь прогрессивна и научна? Нѣтъ ли тутъ старой погудки на новый ладъ? Къ сожалѣнію, приходится убѣдиться, что это такъ и есть.

Мы въ исторіи процесса имѣемъ уже опытъ съ обязательной расцѣнкой обстоятельствъ и фактовъ, составляющихъ предметъ сужденія въ уголовномъ процессѣ, — это печальной памяти формальная система доказательствъ. Мы знаемъ, къ чему она привела; мы знаемъ изъ печальнаго опыта прошлаго, что ни одно обстоятельство не можетъ имѣть разъ навсегда установленнаго значенія, что это значеніе варіируется до безконечности. Конечно, можно возразить, что по формуламъ автора мы получимъ такого рода

Digitized by Google

варіаціи въ результатѣ взаимнаго вліянія различныхъ, взятыхъ на учетъ факторовъ. Но дѣло-то въ томъ, что не всѣ факторы удается взять на учетъ, таблицы въ реальной жизни никогда не будутъ имѣть непогрѣшимой, абсолютной полноты; если въ нихъ вкрадется хотя бы и небольшой недостатокъ, пробѣлъ, то вся система автора падаетъ: математическій учетъ долженъ быть точнымъ; если же онъ неточенъ, то онъ не имѣетъ никакой особенной цѣны, а даже способенъ своей видимой научностью и авторитетностью причинять большія неудобства. Возьмемъ примѣръ составленія таблицы мотивовъ, причинъ и поводовъ преступленій. Намъ, юристамъ, извѣстно, чѣмъ кончились попытки составить не то что перечень, а только болѣе или менѣе подробную классификацію мотивовъ. Авторы, пытавшіеся сдѣлать это, встрѣтились съ неодолимыми препятствіями. Болѣе десяти лѣтъ собиралъ Томсенъ мотивы и въ концѣ концовъ долженъ былъ сознаться въ невозможности составить исчерпывающій ихъ перечень. Точно то же можно сказать и о цѣляхъ — вопросѣ, тѣсно связанномъ съ мотивами. Факторы преступности также не поддадутся точному учету. То же слѣдуетъ сказать и о прочихъ таблицахъ. Составленіе ихъ попросту невозможно — разумѣется, съ достаточной степенью точности и полноты. А вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и возможность математическаго учета.

Въ заключеніе скажемъ, что первымъ условіемъ критики является знаніе того, что критикуешь: нельзя предлагать реформъ того, чего не знаешь. Изъ этого правила не изъемлема и критика постановки суда въ государствѣ. И тутъ спокойнѣе, естественнѣе и, скажемъ, имѣя въ виду стремленіе автора къ научности, научнѣе предоставить дѣло спеціалистамъ. Вѣковая работа юриспруденціи не столь уже безплодна, а судъ не произволомъ юристовъ создался, а представляетъ нѣчто, обусловленное въ значительной мѣрѣ жизнью народа. Вторженіе въ дѣло суда схемъ г. Оранжереева, если бы таковое совершилось, означало бы собою возвратъ именно къ той схоластикѣ, къ которой такъ презрительно относится авторъ, считая ее въ настоящее время исключительнымъ удѣломъ юристовъ.

І. Аносовъ.

Баронъ А. Э. Нольде. Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ. Вып. II. Кодификація мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній. Петроградъ, 1914 г., стр. I—IX, 668.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ собой, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ науку мѣстнаго права. При чтеніи, его невольно

Digitized by Google

возникаетъ вопросъ, скороли и право тома X, части первой Св. Зак. дождется своего историка, который съ такимъ же трудолюбіемъ и знаніемъ дѣла, какъ бар. А. Нольде, вскрылъ внутреннюю сторону кодификаціи по архивнымъ даннымъ, установилъ планъ и источники гражданскихъ законовъ. Бар. А. Нольде оказалъ большую услугу мѣстному праву; и это право можетъ поистинѣ гордиться своимъ изслѣдователемъ. Ему же принадлежитъ и другое изслѣдованіе по мѣстному праву: Выпускъ I Очерковъ: Попытка кодификаціи литовско-польскаго права. Петроградъ, 1906. Такимъ образомъ, бар. А. Нольде поставилъ себѣ планомѣрную задачу по изслѣдованію нашего мѣстнаго права и надъ этой задачей онъ плодотворно работаетъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ рецензируемой работы, нельзя не пожалѣть, что авторъ какъ разъ недостаточно освѣтилъ въ дѣлѣ составленія Свода роль графа Сперанскаго; поэтому и самый заголовокъ работы не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Упоминаніе о графѣ Сперанскомъ носитъ характеръ хронологической даты и притомъ далеко неточной для времени кодификаціи мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній. Роль Розенкампфа едва ли вѣрно оцѣнена и въ особенности — Самсона. Напротивъ, авторъ обнаружилъ слишкомъ большое преклоненіе передъ Бунге, преклоненіе, хотя вполнѣ заслуженное, но помѣшавшее автору съ нѣсколько большей объективностью отнестись къ творцу 3-й части Свода Прибалтійскихъ губерній. Этимъ отчасти объясняются и нѣсколько преувеличенное представленіе автора о достоинствахъ Свода и едва ли заслуженный упрекъ въ несправедливой оцѣнкѣ 3-й части Свода, брошенный авторомъ Пахману и Шершеневичу (стр. 579). Между тѣмъ, основная мысль автора, которая его такъ увлекла и захватила, что Сводъ является дѣйствительно сводомъ, а не кодификаціей, что онъ есть обработка дѣйствующаго права и вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому матеріалу, что процессъ составленія Свода напоминаетъ процессъ созданія компиляціи Юстиніана, — какъ разъ представляется сомнительной, чтобы не сказать больше. Вѣдь, самъ авторъ очень невыгодно освѣщаетъ мѣстную практику, прекрасно вскрываетъ чрезвычайно широкое использованіе для Свода учебниковъ по пандектному праву; при чемъ, его утвержденіе, что учебники по пандектному праву были дѣйствующимъ правомъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не представляется доказаннымъ и убѣдительнымъ (см. ниже). Далѣе, самъ же авторъ прекрасно отмѣчаетъ кодификаціонный характеръ работъ Бунге, который въ романистической части Свода использовалъ все сдѣ-

Digitized by Google

ланное до него его предшественниками по составленію Свода, а въ германской части использовалъ свои учебники, какъ равно кодексы прусскій и саксонскій. Никто иной, какъ именно авторъ затрудняется объяснить заимствованія изъ иностранныхъ кодексовъ (стр. 565), примирить эти заимствованія съ историческимъ Сводомъ. Въ итогѣ, чтеніе работы автора убѣждаетъ какъ разъ въ обратномъ тому, что стремится доказать авторъ. Часть третья Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ является не сводомъ, какъ увѣряетъ авторъ, а кодификаціей, основанной на пандектномъ и старо-нѣмецкомъ правѣ. Она была, пожалуй, «маленькимъ Мюлленбрухомъ-Глюкомъ», подобно тому, какъ первый проектъ германскаго уложенія былъ «маленькимъ Виндшейдомъ». Оцѣнивая Сводъ съ указанной точки зрѣнія, мы можемъ разсматривать его какъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ попытокъ рецепціи реципированнаго въ Германіи римскаго права на почвѣ старо-германскаго права въ нашемъ отечествѣ. Дювернуа въ свое время подчеркивалъ, не безъ основанія, несамобытность Свода, онъ указывалъ, что третья часть его была составлена въ духѣ стараго нѣмецкаго партикуляризма (Чтенія, т. I., вып. I., изд. 3 ,стр. 64). Бар. А. Нольде самъ показываетъ, что попытки Самсона объединить хотя бы нѣсколько мѣстное право встрѣчали рѣзкій отпоръ на мѣстахъ. Во имя обособленности мѣстнаго права отъ общеимперскаго была отвергнута самая идея объединенія мѣстнаго права внутри его. Поэтому, и при составленіи впослѣдствіи Свода, объединяющія тенденціи найдены были въ учебникахъ пандектнаго права, поскольку это право не было еще реципировано.

Въ связи съ неправильнымъ, по нашему мнѣнію, представленіемъ автора о третьей части Свода, какъ «точномъ выраженіи существующаго права въ Прибалтійскомъ краѣ» (см. въ особенности стр. 250), стоитъ и преувеличенное представленіе автора о своихъ сводныхъ таблицахъ. Авторъ полагаетъ, что мѣста учебниковъ пандектнаго права, указанныя имъ въ таблицахъ, могутъ считаться источниками въ дѣлѣ истолкованія соотвѣтствующихъ статей третьей части Свода. Авторъ прямо говоритъ, что таблицы его «имѣютъ громадное значеніе для практическаго примѣненія Свода» (стр. 577). Это было бы дѣйствительно такъ, если бы учебники пандектнаго права были дѣйствительно мѣстнымъ правомъ, были своего рода сочиненіями юристовъ, имѣющими силу закона. Но авторъ какъ разъ колеблется въ своемъ обоснованіи данной мысли. Такъ, напр., онъ довольно оригинально отвѣчаетъ на поставленный себѣ вопросъ о томъ, почему Бунге выбралъ для Свода

Digitized by Google

опредѣленные учебники пандектнаго права. Оказывается, Бунге выбралъ учебники тѣ, по которымъ онъ самъ нѣкогда учился, и далѣе авторъ прибавляетъ: они, очевидно, не утратили своего вліянія во время составленія проекта; къ тому же эти книги, должно быть, были распространены среди мѣстныхъ юристовъ-практиковъ, которые изъ нихъ черпали свои свѣдѣнія (стр. 523). Всѣ эти предположенія автора («очевидно», «должно быть») меньше всего говорятъ за то, что его таблицы даютъ ключъ къ дѣйствительно историческому толкованію третьей части Свода. Въ лучшемъ случаѣ, по таблицамъ можно судить о степени удачности и богатствѣ рецепціи пандектнаго права составителями Свода.

Наши разногласія съ авторомъ рецензируемой книги въ основныхъ взглядахъ на Сводъ не имѣютъ своей цѣлью умалить цѣннаго значенія работы. Мы не имѣемъ возможности въ краткой рецензіи исчернать всего богатаго и цѣннаго матеріала данной работы, нашедшей вполнѣ заслуженную, лестную оцѣнку во многихъ рецензіяхъ. Всякій прочтетъ данную работу съ большимъ интересомъ; ея содержаніе — одна изъ замѣчательныхъ попытокъ рецепціи пандектнаго права, поистинѣ блестяще открытая бар. А. Нольде. Въ книгѣ бар. А. Нольде передъ читателемъ живо обрисована еще одна побѣда римскаго права. И эта побѣда была проведена подъ скромнымъ флагомъ «точнаго выраженія существующаго права въ Прибалтійскомъ краѣ».

Впослѣдствіи мы намѣрены подробнѣе развить наши возраженія, чѣмъ это могло быть сдѣлано въ настоящей краткой рецензіи.

Проф. *В. Синайскій.*

Издатель: Юридическое Общество
при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Редакторъ *Б. А. Кистяковскій.*

Digitized by Google

Указатель книгъ и статей по русскому конституціонному праву, вышедшихъ въ первое десятилѣтіе по изданіи манифеста 17 Октября 1905 г.

(Библіографическій опытъ.)

Аваловъ, З. Рецензія на сочиненіе бар. Б. Э. Нольде «Статья 87 Основныхъ Законовъ». «Юридическая библіографія» № 5, 1908 г.

— О законодательныхъ функціяхъ верховнаго управленія. «Извѣстія Политехническаго Института», т. X, 1908 г.

— О единствѣ и нераздѣльности Россіи. «Русская Мысль» кн. VIII, 1911 г.

Авиновъ, Н. Секретные кредиты въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. «Московскій Ежемѣсячникъ» № 37, 1906 г.

— Объемъ бюджетныхъ правъ Государственной Думы. «Московскій Еженедѣльникъ» № 41, 1906 г.

— Секретные кредиты въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 7, 1907 г.

— Проектъ росписи на 1907 годъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 9, 1907 г.

— Финляндскій вопросъ въ Государственной Думѣ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 7, 1908 г.

— Бюджетная работа Думы, «Московскій Еженедѣльникъ» № 18, 1908 г.

Отъ редакціи. Печатаемый здѣсь указатель литературы по русскому конституціонному праву не вошелъ въ XI книгу «Юридическаго Вѣстника», посвященную десятилѣтію манифеста 17 октября 1905 года, вслѣдствіе встрѣтившихся затрудненій при составленіи его. Теперь онъ печатается въ дополненіе къ ней. Мысль ознаменовать десятилѣтіе манифеста 17 октября 1905 года работами, которыя освѣтили бы его значеніе съ научной точки зрѣнія, была предложена редакціонному комитету «Юрид. Вѣстника» Александромъ Семеновичемъ Алексѣевымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. С. Алексѣевъ взялъ на себя и главный трудъ по выполненію этой мысли. Въ частности печатаемый теперь указатель возникъ исключительно благодаря его трудамъ, заботамъ и матеріальнымъ жертвамъ.

Указатель этотъ представляетъ собою только библіографическій опытъ. При неорганизованности нашего книжнаго и журнальнаго дѣла безукориз-

Digitized by Google

Александровъ, А. Десятилѣтіе русской конституціи. «Рѣчь» № 286, 1915 г.
Алексѣевъ, А. А. Контрассигнованіе, его значеніе и объемъ въ конституціонномъ правѣ. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. III, 1906 г.
— Парламентарная монархія и законъ 10 октября. Харьковская газета «Утро» №№ 44—46, 1907 г.
— Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. Харьковъ, 1910 г.
— Къ вопросу объ эволюціи русскихъ конституціонныхъ законовъ. «Юридическія Записки» №№ 2 и 3, 1911 г.
— Юридическое значеніе бюджетнаго закона. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. III и IV, 1913 г.
— Очерки бюджетнаго права русскихъ законодательныхъ палатъ. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. X и XII, 1914 г.
Алексѣевъ, А. С. Начала современнаго правового государства и административный строй наканунѣ 6 августа 1905 г. «Русская Мысль» кн. XI, 1905 г.
— Правительственный актъ 8 іюля 1906 г. съ точки зрѣнія конституціоннаго права. «Московскій Ежемѣсячникъ» №№ 18 и 19, 1906 г.
— Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства. М., 1907 г.
— Къ вопросу объ юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ. М., 1910 г.
— Основные законы 23 апрѣля въ истолкованіи профессора С. А. Котляревскаго. «Русскія Вѣдомости» № 102, 1912 г.
— Нѣсколько словъ по поводу статьи проф. С. А. Котляревскаго «Къ вопросу объ Основныхъ Законахъ». «Русскія Вѣдомости» № 108, 1912 г.
— Происхожденіе чрезвычайно-указного права и его политическое значеніе. «Юридическій Вѣстникъ» кн. I, 1913 г.
— Манифестъ 17-го октября и политическое движеніе, его вызвавшее. «Юридическій Вѣстникъ» кн. III, 1915 г.
Алексѣевъ, В. Дума и монархія. «Московскій Ежемѣсячникъ» № 19, 1906 г.

ненно полный и систематически совершенный указатель является почти неосуществимой задачей. Не задаваясь невыполнимыми задачами, составитель этого указателя ставилъ себѣ болѣе скромную цѣль составить указатель лишь по возможности полный. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что печатаемый указатель, несмотря, можетъ быть, на нѣкоторые пробѣлы, окажетъ неоцѣнимую услугу всѣмъ работающимъ въ области русскаго конституціоннаго права. Редакціонный комитетъ «Юридическаго Вѣстника» считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Александру Семеновичу Алексѣеву за предоставленіе «Юридическому Вѣстнику» этого библіографическаго труда, чрезвычайно полезнаго для дальнѣйшаго развитія русской государственной науки.

Digitized by Google

Алексѣевъ, Г. Законодательный починъ по русскому государственному праву. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. II, 1913 г.

Алексѣенко, М. Пятилѣтіе бюджета въ 3-й Государственной Думѣ. П., 1912 г.

Арсеньевъ, К. Правила 8-го марта 1906 г. «Московскій Еженедѣльникъ» № 5, 1908 г.

— Передъ судомъ Государственной Думы. «Московскій Еженедѣльникъ» № 5, 1908 г.

— Неприкосновенность личности и исключительное положеніе (законопроекты). «Вѣстникъ Европы», кн. II, 1908 г.

— Высочайшій указъ 21-го февраля. «Вѣстникъ Европы», кн. III, 1913 г.

— Четвертая Дума и вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. «Вѣстникъ Европы», кн. IV, 1913 г.

— На темы дня: вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ ст. 87 Основныхъ Законовъ. «Вѣстникъ Европы», кн. III, 1915 г.

Архангельскій, проф. Ближайшія задачи русскаго народнаго представительства. Казань, 1907 г.

А—ъ. Армія и Государственная Дума. «Московскій Еженедѣльникъ» № 47, 1909 г.

Башмаковъ, А. Народовластіе и государева воля (опытъ догматическаго построенія). П., 1908 г.

Бердниковъ, И. Новое государство въ его отношеніи къ религіи (къ вопросу о свободѣ совѣсти). Казань, 1904.

Березинъ, Избирательное право въ Государственную Думу. Рига, кн. 2—5, 1915 г.

Берлинъ, П. Парламентъ и общественное мнѣніе. «Образованіе» кн. VII, 1908 г.

Бертенъ, Л. Замѣтка о Государственной Думѣ. «Судебное Обозрѣніе» № 36, 1905 г.

Блохъ, А. Выборы въ Государственную Думу. «Право» № 25, 1912 г.

Боголѣповъ, М. Бюджетное право. «Русская Мысль» 1905 г.

Болдырь, А. Преемственность законодательныхъ работъ разныхъ легислатуръ, какъ вопросъ политическій. «Право» № 16, 1913 г.

— Отвѣтственность министровъ и отвѣтственное министерство. «Русская Мысль» кн. IX, 1915 г.

Бростремъ, А. Къ законопроекту объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 21, 1910 г.

Брунъ, М. Верхняя Палата въ Россіи и демократизмъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 2, 1906 г.

Брюнелли, П. Отвѣтственность министровъ. «Юристъ» № 45, 1904 г.

Брянчаниновъ, М. Роспускъ Государственной Думы. Псковъ, 1906 г.

Булгаковъ, С. Св. Синодъ и Государственная Дума. «Рѣчь» № 114, 1907 г.

Бѣлоконскій, И. Земство и конституція. М. 1910 г.

Варшавскій. Жизнь и труды первой Государственной Думы.

Велиховъ, Б. Объ юридическомъ обоснованіи народнаго представительства. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. X, 1909 г.; кн. IV, 1910 г.

Digitized by Google

Винаверъ, М. Конфликтъ въ первой Думѣ. II. 1907 г.
Витте гр. С. Самодержавіе и земство. П., 1908 г.
— — По поводу непреложности законовъ государственной жизни. П., 1914 г.
Вишнякъ, М. Контрассигнованіе. Энциклопедическій словарь Граната, т. XXIV.
— Отвѣтственность министровъ. «Право» № 1, 1910 г.
— Къ вопросу о судебной отвѣтственности министровъ. «Юридическія записки» №№ 1 и 2, 1914 г.
Водовозовъ, В. Всеобщее избирательное право и его примѣненіе въ Россіи. Вып. 1 и 2. 2-е дополн. изданіе. П., 1906 г.
Володинъ. Государственная Дума и Святѣйшій Синодъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 43, 1909 г.
Вороновъ. Объ основаніяхъ избирательныхъ правъ въ городскомъ населеніи. II., 1905 г.
Вреде, проф. Будущее русское народное представительство и Финляндія. «Право» № 22, 1905 г.
В. Опредѣленіе Синода о законопроектѣ. касающемся осуществленія свободы совѣсти. «Московскій Еженедѣльникъ» № 6, 1908 г.
Н. В. Манифестъ 17-го октября и преддумское законодательство. «Московскій Еженедѣльникъ» №№ 6 и 8, 1906 г.
— Высочайшій указъ объ Основныхъ Законахъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 9, 1906 г.
— Амнистія. «Московскій Еженедѣльникъ» № 11, 1906 г.
— Законопроектъ о неприкосновенности личности, жилища и корреспонденціи. «Московскій Еженедѣльникъ» № 12, 1906 г.
— Указъ Сената 9-го октября. «Московскій Еженедѣльникъ» № 35, 1906 г.

Герасимовъ. Къ вопросу о всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ. П. 1906 г.
Германсонъ В. Статья 2-я россійскихъ Основныхъ законовъ и Финляндская конституція. «Право» № 16, 1908 г.
— Мнѣніе М. М. Сперанскаго о конституціи Финляндіи. «Право» № 24, 1908 г.
Герье, В. Первая русская Государственная Дума. М., 1907 г.
— Вторая Государственная Дума. М., 1907 г.
— Первые шаги бывшей Государственной Думы. М., 1907 г.
— Изъ исторіи третьей Государственной Думы М., 1910 г.
— Значеніе третьей Государственной Думы въ исторіи Россіи.
Гессенъ, В. Теорія правового государства. Политическій строй современнаго государства. т. I, П., 1905 г.
— Государственная Дума. «Право» №№ 33—36, 1905 г.
— Новый избирательный законъ. «Право» №№ 50—52, 1905 г.
— На рубежѣ. Сборникъ статей. П., 1906 г.
— О двупалатной системѣ. «Право» №№ 19 и 31, 1906 г.
— Роспускъ Государственной Думы. «Право» №№ 32, 33, 1906 г.
— Самодержавіе и манифестъ 17-го октября. «Полярная Звѣзда» № 19, 1906 г.

Digitized by Google

Гессенъ, В. Русская конституція. «Рѣчь» №№ 5, 7, 11, 16, 1906 г.
— «Мирное обновленіе». «Рѣчь» № 133, 1906 г.
— О неприкосновенности личности. «Право» №№ 49, 51, 52, 1907 г.
— Исключительное положеніе. П., 1908 г.
— Запросъ о ст. 96 съ юридической точки зрѣнія. «Русская Мысль» № 6, 1910 г.
— Понятіе сессіи въ конституціонномъ правѣ Россіи. «Право» №№ 17, 18, 1911 г.

Гессенъ, І. Къ сорокалѣтію судебной реформы. «Право» № 47, 1904 г.
— Государственная Дума въ отзывахъ русской печати. «Право» № 32, 1905 г.
— О неприкосновенности личности. П., 1908 г.
— Объ обязательныхъ постановленіяхъ и порядкѣ охраны. «Право» № 6, 1908 г.
— Вопросы думскаго наказа. «Право» № 19, 1908 г.
— Конституціонное законодательство. «Право» №№ 44, 45, 1909 г.
— Реформа мѣстнаго суда. «Рѣчь» № 298, 1909 г.
— Отвѣтственность министерствъ. «Русская Мысль» кн. IX, 1915 г.

Гинзбургъ, Б. Логическіе выводы о народномъ представительствѣ. Съ пред. проф. М. Ковалевскаго. П., 1912.

Глинскій, Г. Борьба за конституцію. П., 1909 г.

Глинскій, П. Къ вопросу о титулѣ «Самодержецъ» (Изъ исторіи кодификаціи Основныхъ Законовъ въ 1906 г.), «Историческій Вѣстникъ» кн. II, 1913 г.

Годлевскій, С. Свобода и право. Къ вопросу всенароднаго избранія представителей въ Россіи. П., 1906 г.

Головинъ, Ѳ. Какъ примѣнять § 128 Наказа Государственной Думы? «Рѣчь» № 283, 1907 г.

Голубевъ, В. Шестидесятые годы и предстоящая реформа. «Право» № 40, 1904 г.
— Самоуправленіе Россіи. «Русская Мысль» кн. XII, 1910 г.

Горановскій, М. Предѣлы власти Государственнаго Совѣта и Государственной Думы на предъявленіе запросовъ по основнымъ государственнымъ законамъ. Гродна, 1912 г.
— О правѣ Государственной Думы предъявлять запросы по дѣламъ судебнаго вѣдомства съ точки зрѣнія самостоятельности суда и его независимости. Гродна, 1913 г.

Горбуновъ, А. Законность управленія и ея необходимыя условія. «Право», № 1, 1905 г.
— Необходимыя поправки къ законопроекту о неприкосновенности личности. «Русскія Вѣдомости» № 265, 1909 г.

Горбуновъ, В. Политика исключительныхъ мѣропріятій. «Право» №№ 43, 45 и 46, 1907 г.

Гордѣенко, Я. Отвѣтственность министровъ. Исключительныя положенія 1907 г.

Горенбергъ, М. Къ вопросу объ отвѣтственности министровъ (литературное обозрѣніе). «Вѣстникъ Права» № 1, 1905 г.
— Къ вопросу о контрассигнатурѣ и отвѣтственности министровъ. «Право» № 44, 1907 г.

Digitized by Google

Горенбергъ, М. Запросъ о дѣйствіяхъ финляндскаго министра статсъ-секретаря. «Право» № 8, 1908 г.

— Сессія, ея начало, постановка и закрытіе. «Право» №№ 42 и 43, 1911 г.

— Къ толкованію Основныхъ Законовъ. «Право» №№ 7 и 8, 1914 г.

— Юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 года. «Юридическій Вѣстникъ» кн. XI, 1915 г.

Гредескулъ, Н. Попраніе закона. «Право» № 21, 1906 г.

— Четвертая Государственная Дума, какъ этапъ въ политическомъ развитіи Россіи. Екатеринославъ, 1914 г.

Грибовскій, В. Государственное устройство и управленіе Россійской Имперіи (изъ лекцій по русск. госуд. и админ. праву). Одесса, 1912 г.

Григорьевъ. Избирательное право и производство выборовъ. П,, 1905 г.

Григорьевъ, В. Объявленный указъ. «Журналъ Министерства Юстиціи» №№ 7, 8 и 10, 1914 г.

Гриммъ, Д., проф. Къ вопросу о временномъ устраненіи членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта на основаніи ст. 21 учр. Госуд. Думы. «Право» № 14, 1907 г.

— Нѣсколько замѣчаній по поводу отказа Правительствующаго Сената въ распубликованіи Наказа Государственнаго Совѣта. «Право» № 22, 1907 г.

— Къ вопросу о преемственности законодательныхъ работъ. «Право» №№ 49 и 50, 1912 г.

Гриммъ, Э., проф. Наше политическое положеніе. «Право» № 15, 1905 г.

— Наше политическое положеніе. «Право» № 4, 1906 г.

Гронимъ. Статья восемьдесятъ седьмая. «Право» № 12, 1911 г.

Гронскій, П., пр.-доц. Списки избирателей. «Право» № 50, 1905 г.

— Избирательная геометрія. «Право» №№ 36, 37, 1906 г.

— Совѣтъ старшинъ. «Право» №№ 4 и 5, 1910 г.

— Государственная Дума и земская реформа. «Русскія Вѣдомости» № 13, 1914 г.

— Бюджетъ и 87-я ст. Основныхъ Законовъ. «Русскія Вѣдомости» № 13, 1915 г.

Гросманъ, В. Объ организаціи подготовительныхъ комиссій Государственной Думы. «Русскія Вѣдомости» № 169, 1915 г.

Гурвичъ, Г. Утрата условій избираемости и прекращеніе депутатскихъ полномочій. «Право» № 16, 1911 г.

Гурляндъ. Дума народнаго гнѣва. П., 1907 г.

Гусаковскій, П. Принципы избирательнаго права. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. VIII и IX, 1907 г.

Данъ, Ф. Выборы въ Государственную Думу по Положенію 3 іюня 1907 г. П., 1912 г.

Дворянинъ. Проектъ Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи. «Московскій Еженедѣльникъ» № 36, 1906 г.

Декъ, А. Выборы въ Государственную Думу по положенію 3 іюля 1907 г. П., 1912 г.

Демченко, В. По поводу нашей смуты и Высочайшихъ Указовъ 12 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. П., 1905 г.

Digitized by Google

Дмитрюковъ, И. Къ вопросу о 96 ст. Основныхъ Государственныхъ Законовъ. П., 1909 г.

Друцкой кн. С. проф. Ст. 87 Осн. Зак. и правила 8 марта 1906 г. «Право» № 40, 1907 г.

Дѣевъ, А. Указатель книгъ и брошюръ о Государственной Думѣ (съ 1905 г. по 7 іюля 1912 г.). Изданіе библіотеки Государственной Думы. П., 1913 г.

К. Д. О частныхъ отступленіяхъ отъ закона. «Право» № 21, 1909 г.

— Наказъ Государственной Думы. «Рѣчь» № 274, 1909 г.

— Обновленный государственный строй. «Рѣчь» № 275, 1910 г.

Проф. Д. Ст. 17 правилъ 8 марта 1906 г. и ея примѣненіе на практикѣ. «Право» № 42, 1907 г.

— Порядокъ разсмотрѣнія бюджета въ Государственной Думѣ. «Право» № 11, 1908 г.

Д. Щ. Къ вопросу о толкованіи ст. 40 Учрежденія Государственной Думы. «Право» № 52, 1911 г.

— Къ вопросу о преемственности работъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. «Право» № 20, 1912 г.

Евреиновъ, Г. Бюрократія и народное представительство. «Право» № 27, 1905 г.

— Реформа высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и народное представительство. Изд. 2-е. П., 1905 г.

— Реформа высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и народное представительство. П., 1906 г.

Елистратовъ, А. Государственное право. Пособіе къ лекціямъ. М., 1912 г., 2-е изд. М. 1916 г.

— Основныя начала административнаго права. М. 1914 г.

Еропкинъ, А. Земство и народъ. Къ вопросу о народномъ представительствѣ. П., 1905 г.

— Народное представительство и государственный бюджетъ. «Русская Мысль» кн. 9, 1905 г.

— Государственный Совѣтъ по русской конституціи. «Труды Петроградскаго Юридическаго Общества», томъ VII.

— Нашъ бюджетъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 14, 1909 г.

Ефремовъ, И. Новый избирательный законъ и землевладѣльцы. «Московскій Еженедѣльникъ» № 37, 1907 г.

Жедеревъ, Н. Государственная Дума (будущее законоподготовительное собраніе). П., 1905 г.

Жижиленко, А., проф. Законъ 8 марта объ огражденіи избирательнаго права и безпрепятственной дѣятельности новыхъ законодательныхъ учрежденій. «Право» № 11, 1906 г.

— О безотвѣтственности народныхъ представителей. П., 1910 г.

Жилинъ, А. Отвѣтственность министровъ. Очерки изъ теоріи, исторіи и практики этого института въ конституціонныхъ странахъ. «Кіевскія Университетскія извѣстія» №№ 2—5, 1909 г. То же, Кіевъ, 1909 г. То же, П., 1909 г.

Загряцковъ, М. Всероссійскій земскій союзъ. Общіе принципы организаціи и юридическая природа. Изд. «Земское Дѣло». 1915 г.

Digitized by Google

Законодательные акты Переходнаго времени 1904—1908 гг. Сборникъ подъ ред. Н. И. Лазаревскаго. П., 1909 г.

Затворницкій, Я. Система обжалованія по дѣламъ о выборахъ въ Государственную Думу. «Судебное Обозрѣніе» №№ 38, 39, 41, 45, 46, 1909 г.

Захаровъ, Н. Система русской государственной власти. Юридическое изслѣдованіе. Новочеркасскъ, 1912 г.

Ивановскій, В. Совѣщательное народное представительство. «Вѣстникъ Европы» кн. IX, 1905 г.

— Избирательное право и избирательная техника. «Русская Мысль» кн. XI, 1905 г.

— Народное представительство и основныя права гражданъ. Брошюра. 1906 г.

— Учебникъ государственнаго права. Казань, 1912 г., изд. 4-е. Ц. 3 руб.

— Указъ и законъ по дѣйствующему русскому законодательству. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. V, 1912 г.

— Политико-культурное значеніе манифеста 17 октября 1905 г. «Юридическій Вѣстникъ» кн. XI, 1915 г.

Иванцовъ, М. Правящая власть и народное представительство. «Московскій Еженедѣльникъ» № 14, 1906 г.

— Къ вопросу объ интерпелляціяхъ. «Московскій Еженедѣльникъ» №№ 20 и 21, 1907 г.

— Юридическія основанія новаго избирательнаго закона. «Московскій Еженедѣльникъ» № 36, 1907 г.

Изгоевъ, А. Конституціонализмъ и соціализмъ. «Рѣчь» № 212, 1906 г.

— Депутаты первой Думы. «Рѣчь» № 42, 1907 г.

— Вторая Дума. «Рѣчь» № 68, 1907 г.

— «Они довольны». «Рѣчь» № 70, 1907 г.

— Избирательныя куріи по новому закону. «Рѣчь» № 180, 1907 г.

— Представительство отъ губерній по закону 3 іюня. «Рѣчь» № 183, 1907 г.

— Составъ земледѣльческой куріи по закону 3-го іюня. «Рѣчь» № 187, 1907 г.

— Что такое городская курія по закону 3-го іюня. «Рѣчь» № 202, 1907 г.

— Рожденіе русской конституціи. «Рѣчь» № 245, 1907 г.

— Земское конституціонное движеніе. «Рѣчь» № 206, 1913 г.

Имшенецкій. Вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи въ Государственной Думѣ. «Русскія Вѣдомости» № 242, 1906 г.

Іоллосъ, Г. Государственная Дума въ отзывахъ иностранной печати. «Право» № 33, 1905 г.

Казанскій, П. Е. Государственная Дума по дѣйствующимъ законамъ. П., 1906 г.

— Выборы въ Государственную Думу. П., 1906 г.

Digitized by Google

Казанскій, П. Я. Избирательныя права гражданъ. «Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета» 1910 г. Вып. III. То же отд. изд. Одесса, 1910 г.

— Власть Всероссійскаго Императора. Очерки дѣйствующаго права. П., 1912 г.

Kalantaroff. Die moderne Staatsverfassung des russischen Reiches. Heidelberg. 1908.

Каменецкій, С. Статья 175 устава о цензурѣ и печати. «Вѣстникъ Европы» кн. IV, 1912 г.

Каминка, А., пр.-доц. Лозунгъ избирательной кампаніи. «Право» № 50, 1905 г.

— Правила 4 марта объ обществахъ, союзахъ и собраніяхъ. «Право» 1906 г., № 10, 13.

— Послѣдніе законы стараго режима. «Право» № 18, 1906 г.

— Неприкосновенность депутата. «Право» № 22, 1906 г.

— Правительствующій Сенатъ и избирательный законъ. «Право» № 48, 1906 г.

— Сила свода законовъ. «Право» № 1, 1908 г.

Каминка А. и **Набоковъ Вл.** Вторая Государственная Дума. П., 1907 г.

Канторовичъ, Я. Начало новой эры. «Судебное Обозрѣніе» № 33, 1905 г.

— 126 статья и выборы въ Государственную Думу. «Судебное Обозрѣніе» № 37, 1905 г.

Карауловъ, В. Свобода совѣсти. «Рѣчь» № 285, 1910 г.

Катковъ, М. О самодержавіи и конституціи. М., 1905 г.

Кауфманъ, А. Указъ 9-го ноября 1906 г. «Русская Мысль» кн. I. 1908 г.

— Дума 3-го іюня и указъ 9-го ноября. «Русская Мысль» кн. IV, 1909 г.

— Новый варіантъ 87-й ст. «Рѣчь» №№ 172 и 173, 1913 г.

Кизеветтеръ, А. Консерватизмъ и наши правыя партіи. Журналъ «Свобода и Культура» № 43, 1906 г.

— Самодержавіе и манифестъ 17-го октября. Газета «Вѣкъ» № 43, 1906 г.

— Первые шаги Государственной Думы. «Русскія Вѣдомости» 7 мая 1906 г.

— На кого работаютъ совѣтчики. «Русскія Вѣдомости» 11 мая 1906 г.

— Дума и Кабинетъ. «Русскія Вѣдомости» 17 мая 1906 г.

— Престижъ власти. «Русскія Вѣдомости» 24 мая 1906 г.

— Министерская философія власти. «Русскія Вѣдомости» 14 іюня 1906 г.

— Успокоеніе и реформы. «Русскія Вѣдомости» 23 августа 1906 г.

— Довѣріе и конституція. «Русскія Вѣдомости» 20 сентября 1906 г.

— Конецъ и начало. «Русскія Вѣдомости» 17 октября 1906 г.

— Вторая Дума. «Русскія Вѣдомости» 10 декабря 1906 г.

— Письма изъ Таврическаго Дворца. «Русская Мысль» кн. III и IV, 1907 г.

— Знаменательные симптомы. «Русскія Вѣдомости» № 109, 1907 г.

Digitized by Google

Кизеветтеръ, А. Третья Дума и манифестъ 17 октября. «Русскія Вѣдомости» № 262, 1907 г.

— Воззваніе къ народу третьей Думы. «Русскія Вѣдомости» № 286, 1907 г.

— Третье іюня въ третьей Думѣ. «Русскія Вѣдомости» № 130, 1908 г.

— Исторія манифеста 17 октября 1905 г. «Русскія Вѣдомости» № 238, 1915 г.

Кистяковскій, Б. Права человѣка и гражданина. «Вопросы Жизни» № 1, 1905 г.

— Конституціи дарованныя и конституціи завоеванныя «Полярная Звѣзда» № 11, 1906 г.

— Кабинетъ Министровъ. «Свобода и Культура» №№ 2 и 3, 1906 г.

— Наше политическое образованіе. «Свобода и Культура» № 6, 1906 г.

— Государственная Дума. «Право» № 18, 1906 г.

— Новая кодификація нашихъ Основныхъ Законовъ. «Дума» № 12, 1906 г.

— Государство правовое и соціалистическое. «Вопросы Философіи и Психологіи» кн. 85, 1906 г.

— Безотвѣтственность министровъ и отвѣтственность верховной власти. «Рѣчь» № 50, 1906 г.

— Вступительная статья къ русскому переводу сочиненія Г. Еллинека «Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія». П., 1907 г.

— Областная автономія и ея предѣлы. «Московскій Еженедѣльникъ» № 4, 1907 г.

— Какъ осуществить единое народное представительство. «Русская Мысль» №№ 3, 4 и 6, 1907 г.

— Въ защиту права. Сборникъ статей «Вѣхи». М., 1909. Изд. 1—5.

— Сущность государственной власти. «Юридическія Записки». Ярославль, № 3, 1913 г.

— Политическое и юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 г. «Юридическій Вѣстникъ» кн. XI, 1915 г.

Князьковъ. Самодержавіе въ его исконномъ смыслѣ. П., 1906 г.

Ковалевскій, М. Представительство имуществъ не есть представительство населенія. «Право» № 35, 1905 г.

— 87-я статья — ея прошлое, настоящее и будущее. «Русскія Вѣдомости» № 35, 1908 г.

— Контроль русскихъ законодательныхъ палатъ надъ администраціей. «Русскія Вѣдомости» № 121, 1908 г.

— Прошлое и настоящее 87 статьи. «Вѣстникъ Европы» кн. IV, 1911 г.

— Законодательныя заимствованія и приспособленія. «Вѣстникъ Европы» № 5, 1912 г.

— Преемственность или прерывность законодательныхъ работъ. «Юридическій Вѣстникъ» кн. I, 1913 г.

— Конфликтъ палатъ изъ-за закона о государственной росписи. «Вѣстникъ Европы» кн. VII, 1914 г.

Digitized by Google

Кокошкинъ, Ѳ. Объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи. «Русскія Вѣдомости» №№ 144, 147, 149, 150, 151, 153, 1905 г.

— О конституціонализмѣ и парламентаризмѣ. «Русскія Вѣдомости» № 236, 1907 г.

— Въ заключеніе моего спора съ проф. Герье. «Русскія Вѣдомости» № 239, 1907 г.

— Итоги выборовъ и перспективы будущаго. «Русскія Вѣдомости» № 241, 1907 г.

— Къ вопросу о реформѣ Сената. «Русскія Вѣдомости» №№ 18, 21, 22, 1908 г.

— Сенатъ по министерскому проекту. «Русскія Вѣдомости» №№ 27, 38, 1908 г.

— О парламентскомъ тонѣ третьей Думы. «Русскія Вѣдомости» № 103, 1908 г.

— Къ вопросу о неприкосновенности депутатовъ. «Русскія Вѣдомости» № 221, 1908 г.

— О предсѣдательской власти въ третьей Думѣ. «Русскія Вѣдомости» № 256, 1908 г.

— Еще о предсѣдательской власти въ третьей Думѣ. «Русскія Вѣдомости» № 268, 1908 г.

— Къ вопросу о реформѣ Сената. М., 1908 г.

— Объ изъятіяхъ изъ закона. «Русскія Вѣдомости» № 56, 1909 г.

— Снятая съ очереди неприкосновенность личности. «Русскія Вѣдомости» № 92, 1909 г.

— Государственная Дума и Сенатъ. «Русскія Вѣдомости» № 230, 1909 г.

— О запросахъ. «Русскія Вѣдомости» 14 февраля 1909 г.

— Совѣтъ министровъ. «Русскія Вѣдомости» 1 января 1910 г.

— Финляндія и законъ. «Русскія Вѣдомости» 17 іюня 1910 г.

— Судьба указа 17 октября 1906 г. о старообрядческихъ общинахъ. «Русскія Вѣдомости» 7 ноября 1910 г.

— Россія и старообрядцы. «Русскія Вѣдомости» 27 ноября 1910 г.

— Разговорная юриспруденція «Россіи». «Русскія Вѣдомости» 5 декабря 1910 г.

— Не въ своей сферѣ. «Русскія Вѣдомости» 5 апрѣля 1911 г.

— Кодификаціонная власть. «Русскія Вѣдомости» № 57, 1911 г.

— «Освѣдомленные» поклонники 87-й статьи. «Русскія Вѣдомости» № 66, 1911 г.

— Еще о «нажимѣ на законъ». «Русскія Вѣдомости» № 70, 1911 г.

— Къ исторіи текста Основныхъ Законовъ. «Русскія Вѣдомости» № 178, 1911 г.

— Законодательные пріемы 1906 г. и 1911 г. «Русскія Вѣдомости» № 252, 1911 г.

— Мѣры къ предотвращенію «забвенія законовъ». «Русскія Вѣдомости» № 10, 1912 г.

— Примѣненіе «общеимперскаго» законодательства. «Русскія Вѣдомости» № 185, 1912 г.

Digitized by Google

Кокошкинъ, Ѳ. Лекціи по общему государственному праву. Изд. 2-е. М., 1912 г.

— Юридическая природа манифеста 17-го октября. «Юридическій Вѣстникъ» кн. I, 1913 г.

— Правительство и страна. «Русскія Вѣдомости» № 1, 1913 г.

— Ст. 29 законопроекта о печати. «Русскія Вѣдомости» № 247, 1913 г.

— Эволюція формъ государственнаго быта. «Русскія Вѣдомости» 1 января 1914 г.

— О государственномъ языкѣ. «Русскія Вѣдомости» 11 іюня 1914 г.

— Государственный Совѣтъ и 7-я статья Основныхъ Законовъ. «Русскія Вѣдомости» 6 іюля 1914 г.

— Новое сокращеніе компетенціи Думы. «Русскія Вѣдомости» № 104, 1914 г.

— Министръ юстиціи о депутатской безотвѣтственности. «Русскія Вѣдомости» № 108, 1914 г.

— Представители правительства въ Думѣ. «Русскія Вѣдомости» № 118, 1914 г.

— Бюджетный конфликтъ. «Русскія Вѣдомости» № 130, 1914 г.

— Еще о бюджетномъ конфликтѣ. «Русскія Вѣдомости» № 135, 1914 г.

— Судебная реформа и государственный строй. «Русскія Вѣдомости» № 268, 1914 г.

— Министерская отвѣтственность. Москва, 1915 г.

Combotheera. Monografies de droit public. Paris 1909. Lois fondamentales et nouveau regime en Russie.

Конституціонное государство. Сборникъ статей Авалова, Водовозова, Горенберга, Дживелегова, Карѣева, Кудрина, Лазаревскаго, Покровскаго и Рейснера. Изд. І. Гессена и А. Каминка. П., 1905.

Конституція Россійской Имперіи. Съ примѣч. и вступительной статьей Л. Слонимскаго, П., 1908 г.

Коркуновъ, Н. Русское государственное право. Введеніе и общ. часть. Подъ ред. и съ допол. З. Авалова, М. Горенберга и К. Соколова. Изд. 8-е. П., 1913 г.

Корниловъ, А. Парламентскій блокъ. М., 1915 г.

Коровицкій, Р. Къ законодательнымъ правамъ Государственной Думы. «Право» № 28, 1907 г.

Корсаковъ, В. Конституціонная форма и система управленія. «Русскія Вѣдомости» № 102, 1908 г.

Корфъ, бар. С. Гражданская свобода. «Юридическія записки Демидовскаго лицея». Вып. III (XVI—XVII).

— Инициатива закона (новый энциклопедическій словарь Брокгауза, т. XIX).

— Избирательное право. «Вѣстникъ Права» № 1, 1904 г.

— Вліяніе роспуска палаты на правовое значеніе принятыхъ ею законопроектовъ. «Право» № 14, 1909 г.

— Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ. Брошюра. 1911 г.

— Реформа Сената. «Вопросы Права» кн. I, 1912 г.

Digitized by Google

Корфъ, бар. С. Русское Государственное право, ч. I, 1915 г.
— Понятіе суверенитета. (Къ десятилѣтію манифеста 17 октября 1905 года). «Юридическій Вѣстникъ» кн. XI, 1915 г.
— Реформа Сената. «Юридическій Вѣстникъ» кн. XII, 1915 г.
Котляревскій, С. Избирательный законъ. «Полярная Звѣзда» № 2, 1905 г.
— Къ національному вопросу. «Право» № 35, 1905 г.
— Пренія по вопросу о передачѣ адреса. «Право» № 19, 1906 г.
— Свобода совѣсти. «Московскій Еженедѣльникъ» № 21, 1906 г.
— Законодательное творчество министровъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 37, 1907 г.
— Конституціонное право. П., 1907 г.
— Конституціонная оппозиція и ея критики. «Русскія Вѣдомости» № 35, 1907 г.
— Провѣрка выборовъ. «Русскія Вѣдомости» № 46, 1907 г.
— Конституціонный принципъ и слово «Конституція». «Русскія Вѣдомости» № 260, 1907 г.
— Сила и право. «Русскія Вѣдомости» № 267, 1907 г.
— Конституціонный вопросъ въ Россіи въ 1907 г. «Русскія Вѣдомости» № 1, 1908 г.
— Признаніе правъ меньшинства. «Русскія Вѣдомости» № 95, 1909 г.
— Передъ выборами. «Русскія Вѣдомости» № 220, 1909 г.
— Къ финляндскому вопросу. «Московскій Еженедѣльникъ» № 4, 1909 г.
— Господство исключительнаго положенія. «Московскій Еженедѣльникъ» № 7, 1909 г.
— Къ бюджетнымъ преніямъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 8, 1909 г.
— Законопроекты о свободѣ совѣсти. «Московскій Еженедѣльникъ» № 19, 1909 г.
— Финляндскія дѣла. «Московскій Еженедѣльникъ» № 25, 1909 г.
— Законопроектъ о старообрядцахъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 21, 1910 г.
— Правовое государство и внѣшняя политика. М., 1909 г.
— Юридическія предпосылки русскихъ Основныхъ Законовъ. М., 1912 г.
— Къ вопросу объ Основныхъ Законахъ. «Русскія Вѣдомости» № 105, 1912 г.
— Сущность парламентаризма. «Юридическій Вѣстникъ» кн. II, 1913 г.
Ксюнинъ, А. Что такое Государственная Дума? Конституціонная монархія. П., 1907 г.
Кузнецовъ, К. Провѣрка парламентскихъ выборовъ. «Право» № 16, 1906 г.
— Роль Предсѣдателя законодательныхъ палатъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 28, 1909 г.
Кузьминъ-Караваевъ, В., проф. Земство наканунѣ реформы. «Право» № 49, 1904 г.
— Народъ и власть. П., 1907 г.
— Изъ эпохи освободительнаго движенія. I. До 17 октября 1905 г. II. Отъ 17 октября 1905 г. до 8 іюля 1906 г. П., 1907 г.

Digitized by Google

Кулишеръ, А. Бюджетная абракадабра. «Рѣчь» № 170, 1914 г. (по поводу бюджетнаго конфликта).

Куплеваскій. Историческій очеркъ преобразованія государственнаго строя въ царствованіе Императора Николая II. Вып. I. П., 1912 г.

Лавриновичъ, Ю. Итоги россійской конституціи. П., 1907 г.

Лазаревскій, Н. Государственная Дума. «Вѣстникъ Права», № 5, 1905 г.

— Законность и предѣлы ея осуществимости. «Право» № 2, 1905 г.

— Бюрократія и общество. «Право» № 4, 1905 г.

— Государственная Дума и ея участіе въ дѣлахъ законодательства. «Право» № 33, 1905 г.

— Правила о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія Государственной Думы и положенія о выборахъ въ Государственную Думу. «Право» № 38, 1905 г.

— Временныя правила о собраніяхъ. «Право» № 42, 1905 г.

— Временныя правила о печати. «Право» №№ 48—49, 1905 г.

— Указъ 11 декабря 1905 г. «Вѣстникъ Права» № 10, 1906 г.

— Второе учрежденіе Государственной Думы. «Право» №№ 8—10, 1906 г.

— Скрѣпа министромъ актовъ главы государства. «Право» № 41, 1907 г.

— Наказъ Государственной Думы и выборы ея Предсѣдателя. «Право» № 45, 1907 г.

— Вліяніе закрытія сессіи или окончанія легислатуры на судьбы законопроектовъ, принятыхъ палатами. «Право» № 48, 1907 г.

— Международные договоры и народное представительство. «Право» № 50, 1907 г.

— Самодержавіе. Словарь Брокгауза и Ефрона. 56 полутомъ.

— Русское государственное право. II изд., П., 1913 г.

Landau. Das Budgetrecht in Russland.

Левин, Д. Неприкосновенность личности. «Рѣчь» № 285, 1910 г.

Левшинскій, И. Нашъ Государственный Совѣтъ по вопросу о безответственности депутатовъ. «Вѣстникъ права и нотаріата» № 26, 1912 г.

Леонтьевъ, А. Учредительное собраніе. «Право» №№ 48, 49, 1905 г.

Леруа-Больё, А. Результаты выборовъ и новая Дума. «Рѣчь» № 39, 1907 г.

Липранди, А. Возможенъ ли въ Россіи парламентаризмъ? Харьковъ, 1909 г.

Лукашевичъ, А. Свобода печати и судъ. «Юристъ» № 49, 1906 г.

Лунинъ, С. Къ вопросу объ амнистіи. «Московскій Еженедѣльникъ» № 7, 1907 г.

Львовъ, Л. О законѣ 9 ноября 1906 года. «Рѣчь» № 201, 1908 г.

— Проектъ закона о печати. «Рѣчь» № 264, 1913 г.

Львовъ, Н. Бюджетныя пренія въ Государственной Думѣ въ прошломъ и текущемъ году. «Московскій Еженедѣльникъ» № 11, 1909 г.

— Земство въ западныхъ губерніяхъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 19, 1910 г.

— Земство и Государственная Дума. «Русскія Вѣдомости» № 133, 1912 г.

Digitized by Google

Люблинскій, П. «Манифестъ» и «Законъ» (Энциклоп. словарь А. и И. Граната, 7-е изд.).

— Преступленія противъ избирательнаго права. П., 1906 г.

— Право амнистіи. 1907 г.

— Право парламентскаго запроса. «Слово» №№ 377, 378, 380, 1908 г.

— Законопроектъ о неприкосновенности личности въ комиссіи 3-й Государственной Думы. «Право» №№ 16, 17, 1909 г.

— Вопросъ о государственныхъ преступленіяхъ на Московскомъ съѣздѣ криминалистовъ. «Слово» № 680, 1909 г.

— Общее помилованіе по указу 21-го февраля. «Право» № 10, 1913 г.

— Къ вопросу объ иниціативѣ законовъ по русскому праву. «Право» № 22, 1913 г.

— Конституціонная или административная гарантія? Къ вопросу о безотвѣтственности членовъ Государственной Думы. Ярославль, 1913 г.

— Статьи отд. I въ сборн. «На смѣну стараго порядка». П., 1915 г.

Ляховецкій, Л. Государственная Дума и свобода выборовъ. «Юристъ» № 33, 1905 г.

Магазинеръ, Я. Запросъ. (Новый Энциклопедическій словарь Брокгауза, томъ 18).

— Разумъ закона и логика произвола. «Новый восходъ» № 71, 1910 г.

— Чрезвычайно-указное право въ Россіи. П., 1911 г.

— Повѣрка депутатскихъ полномочій. «Право» № 13, 1913 г.

— Спорные вопросы чрезвычайно-указнаго права. «Право» № 9, 1914 г.

— Юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 года. «Юридическій Вѣстникъ» кн. XI, 1915 г.

Макаровъ, Л. Къ исторіи кодификаціи Основныхъ Законовъ. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. XII, 1912 г.

Маклаковъ, В. Думскій наказъ. «Московскій Еженедѣльникъ» №№ 20, 21, 1907 г.

— Усиленная охрана и выборы. «Русскія Вѣдомости» № 11, 1907 г.

— «Слова и дѣла». «Русскія Вѣдомости». № 17, 1907 г.

— Партійность и справедливость. «Русскія Вѣдомости» № 49, 1907 г.

— Принятіе думскаго адреса. «Русскія Вѣдомости» № 264, 1907 г.

— Заслуженное возмездіе. «Русскія Вѣдомости» № 271, 1907 г.

— Законность въ русской жизни. (Публичная лекція, прочит. 17 марта 1909 г.). «Вѣстникъ Европы» кн. IV, 1909 г.

— III сессія Государственной Думы. «Русская Мысль» кн. II, 1911 г.

— По поводу наказа. «Русскія Вѣдомости» № 267, 1913 г.

— Послѣднее слово о Сенатѣ и наказѣ. «Русскія Вѣдомости» № 270, 1913 г.

— 17 октября 1905 г. «Русскія Вѣдомости» № 238, 1915 г.

Digitized by Google

Маклаковъ, В. и Пергаментъ О. Наказъ Государственной Думы (по работамъ 2-й Государственной Думы) съ объясненіями. П., 1907 г.

Максимовъ, А. Новый избирательный законъ и третья Дума. «Русскія Вѣдомости» № 1, 1908 г.

— Правительство и Дума. «Русскія Вѣдомости» № 1, 1913 г.

— Споры о думскомъ наказѣ. «Русскія Вѣдомости» № 266, 1913 г.

— Еще о Сенатѣ и наказѣ. «Русскія Вѣдомости» № 268, 1913 г.

— Двѣ палаты. «Русскія Вѣдомости» № 269, 1913 г.

— Дума и избирательное право. «Русскія Вѣдомости» № 36, 1914 г.

— Депутатская неприкосновенность. «Русскія Вѣдомости» № 88, 1914 г.

Марковъ, В. «Русская юридическая мысль» о конституціонализмѣ вообще и о русскомъ въ частности. «Завѣтъ» кн. II, 1912 г.

Маруда, С. Бюджетныя права Государственной Думы. «Рѣчь» № 21, 1906 г.

Marchand. Les grands problèmes de la politique interieure russe. 1912.

Масловъ, П. Крестьянское право и община предъ Государственной Думой. Къ ликвидаціи законодательства по 87 ст. II., 1907 г.

Матвѣевъ, В. Право публичныхъ собраній. «Право» № 49, 1906 г.

Милюковъ, П. Государственный актъ 6 августа 1905 г. «Право» № 31, 1095 г.

— Парламентаризмъ и Основные Законы. «Рѣчь» №№ 250 и 251, 1906 г.

— Вторая Дума. П., 1907 г.

— Годъ борьбы. П., 1907 г.

Могилянскій, М. Къ вопросу о лишеніи избирательныхъ правъ въ связи съ судимостью. «Право» № 52, 1907 г.

— Неприкосновенность депутатовъ. «Право» № 22, 1908 г.

Муромцевъ, С. Наказъ Государственной Думы. «Право» № 7, 1907 г.

— Порядокъ обсужденія законодательныхъ предположеній въ Государственной Думѣ. «Право» № 12, 1907 г.

— Порядокъ разсмотрѣнія въ Государственной Думѣ вопроса о «желательности» новаго закона. «Право» № 18, 1907 г.

— Формализмъ въ Государственной Думѣ. «Право» № 19, 1907 г.

— Новыя главы наказа Государственной Думы. «Право» № 24, 1907 г.

— Предстоящее сокращеніе «кодификаціонной» разработки текущаго законодательства. «Право» № 37, 1907 г.

— Къ вопросамъ законодательной техники. «Право» № 39, 1907 г.

— Внутренній распорядокъ Государственной Думы. М., 1907 г.

Набоковъ, В. Безотвѣтственность депутатовъ. «Рѣчь» № 74, 1906 г.

— Право интерпелляціи. Труды Петроградскаго Юридическаго Общества, т. III.

— С. А. Муромцевъ — предсѣдатель первой Государственной Думы. (Рѣчь, произнесенная въ Юридич. Обществѣ.) Труды Петроградскаго Юридическаго Общества, т. IV.

Digitized by Google

Набоковъ, В. Законопроекты партіи народной свободы и ихъ критика. «Право» №№ 47, 48, 49, 50, 1906 г.
— Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. «Право» № 51, 1906 г.
— Подтасовка выборщиковъ. «Право» № 13, 1908 г.
— Свобода совѣсти и Святѣйшій Синодъ. «Рѣчь» № 8, 1908 г.
— Кабинетъ общественныхъ дѣятелей. «Право» № 31, 1908 г.
— Сенатъ и политика. «Московскій Еженедѣльникъ», № 30,
— 1909 г.
— Право парламентскаго запроса. «Русская Мысль» кн. XI, 1910 г.
— Какъ осуществилось начало свободы собраній и союзовъ. «Рѣчь» № 285, 1910 г.
— Къ исторіи нашего законодательства о печати. «Право» №№ 33, 34, 35, 1911 г.
Назаревскій, В. Основы парламентскаго строя.
Некрасовъ, Н. Бюджетъ и Дума. «Московскій Еженедѣльникъ» № 4, 1910 г.
— Бюджетныя замѣтки. «Московскій Еженедѣльникъ» № 9, 1910 г.
— Бюджетъ и Дума. «Московскій Еженедѣльникъ» № 11, 1910 г.
Нелидовъ, Л. Конституція. «Русскія Вѣдомости» № 315, 1906 г.
Немановъ, Л. 17-е октября и рабочій классъ. «Рѣчь» № 192, 1906 г.
— Труды Государственной Думы. «Рѣчь» № 1, 1909 г.
— Неутвержденіе наказа. «Рѣчь» № 270, 1909 г.
— Государственная Дума. «Рѣчь» № 1, 1910 г.
— Право запросовъ въ III Думѣ. «Право» №№ 1, 2, 3, 1910 г.
— Прецеденты третьей Думы. «Право» № 38, 1912 г.
— Преемственность и Государственная Дума. «Рѣчь» № 334, 1912 г.
— Статья 40 учр. Государственной Думы. «Рѣчь» № 125, 1913 г.
— Итоги сессіи. «Рѣчь» № 171, 1913 г.
— Проектъ наказа четвертой Государственной Думы. «Право» № 35, 1913 г.
Нечаевъ, В. Манифестъ 17 октября и форма правленія. «Полярная Звѣзда» №№ 4 и 5, 1905 г.
— Еще нѣсколько словъ о самодержавіи и манифестѣ 17 октября. «Полярная Звѣзда» № 11, 1905 г.
— Законопроекты, внесенные въ Государственную Думу. «Русское Слово» № 294, 1907 г., подъ псевд. В. Н—въ.
— Должны ли быть сохранены военные суды? «Русское Слово» № 15, 1908 г., подъ псевд. В. Протасовъ.
— Свобода совѣсти и ограниченіе правъ. «Русское Слово» №№ 64 и 79, 1908 г., подъ псевд. В. Про-совъ.
— Одна изъ необходимыхъ реформъ. «Русское Слово» № 94, 1908 г., подъ псвед. В. Про—въ.
Новгородцевъ, П. проф. Всеобщее избирательное право передъ судомъ русской бюрократіи. «Полярная Звѣзда» 1906 г.
— Исключительные законы. «Московскій Еженедѣльникъ» № 20, 1906 г.
— Законодательная дѣятельность Государственной Думы. Сборникъ статей. «Первая Государственная Дума». Вып. II. П., 1907 г.

Digitized by Google

Новгородцевъ, П. Законопроектъ о неприкосновенности личности. Сборникъ статей. «Первая Государственная Дума.» Вып. II. П., 1907. Перепечатано въ части «Право» №№ 29, 30, 31, 1908 г.

— Проф. В. И. Герье о первой Государственной Думѣ. «Русская Мысль» кн. I, 1907 г.

Нольде, бар. В., проф. Законодательная санкція международныхъ договоровъ въ Россіи. «Право» № 48, 1906 г.

— Очерки русскаго конституціоннаго права Статья 87 Основныхъ Законовъ. «Извѣстія Петроградскаго Политехническаго Института», т. VIII. 1907 г.

— Очерки русскаго конституціоннаго права. Совѣтъ министровъ. «Извѣстія Петроградскаго Политехническаго Института», т. IX и X 1908—1909 г.

— Очерки русскаго конституціоннаго права. «Извѣстія Петроградскаго Политехническаго Института» т. XI, 1909 г.

— Законодательная санкція международныхъ договоровъ. «Право» 1910 г.

— Очерки русскаго государственнаго права. П., 1911 г.

— Законодательный починъ по русскому праву. «Право» 1911 г.

— №№ 45 и 46.

— Понятіе сессіи въ русскомъ государственномъ правѣ. «Право» №№ 30, 31, 1911 г.

— Имущество Императорскаго дома. «Вѣстникъ Гражданскаго Права» кн. V, 1913 г.

— Законы Основные въ русскомъ правѣ. «Труды Юридическаго Вѣстника при Петроградскомъ Университетѣ», т. VI и VII.

— Законы Основные въ русскомъ правѣ. «Право» №№ 8 и 9, 1913 г.

— Судебные Уставы въ исторіи государственнаго строительства Россіи. «Право» № 47, 1914 г.

Нѣровецкій, И. Русскія конституціонныя проблемы въ современной французской литературѣ. «Право» № 21, 1910 г.

Н. Бюджетные очерки. «Московскій Еженедѣльникъ» №№ 12, 16, 18 и 22, 1909 г.

Обнинскій, В. Новый строй. Ч. I. Манифесты 17 октября 1905 г., и 8 іюля 1906 г. Ч. II. Реакція. М., 1911 г.

Ордынскій, С. Старый законъ и конституціонный циркуляръ. «Русскія Вѣдомости» № 190, 1908 г.

— Совѣтъ министровъ и ст. 10-я Положенія о выборахъ въ Государственную Думу. «Русскія Вѣдомости» № 121, 1912 г.

Пажитновъ, К. Къ вопросу о русской конституціи. «Образованіе» кн. XII, 1907 г.

Пакарпаевъ. Междудумскія распоряженія правительства въ 1906 г. П., 1907 г.

Паліенко, Н. Правовое государство и конституціонализмъ. «Вѣстникъ Права» № 1, 1908 г.

— Отзывъ о диссертаціи С. А. Котляревскаго «Конституціонное государство». «Записки Императорскаго Харьковскаго Университета» № 1, 1908 г.

Digitized by Google

Паліенко, Н. Основные законы и форма правленія въ Россіи. Юридическое изслѣдованіе. Ярославль 1910 г. и Юридическія Записки. Вып. V и VI 1910 г.

— Къ вопросу о правовомъ характерѣ нашихъ Основныхъ Законовъ. «Право» № 16, 1912 г.

— Рецензія на книгу С. А. Котляревскаго «Юридическія предпосылки русскихъ Основныхъ Законовъ». «Право» № 16, 1912 г.

— Рецензія на книгу Н. И. Лазаревскаго «Русское Государственное право», т. I, Конституціонное право. 1913. «Юридическій Вѣстникъ» кн. II, 1913 г.

— Правовое значеніе манифеста 17 октября 1905 г. «Юридическій Вѣстникъ» кн. XI, 1915 г.

Пасхаловъ, К. Погрѣшности обновленнаго 17 октября 1905 г. государственнаго строя и попытки ихъ устраненія. М., 1911.

Пергаментъ, О. Изъ области думскаго законодательства. «Русскія Вѣдомости» №№ 115, 117, 125, 1907 г.

Пиленко, А., пр.-доц. Русскіе парламентскіе прецеденты. «Право» №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 1907 г.

— Обзоръ первой полусессіи. «Московскій Еженедѣльникъ» № 2, 1909 г.

— Штаты Морского Генеральнаго Штаба. «Московскій Еженедѣльникъ» № 15, 1909 г.

— Октябристы и Финляндія. «Московскій Еженедѣльникъ» № 22, 1910 г.

Плансонъ. Окончательное устройство русскаго государства. П., 1914 г.

Плетневъ, Б. Выборное производство и Дума. «Русскія Вѣдомости» № 18, 1913 г.

— Реформа Государственнаго Совѣта. «Русскія Вѣдомости» № 52, 1913 г.

— Статья 87-я Основныхъ Законовъ въ толкованіи министра внутреннихъ дѣлъ. «Русскія Вѣдомости» № 240, 1913 г.

— Законодательный тупикъ. «Русскія Вѣдомости» № 264, 1913 г.

— Новый думскій законопроектъ. «Русскія Вѣдомости» № 4, 1914 г.

— Право законодательной иниціативы. «Русскія Вѣдомости» № 72, 1914 г.

— Государственный Совѣтъ и 7-я ст. Основныхъ Законовъ. «Русскія Вѣдомости» № 129, 1914 г.

Покровскій, П. О государственной власти. «Записки Демидовскаго лицея», вып. III (XXI) и IV (XXII).

— Правовое значеніе Совѣта Министровъ въ Россіи. «Юридическія записки Демидовскаго лицея» вып. II, 1910.

— Свобода слова въ русскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. «Русское Богатство» кн. XI, 1912 г.

— О преемственности работъ законодательныхъ учрежденій и объ ея логическомъ предѣлѣ (къ вопросу о дисконтинуитетѣ). «Право» № 38, 1913 г.

Полянскій, Н. Уголовные законопроекты министра юстиціи. «Русская Мысль» кн. VI, 1907 г.

Digitized by Google

Полянскій, Н. 2-й пунктъ 1-й части 129 ст. Уголовнаго Уложенія и новый государственный строй. «Право» № 40, 1908 г.

— Законопроектъ объ условномъ освобожденіи. «Русскія Вѣдомости» № 51, 1908 г.

— Безотвѣтственность депутатовъ. «Русская Мысль» кн. IV, 1908 г.

— Прекращеніе и пріостановленіе изданій по законопроекту о печати. «Русскія Вѣдомости» № 6, 1914 г.

Понтовичъ, Э. Основные законы и кодификація. «Русская Мысль» кн. VII, 1910 г.

— О раздѣленіи избирательныхъ съѣздовъ. «Право» № 10, 1910 г.

— Раздѣленіе избирательныхъ съѣздовъ при выборахъ въ Государственную Думу. «Право» №№ 47, 48, 49, 1912 г.

Посниковъ, А. Законодательныя упражненія земельной комиссіи 3-й Думы. «Русскія Вѣдомости» № 109, 1908 г.

— Что дала и что можетъ дать странѣ 3-я Дума? «Русскія Вѣдомости» № 169, 1908 г.

— Аграрный вопросъ въ третьей Думѣ. «Положеніе о землеустройствѣ». «Вѣстникъ Европы» кн. I, 1910 г.

— Законъ 14 іюля. «Вѣстникъ Европы» кн. IX, 1910 г.

— Результаты законодательнаго творчества третьей Думы. «Русскія Вѣдомости» № 173, 1910 г.

Протопоповъ, Д. Къ выборамъ въ Государственную Думу. «Рѣчь» № 7, 1907 г.

Пустрославевъ, П. Государственныя преступленія относительно Государственной Думы. «Вѣстникъ Права» кн. II, 1906 г.

Резонъ, А., фонъ. Объ особенныхъ правахъ выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта и членовъ Государственной Думы. П., 1910.

Репенкампфъ. Правовое государство и народный суверенитетъ. Одесса, 1909 г.

Рейнгартъ, Н. Царскіе указы и бюрократическое самовластіе. «Юристъ» № 22, 1905 г.

— Законъ 6 августа. «Юристъ» № 33, 1905 г.

— Отношенія между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. «Юристъ» № 34, 1905 г.

— Представительная система и выборы. «Юристъ» № 35, 1905 г.

— Отвѣтственность министровъ и кабинета. «Юристъ» № 37, 1905 г.

— Свобода собраній. «Юристъ» № 39, 1905 г.

Рейснеръ, М. проф. Русскій абсолютизмъ и европейская реакція. П., 1906 г.

— Идея меньшинства въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ (конституція). «Современный Міръ» кн. XII, 1909 г.

Роговинъ, Л. Конституція Россійской Имперіи. П., 1913 г.

Родичевъ, Ф. Къ польскому вопросу. «Право» № 11, 1905 г.

— Десять лѣтъ назадъ. «Русскія Вѣдомости» № 239, 1915 г.

Родіоновъ, Л. Правовое государство. «Свободная Россія», М. 1906 г.

Рождественскій, А. Обладаютъ ли Государственная Дума и Государственный Совѣтъ правомъ законодательной иниціативы. «Вѣстникъ Права и Нотаріата» № 5, 1912 г.

Digitized by Google

Розеггеръ. Право интерпелляціи въ парламентахъ. П.

Рутценъ, фонъ. Смѣняемы ли у насъ члены Государственнаго Совѣта. «Русскія Вѣдомости» № 300, 1908 г.

Саатчіанъ, А. Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. П., 1911 г.

— Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу съ разъясненіемъ Правительствующаго Сената, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, подробнымъ предметнымъ указателемъ и съ приложеніемъ Учр. Гос. Совѣта, Гос. Думы и правилъ о разсмотрѣніи госуд. росписи. П., 1912 г.

Савальскій, В. Государственное право общее и русское. I ч. Конспектъ лекцій, читанныхъ въ 1911—12 г. студентамъ юрид. факультета Варшавскаго университета. Варшава, 1912 г. То же, ч. II. Конспектъ лекцій, читанныхъ въ 1912—13 г. студентамъ юрид. факультета Варшавскаго университета. Варшава, 1913 г.

Савельевъ А. Внѣсмѣтные расходы. «Рѣчь» № 114, 1909 г.

— Итоги примѣненія указа 9-го ноября. «Рѣчь» № 199, 1910 г.

Савичъ, Г. Новый государственный строй Россіи. П., 1907 г.

Сазоновъ, Г. Народное представительство безъ народа. П.

Сафоновъ М. Административная ссылка послѣ конституціи. «Вѣстникъ Европы» кн. XII, 1909 г.

— Еще о послѣконституціонной административной ссылкѣ. «Вѣстникъ Европы» кн. VI, 1910 г.

Свобода печати при обновленномъ строѣ (сборникъ статей В. Набокова, М. Ганермана, А. Горбунова, гр. И. Толстого, С. Ордынскаго, В. Обнинскаго и Вл. Розенберга). П., 1913 г.

Семеновъ, П. Самодержавіе, какъ государственный строй. Изд. 2-е, 1906 г.

Сементковскій, Р. Современная Россія. Нашъ парламентъ. П., 1912 г.

Сергѣевичъ, В. Всеобщее избирательное право. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. V, 1906 г.

Скептикъ. Возстановленіе силы Основныхъ Законовъ. «Рѣчь», № 171, 1908 г.

Слонимскій, Л. Народное представительство и правовой порядокъ. «Вѣстникъ Европы» кн. X, 1905 г.

— Наканунѣ новой Думы. «Вѣстникъ Европы» кн. I, 1907 г.

— Наша конституція и ея особенности. «Вѣстникъ Европы» кн. VII, 1908 г.

Смирновъ, А. Первые выборы. «Рѣчь» № 9, 1906 г.

Смирновъ, К. Одинъ изъ вопросовъ нашего избирательнаго права. «Русскія Вѣдомости» № 106, 1912 г.

Соколовъ, К. Теорія отвѣтственности министровъ. «Право» №№ 7, 9 и 11, 1906 г.

— О роспускѣ парламентовъ. «Право» №№ 31, 32, 42, 43, 1907 г.

— Судьба русской конституціи. «Русская Мысль» кн. XII, 1909 г.

— Манифестъ 17 октября и право запросовъ. «Юридическій Вѣстникъ» кн. XI, 1915 г.

Соціологъ. Борьба за власть въ Государственной Думѣ. «Рѣчь» № 165, 1906 г.

Digitized by Google

Столяровъ, И. Указъ и законъ въ современномъ русскомъ правѣ. «Вѣстникъ Знанія» кн. V, 1910 г.

— Предварительный контроль въ Россіи. «Право» № 8, 1910 г.

Струве П. Два новыхъ закона объ охранѣ трудящихся. «Рѣчь» №№ 222, 223, 224, 226, 233, 1906 г.

— Патріотика. Сборникъ статей за 5 лѣтъ (1905—1910). М., 1911 г.

Студницкій В. Участіе Царства Польскаго въ государственномъ бюджетѣ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 23, 1908 г.

Ступинъ. Государственное право русскаго народа въ прошломъ и настоящемъ. П., 1905 г.

Сыромятниковъ, В. О сущности конституціи. «Русскія Вѣдомости» №№ 23 и 29, 1906 г.

Таганцевъ, Н. Законопроектъ о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ. Сессія 1906 г. «Вѣстникъ Европы» кн. XI, 1906 г.

Тагеръ, А. Право законодательнаго почина и министры. «Право» № 23, 1912 г.

Тахтаревъ, К. Отъ представительства къ народовластію. Изд. библ. «Общество знанія», П., 1907 г.

Темниковскій, Е. Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви. «Юридическія Записки», вып. I, 1909 г.

Тихановичъ-Савицкій, П. Новые Основные Законы и царскіе манифесты. Астрахань, 1908 г.

Тихомировъ, Л. Монархическая государственность, ч. 3-я. Русская государственность. М. 1905 г.

— Верховная власть и Основные Законы. М., 1909 г.

— Представительство народа при верховной власти. М., 1910 г.

— Къ реформѣ обновленной Россіи. М. 1912 г.

Толстой, гр., П. Въ Совѣтѣ Министровъ въ мартѣ 1906 г. «Право», № 4, 1908 г.

— Къ нормальной наказуемости, какъ по конкретному наказанію. «Право» №№ 50, 51, 52, 1908 г.

— «Обновленный» строй для печати. «Рѣчь» № 285, 1910 г.

— Ограниченіе свободы печати обязательными постановленіями въ порядкѣ охраны. П., 1912 г.

Трубецкой, кн. Г., Дума и междупарламентская конференція. «Московскій Еженедѣльникъ» № 17, 1906 г.

Трубецкой, кн. Е. Война и бюрократія. «Право» № 39, 1904 г.

— Всеобщее, прямое, тайное и равное. «Московскій Еженедѣльникъ», № 2, 1906 г.

— Годовщина манифеста. «Московскій Еженедѣльникъ» № 31, 1906 г.

— Новая конституціонная схема. «Московскій Еженедѣльникъ» № 36, 1906 г.

— Къ запросамъ въ Думѣ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 14, 1907 г.

— Къ вопросу объ интерпеляціяхъ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 19, 1907 г.

— Новый избирательный законъ. «Московскій Еженедѣльникъ» №№ 20, 21, 1907 г.

Digitized by Google

Трубецкой, кн. Е. Новая конституціонная схема. «Московскій Ежемѣсячникъ» № 34, 1907 г.

— Третья Дума. «Московскій Еженедѣльникъ» № 41, 1907 г.

— Успѣхи народнаго представительства. «Московскій Еженедѣльникъ» № 12, 1908 г.

— Губернаторская конституція. «Московскій Еженедѣльникъ» № 47, 1908 г.

Трубецкой, кн. С. Два пути. «Право» № 44, 1905 г.

Трусевичъ, К. Государственная Дума и всѣ правила о выборахъ въ Думу. Псковъ, 1906 г.

— Къ реформамъ въ Россіи. I. Новая форма высшихъ государственныхъ учрежденій. II. Новая форма законодательнаго учрежденія. М. 1905 г.

Тютрюмовъ, А. Къ учрежденію Государственной Думы. «Юристъ» № 33, 1905 г.

— Государственная Дума и предвыборная дѣятельность. «Юристъ» № 39, 1905 г.

Уваровъ, гр., А. Примѣненіе Земскаго Положенія 1890 г. къ западнымъ губерніямъ и комиссіи Государственной Думы. «Московскій Еженедѣльникъ» № 16, 1910 г.

— Законъ о Финляндіи и Государственная Дума. «Московскій Еженедѣльникъ» № 25, 1910 г.

Успенскій, И. Систематическое изложеніе законовъ о Государственной Думѣ. Ставрополь, 1907 г.

Устиновъ, В. Государственная Дума и народное представительство. «Вѣстникъ Права и Нотаріата» № 6, 1912 г.

— Теорія народнаго представительства. «Право» № 19. 1912 г.

Черносвитовъ, К. Министры и свѣдущіе люди въ комиссіяхъ Думы. «Русскія Вѣдомости» № 74, 1907 г.

Чернышевъ, И. О всеобщемъ избирательномъ правѣ и его примѣненіи въ Россіи. П., 1906 г.

— Всеобщее избирательное право. Теорія и практика всеобщаго избирательнаго права. 2-е дополн. изд. П., 1908.

Чубинскій, М. Гарантія правъ и новая практика. «Вѣстникъ Европы» кн. V, 1913 г.

Чупровъ, А. Указъ 9 ноября 1906 г. и тактика опповиціи въ третьей Думѣ. 1908 г.

— Указъ 9-го ноября въ Государственной Думѣ. «Русскія Вѣдомости» № 40, 1909 г.

— Отъ закона 14-го іюня назадъ къ указу 9-го ноября. «Русскія Вѣдомости» № 24, 1911 г.

Шалландъ, Л. Иммунитетъ народныхъ представителей. Томъ I. «Ученыя записки Юрьевскаго университета», № 7. Томъ II. «Ученыя записки Юрьевскаго университета», № 2.

— Вопросы избирательнаго права. «Право» №№ 18, 19, 20, 28, 37, 38, 1905 г.

— Вопросы избирательнаго права. Вып. II. Прямое и равное голосованіе. П., 1906 г.

Digitized by Google

Шалландъ, Л. Русское государственное право. Юрьевъ, 1908 г.
— Безотвѣтственность депутатовъ по русскому праву (Опытъ толкованія ст. 14 и 22 учр. Госуд. Думы). «Вопросы Права» кн. I, 1910 г.
— О вызовѣ депутатовъ въ судъ къ качествѣ свидѣтелей. «Право» №№ 39, 40, 41, 1912 г.
— Прекращеніе и временная пріостановка законодательнаго мандата по русскому праву. «Юридическій Вѣстникъ», кн. I, 1913 г.
— Повѣрка полномочій депутатовъ по русскому праву. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. X, 1913 г.
— Парламентскій иммунитетъ. «Юридическій Вѣстникъ», кн. I, 1914 г.
Шараповъ, С. Что такое Финляндія? «Московскій Еженедѣльникъ» № 12, 1910 г.
Шарнея, В. Право союзовъ. «Народное Хозяйство» кн. I, 1905 г.
Chasles. Le parlement russe. 1910.
— La crise constitutionelle de Mars 1911. Revue de droit public. т. I. 1912 г.
Шацкій, Б. Рецензія на книгу П. И. Люблинскаго «Административная или конституціонная гарантія». «Вѣстникъ Европы» 1912 г.
— Провѣрка конституціоннаго закона. «Вѣстникъ Права и Нотаріата» № 26, 1913 г.
— Роспускъ парламентовъ. «Образованіе» № 4, 1908 г.
— Административная гарантія. «Нов. Образованіе» кн. I, 1910 г.
— Рецензія на книгу Котляревскаго «Юридическія предпосылки основныхъ законовъ». «Вопросы Права» кн. X. 1912 г.
Швапебахъ, П. О народномъ представительствѣ. Кіевъ, 1909.
Шеинъ, В. и Блосфельдъ, Г. Государственный Совѣтъ. Сборникъ узаконеній и распоряженій съ разъясненіями. Изд. неофиц. Петроградъ. 1910 г.
Шингаревъ, А. Правительственные законопроекты о мелкой земской единицѣ. «Рѣчь», № 71, 1907 г.
— Мѣстное самоуправленіе и его реформа въ 1907 г. «Русскія Вѣдомости» № 1, 1908 г.
— Бюджетныя права Думы по закону и въ дѣйствительности. «Рѣчь» № 140, 1908 г.
— Законодательная иниціатива въ вопросѣ о бюджетномъ правѣ. «Рѣчь» 1909 г.
— Крестьяне въ 3-й Государственной Думѣ и указъ 9-го ноября. «Русскія Вѣдомости» №№ 59, 61, 1909 г.
— Новыя поправки къ указу 9-го ноября. «Русскія Вѣдомости» № 101, 1909 г.
— Законъ 9-го ноября въ согласительной комиссіи Государственныхъ Думы и Совѣта. «Русскія Вѣдомости» №№ 119 и 123, 1910 г.
— Судьба волостного земства въ Государственной Думѣ. «Русскія Вѣдомости» № 28, 1911 г.

Digitized by Google

Шингаревъ, А. Государственная роспись на 1912 г. «Рѣчь», №№ 283, 290 и 305, 1911 г.

— Законодательная иниціатива членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. «Русская Мысль» кн. IX и X, 1912 г.

— Бюджетно-правовая путаница. «Русскія Вѣдомости» №№ 149 и 156, 1913 г.

Бюджетъ на 1914 г. «Русскія Вѣдомости» №№ 238, 246, 251, 1913 г.

Шифъ, А. Правовая основа указа 9-го ноября. «Право» № 48, 1908 г.

Шишмановъ, Н. Конституціонная записка графа П. П. Шувалова. «Вѣстникъ Европы» кн. VIII, 1913 г.

Schlesinger. Die Verfassungsreformen in Russland. Jahrbuch des offentlichen Rechts der Gegenwart, 1908.

Штейнбергъ, А. Конституціонная жизнь и юридическій методъ. «Журналъ Министерства Юстиціи» кн. III, 1912 г.

— Вокругъ 96 ст. Основныхъ Законовъ. «Вѣстникъ Права и Нотаріата» № 25, 1913 г.

Штиглицъ. Народъ и власть въ Россіи по ученію славянофиловъ. П., 1907 г.

Штильманъ, Г. Иммунитетъ отчетовъ о публичныхъ засѣданіяхъ парламента. «Труды Петрогр. Юридическаго общества». Томъ II.

— «Самодержавіе» и «Божія милость». «Полярная Звѣзда» № 13, 1906 г.

— Къ годовщинѣ рескрипта 18 февраля. «Полярная Звѣзда» № 16, 1906 г.

— Статья 87-я и условія ея примѣненія. «Русская Мысль», кн. IX, 1907 г.

— Дума и общество. «Русскія Вѣдомости» № 37, 1907 г.

— Провизорные законы. «Рѣчь» №№ 114, 117, 1907 г.

— Объ основныхъ законахъ. «Рѣчь» № 258, 1907 г.

— Внѣпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи. П., 1908.

— Текущій моментъ и ближайшія перспективы: по поводу итоговъ Думской сессіи. «Русская Мысль» кн. VII, 1908 г.

— Уголовно-правовая охрана выборовъ. «Вѣстникъ Европы», кн. VI, 1912 г.

— Еще одинъ забытый законъ. «Русскія Вѣдомости» № 215, 1912 г.

— Твестенъ и Гололобовъ. «Право» № 46, 1912 г.

— Парламентскіе отчеты. «Право» №№ 24, 25, 1913 г.

— Безотвѣтственность депутатовъ. «Рѣчь» № 127, 1914 г.

— Виновата ли 129 статья? «Русскія Вѣдомости» № 85, 1914 г.

А. Ш. Неограниченная возможность въ области бюджетнаго права. «Рѣчь» № 186, 1912 г.

Щепкинъ, М. Общественное самоуправленіе въ Россіи. «Московскій Еженедѣльникъ» №№ 28 и 31, 1906 г.

Щепкинъ, Н. Вторая Дума. «Русскія Вѣдомости» № 1, 1908 г.

Щербина, А. Государство и спекуляція. «Русскія Вѣдомости» № 37, 1911 г.

Digitized by Google

Якушкинъ, В. Права Государственной Думы и статья 87-я. «Русскія Вѣдомости» № 125, 1907 г.

— Новое законодательство о крестьянскомъ землевладѣніи. «Русскія Вѣдомости» № 59, 1913 г.

Янжулъ, И. Какъ у насъ иногда отмѣняются законы. «Вѣстникъ Европы» кн. IX, 1909 г.

Яснопольскій, А. Вопросъ о «забронированныхъ кредитахъ съ правовой точки зрѣнія. «Юридическія записки Демидовскаго лицея», вып. I и II.

— Въ тупикѣ. «Московскій Еженедѣльникъ» № 5, 1909 г.

Яснопольскій, Л., проф. Нашъ государственный бюджетъ въ 1907 г. «Русская Мысль» кн. VIII и IX, 1907 г.

— Развитіе конституціоннаго сознанія. «Рѣчь» № 144, 1907 г.

— Бюджетная неурядица. «Рѣчь» № 145, 1907 г.

— Бюджетныя работы Государственной Думы. «Русскія Вѣдомости» № 47, 1908 г.

— Задачи думскаго обсужденія смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. «Рѣчь» № 101, 1908 г.

— Къ характеристикѣ нашего бюджетнаго права. «Право» №№ 1, 6, 8, 11, 25, 37, 41, 1909 г.

— Соотношеніе между нижней и верхней палатами въ области бюджета. «Право», № 37 1909 г.

— Правила примѣненія ст. 96 Основныхъ Законовъ и бюджетное право Государственной Думы. «Русскія Вѣдомости», № 213, 1909 г.

— По поводу ст. 7 бюджетныхъ правилъ. «Рѣчь» № 327, 1909 г.

— Итоги русской государственной росписи 1911 года. «Вѣстникъ Европы» кн. V, 1911 г.

— Конституціонная практика заключенія государственныхъ займовъ. «Русскія Вѣдомости» № 157, 1912 г.

— Законодательная «вермишель» и административная централизація. «Русскія Вѣдомости» № 221, 1912 г.

Яшунскій, І. Выборы комиссій въ Государственной Думѣ. «Право» №№ 21 и 22, 1907 г.

— Выборы комиссій въ Государственномъ Совѣтѣ. «Право» № 48, 1907 г.

— Вопросы думскаго наказа. «Право» № 15, 1908 г.

— Права Думы и Государственнаго Совѣта по отношенію къ бюджету. «Право» № 28, 1908 г.

— Бюджетъ въ Государственномъ Совѣтѣ. «Рѣчь» № 13, 1909 г.

— Сессіи Государственной Думы. «Право» № 22, 1909 г.

— Наказъ въ третьей Государственной Думѣ. «Право» №№ 39 и 40, 1909 г.

— По поводу разъясненія ст. 96 Основныхъ Законовъ. «Право» № 48, 1909 г.

— Государственный контроль и Государственная Дума. «Право» № 11, 1913 г.

Digitized by Google

Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Протоколы засѣданій Отдѣленія Соціальной Исторіи Общества имени А. И. Чупрова.

Засѣданіе 29 Ноября 1913 года.

А. Д. Удальцовымъ былъ сдѣланъ докладъ: I. «Свободная деревня въ западной Нейстріи въ эпоху Меровинговъ и Каролинговъ» и II. «Аграрный строй Каролингской Фландріи по даннымъ Бертинскаго картуларія». Во введеніи къ докладу референтъ возражалъ противъ стремленія къ упрощенію аграрнаго строя франкской Галліи, противъ изображенія его въ видѣ преобладанія какого-либо одного типа землевладѣнія, крупно-помѣщичьяго или крестьянскаго (преимущественно мелко-крестьянскаго), или въ формѣ сочетанія обоихъ этихъ типовъ, указывая на большую сложность аграрныхъ отношеній и на значительную роль во франкскомъ государствѣ среднихъ земледѣльческихъ классовъ — крупныхъ крестьянъ и мелкихъ помѣщиковъ. Въ первой части доклада, представляющей авторефератъ напечатанной работы подъ тѣмъ же заглавіемъ («Жур. Мин. Нар. Просв.», 1912), референтъ указывалъ на то, что въ Нейстріи рядомъ съ крупнымъ помѣстьемъ видную роль играла свободная деревня, имѣвшая сложное строеніе и состоявшая частью изъ отдѣльныхъ свободныхъ «дворовъ» крестьянскаго типа, частью изъ совокупностей держательскихъ надѣловъ, принадлежащихъ помѣщикамъ и образующихъ тогда внутри деревень настоящія помѣстья съ барской землей, состоявшей изъ участковъ, разбросанныхъ между участками другихъ собственниковъ; такія деревенскія помѣстья особенно типичны для некрупныхъ помѣщиковъ. Во второй части доклада, посвященной аграрному строю Каролингской Фландріи по даннымъ Бертинскаго картуларія, референтъ указывалъ на существованіе во Фландріи на помѣщичьихъ земляхъ надѣльной системы, на видную роль здѣсь рабскаго труда и на тотъ любопытный фактъ, что значительная площадь земли во владѣніяхъ Бертинскаго монастыря отведена была подъ болѣе крупныя рабовладѣльческія держанія, иногда настоящія помѣщичьи держанія со значительнымъ барскимъ хозяйствомъ и надѣлами рабовъ. Обращаетъ вниманіе и развитіе чисто личной зависимости, не связанной съ зависимостью поземельной.

Въ преніяхъ по поводу доклада приняли участіе: **И. К. Суринъ** и **В. С. Протопоповъ.**

Digitized by Google

И. К. Сурицъ, отдавая должное тонкому методологическому таланту докладчика, указывалъ, что онъ не видитъ, каковы общія исходныя точки докладчика. Такія исходныя точки были у старыхъ изслѣдователей этого вопроса, романистовъ и германистовъ; докладчикъ, не соглашаясь, повидимому, съ ними, не выставляетъ своей исходной точки, не даетъ и общей оцѣнки аграрнаго процесса.

Докладчикъ отвѣтилъ, что указываемые оппонентомъ общіе вопросы сознательно не ставились въ докладѣ. Въ настоящее время выяснена ненаучность старыхъ построеній германской и романской школъ, но не настало еще время для общей характеристики франкскаго землевладѣнія и его исторіи, долженствующей стать на мѣсто старыхъ схемъ. Сначала должны быть собраны и выяснены конкретные факты, и только на основаніи ихъ изученія можетъ быть дана впослѣдствіи общая характеристика изучаемаго процесса.

В. С. Протопоповъ указалъ, что значеніе работы докладчика именно въ томъ и заключается, что онъ, изучая франское землевладѣніе по отдѣльнымъ областямъ, нашелъ такое разнообразіе формъ, которое не подчиняется подведенію подъ какія-либо готовыя схемы, и показалъ, что это разнообразіе гораздо больше и шире, чѣмъ предполагали прежнія теоріи. Отсюда особенно цѣнно и важно исканіе и изученіе свѣжаго конкретнаго матеріала; можно только развѣ возразить, что въ публичномъ докладѣ не вполнѣ была умѣстна излишняя детальность, необходимая и неизбѣжная въ ученомъ изслѣдованіи, но разбивающая общее впечатлѣніе при устномъ докладѣ и отодвигающая на задній планъ нѣкоторые выводы, которые имѣются въ докладѣ. По поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ выводовъ, именно, выводовъ среднихъ величинъ, оппонентъ указывалъ, что такіе средніе выводы есть чистая метафизика, и врядъ ли возможно ихъ примѣнить такъ широко, какъ это дѣлалъ докладчикъ. Далѣе, оппонентъ указалъ, что онъ не можетъ согласиться, чтобы матеріалъ Бертинскаго картуларія давалъ достаточно основаній для сужденія о распространенности общины. Въ заключеніе, оппонентъ, вспоминая первые опыты докладчика въ той же области еще на студенческой скамьѣ, привѣтствовалъ его, какъ талантливаго изслѣдователя, отъ котораго наука въ правѣ ждать цѣнныхъ и важныхъ работъ.

Послѣ обмѣна мнѣній между докладчикомъ и В. С. Протоповымъ по вопросу о среднихъ выводахъ и значеніи Бертинскаго картуларія, предсѣдатель, **Д. М. Петрушевскій,** предложилъ за позднимъ временемъ, перенести продолженіе преній на одно изъ слѣдующихъ засѣданій, чтобы подвергнуть чрезвычайно интересный и блестящій съ методологической точки зрѣнія докладъ А. Д. Удальцова всестороннему обсужденію. Засѣданіе было закрыто въ 12 час. ночи.

Предсѣдатель: *Д. Петрушевскій.*
За Секретаря: *Н. Никольскій.*

Засѣданіе 21 Февраля 1914 года.

В. В. Терешковичъ прочла докладъ о книгѣ Dopsch'a «Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerseit, vornähmlich in Deutschland». Давъ краткую характеристику взглядовъ Инама-Штернегга на хозяйственную эволюцію Каролингскаго періода, которые послужили исходнымъ пунктомъ для критики Допша, докладчица подробно остановилась на изложеніи главъ, посвященныхъ критикѣ источниковъ и особенно ярко отразившихъ на себѣ характерные для Допша пріемы работы. Отдавъ должное тонкому анализу и остроумнымъ

Digitized by Google

сопоставленіямъ автора, благодаря которымъ совершенно измѣнилась оцѣнка источниковъ экономической исторіи каролингской эпохи, докладчица отмѣтила и существенное противорѣчіе: доказавъ, что капитулярій о виллахъ не имѣлъ всеобъемлющаго значенія общаго хозяйственнаго регламента для всѣхъ королевскихъ доменовъ, что дѣйствіе его простиралось на одну Аквитанію, — Допшъ, въ то же время, расширяетъ его значеніе, указывая на вызванное имъ широкое подражаніе въ западной части франкской монархіи, и такимъ образомъ обезцѣниваетъ свою аргументацію.

Особенно велика заслуга Допша въ области изслѣдованія государственнаго землевладѣнія; въ результатѣ изысканій Допша такъ называемый вилликаціонный строй оказывается чистѣйшей фикціей. Что касается изложенія эволюціи церковнаго и свѣтскаго землевладѣнія, то здѣсь докладчица особенно рѣзко подчеркивала различное пониманіе Допшемъ характера эволюціи обоихъ типовъ. Въ то время какъ ростъ церковнаго землевладѣнія ослабляется обратнымъ развитіемъ формъ мелкаго свободнаго землевладѣнія, — ростъ свѣтскаго землевладѣнія, создавшаго политическое господство свѣтскихъ магнатовъ, былъ связанъ, по мнѣнію Допша, и съ обезземеленьемъ массъ, и съ сильнымъ ростомъ барской запашки.

Переходя ко второму тому работы Допша и касаясь главы о соціальномъ развитіи, докладчица считаетъ мало доказательными выводы автора въ пользу успѣшнаго противодѣйствія массъ порабощенію, полагая, что приводимые имъ матеріалы могутъ быть толкуемы и обратно, въ пользу растущаго порабощенія массъ. Центръ тяжести этого тома лежитъ въ главахъ, посвященныхъ ремеслу, торговлѣ и денежному хозяйству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, главы эти вызываютъ и наибольшее количество возраженій.

Допшъ часто обостряетъ здѣсь положенія противной школы: разбивая затѣмъ эти имъ же самимъ измышленные тезисы, онъ тратитъ силы на борьбу съ воображаемымъ противникомъ; такое значеніе имѣетъ, напримѣръ, пространное доказательство той мысли, что зависимый ремесленникъ могъ работать не только на господъ, что не отрицаетъ и Бюхеръ. Часто доказательства автора бьютъ мимо цѣли; такъ, желая показать, что обмѣнъ представлялъ собою регулярное явленіе, Допшъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточить вниманіе на фактѣ существованія внутренней торговли, рисуетъ широкую картину развитія международной торговли. Нѣкоторые выводы недостаточно обоснованы, другіе — совершенно не обоснованы. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ мысль Допша о существованіи союзовъ свободныхъ ремесленниковъ въ городахъ того времени. Это — простая догадка автора, ничѣмъ не доказанная.

Коротко передавъ содержаніе главъ о монетной реформѣ и регаліяхъ, докладчица отмѣтила, что и въ этомъ отдѣлѣ кое-какія утвержденія при ближайшемъ анализѣ оказываются лишь догадками, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о существованіи правильнаго поземельнаго налога въ восточныхъ областяхъ франкской монархіи. Неправильное объясненіе даетъ Допшъ и тому факту, что Каролинги крайне расточительны въ земельныхъ пожалованіяхъ и очень скупо жалуютъ регаліи. Причина этого въ томъ, что вся система военной службы и управленія государствомъ была основана на бенефиціяхъ, а не въ томъ, что центръ тяжести государственныхъ финансовъ, какъ утверждаетъ Допшъ, перемѣстился съ доменовъ на регаліи.

Докладчица дала такую общую оцѣнку книги Допша. Въ положительной части своего построенія Допшъ впалъ въ ту же ошибку, въ которой онъ обви-

Digitized by Google

няетъ Инама-Штернегга. Такъ же, какъ и послѣдній, онъ исказилъ реальный образъ историческаго прошлаго въ угоду предвзятой теоріи. У Инама-Штернегга роль такой теоріи сыграла идея роста крупнаго землевладѣлія, у Допша — идея близости экономическаго строя Каролингской эпохи къ строю поздняго средневѣковья. Зато критическая цѣнность книги Допша очень велика. Всесторонне раскрывая слабыя стороны старой схемы, книга эта расчищаетъ путь новому изслѣдованію.

Въ преніяхъ по поводу доклада приняли участіе **И. К. Суринъ**, г. **Кругликовъ**, **С. Б. Веселовскій**, **А. Д. Удальцовъ** и **В. И. Пичета.**

И. К. Суринъ, отдавая должное мастерскому изложенію докладчицей книги Допша, возражалъ, прежде всего, противъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ самой докладчицы. Оппоненту представляется сомнительной приверженность большинства современныхъ изслѣдователей къ конкретно-историческимъ построеніямъ, связанная съ нѣкоторой враждебностью къ схемѣ, къ общимъ теоретическимъ построеніямъ. Подобное же отношеніе къ схемѣ оппонентъ находитъ и въ изложеніи докладчицы.

Какъ на общій недостатокъ работы Допша, оппонентъ указывалъ на стремленіе автора модернизировать изучаемыя явленія, разсматривать ихъ по аналогіи съ современными, вполнѣ развитыми отношеніями экономической и политической жизни, игнорируя ихъ эмбріональное состояніе въ изучаемую эпоху, что препятствуетъ освѣщенію тогдашней культуры въ надлежащей исторической перспективѣ. Такой модернизаціей весьма сомнительнаго характера является сведеніе Допшемъ начала развитія капитализма къ каролингской эпохѣ. Равнымъ образомъ, указывая на высокое развитіе торговли въ эту эпоху, Допшъ упускалъ изъ виду, что, строго говоря, въ то время не было еще класса профессіональныхъ купцовъ, если не считать евреевъ; торговать могъ не только весь народъ, но этимъ дѣломъ занимаются и король, и его соратники; королевскій дворецъ — связующій пунктъ многихъ торговыхъ сдѣлокъ.

Едва ли правильно также искать въ ту эпоху чистаго государственнаго налога, — это значило бы разсматривать тогдашнюю политическую жизнь съ точки зрѣнія современнаго государственнаго права; королингское государство явно не раздѣляетъ общегосударственныхъ функцій отъ элементовъ эксплоатаціи.

Переходя къ частностямъ, оппонентъ указывалъ, какъ на существенный пробѣлъ изслѣдованія Допша, на отсутствіе изображенія роли барщины и ея эволюціи въ тогдашней аграрной жизни; выясненіе этого вопроса необходимо для разрѣшенія другого, — о судьбѣ соціальной группы «свободныхъ». Равнымъ образомъ не видно, какъ Допшъ подходитъ къ проблемѣ сотенной организаціи, которая играла, повидимому, значительную роль въ перераспредѣленіи хозяйственныхъ благъ. Не разрѣшаетъ авторъ и вопроса о роли монастырей въ созданіи новой хозяйственной культуры.

Г-нъ Кругликовъ также остановился на вопросѣ о необходимости общихъ схемъ, общихъ композицій въ каждомъ изслѣдованіи.

Докладчица съ своей стороны признавая необходимость общихъ теоретическихъ взглядовъ въ каждой работѣ, указывала на предвзятость и схематичность нѣкоторыхъ взглядовъ Допша, какъ на недостатокъ его работы. Въ то же время руководящая идея его работы ясна: въ противоположность картинѣ Инама-Штернегга — исчезновеніе мелкаго землевладѣнія, — Допшъ указываетъ на подъемъ въ его развитіи въ эпоху Каролинговъ. Что касается неяс-

Digitized by Google

ностей въ изображеніи развитія торговли, — то причина этого — недостаточность и односторонность источниковъ, главнымъ образомъ, монастырскаго происхожденія. Умолчаніе по вопросу о ростѣ барщины, дѣйствительно, недостатокъ работы Допша.

С. Б. Веселовскій выдвинулъ вопросъ, нельзя ли найти аналогіи между древне-нѣмецкой «гуфой» и древне-русской «вытью» или «обжей». Можетъ быть, и тѣ и другія являлись единицами одного порядка, легшими въ основу фискальнаго обложенія.

А. Д. Удальцовъ указывалъ на неясность и недостаточное развитіе взглядовъ Допша по вопросу о древне-нѣмецкой «гуфѣ», какъ единицѣ фискальной.

В. И. Пичета указалъ на большой интересъ взглядовъ Допша по вопросу о развитіи торговли для изучающихъ исторію Болгаріи. Въ Болгаріи, лежавшей на старой римской дорогѣ — Регенсбургъ — Будапештъ — Константинополь, — какъ разъ съ IX вѣка наблюдается усиленное развитіе торговли, носившей транзитный характеръ. Торговые интересы Болгаріи вызывали даже войны съ Византіей.

Въ заключеніе, **Д. М. Петрушевскій** выразилъ докладчицѣ отъ лица собранія благодарность за докладъ, давшій прекрасное представленіе о книгѣ Допша, о пріемахъ его изслѣдованія и о томъ новомъ освѣщеніи вопросовъ, которое внесено авторомъ.

Въ перерывѣ были произведены выборы президіума Отдѣленія. Предсѣдателемъ Отдѣленія былъ избранъ **Д. М. Петрушевскій,** Товарищемъ Предсѣдателя — **А. А. Кизеветтеръ,** Секретаремъ — **А. Д. Удальцовъ.**

А. Д. Удальцовымъ былъ поднятъ вопросъ о желательности устройства въ Москвѣ учрежденія, которое имѣло бы своею цѣлью содѣйствіе изслѣдованіямъ въ области исторіи. Какъ на конкретный примѣръ возможнаго учрежденія авторъ предложенія указалъ на институтъ аграрной исторіи и статистики. Было постановлено внести обсужденіе этого вопроса въ программу одного изъ ближайшихъ засѣданій.

Предсѣдатель: *Д. Петрушевскій.*
Секретаръ: *А. Удальцовъ.*

Засѣданіе 14 Марта 1914.

Засѣданіе Отдѣленія соціальной исторіи 14 марта 1914 г. состоялось подъ предсѣдательствомъ проф. **Д. М. Петрушевскаго.**

Былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Рафаилъ Ильичъ Выдринъ прочелъ докладъ: «Національный вопросъ въ исторіи русскаго общественнаго движенія» (часть I — отъ декабристовъ до народовольцевъ).

I. Впервые національная проблема встала передъ декабристами въ лицѣ польскаго вопроса. Ихъ позиція носитъ двойственный характеръ. Борясь съ польскими притязаніями на возстановленіе исторической Польши, они ищутъ поддержки поляковъ въ своихъ революціонныхъ замыслахъ.

Литература декабристовъ даетъ три способа разрѣшенія національной проблемы: 1) путемъ федераціи автономныхъ державъ — областей (Ник. Муравьевъ); 2) путемъ сочетанія права народностей съ правомъ государственнаго благоустройства (демократическій централизмъ при признаніи на особыхъ условіяхъ независимости Польши, — Пестель); 3) путемъ федераціи славянскихъ племенъ («Соединенные славяне»).

Digitized by Google

II. Идея славянской федераціи получаетъ особенное развитіе въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка съ возникновеніемъ украинскаго національнаго движенія.

Яркимъ защитникомъ этой идеи является Герценъ. Но рядомъ съ идеей славянской федераціи Герценъ выдвигаетъ въ національномъ вопросѣ новый моментъ — право каждой націи на національное самоопредѣленіе, которое становится лозунгомъ русской демократіи («Колоколъ», «Великороссъ», «Современникъ»).

Позиція русской демократіи въ національномъ вопросѣ составляетъ полную противоположность позиціи русскаго дворянства, заинтересованнаго въ угнетеніи нерусскихъ національностей (использованіе русскимъ дворянствомъ въ своихъ интересахъ подавленія польскаго мятежа).

III. Въ концѣ 60-хъ годовъ русская общественная мысль стремится разрѣшать національный вопросъ въ духѣ анархизма (Бакунинъ) и соціализма (приниженіе національной проблемы передъ высшими соціальными идеалами у Лаврова).

Бакунинъ передалъ русскимъ революціонерамъ — народникамъ черты славянофильскаго соціализма. Крайнее увлеченіе «Народной Воли» этимъ славянофильскимъ соціализмомъ и вѣра въ особую «мужицкую стихію» приводитъ къ полному игнорированію интересовъ нерусскихъ національностей Россіи (апологія погромовъ у народовольцевъ).

Въ концѣ 80-хъ годовъ, въ связи съ кризисомъ Народной Воли, русская общественная мысль отказывается отъ славянофильскаго соціализма и переходитъ къ классовой точкѣ зрѣнія на національный вопросъ (рабочая газета чернопередѣльцевъ «Зерно» и послѣдніе №№ «Народной Воли»).

Въ преніяхъ по окончаніи доклада приняли участіе: **А. А. Кизеветтеръ** и **И. К. Суринъ.**

А. А. Кизеветтеръ указалъ на желательность точнѣе разграничивать различные типы разрѣшенія національнаго вопроса (прогрессивные и реакціонные) и идеи иного порядка, сплетающіяся съ этимъ вопросомъ. Такъ, напр., Пестель — этотъ централистъ-якобинецъ — допускалъ политическую самостоятельность Польши не изъ соображеній національнаго характера, но въ силу историческихъ соображеній. Отрицательное отношеніе его къ еврейской кагальной организаціи также обусловливалось его централистическими тенденціями, а не его отношеніемъ къ національному вопросу. Равнымъ образомъ, теоріи федераціи не имѣютъ часто въ основѣ своей идеи самоопредѣленія національностей, допуская въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ болѣе широкія группировки (Костомаровъ).

И. К. Суринъ указывалъ на желательность выясненія связи различныхъ рѣшеній національнаго вопроса съ соціальной средой, и также отмѣчалъ необходимость различать отдѣльные типы этихъ рѣшеній.

Докладчикъ въ своихъ возраженіяхъ указывалъ на трудность отличать постановки вопроса, опирающіяся на идею національности, отъ соображеній соціальнаго и политическаго характера, такъ какъ всѣ эти идеи являются лишь перелицовкой соціальнаго вопроса.

Предсѣдатель: *Д. Петрушевскій.*
Товарищъ Предсѣдателя: *А. Кизеветтеръ.*
Секретарь: *А. Удальцовъ.*

Digitized by Google

Протоколы засѣданій Отдѣленія Соціальной Политики Общества имени А. И. Чупрова.

Содержаніе.

Стр.

М. Д. Загряцковъ, Третій элементъ и его значеніе въ организаціи земскаго самоуправленія 239
Г. П. Брянцевъ, Законъ страхованія рабочихъ и проведеніе его въ Москвѣ 242
И. И. Евтихіевъ, Начало самоуправленія и законъ о страхованіи рабочихъ 243
М. Д. Загряцковъ, О пенсіонной кассѣ земскихъ служащихъ, какъ формѣ профессіональнаго самоуправленія 244
Н. Я. Казиміровъ, О семьяхъ запасныхъ . . . . . —
Г. М. Лунцъ, Биржи труда въ Москвѣ 245
Л. Н. Юровскій, «Положеніе объ учрежденіи конторъ для найма» . . 246
Е. Д. Кускова, Роль кооперативовъ въ дѣлѣ посредничества 250
С. П. Тюринъ, Биржи труда и промышленные конфликты 251
П. Н. Колокольниковъ, О законодательныхъ предположеніяхъ по регулированію спроса и предложенія труда въ Россіи . . . . —

Засѣданіе I.

17 марта 1914 г. состоялось открытіе Отдѣленія Соціальной Политики. Присутствовало 45 членовъ Отдѣленія и гостей. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ **В. Я. Желѣзнова** и тов-предс. **М. Д. Загряцкова.** Послѣ выборовъ секретарей, **Н. П. Огановскаго** и **С. П. Тюрина,** былъ заслушанъ докладъ **М. Д. Загряцкова:** «Третій элементъ и его значеніе въ организаціи земскаго самоуправленія».

Докладчикъ разсмотрѣлъ врачебно-санитарную, образовательную и агрономо-экономическую дѣятельность земствъ съ точки зрѣнія участія и инициативы третьяго элемента. Казанское Общество врачей впервые толкнуло земство на организацію земскаго врачебнаго совѣта, провозгласивъ медицину общественнымъ дѣломъ. Постановленія совѣта долгое время носили рѣшающій характеръ и лишь впослѣдствіи его утратили. Въ исторіи санитарнаго совѣта Московскаго губернскаго земства совѣтъ имѣетъ сначала также рѣшающій характеръ, права управы по отношенію къ нему ограничены. Формально становясь впослѣдствіи совѣщательными органами, санитарные совѣты сохраняютъ фактически свое самостоятельное значеніе, — ихъ совѣщательная роль широко толкуется въ инструкціяхъ и еще шире на практикѣ. Идея представительства въ земскомъ медицинскомъ дѣлѣ находитъ себѣ

Digitized by Google

выраженіе въ санитарныхъ попечительствахъ, недавно легализированныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Моментъ представительства помогъ земствамъ спастись отъ бюрократизаціи и далъ перевѣсъ соотвѣтственнымъ отраслямъ земскаго дѣла надъ другими, гдѣ этого представительства не было. Спеціально подготовленный, съ агрономическимъ образованіемъ, третій элементъ принялъ дѣятельное участіе въ экономическихъ и агрономическихъ совѣтахъ и совѣщаніяхъ, занимая въ нихъ по числу своихъ представителей главное мѣсто. Тотъ же процессъ возрастающаго участія третьяго элемента происходитъ и въ области школьнаго дѣла.

Крупныя земства разрастаются въ цѣлую сѣть коллегіальныхъ учрежденій, расширяя этимъ самымъ базу для дѣятельности третьяго элемента. То, что третій элементъ юридически представляетъ собою лишь постороннихъ лицъ, лишенныхъ какихъ бы то ни было служебныхъ правъ, можетъ-быть, и хорошо съ одной стороны, — это ставитъ его внѣ табели о рангахъ и внѣ спеціальной отвѣтственности выборныхъ дѣятелей земствъ. Но есть и серьезныя отрицательныя стороны; не говоря уже о матеріальной необезпеченности, — это прежде всего неустойчивость служебнаго положенія. Средство бороться съ нимъ лежитъ въ самоорганизаціи земскихъ служащихъ, и притомъ въ формѣ болѣе мелкихъ коллективовъ, которые бы послужили фундаментомъ для болѣе широкихъ.

Этими организаціями были бы разрѣшены и нѣкоторые возникшіе уже за послѣднее время вопросы въ жизни земствъ и были бы сохранены въ силѣ традиціи земскаго единства. Во всякомъ случаѣ въ исторіи земствъ сказался несомнѣнный интересъ къ вопросамъ правоваго творчества и охранѣ правоваго порядка.

Въ преніяхъ приняли участіе **И. К. Суринъ, Е. А. Звягинцевъ, В. Я. Желѣзновъ** и др.

И. К. Суринъ, отдавая должное тонкому юридическому анализу автора доклада, считаетъ долгомъ указать на нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя могутъ быть навѣяны докладомъ. Если можно согласиться съ докладчикомъ, что, благодаря 3-му элементу, принципъ представительства, духъ демократіи, «земская идея» пронизала самый административный строй земскихъ учрежденій въ гораздо большей степени, чѣмъ это предполагало Земское Положеніе. Если можно согласиться, что въ организаціи административныхъ учрежденій земства все болѣе и болѣе замѣчается эволюція въ направленіи передачи исполнительныхъ функцій учрежденіямъ, въ которыхъ подавляющую фактически роль играетъ 3-й элементъ, а Земскимъ управамъ все больше и больше остается только функція надзора, то изъ всего этого еще далеко до вывода, который дѣлаетъ докладчикъ, что судьба земства, а слѣдовательно и судьба вновь созданной, по мнѣнію автора, въ 60-хъ годахъ русской демократіи тѣсно и преимущественно связана съ судьбой той своеобразной соціальной группы, которую называютъ 3-мъ элементомъ. Въ связи съ этимъ докладчикъ отводитъ значительную роль въ жизни будущаго земства даже профессіональнымъ организаціямъ 3-го элемента. — Сомнѣнія вызываетъ, прежде всего, самый исходный пунктъ построеній докладчика. Вѣрно, что въ основу идеологіи 3-го элемента легло народничество. Но какое народничество? Народничество ли 70-хъ годовъ съ его вѣрой въ народъ, вѣрой въ его стихійную созидательную силу или народничество позднѣйшее, народничество 80—90-хъ годовъ съ его разочарованностью въ активности народа и съ его благожелательнымъ отношеніемъ къ народу, близкимъ къ опекѣ

Digitized by Google

и отрицанію самодѣятельности населенія. А что именно такова характерная черта идеологіи 3-го элемента, хорошо показываетъ тотъ фактъ, что въ организаціи земскихъ учрежденій «духъ представительства» никогда и нигдѣ не былъ проведенъ до конца, до самыхъ низовъ населенія, несмотря на то, что для этого существовали юридическія возможности, какъ показалъ самъ авторъ. — Въ настоящее время земская интеллигенція проявляетъ себя группой черезчуръ неоднородной, чтобы можно было ей приписывать ту важную роль въ жизни земства, какую ей отводитъ докладчикъ. Въ ней можно наблюдать несомнѣнные процессы диференціаціи и даже разложенія въ трехъ направленіяхъ: 1) Въ направленіи болѣе широкихъ политическихъ коллективовъ, поскольку въ странѣ все же совершается партійное строительство; 2) въ 3-мъ элементѣ происходятъ крупныя разногласія, переходящія иногда въ расколъ, на почвѣ отношенія къ широкому населенію, такъ слабо и уродливо представленному въ земскихъ учрежденіяхъ. Въ то время какъ одни, примыкая къ старой идеологіи 3-го элемента, стоятъ преимущественно на почвѣ благожелательной опеки надъ народомъ, другіе кладутъ въ основу земской организаціонной работы самодѣятельность всего населенія: 3) наконецъ, 3-й элементъ — неоднороденъ, такъ сказать, территоріально. Вообще говоря, группы, работающія въ периферіи, входящія въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ, суть типичныя представители 3-го элемента, въ то время какъ группы, работающія въ земскихъ центрахъ, ближе по своимъ настроеніямъ къ демократическимъ бюрократамъ. И на периферіи, въ то время какъ врачи хорошо организованы, земскіе учителя представляютъ изъ себя «культурныхъ одиночекъ», по общему мнѣнію, слабо связанныхъ съ населеніемъ.

Все это препятствуетъ согласиться съ докладчикомъ, что 3-му элементу въ судьбахъ земства будетъ принадлежать исключительная роль.

Е. А. Звягинцевъ. Докладчикъ упустилъ изъ виду существенный моментъ въ организаціи и дѣятельности земства — обслуживаніе всѣхъ нуждъ мѣстной жизни, а не отдѣльныхъ ея сторонъ. Эта черта отразилась какъ въ организаціи, такъ и въ дѣятельности третьяго элемента. Общекультурные интересы и задачи третьяго элемента являются положительными и отличительными свойствами. Эта же черта диктуетъ отдѣльнымъ группамъ земскихъ спеціалистовъ не обособляться, не замыкаться, а дѣйствовать за одно съ другими. Въ этомъ сила третьяго элемента какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ.

В. Я. Желѣзновъ, отмѣтивъ новѣйшее кооперативное движеніе, указалъ, что послѣднее можетъ послужить стимуломъ преобразованія земскихъ органовъ въ болѣе демократическія организаціи.

Послѣ преній по докладу **М. Д. Загрядкова, С. П. Тюринымъ** было сдѣлано краткое сообщеніе объ организаціи работъ и докладовъ при Отдѣленіи, сущность котораго сводилась къ тому, чтобы Отдѣленіе на ряду съ обычными засѣданіями, посвященными научнымъ рефератамъ и преніямъ по нимъ организовало рядъ засѣданій для обсужденія краткихъ сообщеній членовъ Отдѣленія по тѣмъ или инымъ соціально-экономическимъ вопросамъ современной дѣйствительности и литературы, становясь какъ бы своего рода лабораторіей, гдѣ подвергалось бы обсужденію все болѣе или менѣе ярко выраженное на фонѣ соціально-экономической жизни. Въ обсужденіи сдѣланнаго предложенія приняли участіе **М. Д. Загрядковъ, Н. Г. Пѣтуховъ, И. К. Суринъ и В. Я. Желѣзновъ.** Рѣшено для болѣе детальной разработки

Digitized by Google

плана работъ Отдѣленія по предложенію С. П. Тюрина организовать особую комиссію.

Засѣданіе закончилось сообщеніемъ г-жи **Е. В. Виленцъ-Горовицъ:** «Организація русской секціи международнаго союза по законодательной охранѣ труда», которое было постановлено передать на разсмотрѣніе Совѣта Общества.

Въ комиссіи по разсмотрѣнію предложенія С. П. Тюрина объ организаціи работъ Отдѣленія и сдѣланнаго на засѣданіи М. Д. Загряцковымъ предложенія объ изданіи журнала, посвященному интересамъ и нуждамъ «третьяго элемента» записались: **В. Желѣзновъ, М. Загряцковъ, С. Тюринъ, М. Богомазовъ, М. Штромбергъ, И. Суринъ, К. Прозоровскій, Е. Виленцъ-Горовицъ, И. Удальцовъ.**

Т. Предсѣдателя: *М. Загряцковъ.*
Секретарь: *С. Тюринъ.*

Засѣданіе II.

18 октября 1914 года.

Докладъ **Г. П. Брянцева:** «Законъ страхованія рабочихъ и проведеніе его въ Москвѣ». Предсѣдатель — **М. Д. Загряцковъ.** Секретарь **С. П. Тюринъ.** Присутствуютъ 10 членовъ отдѣленія и гости.

Отмѣтивъ основныя положенія закона о больничныхъ кассахъ, докладчикъ охарактеризовалъ отношеніе къ кассамъ мѣстныхъ рабочихъ, промышленниковъ и фабричной инспекціи, прослѣдилъ моменты выборовъ уполномоченныхъ, регистраціи кассъ и ихъ фактическаго открытія, илюстрировавъ ихъ рядомъ цифръ и діаграммами. По мнѣнію докладчика, кассы, несмотря на рядъ неблагопріятныхъ условій и крайне стѣснительныя условія для самодѣятельности рабочихъ, сумѣютъ развить свою дѣятельность и сыграть немалую роль въ соціальномъ законодательствѣ страны. На основаніи изученія вопроса, докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Московскій уставъ О-ва Зав. и Фабр. стремится своими поправками, во многихъ пунктахъ поддержанными разъясненіями Отдѣла Промышленности еще болѣе, чѣмъ законъ устранить выборныхъ рабочихъ отъ участія въ дѣлахъ кассы.

2. Предприниматели неохотно шли на встрѣчу введенію страхованія въ гор. Москвѣ.

3. Добровольный порядокъ открытія кассъ, какъ нормальное явленіе, а принудительный, какъ исключительное, при общемъ обязательномъ характерѣ введеннаго страхованія оказались несостоятельными.

4. Фабричная инспекція Московской губ. тамъ, гдѣ она не была стѣсняема руководствомъ и разъясненіями высшаго правительства, явилась защитницей интересовъ рабочихъ.

5. Разъясненія въ видѣ циркуляровъ, разнаго рода правилъ со стороны Совѣта по д. с. р. и др. въ гораздо большей степени склонялись на сторону предпринимателей, чѣмъ рабочихъ.

6. На первыхъ порахъ страховая кампанія характеризуется инертностью рабочей массы, чему въ немалой степени способствовало отсутствіе въ Москвѣ рабочей печати, которая знакомила бы со страхованіемъ, освѣщала здѣшнюю страховую кампанію и тѣмъ подогрѣвала интересъ къ дѣлу.

Digitized by Google

7. Изъ разсмотрѣнія условій, при которыхъ вводилось страхованіе, видно, что на долю однихъ рабочихъ пришлись стѣсненіе и опека, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны предпринимателей, на долю другихъ предпринимателей — полная свобода и поощреніе.

Докладчику возражалъ **А. М. Никитинъ,** указавшій, что характеристика поведенія фабричной инспекціи неправильна, ибо основана лишь на нѣсколькихъ постановленіяхъ совѣщаній фабричныхъ инспекторовъ, направленныхъ противъ слишкомъ безцеремонныхъ попытокъ предпринимателей исказить законъ въ свою пользу. Отношеніе фабричныхъ инспекторовъ было слишкомъ индиферентное и они не сдѣлали никакихъ попытокъ къ защитѣ интересовъ рабочихъ даже въ предѣлахъ самого закона. Поэтому тезисъ докладчика совершенно непріемлемъ. Докладъ беретъ лишь внѣшнія данныя объ учрежденіи кассъ и совершенно не касается внутренней дѣятельности ихъ. Въ настоящее время нѣкоторыя кассы существуютъ уже годъ и надо поставить изслѣдованіе ихъ дѣятельности. Постоянная комиссія Музея содѣйствія труду приступила къ этому обслѣдованію и образовала спеціальную для этого комиссію. Задача этого обслѣдованія — вскрыть практику больничныхъ кассъ, въ значительной части подпавшихъ воздѣйствію О-ва заводчиковъ.

И. И. Евтихіевъ указалъ, что докладчикъ не коснулся: условій проведенія стр. законовъ въ предпріятіяхъ Моск. Гор. Управленія, поскольку тамъ повліяли фактическія соотношенія на содержаніе устава. Затѣмъ докладчикъ недостаточно выяснилъ значеніе закона съ юридической точки и ограничился указаніемъ на «моральную» сторону закона, мало помогающую уясненію вопроса.

Сущность возраженій **В. Н. Яхонтова, І. К. Сурина, П. Н. Колокольникова, С. П. Тюрина** и **М. Д. Загряцкова** сводилась къ тому, что докладчикъ недостаточно полно коснулся закона, системы выборовъ и самыхъ уставовъ кассъ, умалчивая о многихъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ проходило строительство кассъ въ Москвѣ, и слишкомъ въ розовомъ свѣтѣ нарисовалъ дѣятельность фабричной инспекціи.

Въ заключеніе было сдѣлано предложеніе посвятить больничнымъ кассамъ еще одно засѣданіе и попутно подвергнуть обсужденію возможную программу обслѣдованія кассъ, являющагося очереднымъ вопросомъ дня.

Тов. Предсѣдателя: *М. Загряцковъ.*
Секретарь: *С. Тюринъ.*

Засѣданіе III.

7 марта 1915 г.

І. Докладъ **И. И. Евтихіева:** «Начало самоуправленія и законъ о страхованіи рабочихъ». Предсѣдатель: **М. Д. Загряцковъ.** Секретарь: **С. П. Тюринъ.** Присутствуютъ 16 членовъ Отдѣленія и гости.

Докладъ касался выясненія юридической природы институтовъ, созданныхъ закономъ 1912 г. объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни. Указавъ на различіе понятій страхованія частнаго права и публичнаго, докладчикъ опредѣлилъ соціальное страхованіе, какъ извѣстную форму предметнаго самоуправленія. Выяснивъ правомочія больничныхъ кассъ въ области исполнительной и нормативной функціи управленія, докладчикъ указалъ на аналогичныя черты больничныхъ кассъ, съ дѣятельностью городского и земскаго самоуправленія.

Digitized by Google

Несмотря на то, что больничныя кассы являются результатомъ переходной эпохи, и что въ ихъ организаціи имѣются наиболѣе отжившія черты нашего мѣстнаго самоуправленія, ихъ все-таки необходимо опредѣлить какъ органы предметнаго самоуправленія, являющагося къ тому же теперь единственной формой самоуправленія для рабочаго класса».

II. Сообщеніе **М. Д. Загряцкова** о пенсіонной кассѣ земскихъ служащихъ, какъ формѣ профессіональнаго самоуправленія.

М. Д. Загряцковъ, проанализировавъ уставы земскихъ кассъ въ ихъ историческомъ развитіи, указалъ, что въ настоящее время обнаруживается тенденція къ построенію управленія кассъ на принципѣ представительства отъ третьяго элемента, что дальнѣйшимъ шагомъ эволюціи земскаго страхового дѣла будетъ созданіе единой земской кассы, построенной на принципѣ представительства и въ полной мѣрѣ удовлетворяющей идеѣ профессіональнаго самоуправленія. Объединеніе земствъ — результатъ пережитаго напряженія общественныхъ силъ, — сильно облегчитъ созданіе единой пенсіонной кассы.

Докладъ и сообщеніе вызвали пренія, въ которыхъ приняли участіе **В. Н. Дурденевскій, С. П. Тюринъ, М. Д. Загряцковъ, И. И. Евтихіевъ, П. И. Дердо** и **С. Н. Степановъ,** послѣдній между прочимъ указалъ, что **М. Д. Загряцковымъ** «преувеличено значеніе пенсіонныхъ кассъ въ той плоскости, что онѣ создаютъ организаціи, близкія по своему существу съ профессіональными союзами. Онѣ не имѣютъ той доли самостоятельности, какая имъ приписывается, такъ какъ не обладаютъ мѣрами воздѣйствія».

Отдѣленіе заслушавъ докладъ, избрало Комиссію въ составѣ слѣдующихъ лицъ: **М. И. Богомазова, В. М. Обухова, Н. Я. Казимірова, М. Д. Загряцкова, В. И. Анисимова** для разработки вопроса о собираніи матеріаловъ, касающихся положенія земскихъ служащихъ.

Тов. Предсѣдателя: *М. Загряцковъ.*
Секретарь: *С. Тюринъ.*

Засѣданіе IV.
11 апрѣля 1915 г.

Докладъ **Н. Я. Казимірова** о семьяхъ запасныхъ.
Предсѣдатель — **М. Я. Загряцковъ,** Секретарь — **С. П. Тюринъ.**
Присутствуютъ 19 членовъ Отдѣленія и гости.
Содержаніе доклада **Н. Я. Казимірова:**

«По даннымъ анкеты центральнаго бюро при городской управѣ, охватывающей до 20.000 бланковъ, выясняется, что большинство семей призванныхъ (60%) были или совсѣмъ бездѣтными, или имѣли одного ребенка, что является характернымъ для семьи городскаго рабочаго. Призывъ запаснаго сократилъ бюджетъ его семьи болѣе чѣмъ вдвое. Получаемый же семьями паекъ не покрываетъ расходовъ семьи на питаніе до $^1/_5$ и совершенно не даетъ возможности покрыть жилищной нужды, стоящей для большинства довольно остро. Общественная помощь семьямъ запасныхъ — одна изъ очередныхъ задачъ времени».

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: **П. Н. Колокольниковъ, М. И. Богомазовъ, И. И. Евтихіевъ, В. М. Обуховъ, М. Д. Загряцковъ, С. П. Тюринъ** и др., подробно остановившись, какъ на критикѣ собраннаго цифрового матеріала, такъ и самого бланка, по которому собирались свѣдѣнія.

Digitized by Google

Краткое сообщеніе одного изъ мѣстныхъ дѣятелей, заслушанное въ засѣданіи о волостныхъ попечительствахъ Тверской губерніи, выяснило постановку собиранія свѣдѣній на мѣстахъ. Отдѣленіе, заслушавъ это сообщеніе, поручило президіуму снестись со Всероссійскимъ городскимъ союзомъ и предложить ему включить въ программу собираемыхъ съ мѣстъ свѣдѣній полученіе матеріаловъ, характеризующихъ дѣятельность городскихъ и другихъ организацій, занятыхъ помощью семьямъ запасныхъ.

Тов. Предсѣдателя: *М. Загряцковъ.*
Секретарь: *С. Тюринъ.*

Засѣданіе V.

10 октября 1915 г.

Биржи труда.

Докладъ **Г. М. Лунца:** «Биржи труда въ Москвѣ».
Предсѣдатель — **М. Д. Загряцковъ,** Секретарь — **С. П. Тюринъ.**
Присутствуютъ 16 членовъ Отдѣленія и гости.

Въ Москвѣ, по словамъ докладчика, лишь только начали прибывать бѣженцы, среди мѣстныхъ національныхъ организацій возникъ вопросъ объ оказаніи трудовой помощи безработнымъ бѣженцамъ. Были образованы биржи труда при польской, еврейской, литовской, латышской, эстонской организаціяхъ. Затѣмъ организовалось бюро труда при городской управѣ; наконецъ, въ самое послѣднее время всероссійскіе союзы земствъ и городовъ приступили къ организаціи биржи труда, которая должна имѣть характеръ всероссійской. Характеристикѣ дѣятельности указанныхъ биржъ труда и былъ посвященъ упомянутый докладъ.

По словамъ докладчика, въ дѣятельности національныхъ биржъ труда Москвы намѣчаются слѣдующіе основные моменты. Онѣ оказываютъ помощь не только бѣженцамъ, но и вообще всѣмъ безработнымъ. Районъ дѣйствія биржъ не ограничивается райономъ города, но распространяется на рядъ губерній, такъ или иначе связанныхъ съ Москвой; напримѣръ, въ сферу вліянія еврейскаго бюро труда входятъ 12 губерній вокругъ Москвы. Между указанными національными бюро труда установилась тѣсная связь, а городское бюро является какъ бы органомъ, объединяющимъ ихъ дѣятельность; напримѣръ, регистрируетъ спросъ на трудъ въ Москвѣ и ежедневно собранныя свѣдѣнія сообщаетъ въ остальныя организаціи.

Докладчикъ остановился на вопросѣ объ участіи въ бюро представителей заинтересованныхъ сторонъ, главнымъ образомъ рабочихъ. Вопросы труда больше всего касаются рабочихъ массъ, и ихъ представительство въ биржахъ труда не должно бы, казалось, вызывать возраженій. Между тѣмъ съ представительствомъ рабочихъ дѣло обстоитъ плохо. Въ существующихъ организаціяхъ поставленъ на очередь вопросъ о привлеченіи представителей рабочихъ; предположено привлечь представителей труда, наравнѣ съ представителями кооперативовъ, и въ недавно организованную биржу труда при земскомъ и городскомъ союзахъ. Но возникаютъ вопросы, отъ какихъ рабочихъ организацій могутъ быть избраны представители въ биржи труда, а затѣмъ — на какихъ условіяхъ эти представители войдутъ въ соотвѣтствующія организаціи. По мнѣнію докладчика, представители рабочихъ могутъ быть избраны и отъ больничныхъ кассъ и отъ существующихъ профессіональныхъ организацій.

Digitized by Google

Въ заключеніе докладчикомъ было предложено при обсужденіи биржъ труда въ основу положить слѣдующіе вопросы: 1) кто регистрируется биржей? 2) На какіе географическіе предѣлы распространяется дѣятельность биржи? 3) Какія группы населенія обслуживаетъ биржа? 4) Отношеніе биржи къ мѣстнымъ аналогичнымъ учрежденіямъ. 5) Дѣятельность биржи въ области спроса и предложенія. 6) Участіе въ биржѣ заинтересованныхъ сторонъ.

Н. С. Четвериковъ въ дополненіе къ докладу сообщилъ данныя относительно существующей въ Петроградѣ биржи и коснулся совмѣстно съ К. К. Лупадинымъ незатронутыхъ докладчикомъ сторонъ дѣятельности Московскаго бюро, организованнаго при Главномъ Комитетѣ Всероссійскихъ Союзовъ.

Сообщенія Н. С. Четверикова и К. К. Лупадина вызвали рядъ возраженій и вопросовъ.

П. Н. Колокольниковъ подчеркнулъ необходимость теперь же выяснить рядъ принципіальныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ бюро разовьетъ свою дѣятельность. Участіе представителей рабочихъ необходимо не только въ совѣщательномъ органѣ при бюро (что признано и его организаторами), но и въ дѣловомъ Комитетѣ въ цѣляхъ постояннаго надзора. Что касается вопроса о преобладаніи спроса въ однѣхъ мѣстностяхъ и предложенія труда — въ другихъ (подчеркнутаго К. К. Лупандинымъ), то по мнѣнію **П. Н. Колокольникова** наблюдается не столько это явленіе, сколько «профессіональное несоотвѣтствіе спроса и предложенія».

С. О. Цедербаумъ указываетъ на практическую возможность привлеченія рабочихъ къ работамъ бюро, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Петроградѣ черезъ районныя попечительства и ставитъ общій вопросъ: обсуждаетъ ли собраніе нормальныя основанія, на которыхъ должно быть построено посредничество въ странѣ или же обсуждаетъ практическую дѣятельность возникшаго Всероссійскаго бюро въ Москвѣ.

Представитель латышской биржи **Петревицъ** поддерживаетъ послѣдній вопросъ и настаиваетъ въ дальнѣйшемъ строго разграничить эти двѣ совершенно различныя постановки вопроса.

Предложеніе **М. Д. Загряцкова** резюмировать общіе выводы, къ которымъ пришло собраніе отклоняется въ виду невыясненности нѣкоторыхъ положеній.

Засѣданіе заканчивается дополнительными разъясненіями **К. К. Лупандина** и **Н. С. Четверикова** отвѣтомъ докладчика **Г. М. Лунца** своимъ оппонентамъ, главнымъ образомъ **К. К. Лупандину,** возражавшему противъ нѣкоторыхъ выводовъ докладчика. Обсужденіе вопроса о биржахъ труда рѣшено продолжать въ слѣдующемъ очередномъ засѣданіи.

Тов. Предсѣдателя: *М. Загряцковъ.*
Секретарь: *С. Тюринъ.*

Засѣданіе VI.

17 октября 1915 г.

Докладъ **Л. Н. Юровскаго:** «Положеніе объ учрежденіи конторъ для найма».

Текстъ законопроекта Министерства торговли и промышленности объ учрежденіи конторъ для найма, поправки къ нему **П. Б. Струве.**

Digitized by Google

ПРОЕКТЪ.

Положеніе объ учрежденіи конторъ для найма.

1. Въ цѣляхъ содѣйствія упорядоченію спроса на трудъ и предложенія труда лицамъ, живущимъ наемнымъ трудомъ, городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ или соотвѣтствующимъ имъ учрежденіямъ предоставляется учреждать конторы для найма.

2. Если открытіе конторы для найма не послѣдовало по постановленію названныхъ въ ст. 1 органовъ, то учрежденіе конторы въ случаѣ надобности можетъ быть осуществлено распоряженіемъ Министра Торговли и Промышленности, обязательнымъ къ исполненію.

3. Конторы для найма дѣйствуютъ на основаніи или нормальнаго устава, издаваемаго Министерствомъ Торговли и Промышленности, или устава, вырабатываемаго городской думой и содержащаго отступленія отъ нормальнаго, въ семъ случаѣ съ утвержденія Министерства Торговли и Промышленности.

4. Для достиженія указанной въ ст. 1 цѣли конторы для найма производятъ: регистрацію спроса и предложенія труда, публикуютъ о предложеніи работы и спросѣ на нее, сообщаютъ свѣдѣнія о положеніи рынка труда, организуютъ текущую статистику и пр.

5. Конторы для найма оказываютъ свои услуги нанимателямъ и ищущимъ труда, независимо отъ ихъ мѣстожительства, безвозмездно.

6. Помѣщеніе для конторы для найма отводится городской думой безплатно.

7. Контора для найма находится въ вѣдѣніи городскихъ общественныхъ управленій.

8. Управленіе дѣлами конторы для найма возлагается на Комитетъ въ составѣ лицъ, опредѣляемомъ уставомъ (ст. 1).

9. Въ частности, на обязанности комитета лежитъ: установленіе штата служащихъ въ конторѣ для найма, наемъ и увольненіе служащихъ, открытіе по мѣрѣ надобности районныхъ отдѣленій конторы, выработка инструкцій въ руководство служащихъ, а также дѣятельности отдѣленій, составленіе смѣты расходовъ и отчетовъ о дѣятельности конторы для найма и вообще завѣдываніе всѣми дѣлами по управленію конторой для найма, на основаніяхъ, указанныхъ въ уставѣ (ст. 3).

10. Контора для найма составляетъ годовой отчетъ о своей дѣятельности по формѣ, устанавливаемой Министромъ Торговли и Промышленности. Означенный отчетъ въ двухъ экземплярахъ представляется въ Министерство Торговли и Промышленности, въ Отдѣлъ Промышленности.

11. Для объединенія дѣятельности конторъ для найма и урегулированія спроса на трудъ и его предложенія по Имперіи городскія конторы для найма сообщаютъ конторѣ для найма, находящейся въ Петроградѣ, имѣющіяся въ ихъ распоряженіи свѣдѣнія о спросѣ и предложеніи труда съ указаніемъ числа свободныхъ мѣстъ въ районѣ, обслуживаемомъ каждой конторой для найма. Форма и содержаніе этихъ сообщеній, а равно и сроки представленія ихъ центральной конторѣ для найма вырабатываются Комитетомъ конторы въ Петроградѣ и утверждаются Министромъ Торговли и Промышленности.

Digitized by Google

12. Общій надзоръ за дѣятельностью конторъ для найма возлагается на Министерство Торговли и Промышленности, по Отдѣлу Промышленности.

13. На содержаніе конторъ для найма городскимъ думамъ назначаются Министерствомъ Торговли и Промышленности субсидіи въ размѣрахъ по указанію Министра Торговли и Промышленности. Необходимые для сей цѣли, а равно на разработку при Отдѣлѣ Промышленности статистическихъ свѣдѣній по спросу и предложенію труда въ Имперіи кредиты испрашиваются Министерствомъ Торговли и Промышленности ежегодно въ смѣтномъ порядкѣ.

14. Дополнить дѣйствующій штатъ Отдѣла Промышленности одной должностью фабричнаго ревизора для инспекціи и конторъ для найма.

Поправки П. Б. Струве къ министерскому проекту.

Названіе учрежденія слѣдуетъ формулировать иначе: не конторы для найма, а биржи труда, какъ это установилось въ Петроградѣ. Ибо какъ разъ въ актѣ найма проектируемыя учрежденія не принимаютъ никакого участія. Они занимаются исключительно регистраціей труда и спроса на него.

Въ ст. 1, рядомъ съ городскими думами слѣдуетъ прямо назвать также и земскія собранія. Вполнѣ возможны случаи, когда биржи труда будутъ учреждаться городскими и земскими собраніями, по взаимному соглашенію, съ покрытіемъ издержекъ на ихъ содержаніе какъ изъ городскихъ, такъ и изъ земскихъ средствъ.

Ст. 8. слѣдуетъ дополнить, прямо выразивъ въ законѣ, что въ Комитетъ биржи труда, кромѣ лицъ, избираемыхъ городской думой или земскимъ собраніемъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и городомъ и земствомъ) и представителя фабричнаго надзора, входятъ въ равномъ числѣ надлежаще избранные представители отъ рабочихъ и предпринимателей. Въ качествѣ представителей отъ рабочихъ должны имѣться въ виду выборные отъ больничныхъ кассъ. Такъ въ самомъ законѣ будетъ выражено начало равенства или паритета въ учрежденіяхъ, коимъ ввѣрено руководство посредничествомъ въ дѣлѣ пріисканія труда.

Критикуя законопроектъ, докладчикъ отмѣтилъ, что проектъ, считающій устройство «конторъ» дѣломъ земствъ и городовъ, оставляетъ, однако, невыясненными важные принципіальные вопросы, которые должны, повидимому, разрѣшаться въ уставахъ, а послѣдніе утверждаются Министромъ торговли и промышленности: такъ, на вопросъ объ участіи въ «конторахъ» предпринимателей и рабочихъ въ проектѣ нѣтъ отвѣта. Не выяснены также вопросы объ областныхъ организаціяхъ, объ отношеніи къ работающимъ уже національнымъ и другимъ бюро, о дѣятельности «конторъ» въ случаѣ локаутовъ и стачекъ.

Помимо законопроекта **Л. Н. Юровскій** изложилъ основныя задачи Всероссійскаго бюро труда, организованнаго при отдѣлѣ по устройству бѣженцевъ Всероссійскихъ земскаго и городского союзовъ. «Всероссійское бюро должно собирать свѣдѣнія о спросѣ и предложеніи труда, не удовлетворенномъ на мѣстахъ, и указывать работу тѣмъ лицамъ, которыхъ не могли устроить мѣстныя биржи труда. Всероссійское бюро стремится прежде всего къ тому, чтобы на мѣстахъ образовались организаціи по посредничеству при наймѣ. Всероссійское бюро разсылаетъ своихъ инструкторовъ, распространяетъ печатныя инструкціи и пропагандируетъ идею правильной постановки посредниче-

Digitized by Google

ства. Для успѣшнаго выполненія своей посреднической задачи Всероссійское бюро собираетъ свѣдѣнія о заработной платѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ оно командируетъ лицъ для ознакомленія на мѣстѣ съ предлагаемыми бѣженцамъ условіями труда. Организація Всероссійскаго бюро еще не закончена: она будетъ построена на началахъ сотрудничества съ кооперативными и національными организаціями и участія представителей предпринимателей и рабочихъ».

Въ заключеніе докладчикомъ были поставлены слѣдующіе вопросы, которые еще не окончательно вырѣшены бюро и мнѣніе о которыхъ было бы крайне желательно услышатъ въ засѣданіи:

1) Признавая въ принципѣ необходимость участія представителей рабочихъ въ работахъ бюро — каковы должны быть формы этого участія какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ?

2) На какія территоріальныя центры должна раздѣляться вся организація (областные и губернскіе центры)?

3) Каковы должны быть условія участія кооперативовъ на мѣстахъ въ мѣстныхъ организаціяхъ Всероссійскаго бюро?

4) Организаціонныя формы Всероссійскаго бюро труда.

5) Дѣятельность биржи во время стачекъ и локаутовъ.

6) Отношеніе Всероссійскаго бюро къ Петроградской биржѣ.

Изъ поставленныхъ вопросовъ засѣданіе обмѣнялось мнѣніями по пунктамъ 1, 2 и 4, отложивъ обсужденіе остальныхъ пунктовъ до слѣдующаго засѣданія.

По пункту 1-му участниками засѣданія подчеркивалась мысль о необходимости привлеченія представителей мѣстныхъ рабочихъ организацій къ работамъ биржъ на мѣстахъ. Что же касается представительства рабочихъ во Всероссійскомъ бюро труда, то въ виду невозможности теперь же имѣть въ немъ представителя отъ всѣхъ рабочихъ организацій Россіи — необходимо все же привлечь въ бюро представителя отъ мѣстныхъ рабочихъ организацій, что является вполнѣ возможнымъ. Возложеніе на инструкторовъ обязанности всюду выяснять состояніе рабочихъ организацій на мѣстахъ въ цѣляхъ ихъ привлеченія въ мѣстныя биржи труда (предложеніе **С. П. Тюрина**) — возраженій не встрѣтило.

По пунктамъ 2-му и 4-му **П. Н. Колокольниковымъ** было указано, что при установленіи областныхъ организацій необходимо стремиться исходить изъ экономической структуры, а не изъ административнаго дѣленія. Признавая вопросъ о соотношеніи мѣстныхъ (губернскихъ и областныхъ) организацій еще не выясненнымъ — П. Н. Колокольниковъ отмѣтилъ, что въ дѣлахъ централизаціи посредничества итти далеко нельзя. Основой должна являться мѣстная организація. Въ цѣломъ — прямой обязанностью Всероссійскаго бюро труда помимо организаціонной работы, должна быть сводка и учетъ дѣятельности мѣстныхъ биржъ, на исчерпывающее руководство всѣмъ дѣломъ посредничества оно разсчитывать не можетъ и не должно. При организаціонной работѣ, по мнѣнію П. Н. Колокольникова, необходимо въ инструкторы привлекать рабочихъ, такъ какъ они сумѣютъ скорѣе и лучше установить связь съ рабочими организаціями на мѣстахъ.

Помимо отмѣченныхъ вопросовъ рядъ участниковъ засѣданія отмѣчали необходимость для бюро теперь же, до начала практической работы, положить въ основу рядъ общихъ принципіальныхъ началъ, изъ которыхъ бы бюро исходило при практической работѣ. Подчеркивалась также опасность

Digitized by Google

пониженія заработной платы, такъ какъ биржа невольно можетъ это сдѣлать если будетъ направлять рабочихъ не туда, куда слѣдуетъ.

Признавая, что биржи въ настоящее время нужны какъ для бѣженцевъ, такъ и для не-бѣженцевъ и констатируя возможность депрессіи и кризиса послѣ войны, нѣкоторые изъ участниковъ настаивали на немедленной же усиленной работѣ въ области организаціи посредничества по всей Россіи.

Въ заключительномъ словѣ докладчикъ, благодаря собраніе, высказалъ увѣренность, что всѣ высказанныя пожеланія будутъ приняты бюро во вниманіе, такъ какъ принципіальныхъ возраженій они не вызываютъ.

Тов. Предсѣдателя: *М. Загряцковъ.*
Секретарь С. Тюринъ.

Засѣданіе VII.
21 октября 1915 г.

Сообщеніе **Е. Д. Кусковой** о роли кооперативовъ въ дѣлѣ посредничества. Присутствуетъ 14 членовъ отдѣленія и 16 гостей. Предсѣдательствуетъ **М. Д. Загряцковъ,** Секр. **С. П. Тюринъ.**

Послѣ краткаго сообщенія одного изъ мѣстныхъ дѣятелей объ организаціи биржи ремесленнаго труда еврейскихъ обществъ и характеристики различныхъ комиссій при биржѣ (въ частности — экспертной) — **Е. Д. Кускова,** охарактеризовавъ размѣры русской кооперація и ея крестьянскій характеръ, отмѣтила, что биржи труда, за неимѣніемъ широко развитыхъ профессіональныхъ союзовъ, само собою разумѣется должны искать организованнаго аппарата на мѣстахъ, каковымъ въ настоящее время является кооперативъ. Къ сожалѣнію отсутствіе центральнаго органа кооперативовъ не позволяетъ Всероссійскому бюро труда войти въ сношеніе и связь со всѣми кооперативами. Народившійся Центральный кооперативный комитетъ можетъ въ этомъ отношеніи восполнить существующій пробѣлъ и явиться связующимъ звеномъ. Деревенскіе кооперативы могутъ оказать содѣйствіе въ дѣлѣ посредничества сельско-хозяйственному труду, Кіевскіе и Харьковскіе кооперативы — и промышленному труду. Въ цѣляхъ организаціи могутъ быть использованы городскія и производительны кооперація, послѣднія могутъ представлять, при умѣлой организаціи, хорошій источникъ для приложенія имѣющихся свободныхъ рукъ. Въ вопросѣ о размѣрахъ заработной платы кооперативы могутъ быть полезны лишь въ смыслѣ информаціонномъ о размѣрахъ цѣнъ даннаго района. Въ цѣломъ кооперативы — аппаратъ довольно слаженный, сношенія съ ними возможны, но каковы должны быть ихъ функціи въ дѣлѣ посредничества — вопросъ довольно сложный.

Въ дополненіе къ сдѣланному сообщенію **С. Н. Прококовичъ** охарактеризовалъ, какъ шелъ процессъ передвиженія бѣженцевъ и всѣ ихъ желѣзнодорожныя мытарства. Указавъ на всю ирраціональность процесса разселенія бѣженцевъ, **С. Н. Прокоповичъ** высказалъ мысль, что роль биржи начинается тогда, когда уже разселеніе закончено и бѣженецъ осѣлъ. Вотъ почему только послѣ широкой регистраціи и работы попечительствъ биржи труда могутъ еще что-либо сдѣлать. При раціональномъ представительствѣ рабочихъ въ Центральномъ комитетѣ — функціи посредничества возможно осуществлять при содѣйствіи кооперація, до этого же момента — необходимъ контактъ въ плоскости организаціоннаго плана всѣхъ учрежденій и обществъ, занятыхъ бѣженцами.

Digitized by Google

Заслушавъ сообщенія и признавъ желательнымъ широкое содѣйствіе кооперативовъ въ дѣлѣ организаціи посредничества, засѣданіе продолжало обсужденіе организаціонныхъ формъ Всероссійскаго бюро труда, изложенныхъ **Л. Н. Юровскимъ.**

Тов. Предсѣдателя: *М. Загряцковъ.*
Секретарь: *С. Тюринъ.*

Засѣданіе VIII.
14 ноября 1915 г.

Присутствуютъ 8 членовъ отдѣленія и 15 чел. гостей. Предсѣдательствуетъ **М. Д. Загряцковъ,** секретар. — **С. П. Тюринъ.**

1. Сообщеніе **С. П. Тюрина** «Биржи Труда и промышленные конфликты».

2. Сообщеніе **П. Н. Колокольникова** о законодательныхъ предположеніяхъ по регулированію спроса и предложенія труда въ Россіи.

Охарактеризовавъ поведеніе биржъ труда во время промышленныхъ конфликтовъ на континентѣ, въ Англіи и Америкѣ, **С. П. Тюринъ,** признавая въ принципѣ прекращеніе посредничества во время конфликта по отношенію къ втянутымъ въ него сторонамъ правильнымъ съ тѣми модификаціями, которыя внесены практикой Англіи, по отношенію къ русскимъ биржамъ высказалъ ту мысль, что при настоящихъ условіяхъ принципъ прекращенія врядъ ли достигнетъ цѣли и рекомендовалъ итти по пути широкаго извѣщенія о конфликтахъ и сохраненія права на очередь при записи въ биржѣ тѣхъ рабочихъ, которые отказались поступить на мѣсто изъ-за конфликта. Въ заключеніе С. П. Тюринымъ были подведены результаты засѣданій отдѣленія по вопросу о биржахъ труда, которые, по его мнѣнію, сводились къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Всероссійское Бюро труда, возникшее при цетральныхъ общественныхъ организаціяхъ (Земск. и Город. Союзахъ) въ періодъ войны, въ силу притока бѣженцевъ и выселенцевъ въ столичные города — стоитъ передъ вопросами огромной важности: оказать содѣйствіе въ пріисканіи работы не только бѣженцамъ, но и тѣмъ кадрамъ мѣстныхъ рабочихъ, которые и во время войны оказались безъ работы.

Тѣмъ самымъ Бюро беретъ на себя задачу воспользоваться по существу случайнымъ видомъ посредничества (бѣженцамъ) и создать на будущее — когда не исключена возможность, послѣ войны, депрессіи въ промышленности — почву для нормальнаго посредничества въ Россіи.

Въ силу этого передъ Бюро стоитъ (я бы сказалъ) моральная обязанность — теперь же, прежде чѣмъ его практическая работа будетъ развернута въ томъ или иномъ масштабѣ, выработать рядъ принципіальныхъ основаній, изъ которыхъ оно исходило бы при осуществленіи практическихъ шаговъ. Таковыми должны быть: а) не только принципіальное признаніе участія рабочихъ организацій въ работѣ Бюро, но и привлеченіе ихъ черезъ своихъ инструкторовъ въ мѣстныя бюро и созданіе временнаго представительства отъ московскихъ организацій въ своемъ центрѣ, b) воспользовавшись административнымъ дѣленіемъ Россіи на губерніи — Бюро не должно упускать изъ виду, что нормальнымъ путемъ въ дѣлѣ централизаціи посредничества должно быть не административное дѣленіе страны, а экономическая структура, почему и необходимо принять послѣднюю во вниманіе, тамъ гдѣ это возможно, не забывая при томъ, что профессіональное объединеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ явится наилучшей формой объединенія.

Digitized by Google

Участіе кооперативовъ, цѣнное главнымъ образомъ въ періодъ, когда бѣженцы дѣлаются уже отчасти осѣвшимъ элементомъ, можетъ сыграть большую роль въ области посредничества сельскохозяйственнымъ рабочимъ и въ дѣлѣ выясненія какъ рынка труда, такъ и размѣровъ реальной заработной платы на мѣстахъ.

Въ организаціонномъ строительствѣ Бюро не должно придавать исчерпывающаго значенія принципу централизаціи, такъ какъ основой въ конечномъ счетѣ является мѣстная организація и поэтому начало децентрализаціи здѣсь можетъ оказаться наиболѣе жизненнымъ. Послѣднее не исключаетъ значенія центра, какъ объединяющаго органа и выполняющаго большую статистико-экономическую работу въ области посредничества въ Россіи.

Поведеніе Бюро во время промышленныхъ конфликтовъ, при нашихъ соціальнополитическихъ условіяхъ во время войны, можетъ выразиться на первыхъ шагахъ, я думаю, не въ прекращеніи посредничества, а въ извѣщеніи сторонъ о конфликтахъ и охранѣ правъ рабочаго на очередь среди записавшихся, если онъ не поступилъ на мѣсто изъ-за конфликта въ предпріятіи. Само собою разумѣется, что въ этой области стремленіемъ Бюро должно быть проведеніе въ жизнь той тенденціи, которая намѣчается въ практикѣ западноевропейскихъ биржъ».

Не обсуждая по существу резюме **С. П. Тюрина**, большинство говорившихъ въ засѣданіи высказывалось за проведеніе принципа прекращенія посредничества во время конфликтовъ, находя, что при русскихъ условіяхъ это является наиболѣе лучшимъ исходомъ.

Второе сообщеніе было сдѣлано **П. Н. Колокольниковымъ**, который, давъ оцѣнку законопроекту Министерства торговли и промышленности о биржахъ труда, противопоставилъ ему рядъ положеній, которыя должны лечь въ основу соціальнаго законодательства въ этой области, указавъ, что частныя конторы найма должны быть закрыты; биржи труда, организованныя на частно-правовомъ началѣ, законъ долженъ допускать, но не вводить ихъ въ сѣть публично-правовыхъ организацій, къ каковымъ надо причислить муниципальныя биржи и биржи органовъ самоуправленія, обслуживающихъ ту или иную сторону общественно-экономической жизни. Представительство рабочихъ въ биржахъ должно быть не отъ больничныхъ кассъ, а отъ профессіональныхъ организацій.

По докладу **П. Н. Колокольникова** вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній вопросъ объ указной дѣятельности въ области соціальнаго законодательства. По мнѣнію докладчика, указъ въ этой области долженъ быть возможно ограниченъ и указная дѣятельность должна быть замѣнена нормами закона.

Тов. Предсѣдателя: *М. Завряцковъ*.
Секретарь: *С. Тюринъ*.

Digitized by Google

Книги, полученныя редакціей.

А. А. Алексѣевъ. Бюджетное право французскаго парламента. Изъ «Ж. М. Ю.» Петроградъ, 1915.

І. И. Аносовъ. Злоупотребленіе довѣріемъ. Москва, 1915. Цѣна 3 руб.

Р. И. Блюмфельдъ. Обязательное голосованіе. Изъ «Ж. М. Ю.» Петроградъ, 1915.

Б. Л. Бразоль. Очерки по слѣдственной части. Исторія. Практика. Петроградъ, 1916. Изд. кн. маг. Мартынова. Цѣна 1 руб. 50 к.

М. И. Брунъ. Введеніе въ международное частное право. Петроградъ, 1915.

Н. И. Кохановскій. Экономика и экономическій принципъ въ ихъ отношеніи къ общей системѣ соціальныхъ наукъ. Владивостокъ, 1915. Цѣна 5 руб.

Пенсіи и пособія нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ. Изданіе Юридическаго Отдѣла Всероссійскаго Союза Городовъ. Москва, 1916. Цѣна 2 руб.

Перепись посѣвныхъ площадей Московской губ. на 1915 г. Вып. 4. Предстоящій ввозъ продовольственныхъ продуктовъ на станціи жел. дор. Московской губ. въ 1915—16 гг. Москва, 1916.

В. А. Рязановскій. Наслѣдованіе полнородныхъ, единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ и сестеръ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ. (Ст. 1140, т. X ч. I). Ярославль, 1916. Цѣна 2 руб.

Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по вопросамъ долгосрочнаго ипотечнаго кредита. Составили *В. А. Шимковъ* и *Т. Л. Федоровичъ*. Изд. Постояннаго Бюро съѣздовъ Представителей Городскихъ Кредитныхъ Обществъ. Петроградъ, 1915. Цѣна 5 руб.

Учрежденіе Судебныхъ Установленій (Св. Зак. т. XVI ч. I, изд. 1914 года). Изд. обработано *И. Н. Товстольсомъ*. Изд. книж. маг. И. И. Зубкова — «Законовѣдѣніе». Петроградъ, 1916. Цѣна 6 руб.

Проф. А. Н. Филипповъ. Къ вопросу о составѣ Перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи. Рѣчь на торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 января 1916 г. Москва, 1916. Цѣна 1 руб.

Алексѣй Шиловъ. Знаменитый ученый на службѣ у алкогольнаго капитала. (Проф. Эмиль Дюкло и его «Соціальная гигіена»). Москва, 1916. Цѣна 15 коп.

Digitized by Google

4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ Продолжается подписка на 1916 годъ 4-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

на

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ЖУРНАЛЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ СОДѢЙСТВІИ

ПЕТРОГРАДСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и ОБЩЕСТВА ИМЕНИ А. И. ЧУПРОВА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ,

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ **Б. А. КИСТЯКОВСКАГО.**

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ:

А. С. Алексѣевъ, Н. Г. Вавинъ, М. М. Винаверъ, А. Э. Вормсъ, Н. В. Давыдовъ, Н. А. Каблуковъ, И. А. Кистяковскій, М. М. Ковалевскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. А. Котляревскій, А. А. Мануиловъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, І. А. Покровскій, Н. Н. Полянскій и М. П. Чубинскій.

Въ вышедшихъ въ **1913, 1914 и 1915 гг.** книжкахъ журнала, въ числѣ прочихъ, были помѣщены слѣдующія статьи:

Б. А. Кистяковскій. Наши задачи. — Его же. Кризисъ юриспруденціи и дилетантизмъ въ философіи. — **П. И. Новгородцевъ.** Современное положеніе проблемы естественнаго права. — Его же. Психологическая теорія права и философія естественнаго права. — **Л. І. Петражицкій.** Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права. — **І. А. Покровскій.** Сила или право? — Его же. Ирраціональное въ области права. — **А. Л. Саккетти.** Государство и народность. — **Е. В. Спекторскій.** Философія и юриспруденція. — Его же. Къ столѣтію исторической школы въ правовѣдѣніи. — Его же. Номинализмъ и реализмъ въ общественныхъ наукахъ. — **А. А. Мануиловъ.** Къ вопросу о предметѣ и характерѣ теоретической экономіи. — **Р. М. Орженцкій.** Къ вопросу о природѣ хозяйственныхъ явленій и методѣ ихъ изученія. — **А. С. Алексѣевъ.** Происхожденіе чрезвычайно-указнаго права и его политическое значеніе. — Его же. Реставрація Бурбоновъ и конституціонные акты, предшествовавшіе хартіи 1814 года. — Его же. Исторія разработки французской конституціонной хартіи 4 іюля 1814 года. — Его же. Манифестъ 17 октября 1905 г. и политическое движеніе, его вызвавшее. — **Н. Н. Алексѣевъ.** Военный плѣнъ и международное право. — **П. И. Алексѣевъ.** Отвѣтственность государства за чиновниковъ. — Его же. Чиновники и политика. — **М. Б. Горенбергъ.** Юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 г. — **Н. В. Давыдовъ.** Л. Н. Толстой и Судъ. — **В. В. Ивановскій.** Политико-культурное значеніе манифеста 17 октября 1905 г. — **М. М. Ковалевскій.** Преемственность или прерывность законодательныхъ работъ. — **Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ.** Юридическая природа манифеста 17-го октября. — **С. А. Котляревскій.** Сущность парламентаризма. — **С. А. Корфъ.** Конституція Невшателя 1814 года. — Его же. Понятіе суверенитета. — Его же. Реформа Сената. — Его же. Л. Мехелинъ. — **А. М. Кулишеръ.** Защита субъективныхъ публичныхъ правъ посредствомъ иска. — Его же. Государственное единство Англіи и гомруль. — **Я. М. Магазинеръ.** Юридическое значеніе манифеста 17 октября 1905 г. — **А. Н. Нерсесовъ.** Нейтрализованныя государства. — **Н. И. Паліенко.** Правовое значеніе манифеста 17 октября 1905 г. — **К. Н. Соколовъ.** Манифестъ 17 октября и право запросовъ. — **Б. Е. Шацкій.** Конституціонный кризисъ въ Соединенныхъ Штатахъ. — **Б. П. Базилевъ.** Тѣлесныя

Digitized by Google

наказанія по русскому дѣйствующему праву. — **П. И. Люблинскій.** Публичная защита въ уголовномъ процессѣ. — Его же. Понятіе наказанія. — **Н. Н. Полянскій.** Къ вопросу о правѣ частныхъ лицъ на субсидіарное обвиненіе. — **М. П. Чубинскій.** Истребленіе плода и проблема его наказуемости. — Его же. Юбилей судебныхъ уставовъ и его отраженіе въ литературѣ. — Его же. Профессоръ И. Я. Фойницкій. — Его же. Памяти Е. Д. Синицкаго. — **В. Н. Ширяевъ.** Понятіе должностного преступленія. — **М. И. Брунъ.** Коллизіонныя нормы въ юриспруденціи XIV—XX вв. о состояніи лица. — **П. И. Бѣляевъ.** Слѣды первобытныхъ представленій о природѣ и человѣкѣ въ исторіи гражданскаго права. — Его же. Холопство и долговыя отношенія въ древнемъ русскомъ правѣ. — **А. Э. Вормсъ.** Законъ и обычай въ наслѣдованіи у крестьянъ. — Его же. Проекты закона о наслѣдованіи въ крестьянскихъ земляхъ. — **Д. М. Генкинъ.** Относительная недѣйствительность сдѣлокъ. — Его же. А. В. Завадскій. — **А. М. Долматовскій.** Юридическая природа найма имуществъ. — **А. В. Завадскій.** Къ юридической сторонѣ спора между графинями А. Л. и С. А. Толстыми о рукописяхъ Л. Н. Толстого. — Его же. П. П. Цитовичъ. Краткая характеристика его научной дѣятельности. — Его же. По поводу юбилея сенатора В. Л. Исаченка. — **Д. М. Мейчикъ.** Русская правда XI вѣка. — **А. Н. Пареного.** Гражданскіе отвѣтчики за подсудимыхъ въ уголовномъ судѣ. — **С. Е. Сабининъ.** Къ вопросу о значеніи юриспруденціи въ римскомъ правѣ. — **Бар. А. А. Симолинъ.** Два вопроса изъ области авторскаго права. — **В. И. Синайскій.** Первыя страницы русскаго законопроекта обязательственнаго права въ сравненіи съ германскимъ и швейцарскимъ уложеніемъ. — Его же. Война и особенныя завѣщанія. — **Л. С. Таль.** Проблема власти надъ человѣкомъ въ гражданскомъ правѣ. — Его же. Юридическая природа организаціи или внутренняго порядка предпріятія. — **А. Н. Филипповъ.** «Русская Правда» въ изслѣдованіи нѣмецкаго ученаго. — **Т. М. Яблочковъ.** Формы «спора» и «неоспариванія» въ гражданскомъ процессѣ. — **А. Э. Вормсъ.** Профессоръ Г. Ф. Шершеневичъ, какъ коммерсіалистъ. — **Б. П. Вышеславцевъ.** В. А. Савальскій. — **Е. Н. Ефимовъ.** А. Ф. Кистяковскій и его научное наслѣдіе. — **И. А. Кистяковскій.** Г. Ф. Шершеневичъ какъ цивилистъ. — **А. Н. Фатѣевъ.** М. М. Сперанскій. Къ 80-лѣтію вступленія въ силу Свода законовъ. — **Кн. К. В. Кекуатовъ.** Земскія товарищества по закону 1906 года. — Его же. Союзъ и товарищества. — **Н. В. Давыдовъ.** Юридическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, — и др.

Приложенія: Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Протоколы засѣданій Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ и Протоколы засѣданій Общества имени А. И. Чупрова для разработки общественныхъ наукъ.

Юридическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ: въ февралѣ, въ апрѣлѣ, октябрѣ и декабрѣ — книгами размѣромъ отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ комплекты «Юридическаго Вѣстника» за 1913, 1914 и 1915 годы продаются по 8 рублей. Для лицъ, подписавшихся на 1915 или 16 гг., цѣна остается прежняя — 6 рублей.

Подписная цѣна на 1916 годъ — **6** рублей, на полгода — **3** рубля съ пересылкою и доставкою. Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ **2** рубля. Подписка принимается въ редакціи журнала **Юридическій Вѣстникъ** въ Москвѣ, Пречистенка, Б. Левшинскій пер., д. № 13, кв. 8. Въ Кіевѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина Крещатикъ, д. № 33.

Редакторъ: *Б. А. Кистяковскій.*

Издатель: Юридическое Общество при Императорскомъ Московскомъ **Университетѣ.**

Digitized by Google

Продолжается подписка на 1916 годъ

на еженедѣльный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“

Органъ адвокатуры, нотаріата, суда.

IX г. изданія. **Издается въ Москвѣ** IX г. изданія.

и выходитъ каждое воскресенье.

при ближайшемъ участіи: **члена Моск. Окр. Суда П. И. Астрова, И. С. Вольмана, проф. А. Э. Вормса, проф. М. Н. Гернета, Н. К. Муравьева, бывш. прив.-доц. Н. Н. Полянскаго, прив.-доц. В. М. Устинова и И. С. Урысона и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.**

„ВѢСТНИКЪ ПРАВА“ является органомъ юристовъ, практиковъ—**Адвокатовъ, Нотаріусовъ** и **Судей**—и ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе вопросовъ текущаго законодательства, судебной административной и нотаріальной практики.

Въ 1915 году въ **«Вѣстникѣ Права»** были между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи: **Арсеньевъ.** 1) Судъ и адвокатура. 2) А. Ѳ. Кони 1865—1915 г. **П. И. Астровъ.** 1) Война и право. 2) Законодательное предположеніе о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. **А. Н. Бутовскій.** Исправленіе и дополненіе вотчинныхъ актовъ. **А. Винаверъ.** Институтъ Представительства въ Проектѣ «Обязательственнаго Права» 14 октября 1913 г. **М. Вишнякъ.** Коалиціонное отвѣтственное правительство съ точки зрѣнія государственнаго права. **И. Вольманъ.** Вводъ во владѣніе въ системѣ укрѣпленія права собственности на недвижимости. **А. Вормсъ.** 1) Новое изданіе Свода Законовъ Гражданскихъ. Законы Гражданскіе—изданіе 1914 г. 2) Рѣшеніе общаго собранія Сената 9-го 1915 г. о лишеніи правъ судебной защиты враждебныхъ иностранцевъ. **М. Н. Гернетъ.** Полвѣка работы А. Ѳ. Кони. **В. М. Гордонъ.** Наслѣдіе сенатора В. Л. Исаченко. **Э. Гей.** Вопросы чекового права. **М. Л. Гольштейнъ.** Памятникъ пятидесятилѣтія русской адвокатуры. **Е. Данилова.** Судебная практика торговой жизни. **А. М. Долматовскій.** Расторжимы ли вслѣдствіе запрещенія продажи крѣпкихъ напитковъ договоры найма помѣщеній для торговли? † **А. В. Завадскій.** Измѣненія, внесенныя закономъ 10 іюня 1914 г. въ институтъ соучастія. **Н. Идельсонъ.** Допросъ свидѣтелей въ уголовномъ процессѣ. **В. В. Исаченко.** Неопубликованныя рѣшенія гражд. Кассац. Департ. Правит. Сената. **А. Ѳ. Кони.** 1) Заключительныя пренія сторонъ въ уголовномъ процессѣ. 2) Участіе прокурора въ заключительныхъ преніяхъ по судебному слѣдствію. 3) Рѣчь защитника въ уголовномъ процессѣ. **С. А. Котляревскій.** Административная aequitas и общественная справедливость. **С. А. Кличевскій.** О спорахъ противъ цѣны иска. **П. И. Люблинскій.** Судебные уставы за 50 лѣтъ (издан. Министер. Юстиціи). **В. А. Маклаковъ.** Еврейскій вопросъ въ адвокатурѣ. **Д. М. Мейчикъ.** Начала выгодности и законности при продажѣ имѣній малолѣтнихъ. **А. Паренаго.** Волостной Судъ по закону 15 іюня 1912 г. **А. В. Позняковъ.** Testamentum militare (воинское завѣщаніе и необходимость его реформированія). **Проф. Б. Поповъ.** Мировая сдѣлка, прекращеніе дѣла и судебное рѣшеніе. **В. Случевскій.** Гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ. **А. С. Тагеръ.** Предсѣдатель въ уголовномъ процессѣ и предѣлы судебнаго изслѣдованія. **М. Фельдштейнъ.** Идея парламентаризма и германская политика. **Е. Флейшицъ.** Внѣбрачная семья въ практикѣ Сената. **В. Н. Челищевъ.** Встрѣчный искъ, подвѣдомственный окружному суду въ производствѣ мирового судьи. **Б. В. Чредининъ.** Великая война и начала права. **Проф. Т. Яблочковъ.** Патріотизмъ въ правосудіи.

Всѣ подписчики журнала получаютъ слѣдующія безплатныя приложенія: **Три сборника рѣшеній Правит. Сената** (Гражд., Уголов. и Общ. собраній) съ комментаріями (первые три сборника «Архива судебной практики и законодательства»).

Подписная цѣна **9** руб. въ годъ. Допускается разсрочка: при подпискѣ **5** руб. и къ **1** апрѣля **4** руб.

Подписчики «Вѣстника Права» за сборники—«Важнѣйшіе указы Судебнаго Департамента» за 1914 г. и «Полный перечень Собранія Узаконеній» платятъ по **75** коп. за каждый. Подписчики «Вѣстника Права», желающіе получить Алфавитный Указатель лицъ, ограничъ. въ правоспособ. и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правосп. за 1915 годъ—доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ **1** руб.

Адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Мясницкій проѣздъ, 4, тел. 2-55-90.

Digitized by Google

XXII годъ | Въ 1916 году | годъ XXII

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1916 года.

Въ «Журналѣ» печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д—товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи и изъ Парижа; 7) Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

Въ «Журналѣ» за 1894—1915 годъ были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васьковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, М. Б. Горенберга, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А.М.Гуляева, П.Н.Гуссаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовского, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, И. А. Ивановскаго, М. М. Ковалевскаго, А.Ѳ.Кони, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ѳ. И. Леонтовича, В. М. Нечаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, Н. И. Паліенко, Л. І. Петражицкаго, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, П. С. Пороховщикова, А. К. фонъ-Розена, Н. М. Рейнке, А. К. Рихтера, В. С. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Ѳ.В.Тарановскаго, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, Б. П. Ширкова, К. В. Шнейдера, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная *плата* **9 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ *черезъ казначеевъ* пользуются *разсрочкою до 1 рубля* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, *при подпискѣ* исключительно *въ Главной Конторѣ*, пользуются *разсрочкою до 2 рублей* въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, — *по 5 рублей въ годъ*.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ —25%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 18.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. Ѳ. Дерюжинскій.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на политико-экономическій, финансовый и биржевой журналъ

ФИНАНСОВАЯ ЖИЗНЬ

на 1916 годъ.

(3-й годъ изданія.)

Въ Петроградѣ и въ провинціи на годъ — **8** рублей, на полгода — **4** р. **25** к.

„Финансовая жизнь“ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ. **„Финансовая жизнь“** журналъ, посвященный разработкѣ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ русской и заграничной жизни. **„Финансовая жизнь“** будетъ давать точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы, а также критическіе обзоры дѣятельности акціонерныхъ кредитныхъ учрежденій и промышленныхъ предпріятій, фондовыхъ и товарныхъ биржъ въ Россіи. **„Финансовая жизнь“** будетъ давать переодическія подробныя свѣдѣнія по горной, нефтяной и металлургической промышленостямъ, подѣламъ пароходства и по страховому дѣлу, а также отчеты предпріятій этихъ отраслей. **„Финансовая жизнь“** будетъ удѣлять и въ 1916 г. особое вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ нынѣшней міровой войной: дастъ обзоры финансоваго вліянія войны на отдѣльныя предпріятія и статьи, посвященныя предстоящимъ мѣропріятіямъ отечественной промышленности и торговли.

Въ журналѣ ведется спеціальный **справочный отдѣлъ** о времени общихъ собраній и выдачѣ дивиденда акціонерныхъ обществъ.

Контора редакціи: **Петроградъ, Невскій, 65. Телеф. 272-50, 659-40.**

Редакторъ-Издатель: канд. коммерч. наукъ **М. М. Коценъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1916** ГОДЪ

(Годъ изданія шестой)

на двухнедѣльный библіографическій журналъ

„ИЗВѢСТІЯ

Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО“

Программа „Извѣстій“: Списки новыхъ изданій книжнаго склада «Право». Систематическій указатель новыхъ книгъ по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Библіографія. Новости юридическаго книжнаго рынка. Перечень журнальныхъ статей по юридическимъ вопросамъ. Отзывы печати о юридическихъ трудахъ. Перечень книгъ, поступившихъ въ редакцію. Объявленія.

Подписная цѣна: 1 годъ—**1** руб., $^1/_2$ года—**50** коп., съ доставкой и пересылкой.

Адресъ главной конторы **«ИЗВѢСТІЙ»**—Юридич. книжный складъ **«ПРАВО»,**

Петроградъ, Литейный просп., 28.

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

IV-й годъ изданія.

на журналъ

ВѢСТНИКЪ

IV-й годъ изданія.

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА,

издаваемый **М. М. Винавером**ъ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

проф. **Д. Д. Гримма**, проф. **В. Б. Ельяшевича**,
проф. **М. Я. Пергамента**, проф. **І. А. Покровскаго.**

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня, іюля, августа и сентября, книжками объемомъ **10 листовъ** каждая.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ. Допускается разсрочка: **3** руб. **50** к. при подпискѣ и **2** руб. **50** к. къ 1-му мая.

Адресъ конторы: Петроградъ, Литейный пр., 28, книжный складъ „Право“, телефонъ 41—61.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Захарьевская, 25, кв. 14, тел. 522—50.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ИЗВѢСТІЯ

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

(пятый годъ изданія).

Въ 1916 г. журналъ будетъ выходить каждые два мѣсяца, книгами около 15 листовъ. Въ программу **„Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“** входятъ: международные договоры, заключенные Россіей; русское законодательство; международные договоры иностранныхъ государствъ; дипломатическая переписка; административная и судебная практика; консульскія донесенія; статьи, замѣтки и матеріалы по вопросамъ международнаго права, исторіи международныхъ сношеній и по внѣшней торговой политикѣ; библіографія.

Подписная цѣна — **6** руб. въ годъ, за границу — **7** руб. **50** коп. Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ — книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Мелье и К°) — Невскій, 20, Петроградъ. Редакція **„Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“** помѣщается въ Петроградѣ, Дворцовая пл., 6, зданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Редакторъ *Бар. Б. Э. Нольде.*

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 годъ

на ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ".

4-й годъ изданія.

Вышелъ № 1.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) ЖАРКОЕ ЛѢТО. — Разск. **А. Ремизова.** 2) СТИХОТВОРЕНІЯ — **Анны Ахматовой.** 3) СКРѢПА. — Разск. **А. Чапыгина.** 4) ГЕРОДА И МАРІАМНА. Трагедія. — **В. Волькенштейна.** 5) НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА. — **Ромэна Роллана.** СТИХОТВОРЕНІЯ — **Леон. Каннегисера.** 6) НОВЫЙ РОМАНЪ КНУТА ГАМСУНА. — **А. Гвоздева.** 7) МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ. — **Я. Тугендхольда.** 8) ИТОГИ ОСЕННЯГО МУЗЫКАЛЬНАГО СЕЗОНА. — **В. Каратыгина.** 9) БУРЖУАЗІЯ. — **Жана Жореса.** 10) ИЗЪ ДУМСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ. — **А. Керенскаго.** 11) МИЛИТАРНЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ. — **Виктора Чернова.** 12) МУКИ ВОЗРОЖДЕНІЯ. — **І. Бикермана.** 13) МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА. I. Общество «Кооперація» **Вл. Зензинова.** 14) ХРОНИКА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. I. Великій грабежъ. II. На мертвой точкѣ. — **Д. Заславскаго.** 15) ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1916 г. — **А. Леща.** 16) ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. «Кризисъ трудовой демократіи». — **И. Брусиловскаго.** 17) ЛЮБОПЫТНАЯ КНИГА. — Проф. **Е. Тарле.** 18) ХОЛОДНАЯ ВОЙНА. (Письмо изъ Италіи). — **В. С-на.** 19) БИБЛІОГРАФІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1916 г. съ доставкой и пересылкой на годъ — **7** р., на 6 мѣс. — **4** р., на 3 мѣс. — **2** р. **25** к. **Подписка принимается:** въ Главной конторѣ журнала Петроградъ, Загородный пр., 21, и въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Издательница *С. И. Чацкина.*

Вышла, разослана подписчикамъ и продается въ книжныхъ магазинахъ

4—5 (двойная) книга

НОВАГО ЖУРНАЛА МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕННИКЪ,

издающагося въ Петроградѣ подъ редакціей А. Н. Римскаго-Корсакова, при ближайшемъ участіи Ю. Вейсбергъ, В. Г. Каратыгина, проф. И. И. Лапшина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувчинскаго и Ю. Д. Энгеля,

посвященная цѣликомъ А. Н. СКРЯБИНУ.

Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к., съ пересылкой наложеннымъ платежомъ 4 рубля.

Въ виду полнаго израсходованія 1-й и 2-й книги и 1—9 выпусковъ «Хроники» журнала «Музыкальный Современникъ» годовая подписка на журналъ прекращена. Подписка принимается лишь съ 3-й книги журнала и съ 10-го выпуска «Хроники». Лица, подписавшіяся послѣ 1-го января 1916 года, получатъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ видѣ безплатнаго приложенія, оттиски: 1) очерковъ П. Столпянскаго «Музыка и музицированіе въ старомъ Петербургѣ» и 2) переписки М. Балакирева съ Н. Римскимъ-Корсаковымъ, — начатыхъ печатаніемъ съ первой книги журнала.

Подписная цѣна — 10 руб.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Петроградъ, Свѣчной пер., 2, кв. 12. Тел. 643-07.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

UNIVERSITY OF CHICAGO
097 923 760

Digitized by Google